

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

ОРУДИЯ
ТРУДА
И УТВАРЬ

ИЗ МОГИЛЬНИКОВ
ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЫ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ им. А. ДОНИША

МОГИЛЬНИКИ ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЫ

IV

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«НАУКА»

Б. А. ЛИТВИНСКИЙ

ОРУДИЯ ТРУДА И УТВАРЬ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЫ

(Археологические
и этнографические материалы по истории культуры
и религии Средней Азии)

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

902.6
Л64

Книга продолжает публикацию материалов раскопок могильников Западной Ферганы, содержит классификационные описания и анализ археологических находок, исследование различных производств, а также вопросов древней идеологии.

Л $\frac{10602-049}{013(02)=78}$ 124=77

© Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука", 1978.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	7
Глава I. НОЖИ	10
А. Классификация железных ножей первой половины 1 тыся- челетия н. э. и их эволюция	10
Б. Костяные трубочки	25
В. Оселки	28
Глава II. ТОПОРЫ, ЗЕМЛЕКОПАТЕЛЬНЫЕ ОРУДИЯ	29
Глава III. ЗЕРНОТЕРКИ И ЖЕРНОВА. МУКОМОЛЬНОЕ ДЕЛО	31
Глава IV. ОРУДИЯ ПРЯДЕНИЯ, ТКАЧЕСТВО	38
А. Пряслица (классификация и эволюция). Веретена	38
Б. Прядение	53
В. Ткачество	53
Глава V. ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ	60
Глава VI. ДЕРЕВЯННАЯ УТВАРЬ	62
А. Деревянная посуда. Столики	62
Б. Техника изготовления деревянных предметов. Назначение столиков и посуды	66
В. Плетеные изделия	70
Глава VII. КОЖАНЫЕ ИЗДЕЛИЯ	72
Глава VIII. ЗЕРКАЛА	73
А. Описание местных зеркал из исфаринских могильников и карамазарских курумов	73
Б. Вопросы классификации и хронологии среднеазиатских зеркал	75
В. Зеркало в погребальном обряде и верованиях древних ферганцев. Ручки среднеазиатских зеркал и культ близ- нецов	105
Глава IX. КОСМЕТИЧЕСКИЕ НАБОРЫ	127
А. Стерженьки для сурьмления	127
Б. Туалетные сосуды и коробочки	133
В. Уховертки, косметические пинцеты	136
Г. Гребни	138
ПРИМЕЧАНИЯ	141
ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	175
СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ МОГИЛЬНИКОВ	212
СПИСОК ТАБЛИЦ	213
ТАБЛИЦЫ	217

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Настоящая работа является одним из выпусков публикации материалов наших раскопок могильников Западной Ферганы, выходящих под названием "Могильники Западной Ферганы": вып. I — "Курганы и курумы Западной Ферганы (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии)". М., 1972; вып. II — "Керамика из могильников Западной Ферганы". М., 1972; вып. III — "Украшения из могильников Западной Ферганы", М., 1973. Описание раскопок составляет содержание первого выпуска и в последующих выпусках, в том числе и в данном, никакие сведения об этих раскопках, естественно, не повторяются. Отметим лишь, что комплексы могильников датируются I-II — V-VII вв.

Материалы об орудиях труда и утвари из раскопанных могильников, содержащиеся в опубликованных предварительных отчетах¹, носили самый общий характер. Лишь часть материалов главы VIII была опубликована в двух статьях². Предлагаемая вниманию специалистов работа была завершена в 1968—1969 гг. как часть большого исследования³ и сейчас издается с некоторыми изменениями и добавлениями.

В отличие от выпуска II, целиком посвященного одной категории материальной культуры — керамике, выпуск III включал более разнообразный материал (особенно с учетом условно включенных разделов о пряжках и фибулах). В еще большей степени это относится к настоящему, четвертому, выпуску. Он посвящен описанию и исследованию орудий труда и утвари (в том числе предметов туалета). Количество предметов разных категорий очень различно, отсюда большая разница в размерах соответствующих глав. При рассмотрении орудий труда автор привлекал данные о характере соответствующих производств.

Мы провели в 1951—1958 гг. раскопки могильников в тех районах Северного Таджикистана (ныне — Ленинабадская область Таджикской ССР), которые географически входят в Западную Фергану. В Западной Фергане помимо северотаджикских могильников также раскопаны могильники, находящиеся на территории Южной Киргизии. В настоящей работе исчерпывающе могли быть использованы лишь материалы из раскопанных нами могильников

Северного Таджикистана, только по ним могли быть произведены статистические подсчеты⁴. Учитывая, что найденные в могильниках Северного Таджикистана предметы сравнительно малочисленны, автор пытается привлечь, насколько это возможно, материалы из других могильников, как Западной Ферганы, так и остальных частей ферганского историко-культурного региона (Ферганская долина и Алай), и разработать классификационные и эволюционные схемы, учитывающие и включающие, хотя далеко неполно, как ферганский курганный материал в целом, так и материал из поселений.

В представляемой читателю серии книг отражен второй – историко-культурный аспект исследования материалов. Хотя предшествующий, первоначальный, этап – изучение и сопоставление самих погребальных комплексов и их статистическая обработка почти целиком остается за рамками публикации, именно он в значительной степени является базой всех наших хронологических построений. При этом следует вновь подчеркнуть сложность хронологического расчленения рассматриваемых могильников. Мы убеждены, что их окончательная хронология будет разработана на основе сопоставления курганных комплексов и комплексов стратифицированных поселений, раскопки которых в Фергане постепенно разворачиваются, в сочетании с разработкой комплексов статистическими (и кибернетическими) методами. В настоящее же время приходится довольствоваться весьма несовершенной, в первом приближении, попыткой решения этой задачи⁵. Разумеется, отдельные курганные комплексы и даже могильники могут быть датированы в сравнительно узких хронологических рамках⁶.

Исследование предметов из могильников Западной Ферганы ведется в тесной связи с соответствующими комплексами из долины Зеравшана, средней Сырдарьи, Семиречья, Хорезма и других частей Средней Азии⁷, а также прилегающих областей зарубежного Востока. Автор широко прибегал к сопоставлению с изученными сериями из других частей Евразии, особенно юга Европейской части СССР, Венгрии и Сибири. Генезис и предшествующие этапы эволюции в Средней Азии некоторых категорий рассматриваемых предметов освещены в других работах автора⁸.

Как и в предыдущих выпусках этого труда⁹, техника изготовления и функции тех или иных предметов и их групп изучаются с привлечением этнографических и иконографических материалов. Вековая традиционность народных ремесел в Средней Азии как в области техники изготовления, так и функций отдельных предметов дает дополнительные возможности для понимания археологических объектов. При этом ставится цель использовать археологические и привлеченные материалы в качестве источника для истории производства и истории материальной и духовной культуры (в ряде случаев – и для воссоздания эволюции некото-

рых разделов среднеазиатской материальной культуры от древности и вплоть до современности).

Некоторые предметы погребального инвентаря из западноферганских могильников в нашей работе рассматриваются и в плане тех древних религиозных представлений, которые они отражали или с которыми они были связаны. Особенно детально освещены верования, связанные с зеркалом. Специальный экскурс посвящен истокам культа божественных близнецов у народов Средней Азии.

**А. КЛАССИФИКАЦИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ НОЖЕЙ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э. И ИХ ЭВОЛЮЦИЯ**

Абсолютное большинство ножей из ферганских могильников (табл. 1-4) железные, причем принадлежат они к железным однолезвийным. Подавляющая часть их относится по нашей классификации (табл. 1) к двум отделам: первому — ножи миниатюрные и средние прямые, состоящему из пяти типов, и второму — ножи крупные прямые, включающему два типа. Имеется некоторое количество ножей, входящих в третий отдел, — ножи особых форм, куда, в частности, входят ножи с кривым лезвием.

Основным классификационным признаком служила форма ножевого полотна и размер ножа. Учитывалась также форма черенка, его посадка и характер перехода к лезвию. Черенки встречаются: плоские коротко-треугольные, вытянуто-треугольные и вытянуто-конические. Переход от черенка к лезвию плавный (без уступа) или уступчатый, соединение со спинкой лезвия такое же. Черенок бывает посажен симметрично, он продолжает ось лезвия или же его конец отклонен в ту или другую сторону.

В одном случае на вытянуто-треугольном черенке в средней части сквозная железная заклепка (диаметр 2 мм, выступание на 1,5 мм) для закрепления деревянной рукоятки.

Группа 1. Железные ножи

Отдел I. Ножи миниатюрные и средние прямые.

Тип 1. Ножи с узкой вытянутой лезвийной частью и прямой спинкой (табл. 1/1-4).

В могильниках Северного Таджикистана — 24 экземпляра. Типичный образец С-II-17/3. Симметрично посаженный плоский вытянуто-треугольный черенок, уступ к лезвию круче, чем уступ к спинке. Лезвие в виде равнобедренного треугольника. Напоминает кинжальчик, на самом деле — однолезвийный нож. Длина 130 мм, в том числе черенок 16 мм. Максимальная ширина лезвия 16 мм. В некоторых случаях черенок этого типа зани-

мает почти третью часть длины (КВ-3 а/1) (табл. 1/4). Среди этих ножей имеются экземпляры с коротко-треугольными черенками (НК-12/4) (табл. 1/1) и с вытянуто-коническими (НК-11/6); причем черенок иногда составляет одну линию со спинкой (НК-11/6) или же соединяется с ней плавным выгибом (КВ-2^а/6) (табл. 1/2). Есть ножи, очень напоминающие кинжальчик (ЧК-11-20/4, КВ-90/6). Наиболее крупные ножи в виде кинжальчиков с очень узким лезвием происходят из курумов (например, БДШ-32/1) (табл. 3/2).

Особые варианты этого типа с относительно широким лезвием и незначительно изогнутой спинкой (С-11-49/4), - скорее, переходная форма к типу 2.

Размеры этих ножей: из курганов - длина 110-135 мм, ширина лезвия 12-20 мм; из курумов - длина 145-157 мм, ширина лезвия 13-16 мм.

Тип 2. Ножи с узкой вытянутой лезвийной частью и округлой спинкой (табл. 1/5-6).

В могильниках Северного Таджикистана - 23 экземпляра. В одном случае (КВ-11) вытянуто-треугольный черенок имеет в средней части прогиб, а окончание поднято кверху, оно "хвостовидное" (табл. 1/6). Черенок, как правило, вытянуто-треугольный. В большинстве случаев спинка составляет одну линию с черенком, иногда соединена с ним смягченным уступом. Спинка выпукло-горбатая, несколько более закругленная близ острия. Лезвие прямое, обычно среднее или узкое, более широкое, чем в типе 1.

Размеры ножей из курганов: длина 75-120 мм, ширина лезвия 15-20 мм. Наиболее крупный нож - из курумов (БДШ-19/1), длина 150, ширина лезвия 19 мм, наиболее мелкий (БДШ-27) - длина 69 мм, ширина 14 мм (табл. 3/4,6).

Тип 3. Ножи с широкой лезвийной частью и круто опущенной спинкой (табл. 1/7-11).

Немногочисленный тип (6 экз.) - все миниатюрные. Черенок вытянуто-треугольный четко отделенный с двух сторон. Лезвийная часть или сужается незначительно, или совсем не сужается. В концевой части спинка круто опускается. Лезвие прямое, черенок иногда опущен вниз.

Все происходят из курганов; длина 80-90 мм, ширина 14-20 мм.

Тип 4. Ножи с узкой лезвийной частью и слегка вогнутой спинкой (табл. 1/12).

В могильниках Северного Таджикистана обнаружен всего один экземпляр этого типа (КВ-51/18), очень миниатюрный (длина ок. 60 мм, ширина лезвия 9 мм). Черенок подтреугольный, четко отделенный от лезвия, но без уступов. Спинка почти прямая, слегка вогнутая. Лезвийная часть у черенка выгибом резко сужается.

Тип 5. Ножи с широкой лезвийной частью, слегка вогнутой спинкой и широким концом (табл. 1/13).

В могильниках Северного Таджикистана обнаружен один миниатюрный экземпляр (КВ-16/17, может быть, сюда относится и фрагмент из КВ-24/4). Черенок коротко-треугольный, двуступчатый. Широкое к концу лезвие закругляется к спинке. Длина 80 мм, ширина лезвия 11-18 мм.

Отдел II. Ножи крупные прямые.

Тип 1. Узкие ножи со слегка округлой спинкой (табл. 1/14-16).

В могильниках Северного Таджикистана - 17 экземпляров. Это ножи типа небольших однолезвийных кинжалов. Напоминают по форме миниатюрные ножи типа 1, но значительно более крупные. Впрочем и среди них есть "промежуточные" - переход от миниатюрных к крупным, например С-II-12/6 - длиной ок. 175 мм, К-4/2 - 180 мм.

Лезвие подтреугольное в плане, очень вытянутое и узкое. Черенок чаще вытянуто-треугольный. Спинка обычно слегка округлая.

Варианты этого типа представляют скорее средние, чем длинные ножи, с более широким лезвием, в частности К-6/5, ЧК-1-39/4: длина 165-180 мм, ширина лезвия 25-26 мм. Иногда треугольный черенок соединяется без уступа, плавно (ЧК-1-39/2) (табл. 1/15). Спинка у некоторых резко опущена (КВ-50/3).

Размеры: у средних длина 175-180 мм, ширина 15 мм, у крупных длина до 240 мм при ширине лезвия 22 мм. Черенок относительно короткий: так, у одного из ножей при длине 195 мм длина черенка 20 мм.

Тип 2. Ножи с широкой лезвийной частью и прямой или слегка округлой спинкой (табл. 1/17-19).

В могильниках Северного Таджикистана - 7 экземпляров. Крупные, массивные ножи с широким лезвием, прямой или незначительно округлой спинкой. Черенок длинный, удлиненно-треугольный, отделен от спинки и лезвия уступами. Размеры: длина 250-270 мм (в том числе черенок 45-50 мм), ширина лезвия 30-35 мм. Но были, судя по фрагментам, и более короткие экземпляры.

Ножи отделов I-II преобладают в коллекции ножей Карабулакского могильника¹. Так, из кургана 83 происходят два ножа, варьирующих наш тип 1 отдела II. Более крупный - с прямой спинкой, узкий - с незначительной вогнутостью лезвия. Длина 285 мм, в том числе черенка 35 мм, ширина лезвия 15 мм. Второй нож с округленной к концу спинкой (длина 248, ширина лезвия 29 мм)². В Боркорбазском могильнике было 8 или 9 однолезвийных ножей, главным образом средних или крупных размеров³, принадлежавших к типам 1-2 отдела I и типам 1-

2 отдела II нашей классификации (табл. 2/7-11). Ножи из могильника Хангиз (табл. 2/13, 17) принадлежат к отделу I, в частности нож из кургана 36 - к типу 1, из кургана 27 - к типу 2⁴. В курумах Наманганской области имеются ножи типа 1 отдела I и типа 1 отдела II вышеприведенной классификации. Длина их 148-200 мм⁵. Один из ножей (табл. 2/16), найденных при случайных раскопках 1958 г. в мугхона в Чадаке, принадлежит по форме к отделу 1, типу 2, но выделяется своими размерами (длина 168 мм, черенка 50 мм, ширина полотна 17 мм)⁶. Однолезвийные железные ножи есть и в курганах могильника Тура-Таш⁷. Миниатюрные железные ножи (наш отдел I, типы 2-4) представлены в Гурмиронском могильнике (нож из кургана 9 имеет длину 89 мм, ширину лезвия 16 мм)⁸.

Отдел III. Ножи особых форм.

Тип 1. Ножи с широким лезвием в виде бритвы (табл. 1/20).

Очень широкое лезвие, незначительно суживающееся в передней части. Черенок вытянуто-треугольный, отделенный уступами от спинки и лезвия. В передней части спинка круто закругляется. В могильниках Северного Таджикистана - один экземпляр (К-39/9): длина 112 мм, ширина лезвия 35-40 мм.

Тип 2. Ножи с кривым лезвием (табл. 1/21-26).

В могильниках Северного Таджикистана - 5 экземпляров (два подтипа):

а) ножи с выгнутым (выпуклым) лезвием. Выгиб очень сильный. Лезвие постепенно сужается к концу, самый кончик резко отогнут к спинке. В поперечном сечении нож клиновидный. Черенок вытянуто-треугольный, в трех случаях (ВУ-10/4, НК-17/5 и НУ-5/2) черенок продолжает линию спинки, в одном - его конец отогнут к лезвию (КВ-11/10). От лезвия во всех случаях черенок отделен уступом.

Размеры: ВУ-10/4 (табл. 1/24) - длина 127, ширина 21 мм; КВ-11/10 (табл. 1/23) - длина 137, ширина 27 мм; НК-17/5 - длина 70, ширина 18 мм (табл. 1/26);

б) ножи с вогнутым лезвием. Имеющийся экземпляр (КВ-17/10) с почти прямой спинкой. Черенок отделен от спинки резким вытянуто-треугольным уступом. Лезвие клиновидное, конец отломан. Сохранившаяся часть имеет длину 115 мм, ширина лезвия 26 мм (табл. 1/22).

Сюда же можно условно отнести фрагмент железного серпа (?) из КВ-6/6 (табл. 1/21). Рукоять с двумя сквозными заклепками (их диаметр 5 мм, возвышаются над плоскостью на 5,5 мм). Прямоугольная в сечении рукоять отделена от лезвийной части сужением. Лезвие изогнутое, тонкое, клиновидное в сечении. Концы рукояти и лезвия отломаны. Длина фрагмента ок. 130 мм, ширина лезвия 20 мм.

Ножи с кривым, в частности выпуклым, лезвием имеются также и в Карабулакском могильнике⁹.

Из курумов Наманганской области происходит один нож — с лезвием на выпуклой стороне. Он очень тонкий, пластинчатый. Длина его 115 мм (в том числе черенка 32 мм)¹⁰.

Один изогнутый железный нож с лезвием на выпуклой стороне был найден А. Пошко в 1953 г. в женском погребении на ул. Тельмана в г. Оше. Наконец, следует упомянуть находку в погребении 3 верхнего могильника в Сымапе фрагмента лезвия бронзового (а не железного) кривого серповидного ножа¹¹.

Группа II. Бронзо-железные ножи

Уникальным является железный нож с бронзовой рукоятью из ВУ-5/3 (табл. 471). Бронзовая рукоять с кнопочным навершием состоит из двух половинок, стянутых тремя железными заклепками. Низ каждой половинки имеет вид полукруглого выреза, в средней части — два прямоугольных выреза-окошка, в которые вставлены деревянные пластинки. Средняя часть рукояти там, где располагаются вырезы, уплощенная, а верх и низ — округлые. Рукоять незначительно суживается кверху. Кнопочное навершие сверху плоское, снизу округло-граненое. Железное лезвие ножа зажато между половинками рукояти. Находящаяся снаружи часть лезвия обломана и сильно коррозирована, однако ясно, что нож был однолезвийным. Размеры: длина рукояти 84 мм, диаметр рукояти 10x14–15 мм, диаметр навершия 24 мм; общая длина ножа 162 мм.

Фрагмент верхней части половины бронзовой рукояти такого типа, но более миниатюрной происходит из С-II-44/5.

В погребении 8 Ширинсайского могильника была найдена «бронзовая цилиндрическая трубочка (длиною 4,8 см), внутри полая; одному ее концу (закрытому) придана шаровидная форма; другой конец открытый, внутри трубки и у ее открытого конца следы железа . . .»¹², не исключено, что эта бронзовая трубка — рукоять ножа. Ю. Д. Баруздин¹³ упоминает о находке в кургане 14 Карабулакского могильника однолезвийного железного ножа с бронзовой рукояткой (других данных об этом ноже у нас нет).

Рукоятки ножей были костяными и деревянными. Некоторые железные ножи, особенно небольших размеров, имели костяные рукоятки (рис. 4/2–3) в виде полых костяных трубочек (см. о них ниже, в специальном разделе). Широко применялись костяные пластинки-накладки, образующие рукоять. Так, из КВ-9/8 происходит прямоугольная пластинка с округлыми сторонами. По углам и в центре — дырки, в одной сохранилась железная заклепка. Ширина по краю 40 мм, ширина в середине 24 мм, предполагаемая общая длина ок. 100 мм (табл. 5/7). Из КВ-90/8 происходит уголок такой же рукояти, причем сохранились пластинки обеих сторон, скрепленные железной заклепкой.

На ножах и кинжалах Карабулакского могильника очень ча-

Распределение типов железных ножей по курганам и курумам
Северного Таджикистана

№ п/п	Могильник, курган	Отдел I					Отдел II		Отдел III	
		тип 1	тип 2	тип 3	тип 4	тип 5	тип 1	тип 2	тип 1	тип 2
1	ВУ-8		x							
2	ВУ-10									x
3	ВУ-32							x		
4	ВУ-34		x							
5	ВУ-40		x							
6	ВУ-46		x							
7	ВУ-52						x			
8	И-5		x							
9	И-42		x							
10	К-4						x			
11	К-6	x					xx			
12	К-37			x						
13	К-39		x						x	
14	К-80	x								
15	К-114						x			
16	КВ-2а	x								
17	КВ-3а	x								

№ п/п	Могильник, курган	Отдел I					Отдел II		Отдел III	
		тип 1	тип 2	тип 3	тип 4	тип 5	тип 1	тип 2	тип 1	тип 2
18	КВ-6							x		
19	КВ-7	x								
20	КВ-11		x							x
21	КВ-16					x	xx			
22	КВ-17	x					x			x
23	КВ-18		x							
24	КВ-24					x(?)				
25	КВ-26							x		
26	КВ-50						x			
27	КВ-51				x			x		
28	КВ-70						x			
29	КВ-73			x			xx			
30	КВ-74	x					x			
31	КВ-89							x		
32	КВ-90	x					x			
33	КВ-167							x		
34	Кех-4		x							
35	НК-2		x							

№ п/п	Могильник, курган	Отдел I					Отдел II		Отдел III	
		тип 1	тип 2	тип 3	тип 4	тип 5	тип 1	тип 2	тип 1	тип 2
36	НК-7		x							
37	НК-11	x								
38	НК-12	x								
39	НК-15	x								
40	НК-17			x						x
41	НК-18			x						
42	НК-19		x							
43	НУ-5									x
44	НУ-8	x								
45	С-II-11						x			
46	С-II-12						x			
47	С-II-17	x								
48	С-II-30	x					x			
49	С-II-45						x			
50	С-II-31		x							
51	С-II-36a		x							
52	С-II-41		x							
53	С-II-49	x								
54	С-II-53	x								

Распределение типов железных ножей по могильникам Северного Таджикистана

№ п/п	Могильник	Общее число	Отдел I					Отдел II		Отдел III	
			тип 1	тип 2	тип 3	тип 4	тип 5	тип 1	тип 2	тип 1	тип 2
1	Ворухское ущелье	7		4				1	1		1
2	Исфара	2		2							
3	Карабак	9	2	1	1			4		1	
4	Кех	2		2							
5	Кишлак Ворух	28	7	2	1	1	2	8	5		2
6	Навгилем (Калантар-хона)	9	3	3	2						1
7	Навгилем (Усто-мулло)	2	1								1
8	Чорку I	10	1	5	2			2			
9	Чорку II	3	1		1				1		
10	Сурх II	11	4	3				4			
11	Хазина-хона	1	1								
12	Ашт	2	1						1		
13	Бобои Дархан	2	1	1							
14	Дахана-Чарчанак	1	1								
15	Дашти-Шуробак	1		1							
16	Карамазар-сай	1	1								
	Всего ...	91	24	24	7	1	2	19	8	1	5
	В процентах	100	26,4	26,4	7,7	1,1	2,2	20,9	8,8	1,1	5,5

сто рукоять делалась из двух скрепленных заклепками костяных пластинок-накладок. Они имели просто прямоугольную форму (часто с уширением в конце), форму четырехгранника с длинными сторонами в виде вогнутых дуг, четырехгранника с дугами-вырезами в верхней части длинных сторон, с раздвоенным нижним концом, прямым или округло-выпуклым верхним концом. Размеры различны. Пластины рукояти одного кинжала имеют размер 66x9,7 мм¹⁴.

Нож из кургана 1 Боркорбазского могильника типа 1 отдела II вышеприведенной классификации (но с относительно длинным, а не коротким черенком) имел костяную рукоять-обкладку, составленную из двух пластин, прикрепленных друг к другу и к черенку тремя железными заклепками (рис. 2/7)¹⁵. Обломки костяной рукоятки ножа, окрашенной "светло-зеленым лакообразным составом", имеются среди находок с Фархадстрога (второй комплекс)¹⁶.

Наряду с этим очень широко применялись деревянные рукоятки как в ножах из Исфаринского, так и Карабулакского могильников. Один из ножей Карабулакского могильника имел овальную в поперечном сечении расширяющуюся снизу вверх рукоять¹⁷. Другой тип - деревянная пластинчатая рукоять. Деревянные пластинки прикреплялись к ножу из катакомбного кургана 69 Актамского могильника с помощью штифта¹⁸. С деревянными рукоятками были и некоторые ножи Боркорбазского могильника¹⁹. Следы деревянных рукояток отмечены на одном ноже из могильника Кара-Мойнак²⁰ и в Хангизском могильнике²¹.

Ножны были деревянными и кожаными. Остатки деревянных ножен, причем со следами раскраски, отмечены в Исфаринском и Карабулакском могильниках. В других случаях фиксируются кожаные ножны, причем в Ч-1/4 к устью ножен прикреплен узкий (8 мм в ширину) кожаный кантик или же, как это в НУ-7/9, - узкие листовые железные оковки. Железные оковки ножен встречены и отдельно. Так, например, из ВУ-44/8 происходит железная обойма, изготовленная из полосы шириной 13 мм. В плане обойма несимметрично-овальная, прямые концы были стянуты заклепкой. Размеры: длина 35 мм (в том числе собственно кольца 24 мм), ширина 18 мм. Более крупная обойма (с внутренней длиной ок. 35 мм) происходит из ВУ-32/2. Обойма, найденная в К-4/2, имеет внутри кольца обломанный кончик ножа.

Деревянные ножны были у ножей и у однолезвийных кинжалов Боркорбазского могильника. Ножны кинжала из кургана были окрашены в ярко-красный цвет. Ножны укреплялись железными обоймицами, у упомянутого кинжала их было две (табл. 2/8): в верхней части и в нижней трети. На сохранившейся стороне верхней обоймицы в средней части - гнездо. Обоймицы служили для украшения ножен и для привешивания кинжала²².

Следы деревянных ножен сохранились на ножах из могильника Тура-Таш, на кинжалах из того же могильника²³, на кинжалчике из Гурмиронского могильника²⁴. В верхнем могильнике Симап ножны были деревянные, покрашенные в красный цвет²⁵. Прекрасные образцы кожаных ножен дал Карабулакский могильник²⁶.

Для подвешивания ножей, кинжалов, мечей и колчанов служили железные крючки. Таков, например, найденный в КВ-17/9 железный крючок (длина 57 мм), изготовленный из граненого прута. Один конец его завернут в петлю, другой — откован в виде крючка. Один конец другого крючка (КВ-26/6) оформлен в виде кольца, он прикреплялся к ремню с помощью железной скобы.

Железный крючок, возможно от колчана, был найден в кургане 1 Боркорбаза. Верх его отломан. Длина сохранившейся части 75 мм, ширина 35 мм²⁷. Фрагменты железного крючка с кожаным шнурком есть в могильнике Хангиз²⁸, в кургане 9 могильника Кайрагач²⁹.

х х х

Ножи разных типов — одна из наиболее распространенных находок в курганах и других областей Средней Азии. Не приводя ссылок на все публикации и коллекции, ограничимся несколькими примерами.*

Ножи железные типа 1 отдела I есть среди инвентаря могильника у Вревской³⁰. Миниатюрные прямые ножички отмечены в катакомбах Пскентского могильника³¹. В Джунском могильнике были как будто и кривые ножи, но с лезвием на выпуклой стороне³². Серповидно-изогнутый нож (длиной 137 мм) найден в кургане 5 могильника Беш-Бай³³. Кривые ножи имеются и в Кую-Мазарском могильнике³⁴. В Лявандакском могильнике есть ножи с кривым лезвием, серпообразной формы, со слабым изгибом. Они имеют иногда кольцевое навершие или черенок. Длина ножей 200 мм. Ножи с кольцевыми навершиями О. В. Обельченко выводит из бронзовых прототипов³⁵. Тулхарский могильник дал большую коллекцию железных ножей, среди которых большинство с прямой или незначительно изогнутой спинкой (преимущественно типы 1-2 отдела I и типа 1-2 отдела II нашей классификации). Имеются также ножи с выпуклой спинкой, приближающиеся к слабосерповидным³⁶.

Миниатюрные образцы ножей длиной 80-90 мм с незначительно вогнутым лезвием и подтреугольным черенком есть в коллекции находок из верхнего слоя Кой-Крылган-калы (первые века н. э.)³⁷, а также в Якке-Парсане (УП-УШ вв. н. э.)³⁸. Ножи с кривым, чаще незначительно вогнутым лезвием есть и в пенджикентской коллекции³⁹. Миниатюрный железный серп (длина по прямой 130 мм) с прямоугольной головкой и двумя

двусторонними заклепками для прикрепления рукоятки встречен в Пенджикенте (табл. 2/3)⁴⁰. Такой же серп (длиной ок. 140 мм), но с одной заклепкой на рукояти — на Чакалак-тепе (слой УІ-УІІІ вв.)⁴¹. Вообще, следует отметить, что на поселениях были в употреблении ножи тех же типов, что и в могильниках⁴².

Деревянные рукоятки отмечены, в частности, у ножен из Куя-Мазарского могильника⁴³. Следы деревянных рукоятей сохранились на ноже из могильника Айгырджал⁴⁴, на ноже из могильника у Вревской⁴⁵, ножах из катакомб Пскентского могильника⁴⁶.

Остатки деревянных ножен также встречены в разных районах: в могильнике у Вревской⁴⁷, в могильниках Карабулун⁴⁸, Чим-Бас⁴⁹. Там же найдены остатки деревянных ножен с железной обоймой⁵⁰. В Тулхарском могильнике ножи были в деревянных, реже кожаных ножнах⁵¹. В тюркское время в Семиречье "ножны делали из одного бруска, который сперва раскальвали надвое, а затем долбленные половинки складывали и скрепляли"⁵².

Что же касается крючков для подвешивания, то и они встречаются в ряде могильников. Ограничимся парой примеров. В кургане 4 могильника у Вревской (раскопки 1947 г.) был найден железный крючок с одним петельчатым концом и двумя направленными в разные стороны крючками на другом конце (длина предмета 60 мм)⁵³. В тюркских комплексах из Семиречья есть интересный бронзовый крючок. На его массивной головке с двух сторон — лунки-гнезда, в которых закреплялись концы кольца⁵⁴.

Следует сказать несколько слов о вероятном назначении ножей с кривым лезвием. Б. А. Куфтин, рассматривая кавказские серповидные ножи с вогнутым лезвием, пришел к заключению, что функциональное их назначение может быть весьма разнообразное, среди них были и садовые ножи и "виноградные серпы" и др.⁵⁵. "Виноградные серпы" хорошо известны и по находкам в античном Причерноморье⁵⁶. Совсем иное назначение было, по-видимому, у сарматских ножей серповидной формы⁵⁷. Можно также привести некоторые этнографические данные. У алтайцев заготовка сена производилась в небольших размерах, при этом траву резали кривыми ножами; ножами же резали траву тувинцы⁵⁸. Следует добавить, что этими ножами, с вогнутым лезвием, могли производить и стрижку шерсти. До изобретения ножниц шерсть вырывали или срезали ножами⁵⁹. На юге Средней Азии, как показали наши раскопки на Туп-хона, ножницы (пружинного типа) появляются уже на рубеже н. э., в Фергане они могли войти в повсеместное употребление много позже⁶⁰. Наконец, такие ножи, подобно хорезмийским серповидным ножам кашкарт, могли использоваться в кожевенном производстве^{60а}.

Вероятнее, назначение ножей с выпуклым лезвием раскрывают археологические и этнографические параллели. Письменные источники древней Руси сохранили известие о наличии особых

"усморезных" ножей ("усма" — выделанная кожа). Эти раскроечные ножи известны и в археологическом материале Древней Руси — это особый тип железных кривых ножей с рукоятью, приспособленных, чтобы производить резание от себя⁶¹; различаются несколько видов таких ножей⁶². По форме и по величине рабочего лезвия ферганские ножи близки некоторым типам древнерусских "усморезных" ножей⁶³, но имеют иную рукоятку. Судя по черенку ножа из КВ-11/10, конец которого отогнут вниз, ферганские ножи с насаженными (костяными?) рукоятками были, скорее всего, приспособлены для резания кожи движением к себе (а не от себя, как древнерусские, черенок которых нередко оканчивался специальной подушкой).

Однако эту догадку о назначении ножей с выпуклым лезвием мы не рассматриваем как единственно возможную. Не менее вероятно, что эти ножи использовались при изготовлении деревянной посуды, тем более что они похожи на киргизские изогнутые ножи и йди, служившие именно для этой цели⁶⁴.

Что же касается костяных рукоятей, то в виде трубочек и накладных пластинок они широко были распространены у сарматов, особенно в первые века н. э., причем особенно характерны они, по М. Г. Мошковой, для позднесарматского периода⁶⁵. Полые костяные рукоятки подпрямоугольные в сечении с циркульным орнаментом известны и в причерноморских городах⁶⁶.

Наконец, следует остановиться на бронзовых рукоятях типа ВУ-5. Их костяные прототипы известны для сарматского времени. Так, в сусловском кургане № 7 (II-III вв.) железный нож снабжен костяной точеной рукоятью, которая "имеет навершие в виде изящного костяного кружка"⁶⁷. В кургане 11 Аткарского могильника в погребении, видимо, относящемся ко II-IV вв., есть однолезвийный нож с костяной орнаментированной рукоятью. Она имеет четко выделенное кнопкообразное навершие и, судя по рисунку, как будто состояла из двух половинок, скрепленных заклепками. Внизу ручка завершалась полукруглым вырезом⁶⁸. В кургане А-6 у Блюменфельда округлая костяная рукоять двусоставная, с кнопчным навершием и полукруглым вырезом в основании. Между половинками зажат черенок железного ножа, они скреплены тремя заклепками⁶⁹. В одном из раннесредневековых погребений Мингечаура также имеется костяная рукоять с кнопчным навершием, но эта рукоять цельная, с каналом для вставления черенка⁷⁰.

В кургане 1 Агаповского могильника (II-IV вв.) найдена бронзовая рукоять кинжала, по своей форме аналогичная рукояти из ВУ-5, в том числе с прямоугольными вырезами, с окошками, но, судя по рисунку⁷¹, — односоставная (?). В кургане 73 Второго Бережновского могильника был найден "железный нож с бронзовой рукоятью, обложенной костяными пластинками, прикрепленными по концам штифтиками". Навершие расширяющееся,

отчасти напоминает knobочное. Курган датируется позднесарматским временем⁷². Укажем в заключение на находку абсолютно идентичной ворухской бронзовой рукояти с деревянными вставками в Казани⁷³. Появление таких рукоятей в Средней Азии, очевидно, объясняется сарматскими связями, причем в Фергане эти рукояти датируются, по-видимому, временем не ранее III-1У вв. (может быть, и более поздним).

Для выяснения эволюции железных ножей отправным пунктом может явиться рассмотрение ножей из фергано-памирских могильников раннежелезного века. Это небольшие однолезвийные ножи со слабовыделенным черенком или без него. Как совершенно справедливо отметила Н. Г. Горбунова, формы этих ножей "... могут быть генетически связаны с формой бронзовых ножей предшествующего этапа и отличаются от железных ножей, распространенных позднее в Фергане"⁷⁴. Нам приходилось писать о том, что действительно прослеживается прямой перенос форм бронзовых ножей в железо⁷⁵. С другой стороны, характерная для ножей рубежа н. э. — первой половины I тысячелетия н. э. форма четко отделенного короткого черенка еще не была выработана⁷⁶. Судя по имеющимся материалам, в последние века до н. э. — на рубеже н. э. вырабатываются несколько типов ножей крупных, средних и миниатюрных. Эти ножи были более распространены с первых веков н. э.

В 12 курганных комплексах Северного Таджикистана встречается по два и больше ножей. Была составлена таблица (типа турнирной), показывающая частоту совместной встречаемости разных типов ножей. Всего они сочетаются 15 раз, причем из этого числа пять сочетаний приходится на сочетания типов I/1 и II/1. Кроме того, зафиксированы одинарные сочетания следующих типов:

I/1 - I/2	I/2 - III/2
I/1 - I/3	I/3 - II/1
I/1 - II/2	I/4 - II/2
I/2 - I/3	I/5 - II/1
I/2 - III/1	II/1 - III/1

Из этих сочетаний вытекает бесспорная синхронность ножей типа I/1 и II/1, которые очень близки по форме, отличаясь преимущественно размерами. В четырех случаях в курганных комплексах отмечено совместное нахождение ножей разных отделов — I и II, в двух случаях — отделов I и III.

Как показывает таблица распределения ножей по могильникам Северного Таджикистана (см. стр. 19), три четверти общего числа составляют ножи типов I/1, I/2 и II/1. При этом обращает внимание следующее обстоятельство. Корреляционная связь между этими типами, несмотря на примерно одинаковое количество, совершенно различна. Уже указывалось, что типы I/1 и II/1

связаны между собой высокой корреляционной зависимостью (5 единиц), тогда как даже если брать суммарную встречаемость ножей типов I/1 и II/1 с ножами типа I/2, то она характеризуется 2 единицами. К тому же если в могильниках НК и С-II типы I/1 и I/2 встречены в одинаковых или примерно одинаковых количествах, то в ЧК-I резко преобладают ножи типа I/2, а в могильниках Кех, И, ВУ тип I/1 отсутствует, но есть тип I/2. Это наводит на мысль, что типы I/1 и I/2 не совсем синхронны, а учитывая вытекающую из корреляций безусловную синхронность ножей типов I/1 и II/1, можно высказать предположение, что оба этих типа не совсем синхронны с I/2. Следует отметить, что в целом по всем могильникам ножи типа I/2 составляют примерно четверть общего числа ножей, тогда как суммарное количество ножей типов I/1 и II/1 приближается к половине.

Высокая корреляционная встречаемость типов I/1 и II/1 находит объяснение — ножи эти чрезвычайно близки по форме, отличаясь, по существу, лишь размерами. Что же касается типа I/2, то он дает иную форму, типологически более раннюю, примыкающую к формам ножей из памятников I тысячелетия до н. э.⁷⁷. При этом следует учесть два обстоятельства: 1) в более раннем могильнике ВУ тип I/2 представлен 57,1%, а тип I/1 отсутствует; 2) в более позднем КВ тип I/2 составляет 7,1%, в то время как тип I/1 — 25%, а типы I/1 и II/1 — суммарно 53,5% (при 14% в могильнике ВУ).

Итак, хотя недостаточная представительность комплексов ножей (лишь в КВ-28 экземпляров, в остальных — значительно меньше) заставляет нас воздержаться от окончательных выводов, все же можно предположить, что тип ножей I/2 был непосредственным "наследником" (или одним из "наследников") ножей I тысячелетия до н. э. Вместе с тем нужды хозяйственной деятельности и быта объясняют в первой половине I тысячелетия до н. э., в условиях массового распространения железных орудий, факт параллельного существования нескольких типов ножей, мелких, крупных и специализированных.

Б. КОСТЯНЫЕ ТРУБОЧКИ

Обработка кости и рога возникла в Средней Азии в глубочайшей древности. В Фергане она достигла высокого совершенства уже в период бронзы, когда, в частности, из трубчатых костей изготовлялись рукоятки⁷⁸.

В ферганских могильниках эпохи раннего железа встречаются разные изделия из кости и рога. Среди них есть изделия со сложным орнаментом, как, например, роговая пластинка (по-видимому, накладка ножен акинака) из Актамского могильника с условно-схематизированным изображением человека, костяные пряжки, трубки (украшения конской узды?), трубки-рукоятки и др.⁷⁹.

Многочисленные изделия из кости и рога происходят из ферганских могильников рассматриваемого времени — это полые костяные трубочки, оконечники ремня и др. Рукоятки костяные полые и игольники костяные представлены в могильниках Северного Таджикистана большим числом экземпляров (24), причем за двумя исключениями — все из Исфаринского района (табл. 5/1-14). Они сделаны из трубчатых костей животных. Длина изделий от 48 до 80 мм. Трубки имеют форму параллелепипеда или слегка суживающейся к одному концу призмочки. В одном случае изделие в виде призмочки резко расширяется к обоим концам и суживается к середине. В поперечном сечении они бывают строго прямоугольные или со скруглением у ребер (таких большинство), встречаются и овальные. Размер сечения в середине от 8x8 до 15x12 мм. Изделия тщательно отделялись, поверхность заполировывалась и примерно в четверти случаев орнаментировалась. На изделии из КВ-2/1 (табл. 5/13) все четыре грани украшены кружками с точками в центре (на узких гранях по три, на широких по пять орнаментальных кружков). На других изделиях встречается точечный орнамент: точечные линии, сплошное покрытие точками, а также зигзагообразные линии. На костяной трубке, происходящей из НК-14, одна грань украшена зигзагообразной линией, окруженной точками (табл. 5/8).

У изделия из КВ-90 на одной грани, близ края, круглое отверстие диаметром 4 мм, очевидно для привешивания (табл. 5/9). Выделяется очень широкая полая цилиндрическая трубка длиной 46-52 мм, диаметром 21-24 мм и внутренним диаметром 16-18 мм (КВ-16) (табл. 5/1).

В ряде экземпляров внутри сохранилось железо. В ВУ-46/3 это фрагмент коррозированной иглы. Она находится внутри полого костяного изделия, имеющего форму параллелепипеда со скошенными ребрами (длина трубки 49 мм, сечение 10x12 мм).

Совершенно аналогичные исфаринские трубчатые рукоятки и игольники найдены в Карабулакском могильнике, причем совпадает и орнамент (циркулярный, зигзагообразный и др.), имеется орнамент и в виде вертикальных линий⁸⁰. Полые костяные трубочки имеются в курганах Гурмиронского могильника (раскопки А. Н. Бернштама)⁸¹. По сообщению Ю. Чуланова, при раскопках 1958 г. в Гурмироне встречались на значительном расстоянии от ножей такие полые трубочки, внутренность которых была заполнена железом, т. е. они были игольниками. Полые костяные трубочки найдены также в кургане 9 могильника Кара-Мойнак⁸². В погребении 2 Ширинсайского могильника был найден, как сообщает В. Ф. Гайдукевич, железный нож с "короткой круглой костяной ручкой"⁸³.

Такие полые трубочки встречаются и за пределами Ферганской долины. Так, в курганах 3 и 4 могильника у Вревской (раскопки 1947 г.) были найдены железные ножи с остатками ко-

стяных рукояток, покрытых кружковым орнаментом⁸⁴, известна одна такая находка и в Джунском могильнике⁸⁵. В кургане 1 могильника Кара-Саз найдена костяная трубочка подчетыреугольного сечения с точечным орнаментом на поверхности⁸⁶. Костяная трубка-рукоятка длиной 82 мм, диаметром 13 мм найдена в кургане 7 Кую-Мазарского могильника. Ее поверхность покрыта валиками и косыми насечками⁸⁷. Костяной игольник (ручка шила?) найден в кургане 1 могильника Кизыл-Чешма⁸⁸. Костяные с отверстиями рукоятки для ножей имеются в верхнем слое Кой-Крылган-калы (первые века н. э.)⁸⁹. Следует также отметить факт их обнаружения в кургане 1 могильника Аличур I и в кургане 5 могильника Харгуш II (последняя — с дырочкой для подвешивания и тщательно подрезанными краями)⁹⁰.

Большинство костяных трубочек подвергалось тщательной отделке. Края обрезались ножом, который при этом держался не вертикально, а наклонно. Мастеру не всегда удавалось сделать вполне аккуратный срез, в некоторых случаях на поверхности оставались "зарезы" или углубленные линии, по которым первоначально собирались резать, а затем сделали отступ (особенно четко это видно на изделиях из KB-188 и KB-181). Иногда можно заметить, что кость прорезалась не на всю глубину, а затем отламывалась (например, KB-26/13). В некоторых случаях эти торцовые срезы полировались, иногда лишь на одном торце.

Кружковый орнамент наносился каким-то циркульным инструментом. Можно отметить, что центральная точка углублена намного сильнее, чем линия окружности, узкое кольцо между центром и окружностью также немного срезано. Применявшийся в Фергане циркульный инструмент, может быть, был подобен древнерусскому инструменту, имевшему, по словам Б. А. Рыбакова, вид маленького железного двузубца (или трезубца), "одна ножка которого ставилась на место точки, а другая описывала вокруг нее окружность"⁹¹.

Каково назначение этих трубок? Относительно обрезанной трубчатой кости барана из кургана 7 Джунского могильника Г. В. Григорьев высказал предположение, что она могла служить "для сохранения косметики или иголок"⁹². Ю. А. Заднепровский считает, что они, вероятно, служили рукоятками⁹³. Нам пришлось несколько раз останавливаться на этом вопросе. Безусловно, часть таких трубочек служила игольниками. В этом убеждают нас и этнографические параллели. У хуфцев имелись игольники, сделанные из "... сложенного вдоль ремешка, зашитого внизу, и надетой на него палой костяной трубочки, в которой удобно хранить иголки"⁹⁴. Эти игольники хуфцев абсолютно точно напоминают многие из полых трубочек, найденных при раскопках. С другой стороны, в ряде случаев эти трубочки располагались в курганах рядом с ножами или даже были надеты на черенки⁹⁵, что документирует их применение в качестве рукояток ножей и шильев.

В. ОСЕЛКИ

В раскопанных нами западноферганских могильниках оселки (табл. 6) трех форм: усеченно-четырёхгранно-пирамидальной, усеченно-трёхгранно-пирамидальной и пластинчатые. Из КВ-24/8 происходит оселок тщательной выделки в виде усеченной четырёхгранной пирамидки с широким сквозным отверстием грани. Размеры оселка: длина 96 мм, сечение в нижней части 19x24 мм (табл. 6/4). Такой же оселок, но более неправильной формы происходит из Ашт-Вес. (длина 65 мм, основание 18x21 мм)⁹⁶. Особенностью оселка из ПБ-24 является его уплощённость и округленность верхнего конца (табл. 6/9). Оселок из НУ-6/7 сделан в виде треугольной пирамидки, одна грань которой вышерблена, остальные были рабочими.

Остальные оселки – в виде узких или широких пластин, чаще всего подпрямоугольной или трапециевидной формы, длиной от 50 до 120 мм, сквозное отверстие в верхней части узкой или широкой грани.

Оселки встречены и в других ферганских могильниках. Так, оселки с дыркой встречены в могильнике Тура-Таш⁹⁷, в курумах Наманганской области⁹⁸, в кургане 7 могильника Кара-Швак, в могильниках Кайрагач⁹⁹, Кайнават II¹⁰⁰ и др.

Нет необходимости приводить перечень этих находок в могильниках других областей. Как нам приходилось писать¹⁰¹, пластинчатые каменные оселки с отверстием для привешивания или без него были распространены в Фергане уже в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Оселки типов, выработанных в эпоху бронзы и раннего железа, продолжали в Фергане существовать и в последующие века.

Для первой половины I тысячелетия н. э. известны отдельные экземпляры железных рабочих топоров. Таков, например найденный в могильнике ЧК-I-I/4 клиновидный топор с продольно-изогнутым лезвием и несколько отведенным назад обухом. Лезвие тонкое, щеки обушной части резко выступают над плоскостью лезвия. Лезвийная часть незначительно расширяется сверху вниз. Длина топора 17, ширина лезвия 5,6 см.

В кургане 24 Карабулакского могильника, в бревне арчи, был найден железный топор весом ок. 2 кг. По словам Ю. Д. Баруздина, "топор имел короткое клиновидное лезвие, широкий овальный обух и цилиндрическое отверстие для рукоятки. По форме и способу прикрепления его к ручке он напоминал современный колун"¹. Третий топор происходит из погребения 3 верхнего могильника в Сымапе. Это железный клиновидный топорик с несколько оттянутой назад лезвийной частью, округлым и овальным проушным отверстием². Длина топора 14,2 см.

Топоры иногда встречаются и в сарматских захоронениях. Так, железный проушной топор найден в позднесарматском (III в. н. э.) погребении на правом берегу Кубани³.

Находки топоров известны и на среднеазиатских поселениях, в частности на ташкентском Ак-Тепе⁴ и в Чильхуджре⁵. Последний имел граненый обух и по размерам (длина 22,3 см) превосходил чоркуйский, тогда как первый был значительно меньше (длина 12,4 см).

Рассмотренные выше топоры использовались для рубки деревьев и в плотничьем деле. Для копания могильных ям и других земляных работ должны были употребляться специальные землекопательные орудия. Они, по-видимому, должны были быть железными, но в могильниках не встречены. О характере этих орудий можно судить в какой-то степени по следам на стенках могильных ям. Изучение могильных ям Карабулакского могильника позволило Ю. Д. Баруздину сделать заключение, что при рытье употреблялись орудия трех типов (следы их остались на стенках): "1) орудия круглые или овальные в разрезе типа лома шириной от 2 до 3 см, 2) орудия типа лопаточки шириной от 6 до 13 см". Следы работы орудиями этих типов имеют длину до 15 см. Ору-

дие третьего типа оставило следы шириной до 5 см и длиной не больше 8 см. По мнению Ю. Д. Баруздина, это было орудие типа современной узбекской теши⁶. На стенках могильной камеры кургана 6 в Куруксае — следы, напоминающие те, что Ю. Д. Баруздиным описаны под № 1. Однако, как нам представляется, они могли быть оставлены и узким тесловидным орудием.

Катакомбы Кенкольского могильника вырубались орудием, по словам А. Н. Бернштама, похожим на "современный киргизский чот". Найдена его рукоятка. Ширина рабочего края 3–5 см⁷. Как считает А. К. Кибиров, при устройстве чаткальских катакомб употреблялось то же тесловидное орудие, что и в Кенколе. Рабочий край этого орудия достигал ширины 5 см⁸. На стенках подбоя кургана 3 могильника Турасу — следы землекопательного орудия, по мнению того же исследователя, по-видимому, нечто вроде современной кирки или кирки-теши⁹.

С эпохи бронзы зернотерки встречаются не только на поселениях, но и в погребениях. Так, в относящемся к эпохе поздней бронзы кургане З Джунского могильника в насыпи найден обломок каменной зернотерки¹. Зарегистрировано несколько случаев обнаружения зернотерок в курганах для более позднего времени — первой половины I тысячелетия н. э. На Большом Ферганском канале в погребении на пикете 481 строительного участка 21 обнаружена крупная каменная зернотерка², встречены они также в могильниках Южной Киргизии — Кара-Булак и Туюк, в кетмень-тюбинском могильнике Торкен. За пределами Ферганы следует указать на Таласскую долину, где в могильниках встречено четыре зернотерки³, илийский могильник Джуантюбе II⁴, могильник Акджар-тепе в Зеравшанской долине⁵, могильник Хас-Кяриз в Южной Туркмении⁶ и др. Чрезвычайно обильны находки зернотерок и на поселениях первой половины I тысячелетия н. э. В Ай-Ханум, в слое III-II вв. до н. э., обнаружены жернова типа "прямоугольных толкачей". Несколько позже появляются и распространяются вращающиеся жернова. Но когда именно?

Из КК-6 (камера 1) происходит очень небольшой ручной вращающийся жернов (нижний) диаметром 24 см, при толщине 5 см (табл. 7/1). Рабочая сторона жернова плоская, противоположная — слабовыпуклая. Датировка кургана — I в. до н. э. — I в. н. э. Совершенно аналогичный жернов найден в кургане З Чильпекского могильника. "Он имеет вид круглого хлеба диаметром 22 см, с выпуклой верхней поверхностью и плоской нижней, зашифрованной в результате употребления"⁷.

На основании нескольких находок, хронологическое определение которых было нечетким, до недавнего времени считалось (в частности, эту теорию развивал Чайлд), что ручные жернова с вращательным движением появились уже в конце II тысячелетия до н. э. в Сирии и вообще в Восточном Средиземноморье; жернова были очень маленькие и служили для растирания красок, причем первоначально верхний жернов приводился в движение рукой вперед и назад; круговое вращательное движение стало возможно лишь после того, как он был снабжен ручкой. Из древне-

го Ближнего Востока ручные жернова медленно распространились в Эгейский бассейн⁸. Затем проблема появления и эволюции была вновь рассмотрена Л. А. Моришем. Проанализировав доводы Чайлда, Л. А. Мориш убедительно показал, что дата изобретения ручных вращающихся жерновов была принята слишком ранней. На самом деле, как он считает, нет основания говорить об изобретении мельницы в Восточном Средиземноморье. Письменные свидетельства и археологические данные указывают на Западное Средиземноморье, вероятно на Испанию, причем в Риме эти мельницы были введены около середины II в. до н. э. после завоевания Испании⁹. Последующие находки, однако, показали, что древнейшие вращающиеся жернова были в употреблении в Сицилии (раскопки в Моргантине) в III в. до н. э.¹⁰. Во всяком случае, уже в I в. до н. э. эти жернова широко распространяются по Западной Европе¹¹. Именно в это время они появляются и в Причерноморье¹². В Индии самые ранние ручные жернова в Таксиле относятся к I в. н. э., и они не известны, по данным Маршалла, на более ранних поселениях, хотя очень часто встречаются на более поздних – в раннесредневековых монастырях. Из слоя II Сиркапа происходит ручной жернов диаметром ок. 43 см с отверстиями для двух рукояток. Среди более поздних образцов, относящихся к V в. н. э., имеются жернова усовершенствованной конструкции¹³.

По предположению С. П. Толстова, время распространения ручных жерновов в Хорезме падает на I–II вв. н. э. Они уже представлены в подъемном материале с Аяз–Калы (II–III вв. н. э.) и "господствуют", как указывает С. П. Толстов, в Топрак–Кале (III в. н. э.)¹⁴. В то же время, что и в Хорезме, ручные жернова распространяются и в Бухарском оазисе¹⁵.

Однако было бы неосторожным связывать появление ручного вращающегося жернова в Средней Азии с распространением сюда этого изобретения из Средиземноморья; типологически среднеазиатские жернова очень отличаются от более развитых раннеримских.

В Китае также очень рано появляются вращающиеся ручные жернова. В ханьских гробницах встречаются модели ручных жерновов, причем уже в I в. н. э. Используя и письменные источники, китайские археологи настаивают, что ручной жернов употреблялся значительно раньше – еще в эпоху Цинь (221–207 гг. до н. э.). Й. Нидхэм высказывает компромиссную точку зрения, впрочем без достаточной аргументации, что ручной жернов был в широком употреблении в Китае в период первой половины II в. до н. э.¹⁶ Но, скорее всего, распространение этого изобретения следует датировать I в. до н. э. – рубежом н. э.

В Южной Сибири, по данным Л. Р. Кызласова, нижний жернов ручной мельницы вместе с курантом зернотерки найден в тагарском кургане III в. до н. э., а в погребении I в. до н. э.

(шурмакская культура) обнаружена ручная мельница, состоящая из двух жерновов¹⁷.

Интересны рассуждения Й. Нидхэма о возможном происхождении ручного вращающегося жернова. "И тут перед нами встает, — пишет он, — сложный вопрос: диффузия или местное изобретение?" Он считает, что трудно признать вероятность практически одновременного зарождения столь сложного орудия производства в двух отдаленных регионах, и выдвигает предположение, что изобретение имело место не в Средиземноморье, не в Китае, а в "некоем географически промежуточном районе, таком, как Персия или Месопотамия, откуда это фундаментальное открытие могло распространиться в обе стороны"¹⁸. Разумеется, пока эту точку зрения очень трудно обосновать, но исключить вероятность такого решения также нельзя. Для решения этого вопроса имеют исключительно важное значение материалы из раскопок Б. Н. Аракеляна на Армавире, где удалось обнаружить в послеурартских слоях переходные формы от зернотерки к ручному жернову¹⁹.

Первые среднеазиатские жернова относятся к I в. до н. э. — I в. н. э. Как показывают курганные находки, они были очень миниатюрными. Они очень отличаются от жерновов II–IУ вв. н. э., когда наряду со сравнительно мелкими²⁰, появляются уже жернова средних размеров.

При раскопках в Гяур–Кале у северных ворот был обнаружен комплекс построек, по-видимому ремесленный квартал мукомолов, где было найдено множество ручных жерновов, большей частью из кварцитов. Верхний диск имел размер 30–40 см, нижний несколько меньше — 28–32 см. Находки зернотерок в этих помещениях единичны. Время жизни квартала — II–IУ вв., расцвет падает на III в.²¹.

При наших раскопках на Яванском городище Горав–Кала была выявлена группа небольших помещений III–IУ вв. н. э., по-видимому ремесленно-хозяйственного назначения. Помимо бытовой керамики в них имеется огромное число хумов. Здесь найдено также около двух десятков жерновов. Диаметр их колеблется от 28 до 34 см, толщина в центральной части 3–18 см. Не исключено, что здесь, как и в Гяур–Кале, был квартал мукомолов.

Как и в Кашка–Дарье²², в Бактрии в III–IУ вв. жернова еще продолжали "сосуществовать" с зернотерками²³. На упомянутом городище Горав–Кала количество зернотерок даже превышало (правда, незначительно) количество жерновов, но если учесть парность последних, то разница получается вполне весомая: жерновов было примерно в два раза меньше, чем зернотерок. Такое "сосуществование" можно отметить для некоторых областей и для более позднего времени — например, для низовьев Сырдарьи²⁴.

В IУ–У вв. заметна тенденция к увеличению размеров ручных

жерновов. Выше уже говорилось о сравнительно крупных жерновах из Гяур-Калы. В Кобадиянском оазисе для IY-У вв. зарегистрированы жернова диаметром до 40-50 см²⁵.

В Калаи-Кафирнигане в помещениях VII-VIII вв. наряду с жерновами диаметром 28-30 см встречаются жернова диаметром 42-52 см, но преобладают жернова размером 30-40 см.

В пенджикентском комплексе диаметр жерновов колеблется от 26 до 38 см, толщина от 5 до 28 см. Характерно, что преобладают жернова с диаметром 30 см и выше. Кроме того, в это время на жерновах появляются радиальные желобки.

В Гяур-Кале нижний жернов "неподвижно закреплялся в установке из клиновидных жженных кирпичей, частично при помощи глины" (иногда, как это было на Халкаджаре, для этого использовался и ганч). К. Кацурис и Ю. Буряков, привлекая туркменские этнографические материалы, предполагают, что в углублении верхнего жернова крепилась деревянная палка-штырь, к верхнему же концу штыря привязывалась веревка (или веревки), закрепленная на углах стен комнаты, где стояли жернова. В результате получался своеобразный рычаг²⁶. В этнографии отмечены случаи, когда верхний конец длинного рычага - деревянной палки-рукоятки - вставлялся в специальное отверстие в потолке²⁷.

В средневековой Англии использовались так называемые rot quern. Аналогичные устройства до недавнего времени употреблялись в Иране. Нижний жернов закреплялся неподвижно на полу кирпичного помещения. Под полом, в нижнем (или подвальном) помещении в стены горизонтально вставлено бревно, на которое опирается штанга (=ось), которую с помощью клиньев можно поднимать или опускать. Ось проходит сквозь центральное отверстие в нижнем жернове и с помощью пластин крепится к верхнему жернову (в новейшее время эта ось делалась из стали). В боковое отверстие верхнего жернова вставлена деревянная рукоятка, с которой шарнирно скреплена длинная деревянная штанга, верхний конец которой пропущен через отверстие в крыше²⁸. Рукоять превращалась в своеобразный и довольно длинный рычаг, и для приведения жернова во вращательное движение можно было затрачивать меньшее усилие.

Усовершенствованный вариант, применявшийся, в частности, в Иране, позволял, кроме того, регулировать расстояние между жерновами. В простейшем же случае обычной пары ручных жерновов происходит их интенсивное стирание и засорение муки каменной пылью (и крошкой). Именно поэтому устройство для регулирования зазора между жерновами являлось существенно важным нововведением. Можно предполагать, что оно стало применяться в той или иной форме в Средней Азии в позднекушанское время.

Выше уже отмечалась тенденция к увеличению размера ручных жерновов²⁹. Однако на этом пути приходилось считаться с

ограничениями, связанными с физическими возможностями человека. Одним словом, увеличение размера имело вполне определенный предел, переступить который было просто нерационально. Скорость вращения ручных жерновов, вернее верхнего жернова, была незначительной и невозможность ее резкого увеличения лимитировала производительность ручных жерновов. Следует отметить, что, хотя ручные жернова обеспечивали помол значительно большего количества зерна, чем зернотерки, все же производительность и этого устройства была малой. Можно привести такой пример: у северных алтайцев, по данным Л. П. Потапова, на зернотерке перемалывали в день 2–2,5 кг зерна, на ручной мельнице тербен, состоящей из двух жерновов диаметром ок. 0,5 м, — до 8 кг³⁰. Поэтому дальнейшее развитие жерновов связано с появлением нового их типа. Эти жернова приводились в движение уже не мускульной силой человека, а животными, ветром или водой. Производительность резко возросла: на одной водяной мельнице в дореволюционной Средней Азии перемалывали в сутки около 500 кг зерна³¹.

В Беркуткалинском оазисе в памятниках У1–УIII вв. найдены зернотерки, обычные ручные жернова диаметром от 32 до 48 см и крупные жернова диаметром 70–80 см (при толщине переменах в мукомольном деле: жернова приводятся в движение животными или водой. По мнению Я. Г. Гулямова, беркуткалинские жернова подобны аналогичным этнографическим, для которых существует термин "харос" (от тадж. "хар" — "осел" и "ос" — "мельница"), причем из-за незначительной толщины они перемалывают зерно не на муку, а на крупу³².

В Иране на рубеже У–У1 вв., по-видимому, значительную роль продолжали играть небольшие мельницы, которые можно было вращать вручную. Однако в У1 в., а может быть, и несколько раньше, как прямо следует из сасанидского судебника "Книга тысячи судебных решений", водяные мельницы³³ в Иране не только существовали, но и права их владельцев уже были кодифицированы³⁴. Известны также рассказы о смерти последнего сасанида Йездигерда III, в частности в передаче Табари, ясно показывающие, что в Мервском оазисе в УII в. были водяные мельницы³⁵.

Бесспорными сведениями мы располагаем и для Согда начала УIII в. Среди документов с горы Муг имеется документ о предоставлении Деваштичем некоему Махйану в аренду трех мельниц³⁶. О том, что речь идет именно о водяных мельницах, явствует не только из текста этого документа ("... получил Махйан . . . 3 мельницы со всеми каналами, строения и жернова . . ."). Дело в том, что для обозначения мельницы применен термин *y wt 'rnk*. Уже первый издатель этого документа А. А. Фрейман указал, что буквальное значение термина — "самомолка",

причем подчеркнут "отенок значения механичности мельничного процесса, а не вращения жерновов руками. Имеется в виду, конечно, водяная мельница, тадж. - "осиёб"³⁷.

По данным Б. Лауфера, водяная мельница в Китае распространяется с III в. н. э., причем ее изобретение приписывается китайцами Ту Ю. Однако, как считает Б. Лауфер, водяная мельница была заимствована в Китае из Средней Азии, вероятно из Согдианы. Уже вскоре после Чжан Кяня китайцы стали посылать своих инженеров в западные страны. Они-то и позаимствовали среднеазиатское изобретение³⁸.

Для несколько более позднего - танского - времени (с 618 г.) есть сообщение о жителях Согды: "Они имеют очень искусные машины"³⁹. В силу удивительной лаконичности этого сообщения (практически не использованного в нашей литературе), можно лишь догадываться, о каких именно машинах шла речь. Во всяком случае, в Согде (и в других областях Средней Азии) в то время имелись очень крупные водяные мельницы.

О характере самих жерновов из согдийских водяных мельниц VIII в. дают представление гранитные жернова до 1 м в диаметре, найденные у северного края городища Афрасиаб⁴⁰. При раскопках 1961 г. в Пенджикенте на объекте У1 был найден крупный, тщательно обработанный жернов диаметром 96 см⁴¹, по-видимому, от водяной мельницы. На Ак-Бешиме обнаружены жернова диаметром 1,5 м⁴². Судя по аджинатепинским жерновом диаметром 70-85 см, водяные мельницы были распространены и в Тохаристане⁴³. В это время в городах ручной помол зерна, по-видимому, постепенно отступает на второй план⁴⁴.

О самой конструкции мельничного агрегата мы пока ничего не знаем⁴⁵, возможно, она походила на хуфскую⁴⁶. Вполне вероятно, что в некоторых местностях Средней Азии в преарабское время начали применять и ветряные мельницы⁴⁷ и мельницы, приводимые в движение при помощи домашнего скота⁴⁸. "Тарих-и Систан" сообщает: в Систане "строят мельницы с колесом, ветер приводит их в движение, и они мелют муку. В других городах для этой цели служит скот или водяные мельницы или же мелют руками"⁴⁹.

К. Маркс писал: "Общественные отношения тесно связаны с производительными силами. Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни, они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с скзереном во главе, паровая мельница - общество с промышленным капиталистом"⁵⁰. Это указание К. Маркса играет важную роль при анализе общественного строя древней Средней Азии начиная с У1-УIII вв. н. э., развивающегося в рамках феодальной социально-экономической формации. Сопоставляя имеющиеся в нашем распоряжении сведения письменных ис-

точников и археологические данные относительно производительных сил феодального общества с тем, что известно об уровне развития производительных сил в предшествующую эпоху, мы видим четкое различие. Приведенный К. Марксом пример с мукомольным производством характерен не только для Западной Европы, но и для Средней Азии, где средством производства эпохи феодализма ("общество с сюзереном во главе") соответствует водяная мельница, которая нашла себе широкое применение не только в мукомольном, но и в других производствах (горнообогатительном⁵¹, бумагоделательном и др.), тогда как в предшествующую эпоху господствовали зернотерки, а затем — ручные жернова⁵².

А. ПРЯСЛИЦА (КЛАССИФИКАЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ).

ВЕРЕТЕНА

В могильниках Ферганы I тысячелетия н. э. встречаются пряслица, чаще всего керамические. За основу классификации пряслиц (табл. 8) взята форма этих изделий (индивидуальные описания пряслиц из могильников Таджикистана сведены в табл. на стр. 43-45.

Тип 1. Кольцевидные и цилиндрические пряслица (табл. 8/1-5).

Каменные и керамические. Представлены несколькими разновидностями: в виде кольца (НК-20/4, табл. 8/1; ВУ-27-4, табл. 9/2; С-II-33/16, МКМ-I/1, табл. 9/1), укороченного цилиндра (КВ-93/2); боченовидные (С-II-16/6, табл. 8/3); дисковидные (С-II-5/10, табл. 9/3). К этому же типу относится деревянное пряслице из НК-I/4 (табл. 8/5).

В курумах Наманганской области найдено одно округло-плоское каменное пряслице и одно керамическое цилиндрическое¹.

Тип 2. Конические пряслица (табл. 8/6-8).

Среди них есть вытянутые конусовидные с вогнутой боковой поверхностью (С-II-33/15, табл. 8/6). Нижняя поверхность основания другого аналогичного пряслица (А-28/3, табл. 8/7) имеет по краю выступающий концентрический ободок, канал расширяется сверху вниз. Центральная часть нижней грани покрыта концентрическими желобками. Верхняя часть, особенно верхняя плоскость, имеет следы отполированности. Другой вариант - в виде массивного, слегка утончающегося усеченного конуса (К-70/6, табл. 8/8; А-34/3) - это переход к сфероконическим. Конические пряслица обнаружены в курумах Наманганской области² и как будто в Коштепинском и Кайнаватском могильниках³.

Тип 3. Биконические пряслица (табл. 8/9-13).

Среди них встречается несколько вариантов. Так, например,

имеются симметрично оформленные биконусы, например ЧК-I-18/9 (табл. 8/9). Другой вариант - когда половинки резко различаются по высоте (С-II-36-A/7, табл. 8/10), на поверхности большей половины - прочерченные горизонтальные линии, торец этой половины оформлен в виде воронкообразного углубления (последнее также у ДЧ-2/3). Третий вариант демонстрирует пряслица из НК-19/4 (табл. 8/12), одна половина которого - усеченный конус, другая - с вогнутой поверхностью. Четвертый вариант (СII-44/11, табл. 8/13) - цилиндр, увенчанный конусом, обе части разделены четким горизонтальным ребром (собственно цилиндро-конический). Часть этих пряслиц покрыта ангобом, имеет прочерченный орнамент - горизонтальные линии, зигзаг.

Гурмиронский могильник дал пряслица с вогнутой поверхностью нижней половины и горизонтальными желобками на плоской верхней (табл. 10/4-6). Размеры пряслиц: высота 38-46 мм, диаметр 40-44 мм⁴. Пряслице из курумов в Чадаке - биконическое, причем обе половины с вогнутой поверхностью; на меньшей - желобки⁵. Боркорбазское пряслице из кургана 9⁶ также имеет на обеих половинах вогнутые поверхности, причем степень кривизны различна (табл. 10/19). В Боркорбазской коллекции наличествует четвертый вариант, характеризующийся шейкой, иногда сильно оттянутой наверх, причем одна половина украшена глубокими горизонтальными желобками (табл. 10/16).

Некоторые из биконических пряслиц, происходящие из карамазарских курумов (например, ДЧ-12/2, табл. 9/4; ПБ-22/2, табл. 9/7; А-4/5, табл. 8/11), образуют особый, переходный вариант к сфероконическим.

В Коштепинском могильнике более всего были распространены биконические пряслица, иногда с резко профилированной верхней частью, тщательно обработанные, покрытые красным или черным ангобом⁷. В курумах Наманганской области найдены биконические пряслица (4 экз.) с кольцевым орнаментом. Все они хорошей отделки⁸. Одно из пряслиц, найденных при случайных работах в мугхона в Гавасае в 1958 г.⁹, было красноангобированным, биконическим. Особенностью его является профилирование горизонтальными желобками не только верхней, но частично и нижней половины. Размеры: диаметр 32 мм, высота 26 мм.

В Хангизском могильнике пряслица биконические, ангобированные и лошенные (табл. 10/12-15). На верхней половине - горизонтальные линии, по крайней мере на трех пряслицах переходящие в желобки - профилировку. Есть и гладкие биконические пряслица¹⁰. Размеры пряслиц: диаметр от 29 до 48 мм, высота от 30 до 47 мм¹¹. Биконические пряслица найдены и в могильнике Тура-Таш. Среди них есть краснолощенные, украшенные желобками и валиками¹², одно - чернолощенное¹³.

В Кайнаватском могильнике пряслица обычно биконические. На верхней половине - орнаментальные линии, порой переходящие

в профилировку желобками. Некоторые имеют вогнутую поверхность одной или двух половин. Покрываются желто-красным, реже - черным блестящим ангобом¹⁴. Следует также указать на аналогичные пряслица из Кувинского могильника¹⁵.

Из могильника Кара-Мойнак происходит биконическое прясло с необычной орнаментацией поверхности верхней половины: у отверстия - свастика, по окружности близ ребра - точечная линия¹⁶.

Тип 4. Сфероконические пряслица (табл. 8/14-20).

Один из наиболее распространенных типов. Половина пряслица - сферическая, к ней присоединена вторая - в виде усеченного конуса. Иногда конец этого конуса оттянут вверх в виде "шейки". Поверхность конической части может быть прямой или вогнутой, гладкой или с орнаментом (прочерченные горизонтальные линии, в одном случае - зигзаг).

Два варианта: а) низкие, почти дисковидные по форме (ВУ-47/7; ЧК-1-14/2, табл. 8/14; С-П-16/5; ЧК-1-30/4, табл. 8/15). Одно из них (ЧК-1-30/4) имеет шейку (табл. 8/15). Оригинальной является форма пряслица из БДШ-5/7а, у которого канелирована верхняя поверхность; вообще же эти пряслица орнаментировались редко;

б) более высокие, собственно сфероконические, с очень низко посаженным центром тяжести (НК-18/3, табл. 8/17; ВУ-41/1, табл. 8/18; НК-6/5; ВУ-27/2; ВУ-26/3, табл. 8/20; ВУ-44/3, табл. 8/16; А-1/2, табл. 9/13; ДЧ-8/1). Многие из них орнаментированы; НК-18/3 с оттянутой "шейкой" и в какой-то степени округлой верхней (конической) частью. Своеобразен экземпляр из ВУ-44/3 - это, собственно, трехчастное прясло, так как вертикальная шейка оформлена как отдельная часть (табл. 8/16). Канал обычно уширяется в сторону конической части. На пряслице из ВУ-41/1 прослеживаются бесспорные следы сработанности. Обращает на себя внимание сфероконическое пряслице из кургана 7 Боркорбазского могильника (табл. 10/21) с уступчатой горизонтальной границей между половиной и расширяющейся вверх шейкой. В сечении это пряслице имеет вид миниатюрного кувшинчика¹⁷.

В могильнике Джангаил два сфероконических пряслица (табл. 10/10-11). На верхней половине одного - горизонтальный кольцевой желобок, на другом - три желобка. Размеры: диаметры 52 и 50 мм, высота соответственно 32 и 40 мм¹⁸. В Кувинском могильнике имеются сфероконические пряслица с профилированной желобками верхней половиной¹⁹. Такие же пряслица встречены в Коштепинском могильнике, где они покрыты красным или черным ангобом²⁰. При случайных работах 1958 г. в Чадаке в мугхона были найдены пряслица. Среди них два крупных сфероконических (диаметр 50-52 мм, высота 40-44 мм),

на одном - следы черного ангоба (табл. 10/7,9)²¹. Имеются они также в Кайнаватском могильнике²².

Тип 5. Сферические и грушевидные пряслица (табл. 8/21-22).

Есть почти точно сферические (С-11-36а/8, табл. 8/22), грушевидные и уплощенно-сферические (ВУ-44/4, табл. 9/14); ЧК-1-38/3 (табл. 8/21, А-34/9). Из Карабулакского могильника происходит двусторонне-сегментированное сферическое прясло и другое - грушевидное, с оттянутой шейкой²³.

Тип 6. Полусферические пряслица (табл. 8/23).

Представлен одним костяным экземпляром (БДШ-2/6), имеющим вид сферического сегмента с гладкой поверхностью.

Тип 7. Призматические пряслица (табл. 8/24).

Представлены одним экземпляром из А-19/6 - это керамическое прясло неправильной шестиугольно-призматической формы, короткое, с широким каналом и гладкой поверхностью.

Тип 8. Роликовые пряслица (табл. 8/25-26).

Два экземпляра. Один (К-39/7) в виде короткой катушки, концы которой оформлены в виде дисков - выпуклого и вогнутого. Другой экземпляр - грибообразный ролик (Кех-26/1); канал этого прясла в виде конуса, с широкой стороны которого несимметричное уширение, сделанное специально (возможно, для клинышка, закрепляющего пряслице).

Тип 9. Разные пряслица.

Изредка употреблялись пряслица, изготовленные из стенок сосудов, со сквозным отверстием в центре. Одно такое пряслице диаметром 37 мм найдено в Ширансайском могильнике²⁴.

В Боркорбазском могильнике в трех курганах встречено по два пряслица, причем в этих случаях по одному мелкому и одному крупному пряслицу. Все пряслица керамические (см. стр. 48).

Из индивидуальных описаний следует, что основная часть керамических пряслиц из ферганских могильников имеет диаметр 30-50 мм, высоту 20-45 мм, вес же большинства колеблется в пределах 25-75 г. Наряду с этим встречаются, но довольно редко, более крупные экземпляры (с весом, превышающим 100 г) и более мелкие, очень легкие. При объяснении столь больших колебаний следует иметь в виду, что выбор размера веретена и пряслица определялся прочностью прядильного материала, тониной и крепостью нити, которую нужно было выпрясть. Можно привести такой пример: тончайшая индийская ткань муслин имела столь

Описание пряслиц Боркорбазского могильника

№ п/п	№ кургана	Форма	Диаметр	Высота	Шифр Ферганского музея
1	2	Биконическое с шейкой	27	25	<u>ПФКЭ-50</u> БК-2, № 117
2	2	Биконическое с шейкой	49	46	БК-2, № 116
3	5	Биконическое	29	22	БК-5, № 118
4	7	Сфероконическое с шейкой	23	27	БК-7, № 120
5	7	Биконическое	48	42	БК-7, № 119
6	9	Биконическое	26	27	БК-9, № 121
7	9	Сфероконическое	54	32	БК-9, № 122

тонкие нити, что для прядения употреблялись особые веретена, не висевшие на нити, а имевшие точку опоры, иначе бы нить оборвалась. Для прядения хлопкового волокна в Махенджо-Даро употреблялись очень маленькие и легкие пряслица, которые, по словам исследователей, были слишком малы для прядения упругого шерстяного волокна. Еще более тяжелые пряслица необходимы для прядения льна²⁵. Следовательно, разнообразие формата и веса пряслиц может служить указанием на выработку разных сортов пряжи и, очевидно, из разного материала.

Интересную картину дает сопоставление веса пряслиц из курганов и курумов Северного Таджикистана, с одной стороны, и из поселений — с другой. Для сравнения мы взяли аштское поселение Кзыл-Тепе (коллекция из 32 пряслиц) (материал представлен Е. Д. Салтовской) и поселения Южного Таджикистана II—III вв. н. э. (Яван, Балдай-Тепе и Аджина-тепе, 122 пряслица). Как показывают гистограммы, распределение по весовым категориям в курганах и на поселениях резко отличается. Пряслица весом до 30 г на поселениях решительно преобладают (Кзыл-Тепе — 80%, юг Таджикистана — ок. 90%), тогда как в курганных комплексах они составляют лишь около четверти. Если в следующую весовую категорию включить пряслица весом 30–60 г, то на поселениях их сравнительно немного (10–15%), а в курганах — значительная часть (ок. 45%). Находки же пряслиц весом около 60 г на поселениях единичны, а в курганных комплексах они составляют около одной трети общего числа пряслиц. Таким образом, относительное количество пряслиц высоких весовых категорий значительно больше в курганах и курумах, чем на поселениях. Это обстоятельство, до сих пор никем не отмечавшееся, имеет, на наш взгляд, серьезное значение. По-видимому, характер пряжи, с кото-

Описание и классификация пряслиц из могильников Северного Таджикистана

№ п/п	Могильники и курганы	Тип пряслица								Материал	Максимальн. диаметр, мм	Высота, мм	Диаметр канала, мм	Вес, г
		1	2	3	4	5	6	7	8					
1	ВУ-27/4	х ¹	-	-	-	-	-	-	-	Камень	37	22	-	33,5
2	КВ-93/2	х	-	-	-	-	-	-	-	Керамика	53	33	6-8	101,5
3	НК-1/4	х	-	-	-	-	-	-	-	Дерево	30	22	6-6	3,3
4	НК-20/4	х	-	-	-	-	-	-	-	Камень	35	15	6-8	18,8
5	СП-5/10	х	-	-	-	-	-	-	-	"	35	17	7-7	19,0
6	СП-16/6	х	-	-	-	-	-	-	-	"	28	23	5-6	17,5
7	СП-33/16	х	-	-	-	-	-	-	-	Керамика	39	21	9-9	38,5
8	МКМ-1/1	х	-	-	-	-	-	-	-	"	58	16	16-16	66,0
9	К-70/6	-	х	-	-	-	-	-	-	"	47	29	11-11	78,5
10	СП-33/15	-	х	-	-	-	-	-	-	"	47	35	9-12	44,0
11	А-28/3	-	х	-	-	-	-	-	-	"	50	29	7-9	45,0
12	А-34/3	-	х	-	-	-	-	-	-	"	26	28	-	15,5
13	СП-44/11	-	-	х	-	-	-	-	-	"	37	26	6-8	27,5
14	НК-19/4	-	-	х	-	-	-	-	-	"	50	38	9-12	54,5
15	СП-26а/1	-	-	х	-	-	-	-	-	"	49	46	-	84,0
16	ЧК-1-18/9	-	-	х	-	-	-	-	-	"	37	26	11-12	35,5

¹ Знак х означает находку одного пряслица.

№ п/п	Могильники и курганы	Тип пряслица								Материал	Максимальн. диаметр, мм	Высота, мм	Диаметр канала, мм	Вес, г
		1	2	3	4	5	6	7	8					
17	А-4/5	-	-	х	-	-	-	-	-	Керамика	47	36	12-12	64,0
18	А-28/7	-	-	х	-	-	-	-	-	"	36	32	6-6	34,5
19	БДШ-5/76	-	-	х	-	-	-	-	-	"	49	31	9-9	50,0
20	ДЧ-2/3	-	-	х	-	-	-	-	-	"	50,5	39	10-10	70,0
21	ДЧ-12/2	-	-	х	-	-	-	-	-	"	44	36	10-10	52,0
22	ПБ-22/2	-	-	х	-	-	-	-	-	"	45	33	8-9	52,0
23	ВУ-26/3	-	-	-	х	-	-	-	-	"	53	41	10-13	98,9
24	ВУ-27/2	-	-	-	х	-	-	-	-	"	56	42	11-14	106,5
25	ВУ-41/1	-	-	-	х	-	-	-	-	"	49	31	8-12	58,5
26	ВУ-44/3	-	-	-	х	-	-	-	-	"	48	43	10-13,5	70,0
27	ВУ-47/7	-	-	-	х	-	-	-	-	"	50	26	8-13	48,7
28	НК-6/5	-	-	-	х	-	-	-	-	"	51	30	8-10	59,2
29	НК-18/3	-	-	-	х	-	-	-	-	"	50	32	12-13	65,0
30	СИ-16/5	-	-	-	х	-	-	-	-	"	49	34	9,5-12,5	42,5
31	ЧК-I-14/2	-	-	-	х	-	-	-	-	"	53	25	10-10	62,7
32	ЧК-I-30/4	-	-	-	х	-	-	-	-	"	40	24	5-5	30,5
33	А-1/2	-	-	-	х	-	-	-	-	"	48,5	36	10-11	56,0

Продолжение таблицы

№ п/п	Могильники и курганы	Тип пряслица								Материал	Максимальн. диаметр, мм	Высота, мм	Диаметр канала, мм	Вес, г
		1	2	3	4	5	6	7	8					
34	А-22/1	-	-	-	х	-	-	-	-	Керамика	45	41	11-14	57,0
35	БДШ-5/7а	-	-	-	х	-	-	-	-	"	35	20	7-7	21,0
36	ДЧ-8/1	-	-	-	х	-	-	-	-	"	44	41	10-11	52,0
37	ВУ-44/4	-	-	-	-	х	-	-	-	Камень	29	21	5-5,5	16,6
38	СП-36а/8	-	-	-	-	х	-	-	-	Керамика	31	27	5-6,5	22,5
39	ЧК-І-38/3	-	-	-	-	х	-	-	-	"	45	35	10-11	71,6
40	А-34/9	-	-	-	-	х	-	-	-	"	45	15	-	70,0
41	БДШ-2/6	-	-	-	-	-	х	-	-	Кость	41	17	7-10	11,0
42	А-19/6	-	-	-	-	-	-	-	-	Керамика	22	-	8-10	8,0
43	К-39/7	-	-	-	-	-	-	-	-	"	56	35	12-15	77,4
44	Кех-26/1	-	-	-	-	-	-	-	-	"	38	29	5-17	34,8

Всего 8 4 10 14 4 1 1 2

В процентах 18,2 9,1 22,7 31,8 9,1 2,3 2,3 4,5

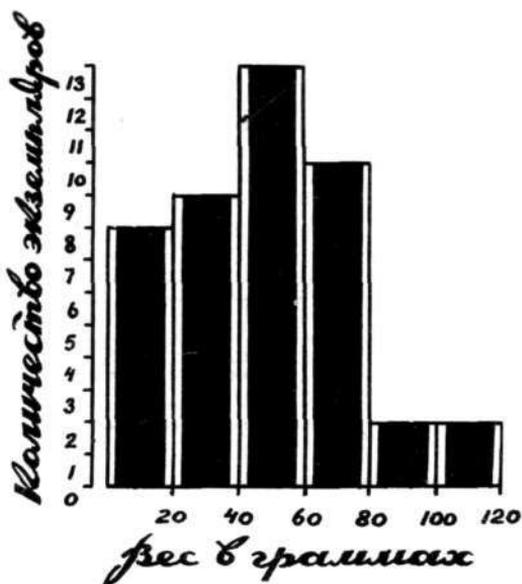

Диаграмма весов пряслиц из курганов и курумов
Северного Таджикистана

рой имело дело население, оставившее курганы и курумы, с одной стороны, и поселения – с другой, был не совсем одинаковым. У первых значительная часть пряжи производилась из шерсти, хотя также употреблялась и хлопковая, у вторых же в прядении явно преобладало хлопковое волокно.

Могильники Северного Таджикистана дали всего 44 целых пряслица. Основная часть их керамическая (36 экз., т. е. 81,8%), затем следуют каменные (5 экз., т. е. 13,6%); имеется по одному деревянному и костяному пряслицу. В курганах Боркорбазского могильника – все керамические. В Боркорбазском могильнике шесть пряслиц покрыты красно-коричневым ангобом, одно – черным. Восьмое пряслице (фрагмент из кургана 12) – миниатюрное, сделано из глины с дресвой, поверхность желтоватого цвета, без ангоба, но залощена.

Сочетания различных типов пряслиц в одних и тех же комплексах немногочисленны. Так, в могильниках Северного Таджикистана встречаются следующие сочетания:

- 1) тип 1 (камень) – тип 4 (керамика) – дважды
- 2) тип 1 (керамика) – тип 2 (керамика) – однажды
- 3) тип 4 (керамика) – тип 1 (камень) – "
- 4) тип 2 (керамика) – тип 3 (керамика) – "
- 5) тип 4 (керамика) – тип 3 (керамика) – "
- 6) тип 5 (керамика) – тип 3 (керамика) – "
- 7) тип 5 (кость) – тип 3 (керамика) – "

Распределение типов пряслиц по могильникам
Северного Таджикистана

№ п/п	Могильник	Число пряслиц	Тип пряслиц									
			1	2	3	4	5	6	7	8		
1	Ворухское ущелье	7	1	-		5	1					
2	Карабаг	2		1								1
3	Кех	1										1
4	Кишлак Ворух	1	1									
5	Навгилем (Калан-тархона)	5	2		1	2						
6	Сурх II	8	3	1	2	1	1					
7	Чорку I	4			1	2	1					
8	Ашт	8		2	2	2	1		1			
9	Бобой-Дархон	3			1	1			1			
10	Дахана-Чарчанак	3		2		1						
11	Карамазар-сай	1	1									
12	Пангаз-Бадамак	1						1				

В Боркорбазском могильнике дважды есть сочетания типов 3 и 4.

Сочетания № 5, 6 и 7 объясняются, очевидно, тем, что типы пряслиц 3 (биконические), 4 (сфероконические), 5 (сферические и грушевидные) очень тесно связаны между собой и, вероятно, могут рассматриваться (в первом приближении) как разновидности одного типа. Наиболее распространенными в могильниках Северного Таджикистана были пряслица типа 4 (составляют почти треть находок) и типа 3 (пятая часть находок). Вообще же пряслица типов 3-5 дают в сумме две трети пряслиц.

Большой набор пряслиц Карабулакского могильника также в основном состоит из прясел биконической (наш тип 3) и сфероконической (наш тип 4) форм, причем поверхность верхней половины часто профилирована горизонтальными желобками, а конические поверхности бывают вогнутыми²⁶. Все пряслица Боркорбазского могильника относятся к типам 3 и 4 нашей классификации²⁷.

Наряду с пряслицами типов 3 и 4 в курганах Северного Таджикистана довольно много пряслиц типа 1 (кольцевидные и цилиндрические) - их находки составляют около одной пятой части всех пряслиц.

Пряслица не столь часто, как в Фергане, но все же нередко

входят в состав погребального инвентаря могильников других областей. Перечислим некоторые находки.

Ташкентский оазис. Пряслица известняковые, в виде плоского кружка (диаметр 31–41 мм) происходят из курганов 1–2 у Вревской (раскопки 1947 г.)²⁸. В катакомбе В–I Пскен-тского могильника найдены пряслица из эмеевика в виде плоского кружка диаметром 24 мм, толщиной 6 мм. В катакомбном погребении В–II/4 того же могильника найдено пряслице полу-сферической формы с лошеной поверхностью²⁹.

Центральный Тянь-Шань. Здесь можно указать диско-видное пряслице из песчаника в кургане 11 могильника Ортото-кой; кольцевидное каменное пряслице в кургане 1 могильника Карасаз (с округлой боковой поверхностью, диаметр 35 мм, тол-щина 13 мм). Такое же каменное пряслице в кургане 7 могиль-ника Альш (диаметр 30 мм, высота 10 мм).

В кургане 1 могильника Айгырджал найдено каменное цилинд-рическое прясло (диаметр 31–32 мм, высота 10 мм), в курга-нах 4 и 12 того же могильника – точно такие же пряслица³⁰. Цилиндрическое пряслице найдено также в кургане 10 могильни-ка Кызарт³¹.

Семиречье. Каменные пряслица в Кенкольском могильнике кольцевидные и конусовидные. Плоское кольцевидное пряслице из кургана 8 Кенкольского могильника имело диаметр 34 мм, пряслице из кургана 9 – диаметр 41 мм. Имеется также кону-совидное глиняное пряслице, а также деревянное³². Глиняное кольцевидное пряслице найдено в могильнике Джуантобе II (пер-вые века н. э.)³³.

Зеравшанская долина. Юго-западная Туркмения. В Лявандакском могильнике было найдено керамическое красноанго-бирванное лошеное пряслице³⁴. Шаровидное каменное прясли-це найдено в кургане 1 могильника Кызыл-Чашма³⁵.

Следует также упомянуть, что в материалах, происходящих из Лоу-Лани, имеется деревянное пряслице полусферического типа, вдоль основания – горизонтальный желобок³⁶. Вообще деревянные пряслица – кольцевидные и полусферические – нередки в могиль-никах окрестностей Лоб-Нора³⁷, хотя там встречаются и другие, изготовленные из камня, битума, стенок сосудов.

К истории пряслиц. Уже в эпоху поздней бронзы в Фергане были в употреблении глиняные пряслица нескольких типов: мас-сивные чечевицеобразные (диаметр до 40 мм), конические и биконические³⁸. В Бактрии, на Сапали-тепа обнаружены керами-ческие и мраморные пряслица (первые преобладают), ведущая форма – биконические пряслица³⁹. В эпоху раннего железа были распространены наряду с коническими также полусферические, биконические, усеченно-конические, а также каменные и дисковид-ные диаметром 30–40 мм, высотой 10–20 мм, иногда с выем-кой на основании⁴⁰. На Дингильдже большинство пряслиц – из

стенок сосудов (16 экз.) и два пряслица выточены из алебастровых пластинок. Три группы (по размерам и весу): маленькие (диаметр 46–53 мм, вес 2,6 г; 7 экз.); средние (диаметр 46–53 мм, вес 26,0–38,0 г; 7 экз.); крупные (диаметр 49–66 мм, вес 42,5–68 г; 5 экз.). Таким образом, преобладают средние и крупные пряслица⁴¹.

Шуробашатский комплекс дает четыре типа керамических пряслиц: 1) биконические, красноангобированные, профилированные желобками по верхней поверхности; 2) шарообразные, асимметричные (их большинство); 3) овально-сплюснутые (на одном радиальные насечки от канала); 4) конические⁴². К сожалению, они не расчленены издателем по горизонтам. В погребениях на валу, которые Ю. А. Заднепровский относит к периоду III–I вв. до н. э., имелись наряду с пряслищем неправильно шарообразной формы также два красноангобированных с желобками на верхней половине, которые можно назвать биконическими⁴³.

Биконические красноангобированные с вогнутыми поверхностями и желобками на верхней половине пряслица найдены на городище Дунбулак⁴⁴. Пряслище неправильно биконической формы, красноглиняное, орнаментированное в верхней половине линиями и ямками – на Дараут-курганском поселении⁴⁵. В коллекции пряслиц из Кара-Дарьинского городища есть вытянуто-биконическое пряслище с цилиндрическим пояском в средней части⁴⁶.

На Кой-Крылган-Кале найдено ок. 300 пряслиц, из них 258 выточенных из стенок и донцов сосудов и 16 специально изготовленных глиняных (с последующим обжигом); имеются каменные и роговое. При этом в слоях нижнего горизонта (IУ–III вв. до н. э.) – исключительно пряслица, сделанные из стенок сосудов, в среднем и верхнем горизонтах (I–III–IУ вв. н. э.) наряду с пряслицами из стенок и донцов появляются лепные керамические пряслица, причем большинство их относится к верхнему горизонту. Среди лепных керамических пряслиц преобладают биконические и конические⁴⁷. В нижних ярусах поселений джеты-асарской культуры (нижний горизонт, I–IУ вв. н. э.) преобладают биконические пряслица⁴⁸.

Г. В. Григорьев на основании раскопок на Каунчи-Тепе пришел в свое время к заключению, что для Каунчи I характерны тонкие дисковидные и кольцевидные пряслица, для Каунчи II – биконические⁴⁹. На поселении Ак-Тобе II (I–IУ вв. н. э.) более половины пряслиц являются биконическими, около трети – сфероконическими, остальные – усеченно-конические, все керамические (в подсчет включены 20 пряслиц). Встречаются также плоские каменные⁵⁰. Нижний слой Кызыл-Тепе в Аште (IУ–У вв. н. э.) дал преимущественно пряслица биконические (в том числе с глубоко профилированной желобками верхней поверхностью и выделенной шейкой), покрытые черным и красным ангобом. В верхнем слое Кызыл-Тепе (У–У1 вв.) – набор мелких бикони-

ческих пряслиц обоих упомянутых выше вариантов (они преобладают), а также конических. Имеются сфероконические, в том числе с вогнутой поверхностью верхней половины и профилированной нижней поверхностью. Есть также одиночные сферические, грушевидные, дисковидные⁵¹.

В Пенджикенте в слое У-У1 вв. имелись биконические (с конусами неодинаковой величины), а также сферические глиняные пряслица, плоские каменные, шаровидные алебастровые и плоские - из стенок сосудов⁵². Для слоев VII-VIII вв. отмечены наряду со сферическими, биконическими и плоскими (последние - из обломков керамики) также конические глиняные пряслица (реже они были каменными) и др.⁵³. В синхронных памятниках Уструшаны встречены керамические (в том числе из стенок сосудов) и каменные. Среди них есть цилиндрические, сферические, грушевидные и др.⁵⁴. Так, из Урта-Кургана происходит керамическое низкоцилиндрическое пряслице, нижняя грань несколько выпуклая (диаметр 5,8, высота 1,1, диаметр канала 0,9 см)⁵⁵. В Хорезме в то же время употреблялись цилиндрические, конические, биконические пряслица и пряслица в виде кружков⁵⁶.

В Бактрии в комплексе рубежа н. э. - I в. н. э. из Кей-Кобад-Шаха найдено плоско-выпуклое, почти полусферическое пряслице⁵⁷. На Халчаяне в слоях первых веков н. э. встречены пряслица биконические и сфероконические, профилированные горизонтальными линиями и в виде кружков из стенок сосудов⁵⁸.

При наших работах на Тепай-Шахе осенью 1972 г. было найдено 11 пряслиц (табл. 11/36-45). Одно из них - деревянное (фрагмент), сфероконической формы, с вытянутым конусом и низкой сферической частью (табл. 11/40). На верхней (узкой) плоскости - вдавление, по окружности выступает закраина. Канал уступчатый - в нижней части более широкий, для вставления упора веретена (диаметр 3,3 см, высота 3,6 см). Из остальных десяти пряслиц-пять каменных, три керамических и два алебастровых. Среди этих пряслиц преобладают полусферические (4 экз.), затем конические (2 экз.), имеются цилиндрические, сфероконические и экваториальный сегмент (по одному экземпляру). Одно из полусферических пряслиц (каменное) имеет сложную профилировку, напоминающую профилировку аттической базы; такие же каменные пряслица были найдены и Х. Мухитдиновым при его разведке на Тепай-Шах весной 1972 г. (табл. 11/38-39). В комплексе из Яванского городища III-IY вв. н. э. при раскопках 1963 г. было найдено 63 пряслица, в том числе биконических (тип 3) - 16 экз., т. е. 25,4%; намного меньше сфероконических (тип 4) - 9,5%. Но вместе они составляют более трети всех пряслиц. Почти 16% от общего числа - шаровидные пряслица (тип 5) и около 10% - кольцевидные и цилиндрические (наш тип 1). К ним, собственно, примыкают дисковидные - около 9,5%.

Имеются два роликовых (тип 8) пряслица. Кроме того, в коллекции представлены каменные фигурные пряслица, отсутствующие в Фергане. Примерно четвертая часть пряслиц – каменные⁵⁹. Плоско-выпуклые, почти полусферические пряслица имеются в комплексе IУ–У вв. на Мунчак–Тепе. Более поздние слои того же Мунчак–Тепе, датированные У1–УП вв., дали наряду с кольцевидным каменным пряслищем также разные варианты каменных биконических, в том числе с орнаментированной желобками поверхностью⁶⁰.

На другом южнотаджикистанском памятнике, Балдай–Тепе, в слоях III–IУ вв. при общем количестве 19 экземпляров представлены те же типы, что и в Яване, причем биконические и сфероконические здесь составляют ок. 21%, значительно больше кольцевидных и цилиндрических – свыше 47%⁶¹.

На памятниках Кашка–Дарьи III–У вв. – пряслица преимущественно из глины, но бывают и алебастровые. По наблюдениям С. К. Кабанова, они конические, биконические и кольцевидные. Размер: диаметр 25–40, высота 20–30 мм⁶².

На Аджина–Тепе (УП–УШ вв.) найдено всего 13 пряслиц, причем большинство (9 экз.) относится к типу 1 (дисковидные), три экземпляра – конических и одно – сфероконическое.

На Кафыр–кала (У1–УШ вв.) было найдено 16 пряслиц, из них 15 – керамических, одно – каменное (табл. 11/24–35). Преобладают биконические (56,7%), имеются кольцевидные (18,6%), остальные – шаровидные и конические. Вес пряслиц в основном колеблется в пределах 5–9 г (12 экз.), одно весит 2,6 г, вместе с тем три пряслица более тяжелые (12–15 г.)⁶³.

Калаикафирниганская коллекция (30 экз.) дает иную картину (табл. 11/1–23). Более половины пряслиц составляют алебастровые (9 экз.) и каменные (7 экз.). Распределение по форме следующее: на первом месте сфероконические (26,7%) и биконические (23,3%), за ними следуют эллипсоидные и уплощенно-сферические (20%) и цилиндрические (16,7%). Имеются одиночные пряслица в виде ролика, миниатюрной базы и др. Легких пряслиц (6–9 г) – 4 экземпляра, 12 экземпляров имеют вес от 10 до 30 г, остальные – свыше 30 г. При использовании этих данных следует учитывать, что в слое У1–УШ вв. Калай–Кафирнигана, из которого происходит эта коллекция, обильно представлены предметы материальной культуры подстилающего, кушанского слоя (к кушанскому времени, несомненно, относятся пряслица в виде миниатюрной базы).

Следует подчеркнуть, что большинство пряслиц из Бактрии–Тохаристана значительно меньше курганных по размерам. Так, в яванской и тепаишахской коллекциях преобладают пряслица диаметром 28–32 мм, хотя встречаются и более крупные экземпляры (до 52 мм)⁶⁴; основная часть каменных пряслиц из Дурман–Тепе имеет диаметр 23–36 мм⁶⁵. То же самое относится к пряс-

лицам из Шахри-Бану и Закер-тепе (диаметр 28–33 мм)⁶⁶.

Удивительны совпадения в типах пряслиц из среднеазиатских, особенно ферганских, могильников с сарматскими пряслищами. Уже на прохоровской стадии имелись лошенные биконические пряслища⁶⁷. Эта форма пряслиц была ведущей на среднесарматской стадии, причем одна половина покрывалась иногда горизонтальными желобками с полусферической выемкой на одном из торцов⁶⁸. На позднесарматской стадии сохраняются пряслища биконической формы⁶⁹, но наряду с ними появляется, как отметил П. Рау, новый тип пряслиц – с вогнутой верхней плоскостью и округлым брюшком, причем у некоторых из них сверху “горловинка”⁷⁰. С этими пряслищами (В. П. Шилов называет их грушевидными) можно сопоставить третий и четвертый варианты 3 и 4 типов нашей классификации.

Итак, рассмотрение типов пряслиц и их соотношения, а также комплексов, в которых они встречены, позволяет прийти к некоторым заключениям. Уже в эпоху раннего железного века жители Ферганы употребляли разные типы пряслиц, в том числе биконические. В первые века н. э. в Фергане, как и в других северных областях Средней Азии, резко увеличивается удельный вес пряслищ биконической группы (собственно биконических, сфероконических, сферических и грушевидных). В ферганских могильниках из пряслищ этой группы преобладают сфероконические, причем преобладание становится особенно явным в III–У вв. Характерно, что на юге Средней Азии, где форма сфероконических пряслиц была хорошо известна, они тем не менее никогда не преобладали, как и пряслища биконической группы в целом⁷¹. Нам кажется, высокий удельный вес пряслищ именно биконической группы в ферганских могильниках еще раз подчеркивает связи оставившего их населения с сарматским миром⁷².

Веретёна деревянные. В курганах ВУ-7/1 и ВУ-5/9 сохранились деревянные стержни веретён. Первый – в виде цилиндрической палочки, приостренной у конца. Несколько ниже середины – неглубокая вдавленная бороздка (от надевания прясла). Длина 40,5 см, диаметр в средней части 1,4 см. Тот факт, что на это веретено было надето два керамических пряслища, скорее всего следует рассматривать как своеобразный погребальный “кувшинчик”. Второй стержень (из кургана ВУ-5/3) – утончающаяся палочка, у одного конца сходящая на острие, другой конец обломан. Длина обломка 20,5 см, диаметр в средней части 0,9 см.

Деревянные веретёна Карабулакского могильника (табл. 13/18–19) имеют сверху небольшую треугольную пирамидку⁷³. В кургане 9 Кенкольского могильника найдено веретено длиной 41 см, с каменным пряслищем диаметром 4,1 см⁷⁴.

Б. ПРЯДЕНИЕ

Вопрос о способе прядения – с пряслицем, укрепленным сверху или снизу веретена, – пока не может быть решен. Этнографическая действительность Средней Азии знает оба способа прядения. У киргизов и казахов, например, пряслице укрепляется вверху веретена⁷⁵, у таджиков же, в том числе у женщин – памирок, пряслице надевалось на нижнюю часть веретена. Иногда вместо пряслица применялась деревянная крестовина, причем в Вахане (под воздействием киргизов) крестовина помещалась не в нижней, а в верхней части веретена⁷⁶. Судя по находке на Чильхуджре⁷⁷, веретено с крестовиной было распространено уже в эпоху раннего средневековья, соседствуя, скажем, в Уструшане с типом веретена с надевавшимся пряслицем.

Следует остановиться еще на одном вопросе. На некоторых пряслах у горных таджиков деревянное веретено заканчивается внизу цилиндрическим упором – “ангъртак” (тадж.). В коллекции из Дарваза, хранящейся в Институте истории им. А. Дониша, есть такое прясло конической формы (длина его 18,5 см) из кишлака Джафр. Диаметр упора 11 мм, шаровидный маховичок из необожженной глины диаметром 45 мм⁷⁸.

Многие из вышеописанных пряслиц (например, ДЧ-2/3) имеют на одном из торцов сводчатое углубление вокруг канала. Не могло ли оно служить для помещения упора? У пряслица из Кех-26/1 канал конической формы, причем не гладкий, как обычно, а на одном из концов имеет специально сделанное несимметричное уширение. Возможно, в него входила поперечная односторонняя шпилька, вставленная в веретено и предохраняющая пряслице от соскальзывания⁷⁹.

Этнографы отмечают, между прочим, что у современных памирских таджиков мужчины наравне с женщинами занимаются прядением, причем в долине Хуф, например, мужчины прядут лишь из козьей шерсти, женщины же – из овечьей⁸⁰. У киргизов же и казахов прядением шерсти занимаются только женщины⁸¹. По словам А. Ф. Бурковского, у киргиз “обработка шерсти полностью лежала на обязанности женщин”⁸².

Как указывает Р. Форбс, с помощью ручного веретена “можно изготовить пряжу крайней тонкости и крепости”, причем производительность древних мастеров и качество изготовленной ими пряжи современный исследователь называет “удивительными”. Есть данные, что искусный мастер мог превратить полкилограмма хлопка в 40 км пряжи, “скорость” работы до 350 м пряжи в час⁸³.

В. ТКАЧЕСТВО

При раскопках курганных могильников в Исфаринском районе в некоторых захоронениях были обнаружены кусочки тканей. Ис-

следование образцов было проведено в лаборатории Душанбинского текстильного комбината А. Е. Павловой (см. результаты этого исследования в табл. на стр. 55-57). Часть этих образцов подверглась контрольному изучению в Научно-исследовательской криминалистической лаборатории Таджикского государственного университета экспертами Л. Б. Франком (криминалист) и А. И. Ивановой (биохимик). Оба независимо друг от друга проводившиеся исследования дали одинаковый результат: все двадцать три образца оказались хлопчатобумажными, причем пряжа изготовлена из качественного белого хлопка. Детальные данные об этих тканях опубликованы⁸⁴.

Анализ тканей дает возможность разбить их на две группы. Плотность ткани в первой группе определяется в 14-18 нитей утка, 10-16 нитей основы на 1 см². Ткани этой группы более качественны и, видимо, употреблялись для изготовления одежды. Так, фрагмент № 9 (из KB-189) состоит из двух рубцов, сшитых тонкой крученой нитью. Если сравнить эту группу тканей с современными стандартами, то, пожалуй, ее можно сопоставить (по плотности) с гуцульским полотном, где плотность на 1 см² равна 19x15⁸⁵.

Вторая группа тканей состоит из 10 фрагментов. Плотность ткани достигает от 8 до 14 уточных нитей и от 7 до 10 нитей основы. Ткани второй группы грубее, переплетение редкое, кручение нити слабое. Характер плетения в сочетании с грубостью нитей придает этим тканям вид мешковины. Если сравнить с современными стандартами тканей, то по плотности вторая группа соответствует артикулу 920 (сорочка паковочная, плотность на 1 см² - 9x12).

На деревянной посуде из курумов Наманганской области сохранились веревочки-шнурки, которыми производился ремонт поломанной посуды. Шнурки были свиты из 3-12 нитей⁸⁶. Некоторые шнурки были свиты из нитей, сделанных из грубоволокнистого хлопка, другие - из волокна льна⁸⁷.

В Карабулакском могильнике встречены ткани шести сортов. Имеются шелковые шарфы длиной до 75 см при ширине до 35 см⁸⁸.

Судя по отпечаткам на керамике из Каунчи II, там было в употреблении не менее семи сортов ткани⁸⁹. В погребении могильника Бурмачап были обнаружены остатки грубой шерстяной ткани (полотняного переплетения) и коричневого (белого) шелка⁹⁰. У тканей из могильников северного Притяньшанья характер переплетения, по наблюдениям А. Н. Бернштама, только полотняный⁹¹. Фрагменты шелковой ткани найдены в кургане 10 Кызарта⁹².

Обследование текстильных изделий, полученных при раскопках экспедицией Свена Хедина древних могильников в области Лоу Лань, было проведено Vivi Sylwan, причем были использо-

Образцы тканей из исфаринских курганов

№ п/п	Могильник и курган	Размер ткани, см	Плотность ткани на 1 см ²	Толщина ткани, мм	Кручение	Переплетение	Определение ткани	Примечание
1	КВ-2А	7,2x2,5	10x12	0,5-0,6	-	Гарнитуровое	Хлопчатобумажная	Истлевшая ткань, состоящая из нескольких кусков.
2	КВ-3а	9,2x6,5	12x10	0,5	-	"	"	Несколько фрагментов истлевшей ткани.
3	КВ-4	7,2x5,8	14x12	0,5	-	"	"	То же
4	КВ-15/2	1,5x1,3	11x12	0,4	Неизвестно	"	Неизвестно	Фрагмент ткани на железном фрагменте.
5	КВ-15/2	1,5x1,2	18x16	0,3	-	"	"	Фрагменты ткани на железном фрагменте (КВ-15/2, КП-184/93). Имеются два лоскута ткани. Один лоскут более плотный.
6	КВ-15/2	2,3x1,3	11x12	0,4	Неизвестно	"	"	Фрагмент ткани на железном фрагменте.
7	КВ-64/4	0,5x0,3	16x12	0,3-0,4	Правое	"	Хлопчатобумажная	Остатки ткани на бронзовом зеркале.
8	КВ-189/4	3,3x1,8	12x13	0,4	Левое	"	"	Два рубца от какой-то одежды. Один рубец косой, сшит крученой нитью; второй рубец прямой.

№ п/п	Могильник и курган	Размер ткани, см	Плотность ткани на 1 см ²	Толщина ткани, мм	Кручение	Переплетение	Определение ткани	Примечание
9	КВ-189/4	3,9x0,9	11x13	0,4	Левое	Гарнитуровое	Хлопчатобумажная	То же.
10	НК-10/5а	4,0x2,5	12x12	0,4	Неизвестно	"	Неизвестно	Остатки ткани на железном фрагменте.
11	НУ-7/14	0,7x1,4	12x12	0,4	"	"	"	То же.
12	СII-8/4	3,3x0,5	9x8	0,5	"	"	"	То же.
13	СII-8/4	6,0x2,7	7x9	0,5	Правое	"	Хлопчатобумажная	Кручение слабое. Нити грубые. Переплетение редкое.
14	СII-8/6	14,2x4,5	14x10	0,4-0,5	"	"	"	Переплетение очень редкое.
15	СII-36а/5	7,5x7,0	14x16	0,3	"	"	"	Плетение исполнено четко, без пробросов. Нитки слабокрученые.
16	СII-36а/5	11,5x9,3	11x16	0,3-0,4	"	"	"	Нитки утка тоньше ниток основы. По качеству одинаковы (слабого кручения).
17	СII-36а/5	15,0x13,5	11x16	0,3-0,4	"	"	"	Ткань очень плотная. Нить основы прочнее и толще нити утка.
18	ЧКИ-3/8	3,6x1,8	7x11	0,5-0,6	Левое	"	"	Ткань редкая. Нити слабокрученые.

Продолжение таблицы

№ п/п	Могильник и курган	Размер ткани, см	Плотность ткани на 1 см ²	Толщина ткани, мм	Кручение	Переплетение	Определение ткани	Примечание
19	ЧКІ-3/8	3,5x2,2	7x12	0,6-0,5	Левое	Гарнитуровое	Хлопчатобумажная	Ткань редкая. Нити утка несколько толще нитей основы. Нити слабокрученые. Ткань напоминает современный карбос.
20	ЧКІ-3/8	2,8x6,0	14x16	0,4	"	"	"	Ткань очень плотная. Нити основы одинаковые с нитями утка как по качеству, так и по толщине.
21	ЧКІІ-13/7	5,0x4,5	9x14	0,4-0,5	Правое	"	"	Кручение очень слабое. Переплетение редкое.
22	ЧК-I	0,5x2,2	11x16	0,4-0,5	"	"	"	Состоит из нескольких лоскутков.
23	ЧКІІ-25/16	0,5x0,5	10x14	0,4-0,5	"	"	"	Два маленьких кусочка белой ткани.

ваны заключения ряда экспертов⁹³. Главным материалом текстильных изделий была шерсть разных сортов – от жесткой и грубой до мягкой и тонкой. Проведенный анализ показал, что это овечья шерсть⁹⁴, употреблявшаяся главным образом без искусственной окраски, но не всегда, и, например, с помощью растительной краски достигалось ее окрашивание в красный цвет⁹⁵.

Качество тканей, их техническое совершенство были значительно выше исфаринских. Толщина нитей колеблется от 0,8 до 3 мм, чаще – 1–1,5 мм. Количество нитей на 1 см² от 3x2 до 5x22⁹⁶. При раскопках в Хорезме на Якке–Парсане обнаружены хлопчатобумажные и шерстяные ткани нескольких сортов⁹⁷.

Вернемся, однако, к ферганским могильникам. Хлопчатобумажные ткани из могильников Исфаринского района по переплетению, плотности и качеству сходны с тканями из замка на горе Муг⁹⁸. Население, оставившее исфаринские и другие могильники, несомненно, изготовляло также шерстяные ткани разных сортов. В употреблении были и шелковые ткани.

В коллекции шелка из Кенкольского могильника, как сообщал А. Н. Бернштам, есть образец грубого шелка, значительно отличающийся от других, более высококачественных образцов. Это навело А. Н. Бернштама на мысль, что это, возможно, шелк местного происхождения. Искусство изготовления шелка в усуньскую среду могло попасть вместе с китайцами–слугами (среди них могли быть и ткачи), приезжавшими вместе с китайскими принцессами⁹⁹.

М. П. Винокурова выделила среди тканей мугской коллекции комбинированные ткани, выполненные приемами хлопчатобумажного ткачества из хлопчатобумажных и шелковых нитей¹⁰⁰. В Согде, по-видимому, производились и смешанные (шелково-шерстяные) ткани¹⁰¹.

Шелковые ткани были широко распространены в Согде уже к рубежу н. э. Во всяком случае, уже в документах из Нийа I–III вв. н. э. встречается пракритский вариант согдийского слова "prijz", обозначающего один из сортов шелковой ткани¹⁰². Среднеазиатские мастера постепенно перешли к самостоятельному изготовлению смешанных, а затем и настоящих шелковых тканей. В VII в. среднеазиатские шелковые ткани достигли такого совершенства, что стали высоко цениться на родине шелка – в Китае¹⁰³.

По мнению Н. В. Пигулевской, процесс внедрения шелководства в текстильное ремесло Согда произошел между концами IУ – концом У вв. н. э.¹⁰⁴. Это заключение, основанное на косвенных соображениях, следует, очевидно, уточнить с учетом археологических и лингвистических данных, углубив предлагаемую дату на несколько сот лет¹⁰⁵.

Собранный выше материал недостаточен, чтобы судить о взаимоотношениях ферганского и согдийского, а также среднеазиат-

ского и китайского текстильного производства. Однако высокий уровень текстильного производства в Фергане уже сейчас не вызывает сомнений. Совершенно ясно также, что через Фергану проникали в Китай не только хлопок и хлопчатобумажное ткачество, но и важные усовершенствования в технике текстильного производства¹⁰⁶.

Глава У. ПРИСПОСОБЛЕНИЯ ДЛЯ ДОБЫВАНИЯ ОГНЯ

В ДЧ-24/2 было найдено железное (стальное?) кресало. Оно имеет сердцевидную форму, сделано из уплощенного железного прута. Рабочая сторона плоская, внутри округлый гребневидный выступ, благодаря чему эта сторона довольно массивная. Утончающиеся концы сведены вместе. Размеры кресала 34x53 мм. В Средней Азии известны и другие находки железных кресал, в том числе с завернутыми в виде петель концами¹.

Одно из древнейших кресал, найденное в кургане 5 могильника Киик-Су (Центральный Казахстан), — кресало, относящееся к У1 в. до н. э. Оно имеет подковообразную форму². В могилах савроматов кресала распространяются с III-II вв. до н. э.³. Кресало было найдено в кургане 25 могильника Джангаил⁴; обломки железного кресала встречены на городище Алимбай⁵, в кургане 8 могильника Чим-Бас⁶. При раскопках в Варке на крышках гробов наряду с костями животных часто находили кусок кремня и стальное кресало⁷. Аналогии кресалу из ДЧ-25/2 есть в разновременных экземплярах, изданных Бела Поста⁸, в частности происходящем из погребения У в. в Мордовии⁹.

В венгерской археологии типология кресал детально разработана. В венгерских сарматских и более поздних (У-УIII вв.) курганах часто находят железные кресала, которые варьируют один и тот же тип. Кресало из Даханы принадлежит к развитым вариантам (иногда концы не только соединяются, но и делаются в виде петель или завертываются в спираль, обращенную наружу или внутрь)¹⁰.

В почти неизменном виде такого рода кресала (очень похожие на кресало из курумов) изготавливаются в Мунджане и Нуристане до наших дней. Верхняя дужка охватывается широким, но коротким лоскутом кожи, который прошивается по краям и у основания, к лоскуту прикреплен узкий длинный ремешок, который привязывается к поясу¹¹.

Наряду с железными кресалами в Фергане (шире — в Средней Азии) применялось и "огненное сверло". Так, в нескольких курганах Карабулакского могильника найдены плашки с полусфе-

рическими лунками по краю. Иногда эти плашки имеют четко оформленный выступ со сквозной дырочкой (для подвешивания). Встречены также деревянная палочка-сверло. Ее конец и поверхность многих лунок обгорели¹².

А. ДЕРЕВЯННАЯ ПОСУДА. СТОЛИКИ

Исфаринские могильники дали много обломков деревянной посуды, значительно меньше – целых предметов.

1. Небольшой деревянный кувшинчик на широкой, полой внутри ножке. Корпус почти шаровидный. В верхней части корпуса на диаметрально противоположных сторонах – две ручки в виде маленьких горизонтальных округлых лопастей. Верхняя часть сосуда фрагментирована. Размеры сосуда: диаметр ножки 8 см, максимальный диаметр корпуса 7,6 см, высота сохранившейся части 8 см (ВУ-5/12) (табл. 12/10).

2. Кружка-кувшин с грушевидным корпусом и вогнутым дном. Высокая горловина в виде усеченного конуса суживается кверху. Венчик в виде прямой закраины, незначительно отогнутой наружу. Ручка низким концом прикреплена к максимально широкой части тулова, верхняя – к основанию горловины. Верхняя часть ручки отбита, она, по-видимому, была зооморфной. Об этом свидетельствует не только специфический контур ручки, но и то, что ее нижний конец оформлен в виде ног какого-то животного. Размеры сосуда: высота 13,5, диаметр максимальный 14–14,5, диаметр по венчику 11–11,5 см (ВУ-47/1) (табл. 12/14).

3. Нижняя половина биконического корпуса деревянного сосуда (кувшина?). На невысоком поддоне, с незначительно вогнутой нижней поверхностью. Размеры: диаметр дна 5 см, максимальный диаметр корпуса 13,5, высота сохранившейся части 5,5 см (И-3/5) (табл. 12/7).

4. По-видимому, кружка или кувшинчик деревянный. Верхняя часть отсутствует. Тулово округлое. Ручка, сохранившаяся частично, была основанием прикреплена к максимально широкой части тулова, вверху же – к основанию шейки. Дно плоское. Размеры сосуда: диаметр дна 4,5, максимальный диаметр тулова 9, высота сохранившейся части 8 см (ВУ-47/4) (табл. 12/5).

5. Крышка конической формы, венчающаяся столбиком с полусферическим шляпковидным навершием. По нижнему обводу – отступ-бортик. Размеры: диаметр 5,8, высота 7,3 см (ВУ-2/4) (табл. 12/9).

6. Деревянная коробочка с крышкой. Коробка круглая, со слегка выпуклым дном и низким, незначительно суживающимся сверху корпусом. Венчик с уступом по краю – для крышки. Крышка круглая, плоская, с опущенными краями. В центре ее – вертикальная грибовидная ручка. Размеры сосуда: диаметр дна 9, высота 4, диаметр крышки 9 см (ВУ-5/17) (табл. 12/6).

7. Миска на невысоком поддоне, внутри – двухъярусная, в центре – полусферическое углубление, затем чуть поднимающиеся стенки, переходящие в вертикальный широкий бортик. Снаружи профиль стенки почти прямой, граница бортика обозначена глубоким горизонтальным желобком. Миска деформирована и фрагментирована. Размеры: диаметр ок. 24, высота ок. 7 см (ВУ-47/2) (табл. 12/8).

8. Миска на невысоком поддоне, со сложно профилированной стенкой и вертикально отогнутым низким бортиком. Происхождение: Исфаринский могильник, курган, раскопанный в 1934 г.¹. (табл. 12/11).

9. Тарелка-поднос на высокой ножке. Сохранилась лишь центральная часть. Ножка состоит из массивной цилиндрической части, переходящей в полое основание – раструб. Поверхность центральной части плоская, по краю – невысокий, сложно профилированный бортик. Размеры: диаметр тарелки 21 см, диаметр ножки 10, высота ножки 3,3 см (ВУ-8/6) (табл. 12/12).

10. То же, но несколько лучшей сохранности. Бортик иной – в виде отогнутой горизонтальной полосы. Размеры: диаметр 27 см, высота 5, ширина бортика 2, диаметр ножки 10 см (ВУ-2/3) (табл. 13/13).

11. Деревянные столики в виде "... довольно тонкой овальной дощечки длиной 30 см, гладкой с одной стороны и с четырьмя невысокими столбиками-ножками – с другой". Найдены в двух курганах Исфаринского могильника (раскопки 1934, 1936 гг.)². Обломки таких столиков найдены и при раскопках 1952–1958 гг. в разных могильниках Исфаринского района (табл. 12/15–16).

При наших раскопках 1958 г. в кургане 2 Исфаринского могильника найден небольшой столик, который из-за сильной, почти чашевидной верхней поверхности уместно назвать столиком-блюдем. Этот столик овальный в плане (24x32 см), край утоненный, ножки усеченно-конические (овальные в поперечном сечении), высотой 5,5 см. Из этого же кургана происходит фрагмент другой разновидности столика – с совершенно плоской поверхностью и овальными в сечении ножками. Некоторые из столиков были прямоугольными, величиной до 50x16 см, на 4 ножках (4x4 на 2 см), которые вырезывались вместе со столиком. В С-II-19 овальный столик (40x15 см) состоял из четырех узких продольных скрепленных одна с другой дощечек с невысокими (ок. 2,5 см) ножками.

Нашу коллекцию деревянной посуды значительно пополняют

изделия из Карабулакского могильника³ (табл. 13/1-20). Здесь встречено много сосудов, относящихся к описанным выше типам, совершенно идентичные с ними или отчасти варьирующие по форме, в частности кружки с петельчатой ручкой, блюда-тарелки, миски. Имеются и совершенно оригинальные типы. Таковы "сосудики на неустойчивом высоком коническом поддоне с биконическим туловом. Крышка выпуклая, заканчивается ручкой-грибком, плотно пригнана к тулову сосуда при помощи паза"⁴. Интересны сосуды в виде миниатюрного (высотой до 20 см) бочонка, украшенные росписями или врезанным орнаментом (горизонтальные линии или глубокая и сочная резьба в виде розеток и треугольников)⁵. Имеются и микрососуды, порой достигающие всего 2,5-3 см в диаметре⁶.

В Карабулаке деревянные столики преимущественно двух типов. "Первый тип изготовлялся из одного куска дерева вместе с ножками и имел продолговатую форму с закругленными углами. Поверхность обычно слегка вогнута внутрь. Ножки невысокие, массивные, конической формы. . . . Второй тип - это столики с плоской гладкой поверхностью и неглубоким желобком по краю. На оборотной стороне этих столиков сделаны четыре трапециевидные выпуклости с четырехугольными неглубокими пазами, куда вставлялись шипы ножек"⁷. Размеры одного столика первого типа: плоская доска 63x40,8 см, высота ножек 11-11,5 см, диаметр их сверху 7-7,5, внизу - 3,5 см, высота столика 13,5 см, толщина доски у края 0,9-1 см (в середине она утолщается)⁸. Имеются и значительно более крупные экземпляры: длиной до 110 см, шириной до 65 и высотой до 20 см⁹.

Известны находки деревянной посуды и столиков в других ферганских и алайских могильниках. Так, в раскопанных М. Э. Воронцом и В. И. Спришевским курумах было 26 деревянных сосудов, из них чашек 5, блюд 9, кружек 3, сосудов неустановленных форм 9. Сосуды вырезаны из дерева тополя, ясеня, ореха, березы; каждый сосуд, в том числе ручки, - из одного куска. Сосуды изготовлены грубо, следов орнамента не видно¹⁰. Это блюда диаметром 25-27 см, высотой 4,5-5 см, с уплощенным дном и вогнутым внутрь венчиком; кружки цилиндрические с плоским дном, прямым венчиком и петлеобразной ручкой (высота ок. 9 см, диаметр ок. 8 см), чаши в виде глубоких мисок, напоминающие современные "коса"¹¹.

В Боркорбазском могильнике обнаружены остатки двух блюд на ножках. Блюдо лучшей сохранности вырезано из цельного куска дерева, оно вытянутой формы (55x25 см), слегка вогнутое, с бортиком (загнут внутрь), внизу - четыре ножки¹². Деревянные столики были найдены в могильнике Гур-Мирон¹³; деревянная чаша - в могильнике Кара-Мойнак¹⁴.

В могильниках Мааша и Кызыл-Туу встречены деревянные столики, чаши, плетенки¹⁵, деревянная чаша - в могильнике Кур-

как (Алай)¹⁶, деревянный столик – в кургане 30 могильника Чак¹⁷.

Обильна и разнообразна деревянная посуда, происходящая из могильников Центрального Тянь-Шаня и Семиречья – это различные мелкие и крупные сосуды, блюда, столики (они описаны А. Н. Бернштамом, А. К. Кибировым и др.).

В могильниках Джал-Арык и Акчий-Карасу найдены железные обручи от деревянных ведерок и бочонков. Обруч из Акчий-Карасу был диаметром 16 см и закреплялся железными гвоздями¹⁸. В кургане 18 могильника Турасу, по словам А. К. Кибирова, был найден "выдолбленный из целого куска дерева большой овальный корытообразный сосуд. Он имел и две противоположащие ручки на узких сторонах. Дно его уплощенное, длина 28 см, длина с ручками 32,5 см, ширина 15, высота 6,5 см"¹⁹. Может быть, это миниатюрный лоток для снятия шлиха благородных металлов или его модель? Однако возможно и значительно более правдоподобно другое определение назначения этого корытца. Дело в том, что в Шугнанах, где не было мастеров, умеющих вытачивать деревянную посуду, широко применялись небольшие деревянные корытца: для приготовления теста, хранения молока и пр. В Хуфе также иногда изготавливались небольшие корытца для молока, которые там назывались Х* удв-ахих* т²⁰.

Небольшие овальные корытца-миски с одной ручкой, овальной формы (25–32 см при глубине 8 см) называются по-мунджански *gūñi*. Они применяются как миски для еды или для приготовления небольшого количества теста, особенно в путешествиях²¹. Однако существуют и гораздо более крупные, подпрямоугольные корытца для теста – мунджанские *gūvia* (66х34 см, глубина 12 см), на узких сторонах – маленькие ручки²². У казахов также имелись довольно крупные корытца, предназначенные для мяса и кислого молока²³.

Учитывая все это, нам кажется более вероятным предположение о включении этого корытца в состав домашней утвари²⁴. В этой связи необходимо также указать на лодкообразные сосуды кишты каратегинцев и дарвазцев. К такому сосуду иногда приделывали кольца. Он составлял принадлежность охотника, привешивавшего его к поясу или носившего в заплочном мешке. Охотник в таком сосуде разводил с водой тутовую муку или толокно из пшеницы²⁵. Возможно, некоторые сосуды из числа найденных при археологических раскопках служили именно для этой цели.

Наконец, следует упомянуть находку из могильника Айгырджал. В кургане 26 у погребенного на месте отсутствующей малой берцовой кости был деревянный "протез" длиной 27,5 см²⁶. В могильниках Таласской долины были распространены кружки с петлеобразными ручками, плоским дном и вертикальными стенками; полусферические чаши с прямыми или загнутыми внутрь краями и тарелки крупного размера (до 30 см диаметром) ок-

руглой или конической формы. Посуда имеет следы коричневой, реже черной, раскраски²⁷.

В могильниках Таласской долины, так же как в Центральном Тянь-Шане, два типа столиков на четырех ножках. Первый – это столик, сделанный из одного куска дерева, верх овальный, слегка вогнутый. Размеры: 50x22, высота ок. 15 см. Второй тип – плоские столики, иногда с незначительными бортиками. На оборотной стороне четыре призматические выпуклости с гнездами для шипов – выступов ножек. Размер этих столиков 50x25, высота 9,5 см. Столики порой несут следы коричневой, реже черной, раскраски²⁸.

В погребениях могильника близ Лоу-Лани обнаружены прямоугольные и овальные деревянные столики с низкими бортиками, с ножками, вставляющимися "на шип" или составляющими одно целое с подносом. Овальный столик имеет размер 41,3x26,6 см при высоте с ножками около 10,7 см; прямоугольный – 50x23,8 см при высоте 4 см. Оба вышеописанных столика были в употреблении, на поверхности – порезы ножом²⁹. Деревянные прямоугольные столики (41x28, 48x28 см) с приподнятым бортиком по краю и четырьмя посаженными на шипах ножками имеются в одном из могильников в области Лоб-Нора. Обе стороны (нижняя и верхняя) досок этих столиков покрыты порезами. Один сохранил следы полировки поверхности, возможно, он был лакированным³⁰. Реже встречаются овальные столики с приподнятыми краями и четырьмя ножками, вырезанные из одного куска дерева. Один такой столик имеет размер 46x28 см при ножках высотой 2 см³¹. В могильниках, раскопанных в Восточном Туркестане, часто встречается также деревянная посуда.

Следует отметить и находки деревянной посуды в замке на горе Муг, среди этих находок – деревянное блюдо диаметром ок. 40 см на трех ножках (изготовлено из одного куска дерева)³².

Что касается столиков, то они были широко распространены в Азии. Достаточно указать на находки в алтайских могильниках, Ноин-Уле³³ и могильниках Тувы³⁴, в гробницах ханьского времени Корея, Китая, Индокитая³⁵.

Б. ТЕХНИКА ИЗГОТОВЛЕНИЯ ДЕРЕВЯННЫХ ПРЕДМЕТОВ.

НАЗНАЧЕНИЕ СТОЛИКОВ И ПОСУДЫ

Изучение археологических находок позволяет восстановить последовательность процесса изготовления деревянных изделий – с момента валки ствола дерева и до окончательной отделки предмета.

На досках из Кенкольского могильника имеются следы от тесловидного орудия (по-видимому, типа современного киргизского чота или аналогичных орудий памирцев). Ширина рабочего края этого орудия 3–5 см. Бревно раскалывалось с помощью клиньев, затем подвергались дополнительной обработке с помощью

чота, им же обтесывались и торцы³⁶. А. Н. Бернштам упоминает о находке костяной рукоятки железного тесла³⁷.

На плахах из кургана 10 могильника Айгырджал заметны следы орудий. Как сообщает А. К. Кибиров, здесь есть следы клиньев, а также гладкие следы шириной в 5 см от орудия типа теши или кирки-теши³⁸.

Замечательное обилие и разнообразие деревянных изделий в Карабулакском могильнике позволило Ю. Д. Баруздину восстановить весь процесс обработки деревянных изделий. Приводим его описание последовательности обработки: "Дерево подрубалась топором с нескольких сторон, а затем валилось. Следы лезвий, располагающиеся один над другим, шириной до 7 см, отчетливо видны на комлевой части колод. Следующий этап обработки дерева состоял в том, что бревно раскалывалось, или выдалбливалось, когда изготовлялась колода. Можно предполагать, что дерево на доски раскалывалось при помощи деревянных или железных клиньев. Плоскости грубых досок вначале надрубали, затем откалывали отщепы, об этом говорят следы многих сотен ударов на поверхности досок (отеска досок производилась ударами, направленными в разные стороны, ширина лезвия тесла достигала 7 см). Обработка досок требовала длительного времени и тяжелого труда, если учесть, что откалывание их производилось от сучковатых бревен арчи. Возможно, что иногда для получения досок обтесывались целые бревна"³⁹.

Судя по гробам из Исфаринского района, доски изготавливались с помощью двух орудий. Сначала острым топором с тонким лезвием наносились вертикальными ударами глубокие зарубки, нередко расположенные параллельно, рядом друг с другом. Топор имел лезвие шириной 5–7 см. Затем производилось горизонтальное скалывание – стесывание с помощью инструмента типа теши с узким и, по-видимому, округлым лезвием шириной порядка 2,5–3,5 см. Для избежания неправильного скалывания поперечными надколами доска иногда делилась по длине примерно на три равные части. Несмотря на зарубки, происходили задиры древесины, тогда скалывали с противоположной стороны. "Окошки" и узкие пазы вырубались с помощью долота с лезвийной частью шириной ок. 1 см.

С. А. Семенов на основании изучения досок из Кара-Мойнакского, Кайрагачского и Карабулакского могильников сделал следующее заключение: "Следы работы на досках показывают, что ширина лезвия тесла достигала 60 мм, углы лезвия были слегка закруглены. Ввиду сильной сучковатости дерева отеска досок производилась ударами, направленными в разные стороны, с тем чтобы не вызвать сильных задиры древесины. Обработка досок производилась путем обтесывания, вероятно, очень толстых заготовок, сколотых с дерева арчи, а возможно, и целых пластин, т. е. бревен, расколотых пополам. Об этом напоминает косое

расположение годовых слоев на кромке досок. Такое положение слоев на кромках досок должно было появиться еще и по той причине, что стволы арчи не были прямыми. Чтобы вытесать более или менее прямую доску, необходимо было иметь очень массивную заготовку, с которой следовало удалить большую массу древесины. Работа производилась "на глаз", т. е. без разметок досок измерительными приборами"⁴⁰.

Для обработки дерева существовал, следовательно, целый набор орудий. Деревья срубались топорами, подобными тем, что найдены в Исфаринском районе и Карабулаке.

Дальнейшая обработка представляется в следующем виде. Подобно тому как еще недавно делали горные таджики⁴¹, с помощью особого тесла-теша на длинной рукоятке - эта разновидность теша называется пойтеша или тешаи пой (бук. "ножная теша") - обрубали ветки, сучья, снимали кору. Затем клиньями раскалывали бревна вдоль, получая доски и горбыли. После этого вновь шла в ход пойтеша - ею обтесывали доски, при окончательной отделке которых применялись и обычные теша с короткой рукояткой.

Наряду с универсальными тешами, отличавшимися лишь длиной рукоятки, существовали и специализированные, а также различные клинья и долотовидные орудия. Употреблялась, по-видимому, и пила, следы которой отмечены на изделиях из Боркорбаза. Пилы при изготовлении деревянных изделий употребляли савроматы уже в V в. до н. э.⁴² Обломок железной пилы из Дингильдже (середина I тысячелетия до н. э.) является пока наиболее ранним в Средней Азии образцом этого орудия в его железном варианте⁴³. Соседи ферганцев, жители Восточного Туркестана, не только были знакомы с этим инструментом, но и снабжали "маленькими пилами" пограничные китайские отряды⁴⁴.

Техника изготовления деревянной посуды наиболее детально исследована А. Н. Бернштамом на материалах Кенкольского могильника. Сосуды здесь делались из арчи и тяньшаньской ели. А. Н. Бернштам отметил, что болванки для сосудов изготавливались из разных частей ствола, в зависимости от формы будущего сосуда. Затем из этой болванки вырезался сосуд, вероятно с помощью ножа. Некоторые сосуды, в частности блюда, а также столбики, сохранили циркульные следы движения режущего инструмента. Именно эти изделия очень тщательно изготовлены, форма ножек совершенно одинакова. Нижняя поверхность отделана небрежно - срезам. А. Н. Бернштам предполагал наличие прототипа токарного станка в виде закрепленного на веревке режущего инструмента, вращавшегося вокруг фиксированной точки, заготовка при этом оставалась неподвижной⁴⁵ (впрочем, такой механизм мало рационален). Следы от вытачивания на токарном станке есть и на изученной нами ферганской посуде.

Представляется, что ко второй половине I тысячелетия до н. э. могли возникнуть более совершенные, чем думал А. Н. Берн-

штам, типы токарных станков. Мы уже упоминали об одном сосуде из Чиль-Хоны (III-I вв. до н. э.), изготовленном на станке. Сосуд из И-3/5 был изготовлен из болванки, поперечной вертикальной оси сосуда. На внешней поверхности его совершенно отчетливо видны пересекающие годовые кольца 'горизонтальные следы точки на токарном станке. Эти следы имеют вид горизонтальных концентрических линий, тонких, часто расположенных, непрерывных. Такие следы могли быть оставлены лишь станком с непрерывным равномерным вращением, вроде существовавших до современности киргизских станков с ручным (ножным) ременным приводом⁴⁶ или весьма примитивных памирских водяных токарных станков⁴⁷. Несмотря на примитивность водяных станков, на них можно было вытачивать крупные изделия - в Дарвазе, например, вытачивались блюда до 80 см в диаметре⁴⁸.

Много деревянной посуды изготавливается памирцами, живущими в Афганском Туркестане. Центром изготовления деревянных изделий, в том числе сосудов, являются афганские провинции Вахан и Шугнан, а также Мунджан. Много изделий происходит из Кафиристана (Нуристан), где имеется собственная традиция изготовления деревянных изделий. Немногие из мастеров могут целиком прокормиться сбытом своих изделий, большинство же являются крестьянами⁴⁹.

Туркменские мастера-деревоотделочники посуду обычно делали из ивового дерева. Срубленное под корень дерево выдерживали около месяца, затем распиливали на куски таких размеров, которые были необходимы для изготовления посуды. Затем такой кусок грубо отесывали, углубление выдалбливали тешой, а поверхности обрабатывали ножом. Лишь затем эта заготовка подвергалась с помощью резцов различной формы и размеров обработке на примитивном токарном станке⁵⁰.

Деревянные сосуды помимо вышеуказанных районов вытачиваются в большом количестве в долине Фархара. Дерево приносят заказчики, и в качестве платы часто служит дерево⁵¹. Кроме того, точеные деревянные сосуды происходят из Файзабада и долины Кокча⁵².

В древности деревянная посуда очень ценилась. Ее ремонт производился сшиванием медной проволокой в "елочку" или с помощью медных листков, прикреплявшихся гвоздиками⁵³. Для ее ремонта, для укрепления стенок применялись также различные бронзовые скобы и обоймочки⁵⁴.

Деревянные столики со слегка вогнутым верхом на четырех ножках, по мнению А. Н. Бернштама, были специально предназначены для изготовления мучной пищи. Он указывает, что на столиках из Кенкольского могильника были следы соскабливания ножом прилипшего теста. Аналогичные столики он наблюдал в быту у среднеазиатских уйгур⁵⁵. По словам Наливкиных, у ферганских узбеков при приготовлении лапши, теста для пирожков и

прочего применялся слегка выпуклый деревянный столик размером 27–71 см, стоявший на четырех маленьких ножках; столик называется аштахта⁵⁶. Такие же столики имеются также в быту горных таджиков – они предназначены для раскатывания лапши. Название столика тахтаи ош или оштахта⁵⁷. В этой связи находит себе объяснение наличие глубоких параллельных порезов ножом на поверхности столика из И-3/2.

Назначение форм деревянной посуды из могильников в значительной мере выясняется сопоставлением с этнографическими материалами, в частности киргизскими и памирскими. Некоторые формы почти в неизменном виде дошли до современности. Так, например, кувшинчики из Карабулакского могильника находят прямые аналогии в современной посуде южных киргизов. К. И. Антипина указала на близость этих кувшинов к киргизским тогоро-чо или курма, предназначенным для хранения масла и сметаны⁵⁸; можно добавить горнотаджикские параллели; выше приводились этнографические данные о применении деревянных корытцев и др.

В. ПЛЕТЕННЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Плетеные изделия типа различных корзин широко применялись, как показывают курганные комплексы, в быту памирских саков. При раскопках А. Н. Бернштама и наших было встречено много фрагментов плетеных корзин. В исфаринских могильниках также найдено большое число фрагментов плетеных корзин.

1. Стенки круглой плетеной корзинки. Высота стенок 6,5 см, диаметр корзинки ("лукошка") 20–25 см. Стенка состоит из 8 обводных горизонтальных прутьев, подпрямоугольных в поперечном сечении, со специально подрезанными гранями (5x5, 5–7 мм), сплетенных попарно лыком шириной 2,5–3 мм. Оплетка производилась таким образом, что в интервалы оплетки одной пары входит оплетка следующей, так что плетение велось "через один" прут. Происхождение – И-3/6 (табл. 14/2–4).

2. Фрагменты дна и стенок круглой корзины. Очень тщательная и тонкая оплетка. Происхождение – И-3/6.

3. Дно прямоугольной плетеной корзинки (табл. 14/1). Центральная часть из одного прута, плотно загнутого в виде прямоугольного лабиринта (прямоугольник 11x7 см). Оплетка прутьев произведена попарно, очень тщательно. Прутья прямоугольные или овальные в сечении (6x6, 6x7 мм). Лыко узкое (2 мм). Происхождение – ВУ-5/10.

4. Корзинка плетеная из прутьев с тонкой перевязкой диаметром 36 см. Высота стенок до 6 см. Прутья стенок 3–4 мм диаметром, прутья дна несколько толще. Происхождение – КВ-2а/4.

В Карабулакском могильнике встречено множество плетеных корзин хорошей сохранности. Они были круглой и прямоугольной формы разных размеров, от очень маленьких и до имеющих

70 см в диаметре. Сохранились и крышки⁵⁹. В Кенкольском могильнике найдены фрагменты плетеной корзины. Основа из лыка переплеталась через одну линию такими же, как основа, полосками лыка⁶⁰. Плетеные из травы орнаментированные корзинки часто встречаются в погребениях могильников Восточного Туркестана⁶¹.

О широком применении плетеных изделий в быту оседлых жителей Верхнего Зеравшана свидетельствует коллекция из замка на горе Муг. Как показало исследование С. В. Иванова, применялась различная, в том числе весьма совершенная техника плетения. Для основы брались более толстые прутья, иногда подрезанные таким образом, что их сечение становилось прямоугольным⁶².

Искусство изготовления плетеных изделий сохранилось у горных таджиков до современности. Как пишет И. И. Зарубин, "по среднему Бартангу женщины плетут из пшеничной соломы *ĵemadān* - небольшие коробочки, в которых они держат свои ручкодельные принадлежности. Распространеннее, чем эти *ĵemadān*, так называемые *söpt* (*söpta'k*) - очень искусной работы круглые коробки, сплетенные из тонко настроганных еловых брусиков; они украшаются каким-нибудь простым геометрическим орнаментом, и иногда им придакт форму двух конусов, соединенных вершинами. Употребляются они для хранения самых различных вещей"⁶³. Плетеные из пшеничной соломы и из ивовых прутьев изделия были распространены и в Дарвазе⁶⁴.

Небольшие плетеные корзинки (диаметром до 36 см) применяются в Мунджане для хранения муки (они называются *ksöta*)⁶⁵. Плетение очень густое, по характеру - одинаковое с курганным: горизонтальные ободки прутьев схвачены попарно вертикальной оплеткой.

Ферганские, центрально-тяньшаньские и семиреченские могильники содержат значительно больше изделий из дерева, а также плетеных изделий, чем сарматские могильники. В последних деревянная утварь занимала несравненно более скромное место. Правда, и там встречались и деревянные сосуды, и плетеные изделия⁶⁶, и их не так уж мало.

Деревянные изделия клались и в погребения древних китайцев, в том числе столики, плетеные корзинки⁶⁷. Однако не здесь, а в Сибири деревянная утварь, плетеные изделия - один из важнейших компонентов погребального инвентаря. Именно в Сибири изготовление деревянных и плетеных изделий сохранилось и до современности, причем плетение, например, достигло замечательного совершенства⁶⁸. Вполне возможно, что контакты с сибирскими племенами способствовали развитию этого искусства в Средней Азии.

Судя по археологическим находкам, кожа ширско употреблялась в быту в первой половине I тыс. н. э. Большой набор кожаных изделий имеется в Карабулакском могильнике. Здесь обнаружены пояса, мешочки, бескаблучные сапоги¹, ножны, края которых украшены бронзовыми бляшками². В КВ-6/8 найден большой смятый овальный сосуд (20х30 см), собственно типа бурдюка. Как указывает А. Н. Бернштам, "выделанная кожа служила для изготовления одежды. Из нее делались штаны, мягкие бескаблучные сапоги типа среднеазиатских чарыков. Из кожи изготовляли гориты и колчаны, щиты, ремни для конской сбруи и т. д."³.

При шитье кожаных изделий необходимой принадлежностью являлись шилья. Судя по находкам в курумах, они были железными, с пирамидальным насадом и конической рабочей частью. Иглы также были железными, длиной 50-70 мм; их фрагменты найдены в курумах (ПБ-10, ПБ-15, БДШ-14, МКМ-55, МКМ-58, и др.) и в исфаринских курганах (КВ-26, КВ-149).

А. ОПИСАНИЕ МЕСТНЫХ ЗЕРКАЛ

ИЗ ИСФАРИНСКИХ МОГИЛЬНИКОВ И КАРАМАЗАРСКИХ КУРУМОВ

1. НУ-5. Плоское зеркало из тонкого миллиметрового листа с боковой ручкой в виде узкой и сравнительно короткой округленной на конце полоски. Края диска незначительно отогнуты. Размеры: диаметр 100 мм, длина ручки 33 мм (табл. 15/17).

2. КВ-49. Фрагмент плоского зеркала (?) с очень короткой плоской подтреугольной ручкой-выступом (табл. 15/13).

3. КВ-51. Тонкое, несколько выпуклое с лицевой стороны фрагментированное зеркало. По окружности - почти вертикально отогнутый низкий бортик. Размеры: диаметр 114 мм, высота бортика 3 мм (табл. 15/14).

4. КВ-18. То же, что и № 3. Фрагмент. Размеры: диаметр 92 мм, высота бортика 3-4 мм (табл. 15/11).

5. КВ-52. Тонкое дисковидное вогнутое зеркало. Фрагмент. На обратной стороне (вдоль края) орнаментальный пояс, состоящий из двух концентрических линий, между которыми ряд кружков с центральной точкой. Внутреннее поле заполнено такими же кружками, система их расположения из-за коррозированнойности неясна. Размеры: диаметр ок. 100 мм (табл. 15/19).

6. КВ-18. Дисковидное зеркало с отогнутым краем из очень тонкого листа (ок. 1 мм толщиной). Фрагмент. Размеры: диаметр ок. 95 мм (табл. 15/12).

7. ВУ-10. То же, что и № 6. Диаметр ок. 110 мм (табл. 15/16).

8. ВУ-40. Более массивное дисковидное зеркало. На обратной стороне близ края выгравированы две концентрические линии. Есть дырочки. Размеры: диаметр ок. 90-95 мм, толщина 2-2,5 мм (табл. 15/3).

9. НК-1. То же, но без орнамента. Овальный вырез и дырочка (для закрепления ручки). Размеры: диаметр ок. 110 мм, толщина 2-2,5 мм (табл. 15/1).

10. БДШ-7. Тонкое дисковидное зеркало. Близ края очень незначительное утолщение. Диаметр ок. 115 мм, толщина 0,7-1,0 мм (из впускного погребения).

11. Мелкие фрагменты от разных, преимущественно дисковидных зеркал: С-II-3 (табл. 15/6); КВ-92 (табл. 15/18); КВ-8 (табл. 15/9); НУ-7; С-II-23 (табл. 15/20); Ч-7; БДШ-14; Кех-1; ЧК-1-3; ВУ-37; С-II-33 (табл. 15/4). Может быть, сюда следует отнести и фрагмент ВУ-12 (табл. 15/15).

12. КВ-75/2. Фрагмент зеркала с бортиком. Сильно коррозирован. Бортик в виде узкого и невысокого слабо моделированного канта вдоль края, плавно переходящего в поле зеркала. Размеры: диаметр зеркала ок. 160 мм, ширина бортика 10-12 мм (табл. 15/5).

13. ВУ-50/3. То же. Размеры: диаметр ок. 130 мм, ширина бортика 7-8 мм (табл. 15/2).

14. ВУ-38/3. Фрагмент зеркала с четким рельефным бортиком. Вдоль бортика, на поле зеркала, углубленная бороздка. Размеры: диаметр ок. 130 мм, ширина бортика 12 мм (табл. 15/7).

15. КК-6. Зеркало с бортиком. На тыльной стороне - рельефный плоский бортик, в центре - выступ в виде конической шишки. В одной части бортика - облом. Размеры: диаметр 107 мм, ширина бортика 11 мм (табл. 15/10).

16. ВУ-15. Зеркало с бортиком. На тыльной стороне - рельефный плоский бортик. Утолщение центральной части постепенно увеличивается от бортика к центру, но без ярко выраженной центральной шишки. В одном месте на бортике поперечный вырез, переходящий в желобок. По бокам желобка - два отверстия. Диаметр зеркала 90 мм, ширина бортика 8-11 мм (табл. 15/8).

17. КВ-18. Зеркальце миниатюрное, дисковидное. Близ края - две дырочки. Размеры: диаметр 53 мм (табл. 16/4).

18. КВ-26. То же, что № 17, но фрагментировано. Размеры: диаметр 60 мм (табл. 16/1).

19. КВ-6. Зеркальце миниатюрное, дисковидное. В плане имеет форму овала, на одной из сторон - небольшой вырез. Размер: диаметр 38-40 мм (табл. 16/3).

20. КВ-26. Зеркальце миниатюрное, дисковидное, фрагмент. На обратной стороне, в центре, обломана ручка (?). Вдоль края обратной стороны - кружковый орнамент (ряд кружков с точкой в центре). Размеры: диаметр 50 мм, толщина 1,55 мм (табл. 16/8).

21. ЧК-1-21. Зеркальце миниатюрное, дисковидное. В центре обратной стороны поля - сферический выступ - ручка со сквозным горизонтальным отверстием. Размеры: диаметр 55 мм, толщина 2 мм (16/6).

22. НУ-8. То же, что и № 20, но у края небольшое утолщение (зародыш бортика). Размеры: диаметр 53 мм, толщина 2 мм (табл. 16/2).

23. ЧК-II-25. Зеркальце миниатюрное, в центре обратной

стороны – петельчатая ручка. По краю – плоско-рельефный бортик. Размеры: диаметр 55 мм, толщина 2 мм (табл. 16/7).

24. С-II-44. Зеркальце миниатюрное. В центре обратной стороны – полусферический выступ – ручка с горизонтальным отверстием. По краю идет низкорельефный бортик. По внутреннему контуру к нему примыкают тонкие штрихи-зубчики. На поле между ними, ручкой и бортиком три тонких концентрических валика образуют два кольца, заполненные рельефными полукругами. Размеры: диаметр зеркала 67 мм, толщина 2 мм (табл. 16/5).

25. Зеркальца миниатюрные, фрагменты (КВ-26/9, КВ-51/5, КВ-64/6, КВ-70/5, КВ-181/7).

Б. ВОПРОСЫ КЛАССИФИКАЦИИ И ХРОНОЛОГИИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ЗЕРКАЛ

Историей развития типов бронзового зеркала на территории Европейской части СССР занимались М. И. Ростовцев, П. Рау, Т. Н. Книпович и др.¹. Чрезвычайно обстоятельно, с использованием всего имеющегося сейчас материала, генезис и эволюция савроматских и сарматских зеркал изучены К. Ф. Смирновым², М. Г. Мошковой³, В. П. Шиловым⁴ и А. М. Хазановым⁵. Эти исследователи привлекали для иллюстрации и обоснования своих выводов и отдельные зеркала с территории Средней Азии. Некоторые вопросы истории среднеазиатского зеркала получили освещение в работах С. С. Сорокина⁶, О. В. Обельченко⁷, Е. Е. Кузьминой⁸, В. И. Распоповой⁹ и др. Однако вся совокупность среднеазиатских зеркал еще не служила объектом исследования.

Отдел 1. Зеркала с боковой ручкой

Тип 1. Зеркала с гладким диском и боковой ручкой.

К этому типу относится из исфаринских находок НУ-5/2 (описание № 1). Территориально наиболее близкой аналогией является такое же зеркало из Карабулакского могильника¹⁰, а также из кургана 36 могильника Тура-Таш. В последнем случае захоронение совершено в обычном для подбойных захоронений могильном сооружении, с закладкой входа сырцовым кирпичом (особенность, характерная для ферганских погребений III-V вв. н. э.). Инвентарь, в частности керамика, совершенно характерен для основной группы погребений. И хотя захоронение необычное – скорченное, все же предложенная Ю. Д. Баруздиным датировка комплекса V-III вв. до н. э., поддержанная Н. Г. Горбуновой – она датирует III в. до н. э. (с вопросом)¹¹, нам кажется неприемлемой – речь может идти лишь о первых веках. То же самое можно сказать и о зеркале из НУ-5/2. Иное дело – зеркало из алайского могильника Кара-швак (табл. 18/1). Это

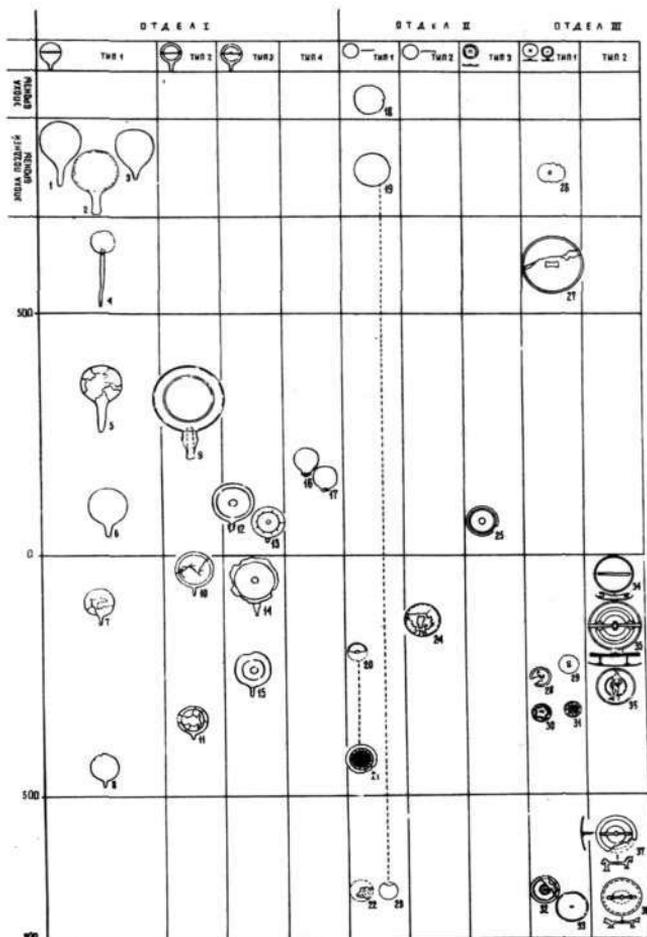

ТАБЛИЦА КЛАССИФИКАЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ ЗЕРКАЛ

1 - ранний Тулхарский могильник; 2 - Гиссар, погребение; 3 - могильник Айкуль; 4 - Уйгаракский могильник; 5 - Карашвакский могильник; 6, 13 - Туп-хона; 7 - НУ-5; 8 - Пскентский могильник; 9 - Агалыксайский могильник; 10 - Кульбулакский могильник; 11 - Шаушукумский могильник; 12 - Тулхарский могильник; 14 - Лявандакский могильник; 15 - Миздахан-некрополь; 16 - могильник Уйгуркуда 1; 17 - могильник Кзылэспе; 18 - Южная Туркмения, поселение у 102 км; 19 - Алтын-депе; 20 - КВ-26; 21 - курум в Аште; 22, 23, 32 - Пенджикент; 24 - КВ-51; 25 - КК-6; 26 - Муминабадский могильник; 27 - Уйгаракский могильник; 28 - ЧК-П-25; 29 - ЧК-1-21; 30 - Боркорбазский могильник; 31 - Урюкзорский могильник; 33 - Ак-Бешим; 34, 35 - Тураташский могильник; 36 - Карабулакский могильник; 37 - Джолсайский могильник; 38 - Пенджикент.

"зеркало круглой формы с длинной плоской ручкой длиной в 11 см, составляющей одно целое с зеркалом. Диаметр зеркала 13 см". На основании ряда аналогий, а также комплекса находок Ю. А. Заднепровский датирует это зеркало V-III вв. до н. э.¹². По-видимому, к этому же времени относятся аналогичные зеркала из курганов Кочкорской долины¹³. На Туп-хоне при наших раскопках 1961 г. в погребении 183 было найдено плоское крупное зеркало с массивной боковой ручкой. Зеркальный диск в плане овальный, боковая ручка подтреугольная со скругленным концом, она значительно толще, чем зеркальный диск. На обратной стороне зеркала выгравированы две concentрические линии, посаженные несколько смещенно (табл. 18/1). Размеры зеркала: диаметр 120-126 мм, длина ручки 50 мм, ширина ее у основания 27 мм, толщина диска 5 мм, толщина ручки 9 мм¹⁴. Погребение датировано оболочкой Евкратиды. Эти монеты, как считают, находились в обращении в конце II - начале или середине I в. до н. э.¹⁵. Ко времени около рубежа н. э. относятся плоские зеркала с коротким боковым подтреугольным или округлым штырем из могильников по верхнему Узбою¹⁶. Следует указать, что зеркало Туп-хоны по своим пропорциям очень близко кубанским зеркалам из погребений III - начала I в. до н. э.¹⁷.

В скифо-сарматское время зеркала с боковыми ручками были широко распространены в Прикубанье, Поволжье и Приуралье¹⁸.

По мнению В. П. Шиловой, "находки таких зеркал в античных городах Северного Причерноморья позволяют предполагать их греческое происхождение и, следовательно, наличие связей Нижнего Поволжья с греческими городами, вероятно, через Танаис"¹⁹. Однако это предположение не может быть принято. Как писал К. Ф. Смирнов, "с территории древнего Ирана эти зеркала попадали в Среднюю Азию (впрочем, можно предположить, что Средняя Азия и была их родиной), а отсюда были заимствованы сарматами и скифами . . ." ²⁰. Мнение К. Ф. Смирнова было принято и другим исследователем²¹, оно представляется справедливым и нам. В самом деле, зеркала с боковой ручкой были достаточно широко распространены в эпоху бронзы на Востоке²². Существенно, что они применялись в странах, граничивших со Средней Азией, так, в Иране в Тепе Гиссар в слоях Гиссар III имеются и зеркала с короткой ручкой, причем переход к ней округлый, не резкий (диаметр 17,5 см)²³. В Марлике найдено зеркало в виде плоского круглого (диаметр 17 см) диска с узкой обломанной боковой ручкой²⁴. В "Некрополе В" Тепе Сялка (начало I тысячелетия до н. э.) также имеются такие зеркала²⁵. В Индии они характерны для цивилизации Хараппы²⁶.

В Средней Азии находки такого рода зеркал сделаны в Семиречье и Южном Таджикистане. В Семиречье в сукулукском

кладе, который не может датироваться временем, более поздним чем конец II тысячелетия до н. э., имеются два плоских круглых зеркала с длинной ручкой (диаметр зеркала 11,7 см) (табл. 17/16)²⁷. В сел. Садовое найдены три зеркала аналогичной формы (диаметр 11,3-16,0 см). Ручка одного из них имела ребра-бортики и штифты (табл. 17/4, 10)²⁸. Зеркала из сел. Садовое можно датировать концом II - началом I тысячелетия до н. э.

В Фергане на Чустском и Дальверзинском поселениях найдены каменные формы для отливки зеркал с боковой ручкой. Диаметр зеркал 7,5-10 см (табл. 17/3, 12, 13)²⁹.

В Южном Таджикистане при раскопках могильника вахшской культуры Тигровая балка (низовья Вахша) найдено зеркало такого типа. Хотя оно сильно коррозировано, все же сохранилось полностью. Диск - в виде правильного овала, более узкого со стороны ручки; ручка - в виде длинного суживающегося штыря, боковые грани которого имеют вид обращенных внутрь дуг, так что наружный конец ручки несколько уширен по сравнению с серединой. Диаметр диска 122-140 мм, длина ручки 100 мм (табл. 17/19). Из могильника Ой-Куль, курган 42, происходит зеркало с боковой ручкой. Диск его - овальный, в приостренной части - короткая ручка-штырь. Диаметры диска 142-158 мм, длина ручки 20 мм. В Тулхарском могильнике зеркала с боковой ручкой представлены одним экземпляром с овальным диском и длинной подпрямоугольной ручкой. Диаметр диска 140 мм, длина ручки 70 мм (табл. 17/1)³⁰. Еще одно зеркало было найдено недалеко от Гиссара, у Института земледелия ТаджССР (случайные раскопки, передано А. Д. Бабаевым): выпукло-вогнутый диск в плане яйцевидный, узким концом к рукояти, граница между рукоятью и диском четко выражена ребром. Рукоять пластинчатая, подпрямоугольная, с вогнутыми продольными сторонами, расширяющаяся и приостренная к концу. Техника: литье с незначительной проковкой края. Диаметр диска 186-193 мм, длина ручки 83 мм (табл. 17/17).

Зеркало с боковой ручкой особого вида найдено на Сапалитепа. Отлитая отдельно ручка - фигурная, по боковым сторонам, вблизи от диска, с двух сторон - петельчатые ушки овальной формы, что вместе с уширением в той части ручки, что налегает на диск, придает ей антропоморфный облик. Диаметр диска 175 мм, длина ручки 125 мм (табл. 17/7)³¹.

Е. Е. Кузьмина высказала предположение, что зеркала такого типа были и у анаусцев, к степным племенам они попали в результате контактов. "Возможно, что посредником при распространении этого типа украшений на север явились носители чустской культуры, поддерживающие тесные связи с земледельцами юга"³².

При рассмотрении этого вопроса необходимо принять во

внимание, что по форме среднеазиатские зеркала с боковой ручкой эпохи поздней бронзы можно разделить на два подтипа: 1) с овальным диском, 2) с круглым диском. Наиболее четкие образцы первого подтипа представлены зеркалами чустской и вахшской культур, второго – степной культуры Семиречья.

Что же касается "продвижения" этого типа зеркал к степным племенам, то здесь сыграли, должно быть, свою роль контакты не только с носителями чустской культуры (как думает Е. Е. Кузьмина), но и с вахшской культурой. При этом следует отметить, что произошло не простое механическое усвоение типа, а и некоторое его изменение.

Зеркала этого типа позже стали принадлежностью быта скифов и савроматов, причем К. Ф. Смирнов полагает, что они являются непосредственным продолжением среднеазиатских зеркал эпохи поздней бронзы. У скифов и савроматов они встречаются чаще всего в комплексах У1–III вв. до н. э.³³

В Средней Азии эти зеркала также продолжали существовать в VII–I вв. до н. э. – об этом свидетельствует, в частности, находка экземпляров с очень длинной боковой ручкой³⁴.

На основании формы ручки среднеазиатские зеркала рассматриваемого типа можно разделить на следующие подтипы (индивидуальные формы вроде сапалитепинской в классификацию не включены):

- 1) с длинной (0,5–0,8 диаметра диска) подпрямоугольной ручкой;
- 2) с очень коротким суживающимся боковым штырем (0,1–0,2 диаметра диска);
- 3) с узкой и тонкой ручкой-штырем (больше диаметра диска);
- 4) с короткой (до 0,3–0,5 диаметра диска) подпрямоугольной ручкой;
- 5) с короткой и широкой (у диска) подпрямоугольной ручкой

Первый и второй подтип характерны для конца эпохи бронзы; третий и четвертый – для VII–III вв. до н. э., пятый возникает в III–II вв. до н. э.

Вместе с тем варианты первого подтипа продолжают сосуществовать с четвертым подтипом (генетически связанным с первым), причем и третий подтип встречался, видимо, вопреки высказывавшемуся нами и другими исследователями мнению³⁵, намного позже, переходя за рубеж н. э.

Следует иметь в виду, что много позже, в I вв. н. э., по-видимому, происходит "возрождение" четвертого подтипа этого типа зеркала: с одной стороны, в результате упрощения, так сказать, деградации типа 3 (см. ниже), с другой – продолжения старой традиции. В Пскентском могильнике в катакомбе I вв. н. э., датированной находкой однолезвийного железного меча, найдено двустороннее зеркало с боковой подтре-

угольной ручкой, обе, первоначально гладкие, поверхности сильно коррозированы (табл. 18/3). Диаметр 93 мм, с ручкой 116 мм, толщина диска 5 мм, толщина ручки 7 мм³⁶. Такие же зеркала с совершенно незначительным утолщением по краю встречены и в могильнике Шаушукум (III–У вв. н. э.)³⁷. Как явствует из иконографических материалов, зеркала в виде плоского диска с боковой ручкой продолжали существовать и в эпоху раннего средневековья³⁸.

Особое место среди зеркал этого типа занимает зеркало из второго кургана первого Чильпекского могильника. Это "... бронзовое зеркало диаметром 9,3 см с короткой ручкой в виде стилизованной головы грифона, с остатками сильно разрушенного деревянного футляра и короткой деревянной ручкой, приклепанной к бронзовой рукояти"³⁹.

Особняком стоит принадлежащее, собственно, к иному типу беспаспортное зеркало Ташкентского музея с низким, почти вертикальным бортиком и широкой суживающейся к концу ручкой с рудиментом кружкового уширения. Ручка более толстая, чем собственно зеркало. Диаметр 11,8 см, длина ручки 5,2–5,5 см, ширина 2,0–2,8 см, высота 0,3 см. Это зеркало (импортное?) напоминает савроматские зеркала У типа классификации К. Ф. Смирнова⁴⁰.

Тип 2. Зеркала с утолщенным ободком по краю диска и боковой ручкой.

В коллекции из исфаринских курганов бесспорными экземплярами не представлен. Не исключено, что к этому типу относились зеркала, сохранившиеся лишь в виде фрагментов (из KB-75, ВУ-50, ВУ-38, описаны на стр. 74, № 12–14)⁴¹. Известны они и по находкам на поселениях. Так, на Кой-Крылганкале такое зеркало найдено в составе комплекса I в. до н. э. – I–II вв. н. э.

В могильнике Тура-Таш два таких зеркала (курганы 19 и 27). Ручка у них короткая, подпрямоугольная, в одном случае приостренная в виде штыря. Диаметр зеркала с подтреугольной ручкой 107 мм, ручка 20 мм⁴².

Едва ли не самым ранним зеркалом такого типа в Средней Азии является зеркало из кургана 9 Агалыксайского могильника. Диск его (диаметр 230 мм) имеет вдоль края тыльной стороны валик, снаружи и внутри ограниченный реберными валиками. К диску приклепан штырь (длина 100 мм) для костяной ручки. Датировка IУ–III вв. до н. э.⁴³. Интересно также зеркало с Фархадстрога (дошло в виде фрагментов). Имеет бортик по краю, боковую подтреугольную ручку в виде штыря, без выпуклины (табл. 18/6). Диаметр 180 мм, длина ручки 35 мм, ширина 15–18 мм, ширина бортика 10 мм⁴⁴. Обломок зеркала с ши-

роким ободком известен среди находок в Караджарском могильнике⁴⁵. Целое зеркало такого типа найдено в Кульбулакском могильнике, где оно может датироваться рубежом н. э. – I в. н. э.⁴⁶. Несколько целых зеркал такого типа, а также обломки найдены в Бабашовском могильнике^{46а}.

В Душанбинском некрополе в погребении в кирпичной камере имелось бронзовое зеркало (диаметр 220 мм), с ободком и маленькой трапециевидной ручкой⁴⁷. Зеркало этого типа найдено в могильнике Шаушукум (раскопки А. Г. Максимовой)⁴⁸ и на Западном Памире⁴⁹.

При раскопках в Шейхан-Дхери (Пакистан) найдено одно такое зеркало (диаметр 10 см) с широким ободком и маленьким боковым выступом для прикрепления ручки (с помощью трех заклепок). Вероятная дата слоя, где зеркало найдено, конец I в. до н. э. – I в. н. э.⁵⁰.

Как известно, в IY–III вв. до н. э. появляются зеркала крупного диаметра с ободком по краю и короткой ручкой–штырем⁵¹. Этот тип зеркала продолжает существовать и много позже, вплоть до I в. н. э.⁵². В этих пределах заключается и датировка основной части среднеазиатских зеркал типа 2. Однако в отдельных случаях (Шаушукум) регистрируется и более длительное их существование, вероятно до III–У вв. н. э.

Тип 3. Зеркала с утолщенным ободком по краю диска, конической выпуклостью в центре и боковой ручкой.

Не исключено, что к нему относится зеркало ВУ–15 (№ 16 описания на стр. §§), ручка могла быть отломана и затем сделан желобок и дырочки для приклепывания новой ручки. Наиболее ранние экземпляры зеркал 3 типа представлены находками в Тулхарском могильнике (два целых зеркала и один фрагмент). Они датируются II – началом I в. до н. э.⁵³. Зеркало такого типа, но с более мягкой профилировкой, найдено в раскопываемом Южно-Таджикистанской экспедицией могильнике БМ–У, к.46. Диаметр его 100 см, ширина бортика 25, короткая подтреугольная ручка–штырь длиной 20 мм.

При наших раскопках на Туп–хона обнаружено зеркало 3 типа (погребение 190). Оно имеет маленькую подтреугольную в плане боковую ручку–штырь, в центре ее – сквозная дырочка. На тыльной стороне – низкий, плавно сходящий на нет бортик, в центре – конический выступ. По внутреннему краю бортика выгравирована двоякая линия. Размеры зеркала: диаметр 98–100 мм, длина ручки 15 мм, ширина ее у основания 11 мм, толщина бортика 6 мм⁵⁴ (табл. 18/4).

При раскопках М. М. Дьяконова в погребении 4 было найдено аналогичное зеркало⁵⁵. Боковая ручка была отломана, для прикрепления ремонтной ручки были просверлены два отверстия. Размеры зеркала: диаметр 102 мм, толщина бортика 5 мм.

Особенностью этого зеркала является, что здесь выгравирована по внутреннему контуру бортика не сдвоенная, а одинарная, но более глубокая линия, а также мягкие вмятины по внешнему краю бортика, которые делают его фестончатым. Оба зеркала из Туп-хоны найдены в погребениях, датированных оболами Евкратида. Таким образом, тупхонинские зеркала могут датироваться I в. до н. э. — началом I в. н. э.

В погребальном сооружении № 9 западнопамирского могильника Чиль-хона имеется зеркало с небольшим бортиком-утолщением и очень короткой боковой подтреугольной ручкой с отверстием. Размеры: диаметр 116 мм, ширина бортика 11 мм, выступающая ручка 9 мм⁵⁶. Комплекс погребения можно датировать II-I вв. до н. э., т. е. они синхронны тулхарским зеркалам.

Наряду с вышеописанными находками можно указать на находку из погребения на Душанбинских холмах. На тыльной стороне зеркала — по краю валик, плавно сливающийся с плоскостью. Валик разделен неглубокими вмятинами на несколько частей. В центре тыльной стороны — выпуклость. Ручка — штырь подтреугольного очертания. Диаметр зеркала 109–112 мм, длина ручки 39 мм, ширина ее у основания 17 мм. Комплекс находок из погребения нами первоначально датировался II-III вв. н. э.⁵⁷, сейчас можно отнести его к более раннему времени — I-II вв. н. э. (табл. 18/5).

В Лявандакском могильнике (курганы 6 и 8) имеются находки двух бронзовых зеркал с плоской рабочей стороной и валиком и выступом в центре с другой. Зеркала сбоку имеют заостренные насады для ручек. У зеркала из кургана 6 была кожаная цилиндрическая ручка. Диаметр одного зеркала 105 мм, другого — 160 мм. Эти курганы Лявандакского могильника датируются О. В. Обельченко II-I вв. до н. э., причем более ранним считается курган 6⁵⁸. Но наличие амфоровидной золотой серьги римско-провинциального происхождения делает более вероятной датировку этого кургана I-II вв. н. э.⁵⁹.

В погребении III в. н. э. Миздахканского некрополя найдено зеркало описываемого типа диаметром 121 мм⁶⁰.

В Куны-Уазе в слое III-1У вв. встречено зеркало, по-видимому, этого же типа, с ободком по краю⁶¹. Однако центральная часть выбита, и поэтому включение узского зеркала в этот тип условно.

В погребении на левом берегу оврага Бургулюк, которое А. И. Тереножкин относит к погребениям джунской культуры, были найдены "обломки металлического зеркала с выпуклостью в середине и низким ободком по краю (10 см в диаметре)"⁶². Может быть, к этому следует отнести фрагмент зеркала из кургана 18 могильника Чунг-Тепе⁶³.

В кургане 7 Джунского могильника найдено "бронзовое зеркало, совершенно окисленное, с боковым шипом. По краю его идет незначительный валик, а в середине имеется шишечка"⁶⁴. Зеркало это, хранящееся сейчас в Музее истории АН УзССР⁶⁵, очень сильно корродировано, и валик, о котором пишет Г. В. Григорьев, практически не прослеживается, по-видимому, его не было, но зато центральный выступ виден очень отчетливо. Конец боковой ручки — шип отломан. Диаметр зеркала 92 мм, длина ручки (сохранившаяся часть) 20 мм (табл. 19/5).

Г. В. Григорьев приводит мнение Л. А. Мацулевича, что погребения этого типа относятся к I-II вв. н. э., сам он относил их к I-III вв. н. э.⁶⁶, А. И. Тереножкин, со ссылкой на Т. Г. Оболдуеву, включает это зеркало в состав инвентаря джунской культуры II-IV вв.⁶⁷. Напротив, О. В. Обельченко относил меч из погребения с зеркалом к рубежу н. э.⁶⁸. Иная дата была указана М. Э. Воронцом — III-IV вв.⁶⁹. На основании комплекса находок это погребение можно датировать, скорее всего, II-III вв. н. э., к этому же времени следует относить и рассматриваемое каунчинское зеркало⁷⁰.

Датированные находки зеркал 3 типа имеются в северо-западной Индии. В Таксиле они найдены в сако-парфянском слое Сиркапа. Лицевая сторона и слегка вогнутая тыльная сторона иногда гладкая, но чаще имеет широкий волнистый бортик (волнистым иногда является лишь внешний край бортика, иногда — и поверхность) и выпуклину в центре. Диаметр колеблется от 65 до 165 мм. Металл зеркал из Таксилы — медь, не бронза⁷¹. Одно из этих зеркал было найдено в "блоке "Н" Сиркапа, на том участке, который датируется монетами Гермея, Азеса II и другими монетами. При этом следует иметь в виду, что в соседних помещениях найдены монеты Кадфиза I. Отсюда дата — I в. до н. э. — I в. н. э.⁷². В составе клада, найденного в Сиркапе, в Махал, было 19 бронзовых зеркал, в том числе абсолютно тождественные душанбинским и тупхонинским (волнистый край и поверхность). Здесь жизнь продолжалась в I в. н. э.⁷³. В составе клада "Е" из дома 4 в Сиркапе было два зеркала этого же типа. Клад датируется монетами Гондофара, Азеса II и т. д.⁷⁴, т. е. началом I в. По сообщению Маршалла, подобное зеркало, датируемое периодом Сунга, найдено близ Патны⁷⁵. Известны находки таких зеркал в Паталипутре и на других североиндийских поселениях⁷⁶.

Одно зеркало с бортиком, выпуклиной в центре и подтреугольной боковой ручкой входит в состав коллекции Сарвар Насира в Кундузе. Точное место происхождения не известно, но очевидно, район Кундуза (Северный Афганистан). Диаметр этого зеркала 146 мм⁷⁷.

Находки зеркал этого типа известны также и в северных провинциях Ирана — Дейлеме и Гиляне. Так, в Дейлеме японская

экспедиция в могильнике Хасанимахале в катакомбе 4 обнару- жила зеркало этого типа с маленькой ручкой-штырем и ободком, с волнистой поверхностью. Центральный выступ-конус обведен концентрическими желобками, такие же желобки - у основания ободка. Диаметр (по масштабу) ≈ 120 мм⁷⁸. В катакомбе 7 - то же самое, но центральный выступ очень маленький, в виде кнопки с впадиной в центре, и концентрические линии располо- жены в центре. Диаметр 122 мм⁷⁹.

Точная датировка этих погребений еще должна быть сдела- на - вероятнее всего, они не позже I-II вв. н. э.⁸⁰.

В Гиляне найдены два аналогичных зеркала⁸¹.

Много зеркал 3 типа в сарматских и более западных захо- ронениях. Сарматские зеркала 3 типа П. Рау датировал концом I в. до н. э. - II в. н. э. Такой же датировки придерживалась Т. Н. Книпович. В. П. Шилов считает возможным датировать их I в. н. э., а М. П. Абрамова и А. М. Хазанов - I-II вв. н. э.⁸².

Сводку находок зеркал этого типа в области сарматской культуры дал А. М. Хазанов⁸³.

Короткий приостренный штырь-ручка типа зеркала из погребе- ния 190 Туп-хоны имеется и на некоторых зеркалах типа 2, например, из Башкирского стойла (Оренбургская область)⁸⁴, тут, по-видимому, речь может идти о генезисе, так как зеркала этого типа несколько древнее.

Как и где возникли зеркала 3 типа?

Этот вопрос уже неоднократно обсуждался в литературе.

П. Рау считал, что выпуклина в центре - характерный признак, отличающий зеркала 3 типа от зеркал 2 типа, появляется под воздействием "кавказских образцов"; М. И. Ростовцев, на- против, видел тут результат воздействия полусферических ушек центральноазиатских зеркал⁸⁵. Рассматривая этот вопрос, А. М. Хазанов обратил внимание на то, что кавказские и при- кубанские зеркала 3 типа менее многочисленны, чем поволж- ские, и одновременны с ними. Из этих наблюдений, а также из находок таких зеркал в Таксиле и в Средней Азии он сделал вывод, что зеркала 3 типа появились "на Востоке" - без даль- нейшего уточнения⁸⁶.

М. Г. Мошкова опубликовала три зеркала такого же типа из прохоровских комплексов, которые она датирует III-II вв. до н. э. Одно из них (без выпуклого ободка) имеет вокруг цент- ральной выпуклости высокий валик, подобно зеркалу из II Пазырык- ского кургана или Мечет-Сая, курган 8. Указав на наличие на- ходок этого рода зеркал в Средней Азии и Индии, М. Г. Мошко- ва полагает, что вопрос о происхождении этой формы пока сле- дует оставить открытым⁸⁷.

В этой связи мы уже обращали внимание на следующее⁸⁸. Накопление материалов из Средней Азии показывает широкое распространение здесь зеркал 3 типа, причем, судя по находкам

в Бактрии, где они наиболее многочисленны, во вполне сложившемся виде такая форма зеркала была распространена уже во II-I вв. до н. э. Можно предположить, что эта форма зеркала возникла в III в. до н. э. на территории Средней Азии (скорее всего, именно в Бактрии, сам тип, может быть, следует именовать, разумеется условно, "бактрийским"), в обстановке взаимодействия местных, ближневосточных и центральноазиатских типов зеркал. Из Средней Азии она распространилась в казахские степи⁸⁹ и на юг - в Индию. В самой Средней Азии зеркала 3 типа продолжали существовать, судя по наличным материалам, до II-III вв. н. э., на последнем этапе утрачивая один из своих характерных признаков - рельефный бортик.

Эта точка зрения была оспорена Ю. А. Заднепровским на том основании, что при ее формулировании якобы не были учтены данные "о существовании зеркал с валиком в более ранних прохоровских памятниках Поволжья"⁹⁰. Поможем Ю. А. Заднепровскому разобраться в этом вопросе. Из всего обилия прохоровских зеркал в этот тип М. Г. Мошкова включила всего три (фактически два зеркала, ибо одно, лишенное ободка, относится к этому типу условно). Из двух остающихся лишь одно имело боковую ручку, другое, фрагментированное, по словам М. Г. Мошковой, "возможно" также было с ручкой⁹¹, т. е. можно считать, что в прохоровских комплексах III-II вв. до н. э. имеется, строго говоря, лишь одно зеркало этого типа. Ю. А. Заднепровский ссылается также на мечетсайское зеркало, но шаток и этот довод. Если принять заключение К. Ф. Смирнова (а Ю. А. Заднепровский его принимает) о датировке этого зеркала ахеменидским временем и о том, что местом изготовления его был Ближний Восток или (менее вероятно) Средняя Азия, и что пазырыкское и мечетсайское зеркала являются привозными⁹², то тогда следует считать, что они чаще могли попадать в более близкую Среднюю Азию, чем на Алтай или в Приуралье, да и в эти области они проникали через Среднюю Азию. В своей последней работе М. Г. Мошкова считает "восточные привозные экземпляры" "решающим компонентом" в сложении соответствующего типа прохоровских зеркал⁹³. Таким образом, прохоровские материалы вопреки скоропалительному заключению Ю. А. Заднепровского отнюдь не противоречат нашей гипотезе.

В заключение остановимся на одном вопросе: на отражении темы зеркала в среднеазиатской иконографии. Группа статуэток из Мерва, Хорезма и Бактрии изображает "богиню с зеркалом". К сожалению, исследователи, занимавшиеся этими статуэтками, о главном атрибуте - зеркале - не сообщают никаких подробностей, лишь упоминая о "длинной ручке"⁹⁴, а воспроизведения страдают досадной нечеткостью. На бактрийских матрицах и статуэтках из проводящихся под нашим руководством раскопок Саксан-Охура четко видна боковая ручка небольшой длины. В

одном случае⁹⁵, однако, можно предположить, что это зеркало с коротким боковым штырем, вставленным в более широкую ручку. О том, что вторая ручка была неметаллической, свидетельствуют, в частности, индийские аналогии. В Амаравати имеется изображение зеркала с прикрепленной ручкой, причем по джатакам такие ручки делались из слоновой кости⁹⁶. Сами ручки, сделанные из дерева и слоновой кости, найдены в Таксиле, иногда отдельно от зеркал, иногда прикрепленными к ним⁹⁷.

О том, что эти ручки были иногда очень сложными, свидетельствует замечательное изображение на пластинке из слоновой кости из Беграма⁹⁸. ..Женщина, сидящая на низкой квадратной тахте, смотрит в зеркало, которое она держит в левой руке за очень длинную ручку. Основание ручки, по-видимому, плоское, так что это зеркало можно было ставить на подставку. Упомянувшееся выше зеркало из Буланди-Багх вблизи Патны (диаметр 63 мм, со слабой выпуклиной в центре и рельефным волнистым ободком) имеет боковой выступ — ручку, которая вставлена в трубчатую бронзовую подставку с ножкой, уширенной в основании⁹⁹.

Тип 4. Зеркала миниатюрные с короткой прямоугольной дырчатой ручкой.

Одним из наиболее характерных типов сарматских зеркал было миниатюрное зеркало с короткой прямоугольной дырчатой боковой ручкой. Это 5 тип по классификации Т. Н. Книпович, датирующей его II-1У вв. н. э.¹⁰⁰. По-видимому, они распространяются все же несколько раньше, ибо в поволжских комплексах встречаются с конца I в. н. э.¹⁰¹. Наиболее обширную группу составляют кубанские зеркала этого типа. В Поволжье они встречаются значительно реже. Эти зеркала служили подвесками¹⁰² и были распространены от Подольщины¹⁰³ до Центральной Азии¹⁰⁴.

Одно зеркало этого типа, беспаспортное, хранится в Музее истории АН УзССР¹⁰⁵. Это плоский диск с короткой боковой прямоугольной ручкой и сквозным отверстием. В центре — слабо-рельефный крест, находящийся внутри окружности, в которую вписаны четыре дуги. Другая окружность проходит близ наружного бортика. Изнутри в нее вписана восьмиконечная фигура со сторонами-дугами, снаружи примыкает узкий бортик, покрытый зубцами. Размеры: диаметр зеркала 65 мм, длина ручки 12 мм, ширина — 9 мм. В элементах декорации этого зеркала улавливаются заимствования из декорации ханьских "восьмиарочных" зеркал.

Следует учесть, что при раскопках усуньских могильников на правом берегу р. Или были встречены зеркала в виде плоского диска (диаметр 66-74 мм) с широкой и короткой трапецевидной или широкой прямоугольной ручкой, снабженной овальным или

полуовальным отверстием¹⁰⁶, причем в комплексах III-II вв. до н. э. (возможно, I в. н. э.). Не могли ли такие усуньские зеркала послужить прототипом (или повлиять на сложение) рассматриваемого типа зеркала? В свою очередь усуньские зеркала могут быть связаны с минусинскими III стадии тагарской культуры, алтайскими, тувинскими и т. д.¹⁰⁷.

Отдел II. Зеркала без ручки

Тип 1. Плоские дисковидные зеркала.

Дисковидные зеркала появляются в Средней Азии уже в эпоху Намазга III - это древнейшие среднеазиатские зеркала (табл. 17/15)¹⁰⁸. На территории Южного Таджикистана такие зеркала встречены в памятниках вахшской культуры. Так, в могильнике Вахш II найдены два зеркала в виде выпуклых дисков с приостренным краем (диаметр зеркала 87 и 97 мм). Известны они и из других памятников (табл. 17/5-6, 11, 14, 18).

Для более позднего, сакского, времени, также известны дисковые зеркала, но в отличие от зеркал предыдущего времени они часто имеют приподнятый бортик¹⁰⁹.

Среди зеркал из курганов Северного Таджикистана столь ранних экземпляров нет. Но к этому же типу относятся более поздние варианты, а именно миниатюрные дисковидные зеркала, которые, собственно, образуют самостоятельный тип и выделяются в отдельную хронологическую группу. Таковы миниатюрные плоские зеркала из Ворухского могильника, всего шесть экземпляров, диаметр 40-62 мм (описание см. выше). Дисковидное (собственно листовидное) зеркальце происходит из муг-хоны в Чадаке (табл. 19/6)¹¹⁰. Близ края - две дырочки. Диаметр 65 мм. В Карабулакском могильнике встречены миниатюрные зеркала "без ручки, со слегка вогнутой поверхностью"¹¹¹. В Боркорбазском могильнике в кургане 2 было найдено зеркало дисковидное, сильно окисленное, слегка вогнутое, с дырочкой у края. Диаметр 55 мм¹¹². В могильнике Обишир найдены три бронзовых зеркала (одно из них - обломок) - плоские диски диаметром 70 мм¹¹³.

Среди плоских дисковидных зеркал имеются и с орнаментом на обратной стороне. Образцом такого рода зеркал является зеркальце диаметром 90 мм из курума 2 в Аште (раскопки Н. И. Веселовского)¹¹⁴. На обратной стороне гравированный орнамент - две спаренные концентрические линии, во внутренний круг вписана лепестковая розетка, выполненная несколько небрежно; между лепестками - по три кружка с точкой в центре, они же заполняют кольцо между гравированными окружностями (табл. 18/2). К этому же типу относится зеркальце KB-26 и зеркальце из раскопок Н. П. Остроумова под Ташкентом в 1887 г.¹¹⁵. Последнее имеет вид гладкого диска, несколько

утолщающегося к центру, где толщина равна 2,2 мм. Диаметр этого зеркала 80 мм. Крупные и средние дисковидные зеркала имеются и в Карабулаке¹¹⁶.

Эти зеркала входят в группу дисковидных зеркал, очень характерных для сарматских захоронений I в. до н. э. – I в. н. э.¹¹⁷. При этом, однако, следует иметь в виду, что в сарматских захоронениях они встречаются и раньше, например в погребении 19 кургана 12 у села Политотдельского, датированном III – началом II в. до н. э., встречено дисковидное зеркальце¹¹⁸.

Что же касается орнаментированных миниатюрных зеркал, они, по-видимому, моложе. Почти абсолютно такие же, как в Аште, зеркала найдены в Австрии (одно с шести-, другое с четырехлопастной розеткой) в женском погребении середины I тысячелетия н. э.¹¹⁹.

Зеркальца с кружковым орнаментом по краю типа КВ-26 встречены также в могильнике Тура-Таш¹²⁰ и в могильниках Ташкентской области¹²¹.

Дисковидные зеркала с кружковым орнаментом (как и дисковидные неорнаментированные) встречаются и много позже, в раннесредневековых комплексах. Так, в могильнике Уч-Ат найдено четыре дисковых зеркала, судя по воспроизведению – неорнаментированных¹²². В Пенджикенте в слое середины VIII в. встречено зеркало диаметром 53 мм. На обратной стороне – часто и беспорядочно нанесенные циркульные кружки. Дисковидные гладкие (неорнаментированные) зеркала имеют диаметр 43–50 мм¹²³. Гораздо более крупное зеркало в виде гладкого тонкого слегка выпуклого диска диаметром 128, толщиной 3 мм было найдено при наших раскопках на Калаи-Кафирниган в слое VIII в. Известны они из погребений середины I тысячелетия н. э. из Афганистана (пещера Ак-Купрук 1У)¹²⁴.

Представляется, что прототипом для зеркала, орнаментированного, как КВ-26, кружковым орнаментом вдоль края, могли послужить зеркала, подобные тем, что встречены в венгеро-сарматских комплексах I в. н. э. М. Пардуз¹²⁵ считает такие зеркала "провинциально-римскими". Они имеют отверстия вдоль края. В другом венгерском комплексе, датированном I–II вв. н. э., по краю уже не отверстия, а кружковый орнамент¹²⁶. Известны и другие находки таких зеркал в погребальных комплексах I–II вв. н. э. из Венгрии и Болгарии. Вообще-то название "провинциально-римские" не совсем точно, ибо центром производства зеркал с дырочками вдоль края являлась Южная Италия, где они особенно характерны для I в. н. э.¹²⁷. В Поволжье это зеркальце находит почти полную аналогию в зеркальце из сарматского погребения, включенного П. Рау в группу погребений III–1У вв. н. э.¹²⁸. М. Г. Мошкова, разбирая вопрос о датировке этого зеркала, относит его к II – началу III в. н. э. Она указывает, что "этот вариант заимствован, по-видимому, с

пантикапейских крупных плоских зеркал с широкими сквозными дырочками по краю, образующими как бы кружево. Датируются они также II-III вв. н. э.¹²⁹. Предлагается и более узкая дата для комплекса, изданного П. Рау, а именно-первая половина II в. н. э.¹³⁰. Итак, Южная Италия - римско-провинциальные прототипы-/Причерноморье/ - Поволжье - такой длинный путь проделали эти зеркала, прежде чем достигли Ферганы.

По-видимому, и среднеазиатские зеркала с кружковым орнаментом, в частности и зеркало из КВ-26, скорее всего, должны датироваться II-III вв. н. э. или незначительно более ранним временем. К этому или близкому времени относится также крупное дисковидное зеркало с кружковым орнаментом из КВ-52.

Тип 2. Зеркало с вертикальным бортиком.

В Исфаринской коллекции имеется два экземпляра с вертикальным бортиком, КВ-51 и КВ-18 (№ 3-4 описания на стр. 73).

Этот тип зеркала в меото-сарматском могильнике у ст. Усть-Лабинской встречен в захоронениях III хронологической группы (III - начало I в. до н. э.), где обратная сторона зеркала гладкая или имеет тонкие концентрические круги¹³¹. По форме этот тип близок к раннескифским, но без боковой ручки.

Среди зеркал из оренбургских погребений М. И. Ростовцев упоминает одно "гладкое зеркало с возвышающимся краем без всякой ручки, очевидно, вставлявшееся в деревянную оправу"¹³². Некоторые из таких зеркал встречены в оренбургских комплексах V в. до н. э.¹³³. В этой связи необходимо также указать на те греческие зеркала, которые появились во второй половине V в. до н. э. и просуществовали на протяжении более чем двух столетий. Они имели вертикальный бортик, но обратная сторона была заполнена рельефным изображением¹³⁴. Все вышесказанное относится к генезису этого типа. Что же касается датировки ворухских зеркал, то следует иметь в виду, что в области сарматской культуры эти зеркала доживают до I в. н. э.¹³⁵. Несколько более поздним временем (I-II вв. н. э.) следует датировать зеркала из ворухских курганов.

Ю. Д. Баруздин издал рисунок зеркала из могильника Карабулак, курган 8, с высоким вертикальным бортиком и ручкой в центре в виде неправильного конуса-шипа. Орнамент составляет несколько углубленных полос¹³⁶. Этот шип, по-видимому, - рудимент вертикальной ручки на зеркалах, особенно характерных для Приднепровья V в. до н. э., но, может быть, имеющих центральноазиатское происхождение¹³⁷. Вместе с тем следует отметить, что в кургане 26 Суловского могильника, датированном III-II вв. до н. э., найдено зеркало с прямым невысским бортиком и ручкой в центре в виде двух столбиков, прикрытых

гладким кружком¹³⁸. Это уже, по-видимому, переживание не формы, а отдельных экземпляров. При датировке карабулакского зеркала следует учесть, что среди кубанских зеркал есть очень близкие по орнаменту, также с бортиком, но без шипа, входящие в группу III-I вв. до н. э.¹³⁹. Наиболее близкая аналогия, однако, оказалась на Востоке. Среди зеркал, найденных во Вьетнаме и относящихся к эпохе Младших Хань, имеется одно, чрезвычайно близкое¹⁴⁰. Не исключено, что и карабулакское зеркало — центральноазиатское по происхождению. Тогда оно, скорее всего, могло бы быть датировано II-III вв. н. э.

Тип 3. Зеркало с рельефным бортиком.

При раскопках в Северном Таджикистане встречено лишь однажды — КК-6 (№ 15 описания, стр. 74) — с выпуклиной в центре. Другой вариант зеркала этого типа — без выпуклины в центре — происходит из раскопок Н. П. Остроумовым курганов под Ташкентом в 1877 г.¹⁴¹. Это зеркало с очень высоким рельефным бортиком на слегка вогнутой обратной стороне¹⁴². Размеры: диаметр 104 мм, ширина бортика 14 мм, толщина у бортика 10 мм. Исходя из сарматских аналогий, ташкентское зеркало можно датировать III-I вв. до н. э.¹⁴³.

В Дура-Европас в гробнице 54 встречено аналогичное зеркало. Эта гробница включена Н. Толем в группу гробниц, существовавших во II-I вв. до н. э. — I в. н. э.¹⁴⁴.

Зеркало же из КК-6 по комплексу находок в кургане может датироваться I в. до н. э., что согласуется и с датировками соответствующих сарматских зеркал.

Отдел III. Зеркала с ручкой на обратной стороне

Тип 1. Зеркала с петелькой в центре обратной стороны.

Эти зеркала существовали в Средней Азии уже в эпоху бронзы (табл. 17/9, 20)¹⁴⁵. Были они распространены и в памятниках андроновской культуры и в более поздних памятниках раннежелезного века Сибири, Казахстана, у савроматов и скифов. Известны они и в среднеазиатских раннесакских комплексах, причем с вертикальным отогнутым бортиком¹⁴⁶.

В Средней Азии миниатюрные варианты этого зеркала продолжали существовать и в I тысячелетии н. э. Среди них были и с плоским диском, и с рельефным бортиком по краю. К этим вариантам относятся зеркала из ЧК-II-25 и С-II-44 (№ 23-24 описания, стр. 74-75); такого рода зеркало найдено и в кургане 4 Боркорбазского могильника. "Это небольшой литой диск диаметром около 5 см с петлеобразной ручкой в центре и орнаментом в виде пятиугольника с вогнутыми сторонами почти во всю величину зеркала, полученного непосредственно при отливке по мо-

дели¹⁴⁷ (табл. 19/3). Из могильника Гур-Мирон происходит миниатюрное литое зеркальце¹⁴⁸ (табл. 19/4), на тыльной стороне его два невысоких концентрических ободка – один по краю, другой несколько отступая от него. Во внутренний ободок вписаны две дуги-рудимент орнаментального пятиугольника. Петельчатая ручка образована выпуклой полоской, она почти полушаровидная. Диаметр зеркала 48–50 мм. По-видимому, к этой группе относятся и “зеркала с маленькой петельчатой ручкой на середине с тыльной стороны и ободком по краю” из Карабулакского могильника¹⁴⁹. Зеркало этого типа с четырехлепестковой розеткой, состоящей из вогнутых дуг, и петельчатой ручкой, происходит из Шаушукумского могильника (III–У вв.)¹⁵⁰; еще одно зеркало – из Урюкзорского могильника из комплекса не ранее III в. н. э. Последнее – зеркало с петельчатой ручкой, окруженной тремя рельефными концентрическими окружностями, рассеченными радиальными лучами (“ячеистое”)¹⁵¹.

Такого рода зеркала встречаются, помимо Средней Азии, на обширной территории в Поволжье и уральских степях, на Кавказе в комплексах У–VIII вв.¹⁵², в Северном Причерноморье, в венгерских комплексах того же времени¹⁵³, а также в Австрии, где они датируются позднеримским временем и началом эпохи переселения народов¹⁵⁴. Подробный, хотя и не исчерпывающий обзор находок этих зеркал дал И. Вернер¹⁵⁵.

По классификации Т. Н. Книпович это тип 6: “Зеркало маленькое, в виде плоского диска; на обратной стороне в центре маленькое ушко, вокруг него рельефная орнаментация в виде концентрических кругов, зигзагов и т. д.”¹⁵⁶. По ее словам, вопрос о датировке этих зеркал очень сложен. Основной район их распространения – Кавказ, значительное число находок этих зеркал дают могильники, относимые к У–VIII вв. Вместе с тем можно считать установленным существование этого типа во II–III вв.¹⁵⁷. Так, например, Н. В. Анфимов опубликовал такое зеркало из могильного комплекса III в. н. э.¹⁵⁸; в Поволжье они появляются с середины III в. н. э.¹⁵⁹. В целом примерные хронологические даты для зеркал этого типа заключены в пределах 100–650 гг. н. э.¹⁶⁰, но, по-видимому, нужно несколько “омолодить” и нижнюю и верхнюю границы датировки.

Относительно происхождения этого типа зеркал существует несколько точек зрения. Т. Н. Книпович включает это зеркало в число “бесспорно местных”, генетически восходящих к типам, распространенным на территории юга СССР¹⁶¹. В. А. Йенни считал, что их форма и, особенно, орнаментика восходят к китайским зеркалам ханьского времени, причем посредствующим звеном он считает какую-либо промежуточную область (скорее всего, Восточный Туркестан и Среднюю Азию)¹⁶². Иную позицию занимал П. Рау. Он полагал, что в Поволжье кавказская по происхождению форма зеркала с боковой ручкой сменилась зерка-

лами "сибирского типа", с петелькой в центре обратной стороны, причем радиальный орнамент появился на них, вероятно, как результат воздействия кавказских прототипов, вероятнее всего — в III в. н. э.¹⁶³. По М. И. Ростовцеву, зеркала с ручкой или скобкой на обратной стороне — "форма, тесно связанная с китайскими зеркалами"¹⁶⁴.

Действительно, эта форма развивается на территории сибирско-среднеазиатских культур эпохи бронзы из очень древних прототипов, восходящих к образцам конца II — начала I тысячелетия до н. э. В Южной Сибири она была широко распространена во второй половине I тысячелетия до н. э. Зеркало с петельчатой ручкой бытовало в то же время и в Средней Азии. В кургане 24 Джаркимбаевского могильника было найдено "бронзовое зеркало диаметром 8 см, с петельной ручкой в виде стилизованного зверя". А. Н. Бернштам сопоставил его с зеркалами второй стадии тагарской культуры и датировал IУ–III вв. до н. э.¹⁶⁵.

Что же касается орнаментации, следует обратить внимание на следующий факт. В одной японской коллекции китайских зеркал имеется маленькое зеркальце (диаметр 80 мм) с вертикально отогнутым бортиком и двумя вертикальными ручками-скобками в центре обратной стороны. Украшение зеркала — рельефный орнамент в виде двух concentрических линий, образующих незамкнутое кольцо. Внутри него — обращенные друг к другу сдвоенные и строенные полукружия, в одной половине разделенные волнообразной линией. Кольцо несколько утолщается к одному концу. На концах кольца, представляющего, очевидно, туловище стилизованного изображения животного, на одной стороне — протома, на противоположной — ноги животного (?). Издавший это зеркало С. Умехара, известный специалист в области китайских зеркал, указывает, что и характер орнамента и техника — странные и редкие для китайских зеркал. Он предполагает, что место изготовления этого зеркала — Северный Китай¹⁶⁶.

Одно из изображенных на этом зеркале животных выполнено в манере, напоминавшей изображения Пазырыка¹⁶⁷, меньше — Ноин-Улы¹⁶⁸. В целом же композиция совершенно тождественна изображению согнутого в кольцо чудовища на серебряных фаларах из Новоузенска. Я. И. Смирнов (с вопросом) связывал их с греко-бактрийским искусством¹⁶⁹. К. В. Тревер попыталась доказать принадлежность фаларов греко-бактрийскому искусству и датировала их концом II в. до н. э.¹⁷⁰. Однако аргументация в пользу включения этих памятников в круг произведений греко-бактрийского искусства не может, на наш взгляд, считаться вполне убедительной. Исходя из общих историко-культурных соображений, эти фалары скорее могли быть изготовлены не в Греко-Бактрии, а там, где контакт с китайским искусством был значительно сильнее — в Восточном Туркестане или в Фергане, причем едва ли раньше II–I вв. до н. э. В этом плане интерес-

но и рассматриваемое зеркало, являющееся, как представляется, продуктом северокитайского или восточнотуркестанского производства III-II вв. до н. э.

Итак, вопрос о происхождении рассматриваемой группы зеркал до сих пор остается нерешенным. Однако многое говорит в пользу мнения, высказанного М. И. Ростовцевым и В. Йенни.

Не могло ли сложение этого типа зеркала действительно протекать в Средней Азии и Восточном Туркестане? Миниатюрные зеркала с утолщенным бортиком и ручкой-петелькой в центре обратной стороны могли появиться в результате комбинации китайских ханьских зеркал и местных зеркал с ободком. В результате возникли типы миниатюрных зеркал вроде ЧК-11-25, а также карабулакские. Один из моментов этой "синкретизации" воплощен в зеркале из Восточного Туркестана, хранящемся в Государственном Эрмитаже¹⁷¹. На этом зеркале утолщенный бортик такой же, как на среднеазиатских и сарматских, но центральный выступ-ручка полусферическая, типично ханьская. Процесс сложения этого типа зеркал мог происходить на рубеже н. э. и позже, в I-II вв. н. э. Ручки-шишечки сохранялись на части сарматских зеркал этого типа¹⁷².

Тип зеркал без бортика, но с петелькой вроде исфаринских ЧК-1-21 и НУ-8 (описание № 21-22, стр. 74), мог сложиться одновременно, особенно если учесть, что именно в это время были широко распространены миниатюрные плоские дисковидные зеркальца.

Что касается орнаментации, то гравированный орнамент на китайских зеркалах появляется уже в III-II вв. до н. э.¹⁷³, рельефный был широко распространен в ханьскую эпоху. Схема же рисунка в виде многоугольника со сторонами-дугами, по-видимому, связана, с одной стороны, с китайскими прототипами, в частности с "восьмиарочными" ханьскими зеркалами (в послеханьское время рельефно-арочный орнамент в некоторых группах китайских зеркал предпочтает играть значительную роль). С другой стороны, по-видимому, существовала и местная традиция украшения зеркал арками-дугами. Она засвидетельствована, в частности, зеркалом из кургана 19 могильника Тасмола 1 (VII-VI вв. до н. э.)¹⁷⁴.

Имитация "зубчиков" на зеркальце С-II-44 — дополнительное подтверждение этой гипотезы. Орнаментированные зеркальца должны были появиться в Средней Азии в I-III вв. и отсюда распространиться в Поволжье, на Кавказ и др.¹⁷⁵.

Формы небольших и миниатюрных зеркал с петелькой на обратной стороне доживают в Средней Азии до эпохи поздней античности и раннего средневековья¹⁷⁶. В комплексе III в. н. э. из помещения № 51 Топрак-калы имелось плоское бронзовое зеркало (диаметр 75 мм) со следами петельки на обратной стороне¹⁷⁷.

С большой уверенностью можно говорить о материалах, происходящих из раскопок хорошо датированного комплекса Пенд-

жикента. Так, например, на ХУ1 объекте было найдено плоское круглое зеркало с ручкой в виде вертикального цилиндрика со сквозной дырочкой в центре обратной стороны. Обратная сторона орнаментирована двумя парами концентрических линий. Размеры: диаметр 92 мм, толщина 2,5 мм, диаметр ручки 7 мм, ее высота 7 мм¹⁷⁸. Интересен фрагмент другого зеркала из Пенджикента (объект У1). Оно с бортиком, очень слабо моделированным и почти не возвышающимся над плоскостью задней стороны зеркала. Рядом с ним – три тонкие концентрические линии, пространство между ними заштриховано. В центре была, по-видимому, петельчатая ручка (сейчас обломана). Диаметр зеркала ок. 100 мм, ширина бортика 14 мм¹⁷⁹. Имеются там и плоские зеркаловидные подвески диаметром 75 мм и др. Следует также упомянуть миниатюрное (диаметром 53 мм) зеркальце дисковидное без бортика с полусферической ручкой с отверстием на обратной стороне – из объекта 1¹⁸⁰.

Акбешимский комплекс У1–УIII вв. содержал зеркало из гладкого бронзового листа, с отогнутым (наклонно) бортиком и петельчатой ручкой в центре обратной стороны¹⁸¹.

Тип 2. Зеркала с горизонтальной ручкой вдоль диаметра обратной стороны.

Нам известно пять экземпляров с такими ручками. Два из них происходят из могильника Тура–Таш, одно – из Карабулакского могильника, два – из могильника Джол–сай. Оба зеркала из могильника Тура–Таш имеют вид диска с невысоким бортиком на обратной стороне. К обратной стороне с помощью двух лапок прикреплена горизонтальная ручка. Одна из них имеет вид уширяющегося к концам стержня с катушкообразным рельефным перехватом в центре, другая – изогнутой полоски¹⁸².

Остановимся подробнее на зеркале с ручкой из Карабулакского могильника.

В Карабулакском могильнике, курган 8, было найдено "зеркало (диаметром 12 см), ручкой которого служила женская статуэтка. В середине зеркала – коническая выпуклость; по краю – высокий (около 2 см) бортик; внешняя поверхность вокруг центральной выпуклости покрыта орнаментом в виде концентрических окружностей. Ручка–статуэтка (длина 16,5 см) изображает женскую фигуру, одетую в легкую ткань, плотно облегающую тело. Фигура стоит прямо, слегка склонив голову к левому плечу; правая рука опущена вниз, левая – опирается на бедро. Прическа состоит из отчетливо выраженного возвышающегося на макушке пучка и разделенных посредине лба прядей волос, ниспадающих на плечи несколькими крупными локонами. Головной убор представляет собой обруч или диадему с двумя дисками над висками; к этим дискам, в их центре, прикреплено по перу или крылу.

Шею женщины двукратно обвивает довольно толстая цепь или ожерелье, длинной петлей опускающаяся между грудой до пояса. На руках и ногах надеты большие обручобразные браслеты¹⁸³. Статуэтка вместе с лапками, которыми она прикреплялась к зеркалу, изготовлена отливкой по восковой модели. Издавшие эту статуэтку Ю. Д. Баруздин и А. Г. Подольский сопоставляют ее с рядом индийских памятников, особенно со скульптурой Амарава-ти, Матхуры и изображениями на костяных пластинках в Бегра-ме. Издатели датируют карабулакскую статуэтку III – началом IV в. н. э.¹⁸⁴. Они, как нам представляется, правильно очертили круг историко-культурных связей. Можно сделать не-сколько уточнений, в частности в отношении связей с Амаравати. Следует оговориться, что карабулакская статуэтка (табл. 20) находит себе прямые аналогии в скульптурах среднего и позднего периода Амарава-ти, хронологически относящихся ко второй половине II – началу III в. н. э.¹⁸⁵. В скульптуре Амарава-ти вопреки мнению авторов есть и фигуры, стоящие в спокойной, неизогнутой позе¹⁸⁶. Главное иконографическое отличие состоит не в различной степени подчеркивания признаков женской фигуры, а в том, что карабулакская статуэтка имеет непропорционально низкий и узкий в верхней части торс, что нетипично для Амарава-ти; вместе с тем один из видов тюрбана, известный в Амарава-ти, очень близок карабулакскому¹⁸⁷.

С другой стороны, обращают на себя внимание более ранние аналогии. Так, например, тип лица имеет определенное сходство с лицом маленькой женской фигуры из Таксилы (Сиркап), датируемой I–II вв. н. э.¹⁸⁸.

Каменная статуэтка начала II в. н. э. из Таксилы имеет совершенно фронтальную композицию. Здесь очень близка к карабулакской линия опущенного вниз ожерелья. Волосы на таксильской статуэтке также опущены на плечи в виде кос¹⁸⁹.

Вместе с тем ожерелья в виде длинной петли, пропущенной между грудой до пояса (мотив вообще очень распространенный в индийской скульптуре разных периодов)¹⁹⁰, не встречаются как будто в Амарава-ти, но довольно обычны в Аджанте¹⁹¹ и Матхуре¹⁹². В целом несколько необычна для Амарава-ти и прическа – она находит аналогии в Хадде (III–IV вв.)¹⁹³. Схема расположения браслетов – много на руке, мало на ноге (в том числе один на лодыжке) – находит прямые аналогии в Карли¹⁹⁴.

Д. Баррет называет "сестрами женских фигур Амарава-ти" изображения на слоновой кости из Беграма (I–II вв. н. э.)¹⁹⁵. Связи с найденными там произведениями искусства I–II вв. н. э. Ю. Д. Баруздиным и А. Г. Подольским, пожалуй, недооценены. Очень близкий иконографический тип лица дает ряд изображений как на рельефах из слоновой кости¹⁹⁶, так и среди гравированных рисунков на костяных пластинках¹⁹⁷. Одежда, в частности форма дхоти, совпадает с тем, что изображено на

беграмских рельефах и пластинках¹⁹⁸. В Беграме имеется и изображение женской фигуры с ожерельем, пропущенным до пояса между грудей¹⁹⁹, совпадает во многих случаях схема расположения браслетов и т. д.

Первые века нашей эры, судя по последним находкам и публикациям, дали большое количество образцов индийской бронзовой скульптуры²⁰⁰. В части трактовки лица и отчасти головного убора карабулакская статуэтка находит прямую параллель, почти реплику, в бронзовой статуэтке из Nagarjunakonda, которую индийские исследователи датируют III в. н. э. (в отношении атрибуции ясности нет — это принц, Рама или Сиддхартха)²⁰¹. Следует отметить и другую близкую параллель — лица двух задних всадников, сидящих на миниатюрном бронзовом слоне из Брахмапури (Колхапур) — вторая половина II в. н. э.²⁰².

Фронтальная композиция в бронзовой скульптуре отмечена, например, в скульптуре Вишны (IY–Y вв. н. э.), хранящейся в Берлинском музее народоведения²⁰³, и в более ранних бронзовых произведениях, например в бронзовой фигуре I–II вв. н. э. из Chauva (музей в Патне)²⁰⁴.

Если учесть все вышеприведенные сопоставления, а также принять во внимание и самую форму зеркала, что не было сделано при его публикации, то выдвинутую Ю. Д. Баруздиным и А. Г. Подольским датировку (III–IY вв.) придется пересмотреть в сторону некоторого заглубления и датировать это зеркало II–III вв. н. э.²⁰⁵. Этот опубликованный нами в свое время анализ²⁰⁶ в свете новейших материалов оказался неполным и односторонним. Как следует из находок в Иране, на Масджиди-Сулейман, тип зеркала, диск которого снабжен ручкой в виде нагой женской фигуры (табл. 20а), существовал в Иране уже в селевкидское время²⁰⁷. Позже, в парфянское время, закономерно развиваясь, статуэтка такого рода зеркал²⁰⁸ приобретает облик, во многом чрезвычайно близкий карабулакской статуэтке. Черты лица, прическа, изгиб фигуры и др. — все это могло служить прямым прототипом при сложении статуэток типа карабулакской. Однако прямого тождества нет. Во-первых, иранские зеркала с боковой ручкой-статуэткой в отличие от карабулакского, где ручка расположена по диаметру обратной стороны. Во-вторых, иконографически селевкидско-парфянские статуэтки являлись лишь прообразом, на который наслоились индийские влияния. Можно говорить об индианизации парфянского прототипа, причем индианизации сильной, в результате которой фигура женщины была не только облачена в одежды и снабжена украшениями, но и приобрела иную позу и пропорции. Эта иконографическая переработка могла скорее всего происходить как на территории самой Индии (Гандхара?), так и в Бактрии. Затем статуэтка (или зеркало) были доставлены в Фергану.

В Средней Азии были распространены также зеркала весьма своеобразной формы: с прикрепленной вдоль диаметра обратной стороны горизонтальной ручкой-стержнем, завершающимся головками коней. Стержень, соединенный с диском с помощью двух выступов-лапок, разделен на две равные половины рельефным валиком. Головки трактованы очень реалистично, особенно на одном из экземпляров, где глубокими нарезками передана грива, обозначены выпуклые глаза и линия рта. Ручки литые, прикрепленные затем к дискам. Диски тонкие, незначительно припухлые к краю, иногда с одной врезанной линией. Размер зеркал, происходящих из Пянджского (б. Кировабадского) района (могильник в местности Джол-сай, раскопанный нами в 1966 г.): диаметр 120-128 мм, высота стержня ручки 13-16 мм, общая высота 27-33 мм, длина ручки 88-94 мм (табл. 21). Погребение датировано сасанидскими монетами второй половины V в. н. э. (определение В. Г. Луконина).

Такие же зеркала употреблялись и в Согде, ибо в Пенджикенте и на Афрасиабе найдены аналогичные ручки (табл. 22/1-2), но принадлежность их к зеркалам оставалась нераспознанной - вплоть до публикации нами джолсайских зеркал²⁰⁹. В Пенджикенте было найдено четыре таких ручки, причем две из них могут быть точно датированы первой четвертью VIII в. н. э.²¹⁰.

Генезис такого рода ручек является очень сложным (см. ниже, стр. 113). Сама форма ручки, прикрепленной двумя лапками к обратной стороне и с перехватом посередине, известна по зеркалу в могильнике Тура-Таш. Что же касается оформления концов ручек в виде животных, то такая традиция идет еще с конца эпохи бронзы. Среди луристанских изделий есть зеркало²¹¹ с аналогично поставленной ручкой, противоположные концы которой оформлены в виде тел львов, повернувших головы навстречу друг другу, т. е. в обратном направлении, чем кони на джолсайских зеркалах²¹².

Для Средней Азии появление мотива обращенных в разные стороны профильных изображений коней фиксируется бронзовыми пряжками из тагискенского (сакского) могильника. Пряжки состоят из соединенных перемычками (вверху и внизу) лошадиных головок на слегка изогнутых шеях (табл. 29/1)²¹³.

В слоях I-1У вв. Кой-Крылган-калы встречены высокие плоские керамические подставки с отверстием для вертела. Одна такая подставка увенчана сверху двумя смотрящими в разные стороны головками коней, украшенными пунсонным орнаментом²¹⁴. Аналогичные находки происходят в Жанбас-калы и Базар-калы²¹⁵. В Южном Таджикистане найдена печать с изображением, выполненным по той же схеме и осложненной фигуркой птицы (табл. 22/4)²¹⁶; на Афрасиабе - бронзовая печать с ручкой в виде обращенных в противоположные стороны протом коней^{216а}.

Одна из тамг древнехорезмийских монет (табл. 31/6) содержит элемент, представляющий, быть может, стилизованное изображение двухдвигающихся в противоположные стороны коней²¹⁷. Аналогичный элемент имеется и на боспорских знаках (табл. 31/7), причем знак на прорезной пряжке из Чернореченского могильника (II-1У вв. н. э.) (табл. 31/4) менее стилизован, чем обычно, и, как полагают, подтверждает эту гипотезу²¹⁸.

В У-VII вв. эта иконографическая схема имела достаточно широкое распространение, в частности она представлена на зооморфных тронах²¹⁹. Так, в Духтари-Нуширван близ Бамиана в настенной росписи трон поддерживают животные, в которых можно распознать лошадей²²⁰, причем ручки зеркал и духтари-нуширванская роспись явно варьируют общий прототип.

Самое близкое иконографическое сходство эти ручки имеют с изображением колесницы солнечного божества в пещере 42 комплекса Минг-Ой (табл. 32/1). На росписи протомы коней обращены в противоположные стороны; каждая протома ограничена сзади колесом; протомы соединены горизонтальной штангой (или канатом - по Грюнвелделю)²²¹. На ручках зеркал колеса исчезли, точки превратились в рельефный валик посередине стержня. Можно думать, что и мингуйская живописная сцена и ручки среднеазиатских зеркал восходят к одной и той же более ранней иконографической схеме (см. ниже).

В Средней Азии эта иконографическая схема в виде деревянных амулетов или штириков хорезмийских узбеков^{221а} просуществовала до современности.

Привозные зеркала

Привозные зеркала из исфаринских могильников

1. КВ-3, нижнее погребение. Половинка бронзового зеркала (намеренно поломанное)²²². В центре тыльной стороны - полусферовидный выступ - ручка с горизонтальным отверстием (забитым бронзовой, совершенно коррозированной проволокой). Ручка окружена плоским углубленным желобком, далее следует плоско-рельефный валик. Вся эта центральная часть заключена в восьмиугольную арочную фигуру, стороны которой состоят из овалов. Внешняя часть состоит из четырех концентрических углубленных желобков, узкого пояса с насечкой зубцами и гладкого бортика. Внешний край в виде скоса.

Размеры: диаметр зеркала 114 мм, диаметр ручки 20 мм, ширина бортика 10-11 мм, толщина бортика 3,3 мм (табл. 23/2).

2. ЧК-I-4. Фрагмент такого же зеркала. Отличие лишь в том, что к пояску с зубцами изнутри примыкает лишь один желобок. Близ края - сквозная дырочка, сделанная позже. Раз-

меры: диаметр зеркала примерно 120 мм, ширина бортика 10 мм, толщина бортика 5 мм (табл. 23/5).

3. С-11-8. Фрагмент зеркала, относящегося к варианту того же типа²²³. Ручка отломана, но сохранилась часть окружавшей ее низкорельефной розетки. В углах восьмиугольной звезды — знак в виде квадратика, с "усиками" на одной из сторон. Внешнюю часть образуют пять концентрических желобков, отделенных рельефными прожилками. Вся эта полоса делится на секторы с помощью рельефных кружков. Далее следует пояс с зубцами и широкий и плоский утолщающийся к краю бортик. Край в виде скоса. Есть поздняя дырочка. Размеры: диаметр зеркала 210 мм, ширина валика 20 мм, толщина 6 мм (табл. 23/1),

4. НУ-7. Фрагмент бортика и зубцов. Тип такой же. Диаметр ок. 140 мм (табл. 23/3).

5. ВУ-51. Фрагмент бортика и зубцов. Тип такой же. Диаметр ок. 180 мм (табл. 23/8).

6. К-37. Фрагмент бортика и зубцов. Тип такой же. Диаметр ок. 180 мм (табл. 23/6).

7. ЧК-1-30. Фрагмент бортика и зубцов. Диаметр ок. 120 мм (табл. 23/7).

8. А-8. Два фрагмента бортика и зубцов, изнутри к ним примыкают концентрические желобки. Диаметр ок. 120 мм.

9. ЧК-1-28. Фрагмент зеркала того же типа — особый вариант (без зубцов). Восемьарочная фигура снаружи ограничена желобком, затем следует гладкий бортик. Диаметр ок. 100 мм (табл. 23/4),

10. КВ-11. Фрагмент зеркала другого типа (имитация китайского зеркала) (табл. 23/9).

Привозные зеркала из других могильников

11. Карабулакский могильник, курган 20. Центральный полусферический выступ с горизонтальным отверстием окружен двумя узкими и невысокими концентрическими валиками. Затем следует широкое поле, разбитое на четыре сектора с помощью маленьких выпуклых полусферических выступов, каждый из которых посажен на плоский низкорельефный кружок. Пространство между выступами заполнено сложными S-образными завитками. Затем следует пояс с насечками и плоский внешний бортик. Диаметр 88 мм²²⁴ (табл. 25/6).

12. Карабулакский могильник, курган 14. Массивное бронзовое зеркало, покрытое налетом белого металла. На тыльной стороне — смятая полусферическая ручка с горизонтальным отверстием. Как справедливо отмечал Ю. Д. Баруздин, из-за плохой сохранности о характере орнамента судить трудно. Однако можно отметить наличие сложных (драконообразных?) завитков

с отходящими лучами – ресничками, а также “лесенки”. Орнаментальное поле ограничено снаружи зубцами-насечкой. Диаметр 106 мм²²⁵ (табл. 25/4).

13. Карабулакский могильник, курган № 21. Половина зеркала. По описанию Ю. Д. Баруздина, “Зеркало круглое, литое, диаметром 15 см. Лицевая сторона плоская, прекрасно отшлифованная, служила отражательной поверхностью. В середине тыльной стороны имеется выпуклое полушаровидное возвышение с отверстием диаметром 0,8 см. Вокруг возвышения расположено 4 лепесткообразных выступа, обведенные двумя концентрическими кругами, промежутки между которыми заполнены вдавленными прямоугольниками (т. е. зубцами. – Б. Л.). Весь этот орнамент вписан в восьмиугольную звезду, стороны которой образованы дугообразными линиями. В углах звезды помещен орнамент, напоминающий китайские иероглифы. Затем снова идут концентрические окружности с вдавленными прямоугольниками. Край зеркала имеет выпуклый срезанный ободок”²²⁶.

В Карабулакском могильнике было обнаружено еще несколько зеркал восьмиарочного типа – лишь в коллекции Института истории АН КиргССР имеется четыре целых и пять обломков (в том числе и вышеописанный). У целых экземпляров центральная полусферическая ручка в центре четырехчастной пальметки. Внешний бортик одного из зеркал оформлен в виде вдавленных клиньев, обращенных наружу остриями. В Государственном Эрмитаже хранится одно зеркало восьмиарочного типа (диаметром 13,6 см) с кружками, связанными концентрическими линиями, и зубчиками²²⁷.

14. Могильник Джангаил. Фрагмент зеркала восьмиарочного типа²²⁸.

15. В кургане 23 Гурмиронского могильника найдено, по словам А. Н. Бернштама, “бронзовое китайское зеркало (диаметр 50 мм) со следами надписи и шишечкой на оборотной стороне”²²⁹.

16. Могильник Кайрагач, курган 27. Фрагмент зеркала “круглой формы диаметром в 11,8 см с полушаровидной ручкой в центре. Ручка вписана в квадратную рамку, с каждой стороны которой изображены знаки в форме буквы Г. Напротив них вдоль бортика располагаются знаки в форме буквы L и V. Поле между бортиком и квадратной рамкой заполнено изображениями козлов с закрученными рогами и завитками вправо. Бортик разбит на несколько полос, и посередине его проходит зигзагообразный узор. Зеркало представляет типичный образец китайских зеркал типа ГL V”²³⁰ (табл. 25/1).

17. Могильник Тура-Таш. В кургане 15 могильника найдено целое бронзовое зеркало (диаметр 95 мм) восьмиарочного типа. Найдены также фрагменты таких зеркал. Диаметр зеркал колеблется от 70 до 150 мм. Вокруг полусферической ручки обычно расположены лепесткообразные выпуклости²³¹.

18. Зеркало из Фархадстроя, погребение (?). Центральный выступ полусферической фигурной формы, с горизонтальным отверстием, на вершине его – рельефная шишечка, по краю – небольшие шишечки, боковая поверхность выпуклины – дольчатая. Выступ покоится на низкорельефной розетке. Внутренняя часть окружена плоским низкорельефным кольцевым валиком, с зубцами-насечкой по верхней поверхности. К внутреннему краю валика примыкают четыре полукружия, между ними посажены четыре уголка.

Следующее широкое гладкое кольцевое поле разбито на четыре сегмента с помощью четырех полусферических сосочков, каждый из которых посажен в центре рельефного кружка. В сегментах – по пять конических сосочков (по два спаренных и одному – в центре). Затем идет острый рельефный жгутик с насечкой. Гладкое наружное кольцо ограничено рельефными полукружиями, наружный бортик почти вертикальный.

Размеры: диаметр зеркала 100 мм, диаметр центрального выступа 16 мм, высота бортика 6 мм²³² (табл. 25/3).

19. Фархадстрой, восточный некрополь. Зеркало сильно фрагментировано. Полусферический выступ-ручка с горизонтальным отверстием окружен двенадцатью рельефными кружками и клечками, входящими в четыре фигурных картуша. Затем идет узкая полоска с насечками-зубцами и рельефный плоский кольцевой пояс. Эта центральная часть окружена восьмиугольной фигурой, состоящей из полукружий. В середине каждой стороны – строенные штрихи. В углах – строенные штрихи, завершающиеся полукружиями и запятыми. Затем идет полоса надписи, обрамленная с двух сторон полосками насечки. Бортик гладкий, с вертикальным наружным краем.

Размеры: диаметр зеркала примерно 175 мм, диаметр ширины 25 мм, ширина бортика 15 мм, толщина 7 мм²³³ (табл. 24/1).

Находки привозных зеркал известны и за пределами Ферганской долины: в Ташкентском оазисе (могильник у Вревской²³⁴, табл. 24/4); Пскентский могильник – курганы В-1²³⁵ (табл. 24/3) и А-1²³⁶ (табл. 25/5); возможно, из этого оазиса происходит беспаспортное зеркало Музея истории АН УзССР²³⁷ (табл. 24/2, 25/2); в составе инвентаря джунской культуры²³⁸; в Северной Киргизии (зеркало из Кенкольского могильника²³⁹; могильник в районе сел. Петровка-Калининское²⁴⁰; другое зеркало из Кенкольского могильника²⁴¹; зеркало из могильника Кизыл-сай²⁴², и др.); в Зеравшанской долине (буддийское (?) сооружение в долине Саназара)²⁴³; в Южном Таджикистане (Аджина-Тепа²⁴⁴) и др.²⁴⁵.

Рассмотрим вопросы классификации и, главное, хронологического определения этих зеркал. Зеркала из Вревской, кургана В-1 Пскентского могильника, восточного некрополя Фархадстроя

принадлежат к типичным ханьским зеркалам "восьмиарочного" типа²⁴⁶, известных под названием *chang i tzu sun*.

По данным новейших исследователей этих зеркал (А. Буллинг и Л. Вандермейрс), вышеуказанные зеркала входят в тот подтип "восьмиарочного типа", который был наиболее широко распространен на последнем этапе династии Старших Хань (т. е. во второй половине I в. до н. э., а также в I в. н. э.). Наличествующий же на зеркалах из Вревской и Фархадстрога прием группировки перлов, окружающих ручку, в четыре группы был наиболее широко распространен с 80-х годов до н. э. и до рубежа н. э.²⁴⁷. Поэтому эти два зеркала, скорее всего, могут датироваться концом I в. до н. э. В коллекциях зеркал известны многочисленные, в том числе и датированные, аналогии²⁴⁸. Следует отметить, что такие зеркала были встречены и при раскопках могильника в районе древней Лоу-Лани (Восточный Туркестан)²⁴⁹.

По мнению А. Буллинга, с этой группой — и стилистически и хронологически — непосредственно связана другая группа зеркал, у которой общая схема та же, что и у "восьмиарочных" с надписью, но специальная лента надписи отсутствует. Некоторые из характерных экземпляров так тонки, что просвечивают, будучи поставленными против света. Многие из них были открыты в *Shantung*; думают, что эти зеркала изготовлялись именно в этой провинции. На некоторых из них имеются и надписи, по которым они называются зеркалами *ch'ing pai* или *ming kuang*. Их датировка, по данным А. Буллинга, относится, по-видимому, к I в. н. э. Л. Вандермейрс относит ее к "середине Младших Хань", т. е. к рубежу I-II вв. н. э.

Зеркала из С-II-8, Саназара, Карабулака, Кенкола относятся именно к этому типу, с четырехлепестковым оформлением ручки и кружками, связанными четырьмя концентрическими линиями. Точно такое зеркало было найдено в гробнице *Wang Hsü* в Корее, инвентарь которой датируется 42-69 гг.²⁵⁰. Сюда же, вероятно, необходимо включить зеркала КВ-3, ЧК-1-4 и джангаильское. Они имеют концентрические линии, не разбитые на отдельные участки кружками или спиральями. Небольшие фрагменты НУ-7, ВУ-51, К-37, ЧК-1-30, А-8 (№ 4-8 описания на стр. 99) могут, по-видимому, атрибутироваться как восьмиарочные, без дальнейшего уточнения.

Более ранними являются восьмиарочные зеркала без зубцов — некоторые типы их Б. Карлгрен датирует III в. до н. э.²⁵¹, другие продолжают существовать до конца эпохи Старших Хань²⁵². Исходя из этого, зеркало ЧК-1-28, беспаспортное зеркало Музея истории АН УзССР и зеркало из могильника Жал-Арык могут относиться ко II-I вв. до н. э. — рубежу н. э.

Зеркала "восьмиарочного" типа встречены не только в Средней Азии, но и в других областях²⁵³.

Таким образом, большинство найденных в среднеазиатских могильниках привозных зеркал относится к разным вариантам ханьских восьмиарочных. Однако имеются и другие типы, так, зеркало из Карабулака (курган 20) входит в группу зеркал *ssü-ju ssü-hui* — одну из наиболее распространенных в ханьское время. Первоначально это были зеркала с четырьмя кнопочными выступами, между которыми имелись изображения змей. В процессе стилизации последние превратились в спирали. Варианты, близкие карабулакскому, были особенно распространены во второй половине I в. до н. э.²⁵⁴. Они проникали далеко на запад — одно такое зеркало найдено в погребении близ г. Херсона²⁵⁵.

А. Ф. Лихачев издал рисунки двух зеркал, включенных им в число "бытовых памятников Великой Бульварии"²⁵⁶. Ручки нет, четкий рельефный рисунок: в кольцевой полосе, разбитой четырьмя сосками на четыре отрезка, вытянутый сложный растительный побег. На одном из зеркал — две полоски зубчиков. Аналогичное зеркало было найдено в кургане, раскопанном Е. К. Рединым около слободы Нижней Дуванки Купянского уезда Харьковской губ. (в захоронении, кроме зеркала, ничего найдено не было). Это зеркало имело диаметр 9,3 см. Оно издавалось Н. Катановым и Д. Айналовым²⁵⁷. Последний указал на такое же, но фрагментированное зеркало, хранящееся в музее Казанского университета. Он же сопоставил орнамент на этих зеркалах с некоторыми орнаментальными мотивами архитектурных памятников средневекового Египта (!).

Зеркало этого типа происходит и из курганного комплекса в Астраханской области, раскопанного любителями, а затем изданного Бела Поста. В этот же комплекс входят железные стрелы и удила с кольчатыми псалями. Издатель датировал комплекс "самое раннее XII — XIII вв.", а орнаменты зеркала связывал с "византийскими пальметтами"²⁵⁸. Хотя, фактически комплекс может относиться и к значительно более раннему времени, например VIII—X вв., все же очень знаменательно нахождение в нем зеркала такого типа.

Зеркало из Фархадстра (погребение ?) и второе зеркало из Кенкола относятся к группе "стососковых" зеркал (кит. *paí ju*)²⁵⁹. Находки в Китае убеждают, что наиболее широкое распространение эти зеркала имели в I в. до н. э.²⁶⁰. Изготавливались они и в начале I в. н. э.²⁶¹.

Зеркало из могильника Кайрагач принадлежит к типу TCV (названные так условно европейскими учеными, но название принято и японскими и китайскими исследователями). По данным новейших публикаций, зеркала этого типа распространяются в середине II в. до н. э. Вообще же китайское название этого орнамента — *куеi-кү*²⁶². Важное значение этих зеркал исследователи видят в том, что изменения в их стиле являются лучшим ос-

нованием для изучения стилистической эволюции определенных типов орнамента в ханьское время²⁶³.

Ю. А. Заднепровский сопоставляет найденное им зеркало с зеркалом, изданным Каплан и датированным при издании концом II в. н. э.²⁶⁴. Возможно, однако, что оба эти зеркала принадлежат к несколько более раннему типу. Полоса с линией зигзага на их ободке (орнамент типа *san-chio*) сравнительно широкая, практически одинаковая по ширине с двумя другими полосками, тогда как для зеркала II-III вв. н. э., как считает А. Буллинг, характерна очень узкая полоска зигзага²⁶⁵.

Однако для датировки можно найти и другие указания. Зеркала этого типа обязательно снабжены сосочками, варьирующими в числе. Среди большого количества зеркал этого типа с орнаментированным краем Карлгрену известны лишь три, которые, в порядке особого исключения, были лишены сосков. Одно из этих зеркал датировано 136 г. н. э. По мнению Карлгрена, изменение "ортодоксального типа" здесь заключается, в частности, в утрате сосочков²⁶⁶. Следовательно, кайрагачское зеркало можно, скорее всего, датировать концом I – началом II в. н. э.

Приведенные выше данные о датировках тех или иных типов китайских зеркал определяют время фабрикации типов в основных центрах их производства. Сами же зеркала могли существовать (и воспроизводиться?) много позже. Так, например, при раскопках гробниц, самые ранние из которых датируются началом Старших Хань, самые поздние – периодом Младших Хань, встречены восьмиарочные зеркала без специальной ленты надписи и с лентой надписи и зеркала типа *ssü-ju ssü-hui*²⁶⁷. За пределы же Китая зеркала могли попадать через длительное время после их производства и здесь – не лимитированные развитием "внутрикитайской" моды – употребляться еще столетия спустя. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что в кургане 13 могильника Жал-Арык²⁶⁸, который, на наш взгляд, уверенно может датироваться наконечником стрелы 1У – У вв. н. э., есть маленькое зеркальце – по-видимому, имитация китайского восьмиарочного типа, без надписи. Есть и другие примеры²⁶⁹. Случай поразительного "долгожительства" импортного зеркала привел О. Менчен-Хэльфен. В одном из курганных погребений в Монголии на р. Тола (раскопки Боровки) ханьское зеркало было найдено с фрагментом шелковой ткани, датируемой У1 или УII в. н. э.²⁷⁰. В целом основные типы китайских зеркал были в "обращении" в Средней Азии еще одно-два столетия спустя после прекращения их производства в Китае, фрагменты таких зеркал, превращенные в украшения, могли бытовать еще по крайней мере такое же время²⁷¹, а воспроизводиться – на протяжении всего этого периода или еще позже²⁷².

В ханское время и позже бронзовые зеркала были важной статьёй экспортной торговли Китая²⁷³ и наряду с шелком, лаковыми изделиями и некоторыми другими товарами по "Великому шелковому пути" поступали в Среднюю Азию²⁷⁴, однако серьезного значения в экономике и культуре Средней Азии эти товары не играли. Так обстояло, в частности, с зеркалами: среди огромного количества зеркал, имевшихся в Средней Азии, привозные китайские составляли одну из самых малочисленных групп²⁷⁵.

**В. ЗЕРКАЛО В ПОГРЕВАЛЬНОМ ОБЯДЕ И ВЕРОВАНИЯХ
ДРЕВНИХ ФЕРГАНЦЕВ²⁷⁶.
РУЧКИ СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ЗЕРКАЛ И КУЛЬТ БЛИЗНЕЦОВ**

Среди найденных зеркал особое внимание обращают преднамеренно разбитые. Такова, например, половина бронзового зеркала из нижнего захоронения кургана 3 Ворухского могильника. Оно принадлежит к типу ханских "восьмиарочных" зеркал без специальной ленты надписи.

Изучение края зеркала показывает, что оно не поломалось в процессе употребления, а было специально разломано. С этой целью каким-то острым орудием типа зубила, по которому ударяли чем-то тяжелым, примерно посредине тыльной поверхности была сделана ломаная бороздка. Многочисленные следы этого тонкого острого орудия видны совершенно отчетливо. Чрезвычайно интересно, что зеркало при этом рубилось не на всю толщину, а только на $2/3$ – $3/4$ ее. Эти рубящие удары оставили вертикальную к плоскости зеркала и на каждом отрезке довольно гладкую поверхность. Вместе с тем часть среза, лежащая вдоль лицевой стороны, имеет неровную шероховатую поверхность, обычно получающуюся при изломе. Первая операция, безусловно, имела вспомогательную цель – облегчать разламывание зеркала.

Аналогичные операции производились и над некоторыми зеркалами местного изготовления. Так, зеркало из кургана 40 могильника у Ворухского ущелья было по линии диаметра надрублено на половину толщины листа зеркала, а затем разломано. На зеркале из кургана 75 Ворухского могильника сохранился след от зубила на бортике: стали надрубать в одном месте, но затем отступили и надрубили в другом.

Преднамеренно разбитые зеркала найдены и в Карабулакском Караджарском²⁷⁸ и других могильниках Ферганы²⁷⁹. При этом следует отметить, что зеркала или их фрагменты имеются далеко не во всех захоронениях указанных могильников. Но это уже явление другого порядка, свидетельствующее о наличии имущественного расслоения или социальной стратификации.

В сарматских погребениях Поволжья и Приуралья обычай положения в могилу преднамеренно поломанного зеркала существовал в IУ–II вв. до н. э.²⁸⁰. Возможно, этот обычай возник уже в савроматское время, в прохоровское время абсолютное боль-

шинство зеркал клалось в погребения преднамеренно разбитыми, очень часто в могилу помещался обломок. В I в. до н. э. — I в. н. э. в сарматских погребениях большинство зеркал продолжали класть разбитыми, но определенную часть — целыми. Во II—IV вв. н. э., в позднесарматское время, число целых зеркал в погребениях значительно увеличивается. В IV—V вв. все еще продолжали класть в погребения разбитые зеркала²⁸¹.

Для Средней Азии мы располагаем (на настоящий момент) данными, что этот обычай существовал уже примерно в I в. до н. э. — на рубеже н. э. Й. Вернер, странным образом забыв об огромном сарматском материале, говорит, что обычай помещения в могилу разбитого зеркала в V в. н. э. одновременно распространяется у европейских гуннов и некоторых дунайских племен²⁸², и совершенно не отмечает, что этот обычай длительное время существовал у сарматов. В рецензии на работу Й. Вернера О. Мэнчен-Хельфен, полемизируя с немецким ученым и ссылаясь на нашу первую публикацию, писал: ". . . как показывает намеренно разбитое зеркало из Воруха в Таджикистане, ритуал существовал и раньше, на Востоке"²⁸³.

Как известно, вообще объекты, положенные в могилу или брошенные на ней, часто бывают намеренно разбитыми. Этот обычай очень широко распространен, и его нередко объясняют желанием предупредить грабеж могил. Однако, как давно выяснили этнографы, подлинная первоначальная сущность этого обычая лежит глубже. В сознании тех, кто разбил или испортил погребальные объекты, этот факт был эквивалентен смерти этих предметов. "Душа", а вернее "тень" вещи, следовательно, получала возможность следовать за душой человека в потусторонний мир²⁸⁴. Так, например, у тюркоязычных бельтиров вещи, которые клались в могилу, ломались, а от платья покойника отрывались пуговицы, ибо "на том свете это явится в целом виде"²⁸⁵. По верованиям хакасов: "Человек умер, тело его сгниет, а душа будет жить в стране мертвых. Надо и вещи убить, чтобы душа их вышла из них и последовала за душой человека в страну мертвых"²⁸⁶.

Однако в большинстве случаев в ферганских захоронениях из всего инвентаря разломаны лишь зеркала, другие же предметы положены в могилу целыми. Следовательно, это объяснение, правильное для отдельных захоронений, не пригодно для тех захоронений, где поломанными являются исключительно зеркала. По-видимому, у сарматов и среднеазиатских жителей, оставивших курганы, существовали специфические верования, связанные с поломанными зеркалами. Сохранившееся у многих народов до современности суеверие, согласно которому разбитое зеркало предвещает несчастье, иногда смерть близких, суеверие, известное и среднеазиатским народам, в частности таджикам²⁸⁷, возможно, является следствием существовавшего в прошлом обычая намеренно разбивать зеркало в случае смерти близких.

Можно, конечно, только догадываться, что именно символизиовала половинка зеркала, положенная в могилу. Укажем на старинную китайскую легенду, согласно которой некогда должны были расстаться любящие муж и жена. Они разбили зеркало и каждый из них взял половину в качестве залога верности. Когда через некоторое время жена изменила мужу, ее часть зеркала превратилась в сороку, которая полетела к мужу и рассказала ему об измене²⁸⁸. Обычай разламывания зеркала при расставании супругов вообще был, по-видимому, широко распространен в древнем Китае²⁸⁹. В этой связи чрезвычайно существенно, что и у таджиков существовало верование, согласно которому поломка зеркала, употреблявшегося при брачной церемонии (об этом см. ниже), — предвестник развода супругов, более того — повод для развода²⁹⁰.

В том круге распространенных на Востоке магических представлений, согласно которым ломали зеркала намеренно "на память друг о друге при разлуке родственников, любовников и супругов, или чтобы удостоверить личность секретного посланца, который прикладывал данный ему в дорогу фрагмент зеркала к части, имевшейся у адресата"²⁹¹, также можно искать причину положения в могилу преднамеренно поломанного зеркала, другая половина оставалась у живого родственника или супруга, дабы после смерти он мог найти в загробном мире близкого человека. Поразительно, что в женском погребении НУ-7 найден фрагмент зеркала, зажатый в кисти правой руки.

Однако это не снимает вопроса, почему ломалось и использовалось для этой цели именно зеркало, а не какие-либо другие предметы. Д. Фрезер вскрыл обширный и очень древний круг верований, согласно которым в представлении первобытного человека душа помещается в его тени или отражении²⁹². Первобытный человек, указывает Д. Фрезер, ". . . часто смотрит на тень или отражение своего лица как на душу или, во всяком случае, как на жизненную часть своей личности" и далее: "подобно тому как одни народы верят, будто душа человека находится в его тени, другие народы (или те же самые) думают, что душа заключается в отражении, которое человек видит в воде или зеркале"²⁹³. Известны многочисленные верования и суеверия, восходящие к этому источнику, в том числе классический миф о Нарциссе.

Эта общая подоснова древних верований, связанных с зеркалом, помогает более конкретно осмыслить вышеприведенные данные о разбитых зеркалах и о различных обрядах и магических представлениях в Средней Азии и у соседних со Средней Азией народов²⁹⁴.

В могилу клались разбитыми именно зеркала, а не какие-либо другие вещи, ибо в зеркале воплощалась душа умершего и разламывание зеркала символически отражало смерть человека.

Понятным становится и назначение половинки зеркала для отыскания родственника или супруга в загробном мире — ведь зеркало было олицетворением души умершего. Однако нельзя игнорировать еще одно объяснение. Как пишет Э. Тейлор, «верование, что призрачные души умерших держатся в соседстве живых, имеет корни в низших слоях культуры дикарей, проходит через период варварства без перерывов и сохраняется с полной силой и глубиной в среде новейшей цивилизации». Примеры этих верований у различных народов чрезвычайно разнообразны²⁹⁵. При этом чрезвычайно широко распространено мнение, что души покойников «вообще дурно настроены и готовы причинить зло тем, кто их пережил»²⁹⁶. Поэтому предпринимались различные магические меры, для того чтобы расположить к себе духов умерших или же заставить их не выходить из могил, или хотя бы не появляться вблизи живых. В Средней Азии известны многочисленные верования и обряды этого круга²⁹⁷. Может быть, поломка зеркала (души человека) предохраняла от появления души умершего среди живых. Таковы, на наш взгляд, возможные объяснения причин помещения в могилу поломанного зеркала у древних ферганцев и, вероятно, у сарматов.

Иначе обстоит дело с изготовленными из зеркал (обычно из их обломков) амулетами, несомненно, использовавшимися при жизни. По-видимому, к этой же группе следует причислить и миниатюрные зеркальца-подвески.

Специально сглаженные и скругленные обломки зеркал с отверстиями для подвешивания встречены в западнопамирском могильнике Чиль-хона в погребении № 9 (II-I вв. до н. э.)²⁹⁸. В исфаринском захоронении С-II-33 у берцовой кости правой ноги с внутренней стороны лежал фрагмент бронзового зеркала с дырочкой, в которую было продето бронзовое колечко, а в него в свою очередь было продето второе бронзовое колечко — для подвешивания. И этот случай не единичный.

В ряде курганов Исфаринского района в погребениях обнаружены мелкие фрагменты (в том числе фрагменты бортиков) ханьских зеркал. В большинстве случаев в них имеются дырочки для привешивания. Фрагмент ханьского зеркала со следами надрубивания и позже сделанными дырочками для подвешивания или пришивания происходит из кургана 77 могильника Карабулак. На некоторых фрагментах, например у фрагментов из Ворухского могильника (курган 11) и могильника Чорку I (курган 28), тщательно сточены и скруглены острые углы. Такая же картина прослеживается и на фрагментах местных зеркал. Обломки специально обтачивались, иногда им придавалась форма овального листика с дырочкой в одном из острых углов, например фрагменты из могильника Сурх II (курган 3) и могильника Навгилем — Калантар-хона (курган 1). В одном кургане (могильник Сурх II, курган 23) найден фрагмент зеркала, на длинной стороне которого

выточен специальный полукруглый выступ с дырочкой. Все эти фрагменты можно рассматривать как амулеты, по-видимому, применявшиеся и при жизни.

В этой связи следует также упомянуть и миниатюрные круглые зеркальца-подвески диаметром 5–6,5 см, часто с петелькой в центре обратной стороны. Орнамент кружковый в виде сложных многоугольных звезд, шестилепестковых розеток с заполнением фона "кружковыми" углублениями. Миниатюрное зеркало с боковой ручкой из старой коллекции Ташкентского музея имеет на обратной стороне две фигуры в виде звезд, образованных полуарками, в центре же – фигуру в виде креста.

В сарматских и аланских курганах юга Европейской части СССР миниатюрные зеркала-подвески встречаются не только в женских захоронениях, но и в мужских. Считается, что они имели магический характер: оберегали своих владельцев и при жизни и после смерти. Их поэтому находят обычно целыми²⁹⁹.

В стране древних хягасов очень ценились импортные зеркала, даже обломки их не бросались, а путем проворачивания дырочки обращались в привески или амулеты³⁰⁰.

Амулеты из кусочков зеркала, миниатюрные зеркала, некоторые из которых явно не могли иметь утилитарного назначения, – все это свидетельствует о том, что в воззрениях древних исфаринов, шире – ферганцев, зеркало имело какое-то магическое значение, но какое именно? Обратимся к историческим и археологическим параллелям.

Магическая роль зеркала у многих народов Азии и Европы общеизвестна³⁰¹. Сам факт появления в зеркале отражения предметов должен был казаться древнему человеку чудом (см., например, Милинда-Паньха, II, 4, 54)³⁰². Зеркало, судя по древним текстам, играло определенную роль в разного рода ритуальных действиях у китайцев³⁰³. У арабов металлическое зеркало рассматривалось как имеющее магическую силу против несчастий³⁰⁴, у персов применялось как магическое средство в различных случаях³⁰⁵.

В древней Японии зеркалам "приписывалась магическая сила, они символизировали чистоту и, по верованиям той эпохи, являлись талисманом против злых духов"³⁰⁶. Зеркало являлось одним из *Sanshu-no-Jingi* ("три священных сокровища") – эмблемой императорского трона³⁰⁷. Бронзовое зеркало почиталось как изображение солнечного диска, воплощение женского солнечного божества³⁰⁸.

Зеркало рассматривалось китайцами как в высшей степени эффективное магическое средство, в частности для отвращения злых духов и влияний. Иногда это прямо выражалось в надписи на зеркале. Декорация обратной стороны зеркала тесно связана с религиозно-магическими верованиями китайцев³⁰⁹. Помимо этого, зеркало считается у китайцев привлекающим "воду жиз-

ни", оно рассматривается как атрибут женского божества и т. д.³¹⁰. В представлениях тибетцев зеркало играло роль, противоположную фаллическому смыслу стрелы. Зеркало – символ женского пола и поэтому называется также gSang-bai gnas ("тайное место"). Из древних народных верований почитание зеркала проникло в ламаистскую религию³¹¹.

У буддистов "... зеркала играет роль алтарной принадлежности, оно употребляется, между прочим, для освящения воды: зеркало устанавливается так, чтобы в нем отразилось имеющееся в храме изображение Будды, затем льют на него воду, которая, стекая по отображенному лику Будды, приобретает тем святость – ее пьют и окропляют ею верующих"³¹².

В религиозной практике Китая существует обычай, когда одежду умершего вешают на бамбуковую ветку, туда же прикрепляют зеркало для того, чтобы бродящая душа не вернулась³¹³.

Со времени ханьской династии зеркала широко применяются в погребальном обряде³¹⁴. Помещение зеркала в могилу у китайцев связано, в частности, с верованиями о том, что зеркало "освещает могилу"³¹⁵. Но и у осетин в старину "загробная жизнь достойных людей мыслилась как царство неугасающего света. Отсюда обычное осетинское напутствие покойнику *guxssaŋ ut* – "будь предназначен для света"³¹⁶. У иранцев верования, связанные с зеркалом, восходят к очень отдаленному времени, тому, когда они впервые появляются в Западном Иране. Во всяком случае, на золотой чаше из Хасанлу, относящейся к рубежу II и I тысячелетий до н. э., имеется изображение едущего на льве женского божества. В поднятой левой руке персонаж держит зеркало (с боковой ручкой) и поводья. Как отмечает американская исследовательница этого изображения, оно тесно связано с типом западноазиатского божества Кубаба, божественной защитницы Кархемыша, которое изображено также на льве и с зеркалом на рельефе из этого северосирийского города, датированном около 900 г. до н. э.³¹⁷.

Перестановка акцентов в оппозиции женщина – зеркало – своего рода семантическая инверсия, когда зеркало становится доминирующим членом, – содержится в предметах IX–VIII вв. до н. э., которые происходят из Хурвина и Луристана³¹⁸.

На известных кульбоских и чертомлыцких бляшках изображена сидящая вправо на кресле богиня, левой поднятой вверх рукой держащая перед собой какой-то круглый предмет на ручке, почти несомненно, – зеркало. Перед ней стоит меньший в масштабе молодой скиф, пьющий из ритона (или рога). М. И. Ростовцеву казалось, что это – изображение акта приобщения царя или миста, "вероятно, власти, а может быть, себе". М. И. Артамонов думал, что это воспроизведение культовой сцены, во время которой верующий через вкушение жертвенной пищи получает божественную благодать, силу или покровительство божест-

ва³¹⁹. На найденном в Румынии в Добрудже (на юг от Истрии) золотом перстне с именем Скила выгравировано изображение женской фигуры в короне, сидящей на троне и держащей перед собой зеркало³²⁰. Женская фигура и в первом и во втором случае — по-видимому, божество Табиты, которое, по Геродоту (IУ, 59), пользовалось наибольшим почитанием у скифов³²¹.

В савроматскую эпоху зеркала обычны в могилах савроматских жриц Приуралья³²².

В Иране селевкидского и парфянского времени были в употреблении зеркала с боковой ручкой в виде статуэтки нагой женщины, к голове которой был прикреплен диск зеркала (см. выше). Характерно, что такие зеркала встречены на Масджида-Сулейман в храме, который, по заключению Р. М. Гиршмана, был посвящен Анахите и Митре³²³. Поза женской фигурки своеобразна: левая, согнутая в локте рука опирается на бедро, правая согнута в локте и вытянута вверх, к диску. У некоторых статуэток обе руки вытянуты к диску и поддерживают его. В одном случае у основания диска — изображение кошачьего хищника.

Культовое значение зеркало имело и в Средней Азии. Об этом наглядно свидетельствуют женские терракотовые статуэтки с зеркалом. В Южном Таджикистане на городище Саксонохур найдены две матрицы для изготовления статуэток и две статуэтки, изображающие женщину со сложенными на груди руками, выраженными признаками пола, внизу — веерообразно расходящееся, в одном случае украшенное полосами с насечками платье. В руках — поднятое вверх зеркало с боковой ручкой.

Женская статуэтка с зеркалом в руках была в Средней Азии впервые найдена при работах экспедиции Р. Пумпелли на Гяур-Кале и опубликована в 1908 г. Г. Шмидтом³²⁴. Через четыре десятилетия женские статуэтки с зеркалом из Мерва издал Л. И. Ремпель³²⁵. Затем к изучению этих статуэток обратилась Г. А. Пугаченкова, которая сочла эти статуэтки одним из воплощений "маргианской богини" и сделала интересные наблюдения о связи этих изображений с культом Исиды³²⁶. Формирование образа "маргианской богини" Г. А. Пугаченкова относила к I в. до н. э. Однако в Хорезме на Кой-Крылган-кале женская статуэтка с зеркалом найдена в слое IУ-III вв. до н. э.³²⁷ Саксонохур показал наличие и в коропластике Бактрии своеобразных женских изображений с зеркалом. Известны они и для Согда. По-видимому, необходимо пересмотреть вопрос в целом, как о семантике этих изображений, так и об их иконографии, а также о соотношении женских статуэток с зеркалом, происходящих из разных историко-культурных областей Средней Азии.

Любопытные материалы в этом плане принесли раскопки Уйгарака. По наблюдениям О. А. Вишневской, ни в одном погребении (даже в богатых) центральной и западной части могильни-

ка зеркал нет; они встречаются исключительно в восточной части, где находятся погребения женщин-жриц³²⁸.

Мною была высказана мысль (приведенная в статье моего аспиранта Х. Ю. Мухитдинова)³²⁹ о связи статуэток с культом солнечного божества. Это мог быть Митра³³⁰, а также женские божества его круга - Aši и Parandi (ведическая Parāṁdhi). К тому же в Индии в качестве атрибута женского солнечного божества Сурья выступает солнечный диск³³¹.

Что же касается современности, то можно, в частности, указать на роль зеркала в ритуале таджикской свадьбы³³². Время возникновения этого обычая неизвестно, но следует, однако, иметь в виду, что зеркало являлось непрременной принадлежностью и древнеиндийской свадьбы³³³. В таджикском быту в прошлом зеркало играло магико-охранительную функцию. В детскую колыбель, под подушку, клался белый мешочек с вложенным в него ножом, зеркальцем и двумя стручками красного перца. Назначение этих предметов - предохранить ребенка от испуга³³⁴.

Много материалов о культурно-магических функциях зеркала в быту и фольклоре таджиков собрал Х. Ю. Мухитдинов. Как он пишет, зеркало в фольклоре ограждает героя от действия злых духов и сил. Зеркало связано с водой: из него берет начало водный поток - когда герой бросает зеркало, на этом месте образуются озера, реки, пруд. В новый дом входят обязательно с зеркалом. Его вносит завернутым многодетная женщина, на пороге его разворачивают. Зеркало играло важную роль в культе Биби-Дилкушо - женского божества, покровительницы женщин, специально прях³³⁵.

Термины для обозначения зеркала во многих средне- и новоиранских языках, в том числе таджикское *юина*, по В. И. Абаеву, восходят к реконструируемому иранскому *ā-dayana от *dī, day-* "глядеть" (древнейшее иранское название зеркала должно было, следовательно, иметь значение "гляделка")³³⁶.

Как нам представляется, ключ к объяснению обычая помещения в могилу миниатюрных зеркал и обломков зеркала - амулетов дают статуэтки "Анахиты" с зеркалом. По-видимому, как и в ряде стран, в Средней Азии зеркало считалось атрибутом женского божества, которое выступало прежде всего как божество земли и плодородия, но было, подобно Исиде, непосредственно связано и с культом солнца³³⁷. О последнем недвусмысленно свидетельствуют джолсайские и пенджикентские зеркала: их ручка восходит к той же иконографической схеме, что и колесница солнечного божества, взирающего на посетителей с росписи на своде пещеры в Минг-Ой (см. выше).

Можно думать, что здесь выступает переживание более древнего верования, по которому зеркалу приписывалась магическая способность увеличения плодovitости, сексуальной силы и т. д. Что же касается миниатюрных зеркал-подвесок, то ор-

намент ряда из них в виде розетки, радиальных лучей и пр. мог осмысляться как символизирующий солнце. Эти объяснения могут прилагаться не только к фрагментам зеркала и миниатюрных зеркал-подвесок, наличествующих в погребальном обряде, но и в понимании их магических функций при использовании этих предметов в быту как женщинами, так и мужчинами.

Если правильны приведенные здесь соображения, верования ферганцев, связанные с зеркалом, отличались большой сложностью и полисемантической. Выше уже делались ссылки на погребальный обряд сарматов. Судя по обильным находкам поломанных зеркал в сарматских захоронениях³³⁸, верования древних ферганцев и сарматов по отношению к зеркалу во многом были одинаковыми, что еще раз подчеркивает глубину и размах сарматско-ферганских связей³³⁹. Мы не исключаем возможности, что вообще обычай помещения в могилу поломанного зеркала возник в Средней Азии в результате сарматского влияния.

Особо следует остановиться на том круге верований, что запечатлен ручками джолсайских и пенджикентских зеркал (см. выше). Тут возникает целая группа сложных вопросов относительно истоков этих верований, тем более что ареал их значительно шире, чем территория расселения индо-иранских народов.

Остановимся вкратце на некоторых из могущих быть приведенными фактов.

Во второй половине I тысячелетия до н. э. – первых веках н. э. в Восточной и Западной Европе были распространены верования, связанные с женским божеством-покровительницей коней, верования, в которых нашли отражение черты диоскуровой триады (об этих верованиях см. ниже. В частности, в системе кельтских женских божеств, покровительниц животных, известны *Artio* – богиня медведей, *Damona* – богиня коров и др.; выделяется группа божеств, связанных с конями, – это *Rudiobos* – бог коней, *Rhiannon* – богиня-покровительница кобыл и, наконец, *Epona*, имя которой содержит в себе галльское обозначение коня (*epo* < *ekyo) и с самого начала было связано с конем. Существовал специальный праздник в честь этой богини, отмечавшийся в декабре. Есть несколько типов изображения этой богини, культ которой был распространен на территории современной Франции, Германии, Венгрии, Италии³⁴⁰. Часто Эпона изображалась сидящей на находящейся в покое лошади (нередко с жеребенком) или на двигающейся лошади. Обычно она восседает фронтально, свесив ноги на одну сторону, но встречаются и изображения в позе всадницы. Другой тип – богиня стоит перед лошадей или находится между двумя (или большим числом) лошадей. При этом есть несколько вариантов: а) лошади обращены к божеству (например, на рельефе из Байхингена – Вюртембург, где к сидящей Эпоне справа и слева на-

правляются группы лошадей); иногда это всадники; б) лошади свободно располагаются вокруг фигуры Эпоны; в) лошади направляются в стороны от Эпоны³⁴¹.

Для нас представляет интерес последний вариант. В некоторых случаях он весьма близок к схеме джолсайских зеркал. Так, на рельефе из Геддергейма (Hedderheim - Nassau) - две обращенные в разные стороны лошади. К задним частям их крупов прислонилась, а может быть, сидит на них Эпона³⁴². Точно соответствует рассматриваемой схеме изображение на рельефе из Лимбаха (Пфальц): две обращенные в противоположные стороны строго профильные идущие лошади, вернее - их протомы, на которых восседает фронтально трактованная значительно более крупная по масштабу фигура Эпоны. Есть и другие аналогичные изображения³⁴³.

Как указывалось выше, и этимология и иконография четко указывают на связь Эпоны с культом коня. Более развернутое определение затруднено из-за недостатка конкретных материалов, но вполне вероятно, что это божество было связано и с культом мертвых³⁴⁴. Вместе с тем есть прямое указание (Диодор, IУ, 56, 3-4), что кельты почитали Диоскуров больше, чем всех богов.

Существовало общинноевропейское представление о богине - "хозяйке коней", восстановленное на основании сравнения греч. *ἵππων* и кельтского Ерона. В этот круг входит хет. *Pirwa* - божество на лошади, соответствия которому, как отмечает В. В. Иванов, "имеются в разных частях балканского ареала"³⁴⁵.

Уже в конце XIX в. было выдвинуто сопоставление кельтской Ерона и иранской *Drvāspā*³⁴⁶. Сейчас оно поддержано В. В. Ивановым³⁴⁷. Это уравнение отнюдь не только этимологическое. В митраизме Дрваспа идентифицируется с Сильваном и Эпоной^{347а}.

Х. Бартоломе указывает, что *Drvāspā* - композитное образование *drva* + *aspā*, собственно "владелица здоровых (крепких) коней", ибо *drva* - "здоровый", "сохранный". Производный термин - имя божества - женского рода³⁴⁸. Итак, *Drvāspā* - "хозяйка благоденствующих коней"³⁴⁹.

В "Авесте" относительно *Drvāspā* сказано: "Благая, творение мудрости, священная *Drvāspā*" (Яшт, IX, 1, 1). О ней говорится: "Ее кони взнузданы, ее повозки катятся, ее колеса вертятся . . . она прекрасная и могучая" (Яшт, IX, 1, 2)³⁵⁰.

Г. Ломмель считал, что *Drvāspā* связана с народными верованиями, особенно всадников и владельцев коней, причем ее образ в позднейшем зороастризме появляется в тесной связи с зороастрийскими представлениями о душе рогатого скота. *Drvāspā* - богиня-хранительница коней и вообще домашнего скота³⁵¹.

Э. Херцфельд полагал, что, так как божество *Drvāspā*, по-

мимо Яшта 1X, не встречается в других сохранившихся частях Авесты, а судя по Денкарту, — и в ее утраченных частях, это может лишь означать, что оно скрывается под другим именем. Яшт 1X называется Drvāspā Yašt, но вместе с тем по-среднеперсидски Gōš Yašt. Не исключено, что Drvāspā соответствует Gōš Tašan (авестийскому gōuš tašno — "Создателю Первобыка". Имя этого божества авестийского пантеона продолжается в хорезмийском названии дня *rwst* и в средне- и новоперсидском *gōšt*, *gušt* "мясо"³⁵². По Э. Херцфельду, Drvāspā — божество животной жизни, типологически соответствующее греческому Адонису как божеству растительной жизни³⁵³.

Высказывалось мнение, что наименование Drvāspā первоначально появляется просто как эпитет и лишь затем персонифицируется^{353а}. Это иранское божество некоторыми учеными сопоставляется с индийской Sūrya^{353б}.

На золотых монетах Канишки и Хувишки встречается изображение фронтально стоящего, с повернутой направо головой бородатого мужчины, позади которого — идущий вправо конь. Надпись: *ΛΡΟΟΑΣΡΟ* 354. А. Кристенсен, а за ним Э. Херцфельд предположили, что за этим именем скрывается авестийское Drvāspā в ее бактрийской форме³⁵⁵. Открытие сурх-котальских надписей подтвердило переход *d>l* в бактрийском и утвердило предложенную идентификацию³⁵⁶.

Ж. Дюмезиль предположил, что приводимое Геродотом (1,У, 6) имя скифского рода *τροβασπιδες* отражает *Drvāsp(i)ya — "имеющий богатство в лошадях, в табунах крепких лошадей"³⁵⁷.

Исследователи обратили внимание, что божество на кушанских монетах является мужским. Э. Херцфельд высказал мнение, что "неважно", что Дрваспа "Авесты" грамматически — женское имя, так как позже, на кушанских монетах, когда можно определить пол этого божества, оно мужское. Ф. Юсти упоминает, что это имя в иранской ономастике было мужским³⁵⁸.

У согдийцев — это мужское имя (*š rw 'sp* — Друвасп). Оно засвидетельствовано в "согдийских старых письмах" и в одной согдийской надписи из Пенджикента. По мнению В. Б. Хеннинга, Друвасп был одним из божеств согдийского пантеона³⁵⁹.

Еще в 1910 г. была высказана догадка, что изображение на монетах "напоминает одного из двух небесных всадников — или индийских Ашвинов или греческих Диоскуров"³⁶⁰.

Изображения великой богини в окружении всадников в римское время широко распространяются в областях по Дунаю — Дакии, Мизии, Паннонии, меньше — во Фракии. Иконография ее отличается от иконографии Эпоны на каменных, свинцовых, реже глиняных и отдельных бронзовых рельефных амулетах. На многих рельефах в центре (одной из сцен) находится стоящее или сидящее женское божество, к которому направляются (навстречу друг другу) или перед которым находятся два всадника. Неред-

ко высказывалась мысль, что всадники — Диоскуры или Кабиры—Диоскуры, но она не является общепринятой³⁶¹. М. И. Ростовцев полагал, что на этих изображениях отразились влияния вестралийцев Южной России, связанные с почитанием Великой богини и направляющихся к ней божественных всадников³⁶². Б. А. Рыбаков высказывал мнение, что это "романизированная передача" "каких-то народных сарматских (?) изображений, быть может, уже в то отдаленное время выполнявшихся женщинами на тканях"³⁶³.

Для сарматского искусства известно изображение на золотой пластине из кургана Карагодеуашх на Кубани³⁶⁴. Во втором ярусе изображена фронтально стоящая человеческая фигура, по бокам от нее — кони, также обращенные к зрителю. По мнению М. И. Ростовцева (и его предшественника В. К. Мальмберга), здесь изображена колесница, на которой "стоит, как кажется, безбородый мужчина"³⁶⁵, но В. А. Городцов, по-видимому, прав, что "признаки колесницы совершенно отсутствуют". Персонаж он рассматривает как женский³⁶⁶. Во всяком случае, кони соединены сверху какой-то перекладиной.

Более того, в славянском народном искусстве широко представлена композиция с центральной женской фигурой и обращенными к ней конями³⁶⁷. На Востоке можно указать на кафирские деревянные надгробные статуи в виде всадника на коне с двумя передними частями и двумя головами³⁶⁸.

Нетрудно видеть, однако, что этот круг изображений дает аналогию не иконографической схеме рассматриваемых зеркал, а их семантической сущности.

Что же касается аналогий именно иконографической схеме, то можно еще упомянуть, что Диоскуры у спартанцев символически изображались в виде двух параллельных балок, связанных двумя поперечными перекладинами. В этрусских изображениях они имеют вид двух людей, соединенных двумя перекладинами со звездой над ними³⁶⁹. В этруском же искусстве встречаются такие, как на джолсайских зеркалах, изображения. Так, например, близкую аналогию дает навершие ручки одной бронзовой амфоры V в. до н. э. — обращенные в противоположные стороны протомы коней (табл. 20)³⁷⁰.

Итак, джолсайские и пенджикентские ручки демонстрируют один из крайних этапов схематизации колесницы солнечного божества, на которой располагались и сопровождающие это божество небесные близнецы. При этом кони, запряженные в эту колесницу, скачут в противоположные стороны, как бы стремясь "разорвать" колесницу на части. Но это один, и весьма распространенный, способ условного изображения колесницы, когда сама колесница и божественная триада (или наличествующие ее члены) изображаются фронтально, а кони — в три четверти или (чаще) профильно и точно так же обозначаются колеса. Сейриг

предложил специальный термин для этих изображений — *attelage déployé*. Они встречаются на огромном пространстве — от Западной Европы и до Китая (Дунхуань). Очень много таких изображений, в частности, в индийском искусстве с I в. до н. э. и позже³⁷¹. Так, на гандхарских коринфизированных капителях из Буткара (долина Свата) имеются профильные изображения двух пар коней, направленных в разные стороны, между ними рудиментарная повозка, над которой человеческий бюст (табл. 32/2)³⁷². Еще более схематизированное изображение в центре одного гандхарского стеатитового блюда, где два скачущих коня направлены в противоположные стороны, а над и между ними в коробе повозки восседает божество (табл. 33/1)³⁷³.

Аналогичная художественная интерпретация этого мотива существовала и у иранцев. Среди множества луристанских псалий встречаются очень интересные в рассматриваемом плане. Таковы, например, псалии типа 2b по Л. Ванденберге (тип У Г. А. Потратца): на прямую штангу с концами в виде колечек насажены свободно двигающиеся силуэтные плоские схематизированные изображения животных, в частности коней (табл. 26/2)³⁷⁴. Еще более важны псалии в виде двух коней, соединенных задними частями протом, с человеческой фигуркой между ними (1У группа, по Г. А. Потратцу) (табл. 26/1), которые по современным представлениям относятся к концу IX — III вв. до н. э.³⁷⁵.

Особого рассмотрения заслуживает группа статуэток из Луристана. Таковы две бронзовые статуэтки из коллекции Фуруги (Иран), относящиеся к III—II вв. до н. э. Общим элементом статуэток являются обращенные в противоположные стороны профильные протомы коней, с общим, как бы сросшимся корпусом. На корпусе первой сидит, свесив ноги, фронтальная женская (?) фигурка с головой, выполненной в более крупном масштабе, руки протянуты горизонтально — руками она держит головы коней (табл. 27/2). На второй сидят рядом друг с другом две фронтальные фигурки, обнимая друг друга смежными руками, свободной рукой каждый из персонажей держит голову коня (табл. 28/2)³⁷⁶.

Среди луристанской бронзы есть и другие аналогичные изделия. Одно из них хранится в частной коллекции в Париже: какое-то божество (по Р. Гиршману — может быть, Митра) помещено между двумя протомами коней, обращенными в разные стороны (табл. 28/1)³⁷⁷.

В коллекции Малеки в Тегеране имеется статуэтка с широко расставленными конскими протомами³⁷⁸, соединенными стержнем — в этом отношении она напоминает джолсайские ручки. Но на луристанской статуэтке на стержне восседают, свесив ноги, две фигурки в позе, похожей на предмет из коллекции Фуруги. Наконец, из Армении происходит статуэтка, относящаяся к VIII—VII вв.

(так же, как и луристанские статуэтки): две соединенные и обращенные в противоположные стороны протомы коней, на которых, держась за их головы, сидит женщина (табл. 27/1). По мнению издавшего эту фигурку Э. Херцфельда, она, вероятно, отражает религиозные представления³⁷⁹ — какие именно, он не уточняет.

Сидящие персонажи на этих статуэтках — какие-то божества, тесно связанные с конями. Соединение протом пары коней может рассматриваться как условное отражение темы колесницы, в которую запряжена пара лошадей. Тогда пара — это божественные близнецы, а женщина — третий член диоскуровой триады.

В предскифское или раннескифское время на Северном Кавказе, судя по находке в Верхнекобанском могильнике, отливались бронзовые псалии, завершающиеся обращенными в разные стороны головами коней³⁸⁰. Такие же псалии с головами коней или грифонов найдены в Ордосе и Южной Сибири³⁸¹. Бронзовые и железные псалии такого типа применялись южноуральскими савроматами³⁸². Встречаются такие псалии у прохоровцев IУ в. до н. э.³⁸³. У прохоровцев же на рубеже IУ—III вв. до н. э. появляются и широко распространяются в III—II вв. до н. э. костяные навершия гребней, концы которых оформлены в виде обращенных в противоположные стороны схематических изображений профильных голов коней. Позже II в. до н. э. у сарматов такие навершия неизвестны³⁸⁴. Характерно, что в Средней Азии такого рода гребни встречались и позже — судя по Джунскому могильнику (см. ниже, стр. 139).

Мы уже упоминали о Южной Сибири. Мотив обращенных в разные стороны протом коней появляется в тагарском искусстве на рубеже У1—У вв. до н. э., причем там они входят в группу изображений, для которой характерны парные, обращенные в разные стороны морды или протомы животных (кабанов, козлов и т. д.)³⁸⁵. На украшениях передней луки седла из У Пазырыкского кургана — две обращенные в противоположные стороны конские головы с единой шеей³⁸⁶. Известны они и в ордосских бронзах³⁸⁷. Очень широко разные варианты этих изображений представлены в таштыкском искусстве³⁸⁸. Вполне вероятно, что импульс к развитию этих изображений в Сибири был получен из более западных областей.

Все вышеприведенные материалы свидетельствуют, что ручки джолсайских и пенджикентских зеркал входят в круг изобразительных мотивов, связанных с одной из сторон древнейших верований индоевропейских народов.

Ручки анализируемых зеркал, несомненно, специально отражают верования, близкие к культу божественных близнецов, Ашвинов—Диоскуров.

Aśvin — буквально "владеющий конями"³⁸⁹, в Ригведе Ашвины — покровители коней, укрепляющие их для быстрого бега (1,

112, 21), заботящиеся о лошадях и колесницах (I, 112, 22). Но функции их значительно шире. Ашвины – их эпитет Nāhāithyā, встречается (в форме Nasatti(ā-nna) уже в переднеазиатских документах II тысячелетия до н. э. Им посвящено 54 гимна Риг-веды, помимо этого они упоминаются в этом сочинении свыше 400 раз. Это божественные братья-близнецы, связанные с утренними и вечерними сумерками, с солнцем. Они с быстротой мысли несутся на огромной золотой колеснице, запряженной одним или несколькими конями, ослиами, буйволами или птицами (лебеди, орлы) или крылатыми конями. Они сами называются "рожденными Небом небесными птицами" (RV, 1У, 43, 3). Их сопровождает дочь солнца – Sūryā, они ее братья и мужья. К ним обращаются и призывают их во время свадьбы, от них зависит счастье и плодovitость брачующихся. Они помогают при всяческих затруднениях и нужде. Ашвины – хранители эликсира жизни, лекарств и напитков, божественные врачеватели, доктора богов (devānām bhīṣaḡāu), покровители земледелия, дарители юности и стражи бессмертия и процветания. Вместе с тем Ашвины помогают богам и смертным в сражениях – но это как будто их не первоначальная функция³⁹⁰.

Как известно, Ашвины не являются изолированным или специфически индийским явлением, а входят в число многочисленных аналогичных индо-европейских божественных однополых близнецов. Они встречаются в индо-иранских, греческих, кельтских, германских, балтийских и славянских верованиях. При этом в мифологическом строе этих "близнецов" есть много общего. В гимнах Ригведы божественные близнецы Aśvinā – "сыновья неба" (Dyaus) (RV, IV, 43, 3) или "сыновья (потомки) Бога" (Divō n̄brātā) I, 117, 12; I, 182, 1; I, 184, 1; III, 38, 5 и др.). Идентичные эпитеты сохранились в греческой и балтийской мифологиях. Сестра солнечных близнецов – дочь солнца. Но она не только сестра, но и их возлюбленная и жена – весьма точные данные об этом есть во всех индо-европейских религиях³⁹¹.

Как пишет Д. Вард, "в каждой индо-европейской традиции ассоциация божественных близнецов с конем представляет наиболее яркую характеристику . . ." ³⁹².

В самом деле, в Ригведе эта связь отразилась в самом их имени – Aśvinā "обладающие конями", "владеющие конями". По Махабхарате, мать Ашвинов имеет облик кобылы Вадава (Махабхарата, I, 158, 50–51), Ашвины – покровители коней, укрепляющие их для быстрого бега (RV, I, 112, 21), заботящиеся о лошадях и колесницах (I, 112, 22). Среди коней, данных Ашвинами разным лицам, упоминается данный Педу молчущий белый конь-змееборец (Ahihan) (RV, I, 116; 6; I, 117, 9; I, 118, 9; I, 119, 9), который также называется Пайдва. Конь этот (с этим наименованием) упоминается и в Атхарваведе (X, 4, 5–

7 и сл.), где сохранились названия змей, им убитых. Прослеживается связь инд. Пайдва с греч. Пегасом³⁹³.

Но и греческие Диоскуры также тесно связаны с конями. Гомер дает одному из них, Кастору, эпитет "конеборец". У Пиндара братья называются "белоконными" и "прекрасноконными". Аполлон в диалоге богов у Лукиана упоминает о белых конях божественных близнецов; фиванские близнецы именуется "два белых жеребца Зевса". В гомеровских гимнах сохранилось представление о божественных близнецах верхом на конях. В других произведениях греческой поэзии они называются "конниками", "искусными наездниками". В памятниках искусства Диоскуры часто изображаются стоящими возле коней или верхом на конях, или как возницы колесницы. Мы знаем даже имена их двух коней³⁹⁴.

Куль Диоскуров засвидетельствован и на Востоке. Его принесли с собой эллины, он запечатлен на монетах селевкидского и греко-бактрийского чекана³⁹⁵. В эллинистическое время культ Диоскуров тесно переплетается с культом Кабиров³⁹⁶. В этой связи интересно сообщение Филострата (Жизнь Аполлония, II, 43) о том, что Аполлоний и его спутники недалеко от Гифасиса натолкнулись на алтари, в том числе посвященные самофракийским Кабирам. При раскопках в Северном Афганистане в Дильберджин-тепе Афгано-советская археологическая экспедиция открыла на фасадной стене первоначального храма росписи с изображением двух Диоскуров, держащих под уздцы белых лошадей³⁹⁷. Возможно, это синкретические образы Ашвинов-Диоскуров. Во всяком случае, при восприятии образа Диоскуров в местной бактрийской среде на него накладывались черты иранских божественных близнецов. В этом плане показательным изображением Суры с конями на мраморной скульптуре из Хайр-хана близ Кабула (табл. 33/2). Два сопровождающих его персонажа могут сопоставляться, по мнению Ж. Акэна, с Диоскурами - Кабирами³⁹⁸, и в этом, несомненно, проявлялся религиозный синкретизм.

У литовцев есть близнецные божества, которые именуется "лошадками луны". Как указал мне В. Н. Топоров, балтийская традиция содержит целый пласт верований, связанных с близнецами. *Ašvinau* имеет соответствие в лит. *ašva*, прусск. *asva, *asvinan* ("лошадиный"); в народной архитектуре на хозяйственных постройках помещают изображение спаренных коньков и т. д. В англосаксонской мифологии близнецные герои носят имена "жеребец" и "лошадь"³⁹⁹.

Древнегерманская традиция сохранила о диоскуровом культе лишь отрывочные данные, однако вполне достаточные, чтобы не только говорить о наличии культа божественных близнецов, но и связывать его с культом коня⁴⁰⁰. То же самое можно сказать о славянской и балтийской традициях⁴⁰¹.

Обратимся к Ирану. Зороастризм – глубоко дуалистическая религия⁴⁰². При этом две главные фигуры зороастрийского пантеона – Ахура Мазда и Ангро-Майнью – считались близнецами. Для зрелищности мы располагаем подробным описанием происхождения этих божественных близнецов – в сочинении армянского автора У в. Езника⁴⁰³.

В "Авесте" имя Ашвинов отсутствует. Единственный след их – имя демона *Nāhathya*, восходящее к древнеиндийскому *Nāsatyā* – эпитету Ашвинов. Это отсутствие, как полагают некоторые исследователи, неслучайно. Ашвины, согласно Ж. Дюмезилю, представляли вторую функцию и поэтому были несоместимы с идеалами новой религии – зороастризма, в котором доминировал культ рогатого скота, что исключало из верований и ритуала коня (сохранение отдельных элементов конских жертвоприношений следует связывать с дозороастрийскими переживаниями). Естественно, покровители коней – Ашвины выпали из новой религии⁴⁰⁴.

Есть и другое мнение, что зороастрийская пара *Hauvartāt* и *Amərətāt* вместе с женским божеством *Amāiti* играли в иранском мире роль диоскуровой триады⁴⁰⁵; позже встречается (уже в эпосе) другая пара близнецов – *Luhrāsp* и *Guštāsp*⁴⁰⁶. В "Авесте" имеются и другие отражения культа близнецов⁴⁰⁷. Ж. Дюмезиль полагает, на основании своей интерпретации названий родов *τράβηξ* и *κατίδρος* (Геродот, 1У, 6), что в скифском обществе было распространено представление о божественных близнецах, причем один из них связывался с конями, другой – с быками⁴⁰⁸. Находка бронзовых статуэток Диоскуров в Неаполе Скифском также может интерпретироваться как подтверждение идеи о существовании в скифской (позднескифской) среде культа божественных близнецов, однотипных с Диоскурами⁴⁰⁹.

И, наконец, последнее. Божественные близнецы, несомненно, были божествами света. Один из Ашвинов, например, называется *śukra* "сияющий", другой – *rajata* "серебряный". Они оба носят эпитет *śubharatī* "владельцы света" (RV, VIII, 22, 6; X, 93. 6). Подобным образом это относилось и к греческим Диоскурам: имена Кастор и Полидевк содержат в себе значение "светить". Ведические Ашвины, сопровождавшие Сурью в своей колеснице, были видны как два сияния на небе (RV, X, 85, 10). Соответственно, Диоскуры были видны как два света над морем. Аналогичные представления отмечены у латышей⁴¹⁰.

Итак, в образе Ашвинов четко выступает их связь с солнцем и светом. Как божественные врачеватели они даже могли возвращать слепым зрение (RV, I, 112, 8). Зеркало символизировало диск солнца⁴¹¹, и помещение на него коней, влекущих колесницу Ашвинов, вполне естественно. Возможно, однако, что в среднеазиатско-иранской среде на создание этого образа мог наложить отпечаток и другой, хотя и родственной, цикл верований, связан-

ных с верховным солярным божеством. Дело в том, что на некоторых (крайне редких) монетах Канишки изображено бородатое божество в диадеме, едущее на двуглавом коне. Надпись следует читать MOZDOOANO. Большинство ученых производит это имя от Mazdā Vanant — "Мазда-победитель", но Х. Хумбах на основании лингвистических соображений предлагает в качестве прототипа Mazdā-vana, что он толкует как "Winner of Wisdom", причем он высказывает спорное суждение о том, что Mozdoano, вероятно, предшественник Ахура-Мазды и его антагонист⁴¹². Учитывая, что в хотано-сакском и памирских языках соответствующие "Мазда" термины имеют значение "солнце", можно считать, что гипотеза, рассматривающая это изображение как символ солнца⁴¹³, имеет определенные основания. В этом случае можно предположить контаминацию тех и других верований.

В этой связи следует также рассмотреть керамическую печать, найденную в Игрони-боло (Дангаринский район ТаджССР) и опубликованную Е. П. Денисовым. Печать (табл. 22/4-5) имеет вид усеченного конуса высотой 8-10 мм, одно основание которого имеет диаметр 27, другое — 22-23 мм. По полю щитка меньшего размера изображена фигура сдвоенных лошадиных протом. Изображение выполнено с тщательной моделировкой деталей. Грива показана рядом коротких черточек, отходящих от шейного гребня. В обоих случаях их пять. Верхние контуры грив обозначены дугами. Морды лошадей несколько сужаются в верхней части . . . На свободном участке, над лошадыми, выполнено изображение крупноголовой птицы с двумя лапками. Изображение птицы, летящей направо, дано в профиль. По полю щитка печати большего диаметра симметрично расположены две человеческие фигуры: мужчина и женщина. В центре композиции между персонажами помещено дерево. Оно слегка выгнуто в сторону мужской фигуры. Несколько ниже середины высоты дерева имеется изображение с контурами неправильного круга, по форме похожее на яблоко. Обе фигуры даны в полный фас, лица — в профиль, в обоих случаях лица повернуты к дереву, головы слегка наклонены. На головах у обоих персонажей можно различить рога. Мужская фигура выполнена несколько схематично. Левая нога согнута в колене и слегка отведена вперед, на нее опирается левая рука. Вдоль бедер проведены две черты, напоминающие очертания кафтана. Женская фигура несколько крупнее мужской, одета в прямую юбку с воланами критского типа. Воланы переданы поперечными линиями по прямоугольному полю юбки и зубцами по внешним ее контурам⁴¹⁴. Е. П. Денисов на основании анализа реалий предлагает датировку печати I в. до н. э. — II в. н. э. — и эта датировка кажется вполне вероятной. Изображение конских протом и птицы он рассматривает в плане древнеиранских представлений о солнечных божествах; изображение же человеческих фигур у дерева интерпретирует в свете переднеазиатских преданий об обоженных пророках-прародителях⁴¹⁵.

Возможна, однако, и иная интерпретация, связывающая их с культом близнецов.

Обращают внимание следующие иконографические элементы (и детали):

- 1) птица над протомами коней;
- 2) разнополость фигур у дерева;
- 3) трехчастность дерева с дискообразной центральной частью;
- 4) наклон вершины дерева в сторону одной из фигур.

Первая композиция – спаренные протомы коней – подробно разобрана выше. Что же касается птицы над протомами коней, то здесь возможны два варианта: первый – птица является органической частью композиции с протомами; второй – птица перенесена сюда с другой стороны, где она не поместилась над деревом.

Разберем первый вариант. Тождество птицы – коня чрезвычайно распространено и удостоверяется многими архаическими примерами, в том числе древнеиндийскими и древнегреческими⁴¹⁶. Самы Ашвины тесно связаны с двумя птицами, в гимне Ригведы (1У, 43, 3) они прямо сравниваются с птицами (см. также: Махабхарата, 1, 3, 60–61)⁴¹⁷.

Обе композиции печати объединяет воедино индо-европейское представление о связи конных близнецов с мировым деревом, отраженное в древнеиндийском соотношении названия мирового дерева *aśvatthā* ('*Ficus religiosa*' L.) с именем близнецов-ашвинов – то и другое образовано от названия лошади *aśva*⁴¹⁸. Эта связь подтверждается и тем, что путь колесницы Ашвинов совпадает с направлением космического дерева, которое поднимается из воды.

Правда, фигуры, стоящие около дерева (мотив обычный в древне- и передневносточном искусстве), разнополые. Это, разумеется, не является доводом против предлагаемой интерпретации – сцену можно рассматривать как отражение символизма божественной свадьбы, свадьбы между сестрой и братом⁴¹⁹.

Разнополые персонажи у дерева с одной птицей, помещенной асимметрично в поле между деревом и одним из персонажей, – такой мотив известен в древневосточной глиптике⁴²⁰. С другой стороны (на это обратила наше внимание Т. Я. Елизаренкова), как явствует из яV, 1, 164, 20, на вершине мирового дерева были две, хотя и тесно связанные, но не идентичные птицы.

В системах типа хеттской для дуальной пары характерно внутреннее противопоставление по полу. Индо-европейский источник этих терминов, также как латыш. *jumis*, по мнению В. В. Иванова, "... некогда обозначал именно божественных близнецов. Позднее это наименование в отдельных языках было вытеснено такими же специфическими эпитетами, как Ашвины, Диоскуры и т. п."⁴²¹.

Близнецы (*yamā*), собственно, и создают зороастрийский мир (*Yasna*, XXX). Р. Цэнер полагает, что невозможно решить, является ли этот миф творчеством самого Заратуштры или же он

воспользовался с соответствующими изменениями существовавшим древним мифом. Отметим лишь, что по своему внутреннему содержанию эти два духа – создатели(я) мира полярны: один символизирует правду, созидательное начало, другой – ложь, разрушительное начало⁴²². Тот же ученый развил гипотезу, согласно которой положительный дух акта творения генетически связан с Митрой доэроастрийских иранских представлений, а злой дух – с Йимой⁴²³.

Соответствующее древнеиндийское божество Яма живет на высшем Небе. С одной стороны, он бог, с другой стороны, судя по поздним источникам, он первоначально не был бессмертен, лишь в борьбе с богами он обрел их силу. Его отец – Vivasvat (солярное божество с неясными функциями), мать – Saranyu. У них есть и другой ребенок – дочь Ями. Вообще др.-инд. yama-, авест. yamā – “два близнеца”⁴²⁴.

В иранской мифологии есть Yima и Yamī (сын и дочь Vt vahvant). Впрочем, дочь упоминается лишь в Бундахишне, поэтому есть точка зрения, что Yamī – позднейшее добавление⁴²⁵. Какие-то представления, связанные с Йимой, по-видимому, существовали и в скифском мире⁴²⁶.

По мнению Х. Гюнтерта, имя Яма первоначально означало “близнеца в самом себе” (наряду с обычным значением “близнец”) и имел андрогинный характер. Позже Яма сам создал себе “близнеца-сестру”, от этой пары пошли первые люди и т. д. Аналогичным было положение в иранских представлениях⁴²⁷. В. В. Иванов присоединяется к этой точке зрения, развивая ее: “. . . можно думать, что мотив объединения двух полярных начал мог символизироваться как в образе андрогина, так и в сюжете ишеста божественных разнополых близнецов. Индо-иранское *Yima- выступает одновременно и в качестве общего обозначения обоих близнецов (RV, X, 12, 6) и в качестве названия мифологического существа типа ведийского Yama- и авест. Yima-.

О древности связи данного индо-европейского термина с культом близнецов свидетельствует совпадение авестийского текста (Yasna, XXX, 3'), где говорится о двух духах – близнецах (yamā), обнаруживших себя “в самом начале” (paouye), с теми контекстами, в которых в “Эдде” выступает великий Ymir, сопоставляемый с др.-инд. Yama- и авест. Yima⁴²⁸.

Вне зависимости от того, какая из концепций окажется правильной, в рассматриваемый период должны были существовать представления о Йиме и его женском близнеце Йими. И если предположить, что на одной из сторон изображена у дерева именно эта пара, то обнаруживаются новые нити, связывающие это изображение с противоположной стороной. В “Авесте” Йима, как и солнце, называется kšaeta “царский”, причем Йима hvare-daresō “подобный солнцу”. Его отец Vt vahvant) (подобно вед.

Vivasvat) – бог солнца. Вообще связь авестийского Йимы с солнцем выражена яснее, чем у ведийского Ямы⁴²⁹.

В традиционном представлении мировое дерево имеет трехчленную структуру – оно делится по вертикали на три части⁴³⁰, что отражает трехчленность вертикальной оси во многих архаических космологических традициях⁴³¹, и прежде всего в древнеиндийской. Множество примеров дает Ригведа (1У, 53, 5 и др.); по Атхарваведе (У, 4, 3 и У1, 9, 5), "на третьем небе находится дерево *Aśvatthá*. "седалище богов". Соответствующие данные есть и в упанишадах (Брихадараньяка упанишада У, 3–4; Чхандогья упанишада, III, 15, 3–7; 1У, 17, 1 и сл.)⁴³². Реликты представлений о трюичной вертикальной структуре мира, связанной вертикальной осью, отразились в археологических памятниках Памира и в этнографических верованиях⁴³³.

Немаловажной параллелью, опять же связывающей две композиции, является характеристика колесницы Ашвинов, где выступает на передний план трюичная символика: колесница трехчастная: она имеет три колеса, три сиденья, три обода и т. д. (может быть связано с тремя временами года или же, скорее, с прохождением Ашвинами трех космических зон)⁴³⁴.

Трехчастное дерево на печати имеет в середине нечто вроде неправильного диска. В этой связи можно указать на джайнское представление, согласно которому образ мира иногда сопоставляется с фигурой 8, причем верхняя и нижняя петли представляют Верхний и Нижний мир. Место соединения петель (оно сравнивается с талией мужской фигуры) – это мир, где живут люди. Это место – *Jambūdvīpa*, круглое, как солнце, и огромного размера, оно имеет в центре горизонтальный диск и отделено от двух других частей океанами. Здесь же, в центре этой части (и мироздания), находится гора Меру⁴³⁵.

Очень существенно, что в брахманской космографии с *Jambūdvīpa* связано и представление о растущих там четырех мировых деревьях, среди которых и дерево *Aśvatthá*. Сама же эта часть мироздания носит название по имени одного из деревьев, а именно *Jambūdvīpa* (или же *Sudarśana*)⁴³⁶.

Следует полагать, что ядро этих верований является очень древним, в том числе в Индии. В Шатапатха брахмана (У1, 7, 1; УП, 1, 1) Земля обозначается как круглый диск *paṅkajāla*. В. Кирфель пишет: "Эти простейшие первоначальные представления о Земле и Океане сохранились в дальнейшем в брахманской и джайнской системах в виде круглого центрального континента *Jambūdvīpa*, который окружен известным людям океаном *Lavaṅoda*"⁴³⁷.

Возможно, на дереве с печати из Игрони-боло отразились какие-то аналогичные или типологически близкие представления. Тогда центральный диск дерева – повернутое и поставленное вертикально изображение "Среднего мира"⁴³⁸.

Несимметричное, наклонное положение дерева также неслучайно. В. В. Иванов обратил внимание на следующий пассаж из Ригведы: "Откройся, о Ваниспати (Господин леса), подобно лону той, которая должна рожать; услышьте мой зов, о Ашвины, и освободите Санта Вадхри (того, у которого семь холощенных жеребцов) . . . своей таинственной силой, вы /Ашвины/ двигаете деревом в две противоположные стороны" (RV, V, 78, 4-5). Комментируя последний текст, где очевидна эквивалентность дерева женщине, что, исходя из предложенного Ж. Пржилуским (и представляющегося бесспорным) сближения Ашвинов с Диоскурами, "легко было бы рассматривать это дерево-столп и как опору для солнца, раскачивающуюся по направлению к востоку и западу, по направлению к каждому из Ашвинов, отмечая начало и конец дня"⁴³⁹.

Все это позволяет выявить некоторые конкретные черты того цикла представлений о божественных близнецах, который бытовал в древности в Средней Азии. Следует думать, что он проявляется, в частности, в том его варианте, где божественные близнецы тесно связаны с культом божественных коней и колесниц, а также с культом солнца и мирового дерева. Можно представить, что среднеазиатский культ божественных близнецов⁴⁴⁰ сочетал в себе несколько комплексов верований: 1) вошедший в зороастризм; 2) не вошедший, но связанный с арийским наследием, а также с эллинистическими влияниями; 3) субстратный доарийский местный комплекс и элементы, возникшие под влиянием сибирского круга культа близнецов.

Культ божественных близнецов является религиозным отражением дуально-фратриального деления общества⁴⁴¹ - в глубочайшей древности такое членение должно было существовать и у предков среднеазиатских народов⁴⁴².

А. СТЕРЖЕНЬКИ ДЛЯ СУРЬМЛЕНИЯ

Из могильников Северного Таджикистана происходит 60 стерженьков для сурьмления, в том числе 34 - из Исфаринского района, 31 - из курумов, 3 - из Ниязбека. Они часто находятся и в других ферганских могильниках: Карабудацком¹, Боркорбазском², Гурмиронском³, Джангаильском⁴, Тура-Ташском, Карабельском⁵, Сымапском (верхнем)⁶, Хангизском⁷, Кайнаватском II⁸, Кайрагачском⁹, Ширинсайском¹⁰, могильнике Кизыл-Туу¹¹, курумах Наманганской области¹², в одиночном детском захоронении к западу от селения Исфана¹³, в женском погребении близ Ошской МТС¹⁴. По-видимому, из могильников происходит часть стерженьков, собранных на трассе Большого Ферганского канала¹⁵.

Стерженьки, как правило, каменные. Известны одиночные находки керамических (Ниязбекский могильник) и костяных (Гурмиронский могильник) стерженьков.

Стерженьки для сурьмления весьма различны по размерам и по форме (табл. 34-35). Их можно сгруппировать по двум крупным отделам: односторонние (с одним рабочим концом) и двусторонние (с двумя рабочими концами) (табл. 34).

Отдел I. Односторонние стерженьки

Тип 1. Круглые в поперечном сечении (табл. 34/1-5).

а) Конусовидные дырчатые. Некоторые из них можно назвать цилиндро-коническими, например НК-19/7 (табл. 34/2). Обычный размер: длина 54-65 мм. Имеются три миниатюрных (КВ-16-2, КВ-61-2, ЧК-II-25-12) длиной 38-40 мм (табл. 34/1, 35/13, 23);

б) конусовидные с выделенной головкой, дырчатые и без дырки. У большинства головка уплощенная в поперечном сечении, иногда оформленная двумя срезами в виде пирамидки, так что сверху образуется острое ребро. Есть крупные экземпляры, до 70 мм длиной. Два миниатюрных длиной 40-43 мм (Ашт-Вес., курган 2/4, 6)¹⁶ (табл. 35/3-4);

в) конусовидные с головкой-шпильком, возвышающимся над плоско срезанной поверхностью торца. Один экземпляр из КВ- 51/16 длиной 86 мм (табл. 34/5).

Тип 2. Овальные и уплощенно-округлые в поперечном сечении (табл. 34/6-8).

Типичные экземпляры этого типа имеют вид четырехугольной пирамидки с плоскими и широкими лицевой и обратной гранями и округленными боковыми. В продольном сечении это более или менее вытянутый треугольник с округлым основанием - головкой, где располагается отверстие, и приостренной конусовидной вершиной - рабочим концом. На части экземпляров округленность распространяется и на верхнюю часть граней. У КВ-5/1 головка с прямоугольным выступом - "гребнем" (табл. 34/8). Большинство экземпляров этого типа из Исфаринского района относится к уплощенно-округлым - промежуточному типу между круглыми и типичными овальными. Они с дыркой или без нее.

Длина этих стерженьков до 93 мм (А-23/4) (табл. 34/6). Есть несколько миниатюрных: К-37-3 - длиной 44 мм (табл. 35/12), Чадак-Вес., курган 1 - длиной 44 мм (табл. 35/34).

Тип 3. Трех- и четырехугольные в поперечном сечении (табл. 34/9-10).

Из курумов Ашта и Чадака происходят несколько экземпляров треугольных, подпрямоугольных и трапециевидных в поперечном сечении, с дыркой или без нее.

В ВУ-30/2 найден стерженек, прямоугольный в поперечном сечении. Он сделан в виде прямоугольного, утончающегося книзу брусочка, верхняя часть которого обломана, так что было или нет отверстие - неясно. Длина сохранившейся части 74 мм (табл. 34/9).

Отдел II. Двусторонние стерженьки

Тип 1. Круглые в поперечном сечении (веретеновидные) (табл. 34/11-15).

Имеется три варианта: а) веретеновидные без отверстия, б) веретеновидные с отверстием в центре, в) веретеновидные с желобком-перехватом в центре.

Средняя часть иногда не округлая, а брусковидная или полукруглая, например у А-31/5 (табл. 34/13), КВ-10/4, НК-16/7. Длина этих стерженьков достигала 120 мм, но обычно 75-100 мм (табл. 34/11-13).

В кургане 2 Боркорбазского могильника каменный стерженек имеет длину 100 мм, диаметр в середине 12 мм¹⁷. Два таких же стерженька происходят из могильника Хангиз (вариант "а"). Из верхнего могильника в Сымапе происходит каменный стерженек с дыркой в центре. Такой же, но керамический, тщательной работы стерженек найден в могильнике Ниязбек¹⁸.

На острых концах стерженьков обычно хорошо видна заполированность и следы графита. Сами кусочки графита также встречаются во многих курганах (только в могильниках Северного Таджикистана в тридцати случаях). Размер и вес их различен — от 0,5 г до 45 г. На многих имеются дырки — для подвешивания, обычные также желобки, получившиеся при трении по поверхности графита острым концом косметической палочки. Из КВ-18/1 происходит кусок графита в виде короткой и массивной конической палочки для сурьмления, со сработанным концом (длина палочки 42 мм, диаметр 18–23 мм)¹⁹.

Наличие на многих стерженьках и кусках графита сквозных отверстий показывает, что носили их, очевидно, привязанными или подвешенными.

В КВ-3 был обнаружен каменный стерженек (тип 1 отдела I), рядом с ним — каменная пластинка и кусок графита (табл. 34/18). Плоская каменная пластинка изготовлена из обломка глинистого слюдяно-кварцевого сланца. Пластинка толщиной 8–10 мм имеет в плане овальную форму (56–86 мм). Нижняя и особенно верхняя плоскости обработаны очень тщательно и даже отполированы. Пластинка должна была служить для смешения и растирания графита с другой составной частью красящего вещества, которое затем переносилось на веки и брови²⁰. Известна находка прямоугольной каменной плакетки для растирания красной краски на Памире, в могильнике Ранг-Куль (курган 3).

Сурьматаши встречаются и во многих могильниках других областей. Так, в Ташкентской области стерженьки-сурьматаши найдены в могильнике Беш-Бай²¹, Пскентском могильнике²², Вревском могильнике²³, наусах Тюябугуза²⁴. В Чаткале известны находки в Узун-Булакском могильнике²⁵. В Северной Киргизии следует отметить находки в Чильпекских курганах меловых стерженьков, которые, по предположению М. В. Воеводского и М. П. Грязнова, имели косметическое назначение²⁶. Из могильников Таласской долины, по данным И. Кожомбердиева, происходят 7 стерженьков-сурьматашей²⁷. Есть сурьматаши и в средневековом могильнике Кайсу на Иссык-Куле²⁸.

Каменные стерженьки для сурьмления встречаются и на поселениях. Так, в погребении III–I вв. до н. э. на Шуробашате найден односторонний стерженек-сурьматаш, аналогичные находки сделаны и в жилых комплексах²⁹. В слое Каунчи II встречены приостренные стерженьки, часто имеющие сверху дырку. Г. В. Григорьев определял их как "точилки", но с сомнением, так как некоторые были очень миниатюрными. Отсюда его предположение, что они могли быть и амулетами³⁰. На самом деле, многие из них, судя по воспроизведению, стерженьки-сурьматаши. Стерженьки-сурьматаши встречены также на тепе в Суфана³¹, в Калай-Боло, в захоронении в хуме на шахристане Кувинского городища³², в Пенджикенте³³, в замке на горе Муг³⁴, на Чильхуджре³⁵, на горо-

Распределение типов стерженьков для сурьмления,
найденных в могильниках Северного Таджикистана

№ п/п	Могильник, курган	Отдел I			Отдел II
		тип 1	тип 2	тип 3	тип 1
1	ВУ-7	х			
2	ВУ-9	х			
3	ВУ-30			х	
4	ВУ-40	х			
5	ВУ-44	х			
6	ВУ-50		х		
7	И-2		х		
8	К-37		х		
9	К-39	х			
10	КВ-3	х			
11	КВ-5		х		
12	КВ-10				х
13	КВ-11		х		
14	КВ-16	х			х
15	КВ-26		х		
16	КВ-49				х
17	КВ-51	х			
18	КВ-61	х			
19	НК-1		х		
20	НК-16				х
21	НК-18		х		
22	НК-19	х			
23	НУ-5				х
24	С-П-3		х		
25	С-П-16	х			
26	С-П-15		х		
27	С-П-33		х		
28	ЧК-1-9		х		
29	ЧК-1-30		х		
30	ЧК-1-47				х
31	ЧК-П-25	х			

№ п/п	Могильник, курган	Отдел I			Отдел II
		тип 1	тип 2	тип 3	тип 1
	Курумы				
32	А-2	х			
33	А-4	х			
34	А-5				х
35	А-6				х
36	А-23		х		xxx
37	А-25	х			
38	А-31				х
39	Ашт-1961/кур. 4				х
40	Ашт-Вес., кур. 1			х(?)	
41	Ашт-Вес., кур. 2	хх		х(?)	
42	Ашт - Вес.			х(?)	
43	Ашт - Вес., кур. 4а	х		х	
44	Ашт - Вес., кур. 4б	х			
45	Ашт - Вес., кур. 5	х	х		
46	Ашт - Вес., кур. 9	х			
47	БДШ-2		х		
48	БДШ-4		х		
49	ДЧ-6/2		х		
50	ДЧ-24/4		х		
51	МКМ-57	х	х		
52	ПБ-17	х	х		
53	Чадак-Вес., кур. 2	х		х	
54	Чадак-Вес., кур. 1		х		

лище Ак-Тобе П³⁶, на городище Карабулак³⁷, на Тепаи-Шах, Горав-кале и др. Встречаются они и за пределами Средней Азии, например в Северном Индостане, Восточном Туркестане³⁸ и др.

Следует сказать несколько слов о технике изготовления сурьматашей. Так, для стерженьков односторонних, крупных в поперечном сечении (отдел I, тип 1) из курумов использовались в основном природные, хорошо обкатанные гальки (часто сланцевые) без всякой дополнительной обработки. Большинство других палоч-

чек несут следы специальной, иногда тщательной обработки. Сверление отверстий, как правило, производилось с двух сторон. В двух случаях (ДЧ-22/7) неправильно начатые сверлины были брошены и сверление было начато в другом месте. Не всегда конусы сверлин точно входили друг в друга, тогда канал получался "уступчатым". Изредка сверление велось с одной стороны (А-3/5 и А-25/3).

Едва ли не первый высказал мнение, что эти стерженьки служили для косметических целей (их конец натирался графитом) археолог А. А. Потапов в отчете о раскопках 1930 г.³⁹, а затем в работе "Пскентский курганный могильник", рукопись которой была завершена в 1938 г.⁴⁰, но обе эти работы остались неопубликованными.

В 1940 г. А. И. Тереножкин сопоставил находки каменных стерженьков с известным ему, по сообщению А. А. Бродского, фактом употребления графита для сурьмления в горных местностях Средней Азии в настоящее время⁴¹. Несмотря на это, каменные стерженьки продолжали иногда именоваться "амулетами", "подвесками"⁴². Затем вопрос о назначении этих стерженьков в плане сопоставления некоторых археологических находок и этнографических наблюдений послужил предметом специального разбора в статье Н. Н. Ершова. По сведениям, собранным в этой статье, на Памире применяются для подведения век и бровей "карандаши", изготовленные из камня, твердого дерева или кости. В долине Хуф "карандаш" и красящее вещество хранились обычно в небольшом мешочке-кисете. Н. Н. Ершов пришел к заключению, что стерженьки из курганов и "карандаши" памирских таджиков являются по назначению идентичными⁴³.

Следует вместе с тем иметь в виду, что некоторые экземпляры с наиболее острым концом (подобные, например, найденному в кургане 3 Дараут-курганского могильника)⁴⁴, могли служить палочками для делания "пробора" в женской прическе, подобно современным фармкрос (т)кун дарвазцев (бронзовый приостренный стержень длиной 105 мм, на тыльной стороне - сквозное отверстие) (табл. 34/22)⁴⁵.

Известно, что сурьмление возникло на Востоке уже в эпоху бронзового века. Так, в Мохенджо-Даро имеются бронзовые стерженьки, иногда суживающиеся в одну сторону, один или оба конца скругленные, длина 50-125 мм. По мнению Э. Маккея и К. Косвами, они употреблялись для накладывания косметических средств⁴⁶, причем для этого использовалась сурьма и специальные палочки из сурьмы⁴⁷.

Орнаментированные каменные палочки для растирания ингредиентов состава для "сурьмления" глаз были найдены в наиболее ранних доисторических египетских гробницах⁴⁸. Стерженьки же (деревянные, костяные или металлические) для "сурьмления" глаз появились в Египте в эпоху XI династии⁴⁹. Сурьм-

ление глаз было известно в древности в Месопотамии, Греции, Риме и других местах⁵⁰. В парфянской Варке в погребениях были найдены куски угля или черной краски для подведения бровей⁵¹.

Особенно многочисленными сведениями мы располагаем для древней Индии. В ведической литературе фигурирует 'аїjana – специальная мазь, по-видимому из сурьмы, которой подкрашивались веки, что якобы придавало глазам блеск⁵². В джатаках фигурируют пять видов таких мазей. Косметические вещества хранились в специальных туалетных коробочках и наносились с помощью стерженька (aījana-sāīākā), который у богатых был золотым и серебряным⁵³. На рубеже н. э. и в первые века н. э., судя по сообщению Ашвагхоши, в Индии аїjana – черная краска – накладывалась с помощью специального стерженька – pattran-gulī⁵⁴.

Сушрута, который жил в кушанское время, в своем медицинском труде указывает, что сурьмление глаз применяется мужчинами и женщинами, оно облегчает страдания при ожоге и зуде, уменьшает местную боль, улучшает зрение, делает глаза более широкими и блестящими и т. д. Применялись, как явствует из археологических находок, стерженьки из сурьмы⁵⁵. В источниках эпохи Гупта даже описывается процесс сурьмления⁵⁶.

На Востоке этот обычай, пройдя через все средневековье⁵⁷, сохранился до современности⁵⁸, причем глаза часто подводят и мужчины и женщины⁵⁹. Для этой цели иногда употреблялись палочки, выточенные из перламутровых раковин⁶⁰.

В Средней Азии, в частности в Фергане, стерженьки для сурьмления зарегистрированы начиная примерно с середины I тыс. до н. э. В могильниках эпохи раннего железа Ферганы найдено почти три десятка стерженьков для сурьмления, а также кусочки графита. Они очень небольшие, узкие и приостренные с одного конца⁶¹. Среди них встречаются с подпрямоугольным сечением (длина 44–68 мм, поперечное сечение 4x5 до 6x9 мм); есть подквадратные (длиной 54 и 77 мм, сечение 7x7 мм) и круглые (длина 53–62 мм, диаметр 5–7 мм)⁶².

Они широко распространены и позже – вплоть до средневековья (судя по таджикско-персидской поэзии) и нового времени. В надписи на одном каменном надгробии в кишлаке Оббурдон в верховьях Зеравшана упоминается "сурьма на глазах возлюбленного" (или друга)⁶³.

Б. ТУАЛЕТНЫЕ СОСУДЫ И КОРОБОЧКИ

Каменные миниатюрные сосуды. Один миниатюрный каменный сосуд происходит из С-II-16/17. Стенки вертикальные, слегка округлые, дно уплощенное, почти плоское. Поверхность гладкая, полированная. Диаметр 35 мм, высота 30 мм.

В погребении, вскрытом на трассе Северного Ферганского канала, которое Т. Г. Оболдуева датировала первыми веками н. э., была "плоская каменная чашечка"⁶⁴. В первом комплексе с Фархадстроа, имеется миниатюрный каменный сосудик из агальматолита. Корпус ". . ." в виде обращенного вниз усеченного конуса с закругленной поверхностью и с полусферической крышкой с ручкой на вершине". Верх корпуса имеет уступ, а затем высокий вертикальный бортик по внутреннему краю. Высота сосуда 46 мм, диаметр 40 мм⁶⁵.

Миниатюрный сосудик из агальматолита с ручками в виде зверьков найден в кургане 3 могильника Хас-Кяриз⁶⁶. Миниатюрная круглодонная чашечка с бортиком по внутреннему краю найдена в верхнем слое Кой-Крылган-калы (первые века н. э.), ее диаметр 46 мм⁶⁷.

По-видимому, все эти сосуды имели косметическое назначение. Особенно это ясно в отношении сосуда из Хас-Кяриза, ибо такие сосуды находили на Кубани и в Поволжье с остатками мела или пудры, и даже румян. Кубанские находки таких сосудов датируются римскими монетами конца 1 в. до н. э. и могут относиться к 1 в. н. э.⁶⁸.

Туалетные коробочки. В Кургакском могильнике (Алай) была найдена А. Н. Бернштамом "бронзовая круглая коробочка с крышкой типа античных пиксид диаметром в 6 см, при высоте в 2 см. Крышка прикреплялась кожаным ремешком"⁶⁹. Этот курган А. Н. Бернштам датирует I-II вв. н. э.

Другая бронзовая пиксида найдена в кургане 102 могильника Аламышик. Это, как пишет А. Н. Бернштам, "круглая (диаметр 5,5 см) бронзовая коробочка, закрытая плотно налегающей сверху крышкой. В бортике крышки отверстие диаметром 0,5 см". Этот курган А. Н. Бернштам датирует временем не ранее III-IV вв.⁷⁰, но вероятно значительно более ранняя датировка.

Наконец, в катакомбе В-1 Пскентского могильника была найдена плоская круглая коробочка из слоновой кости, с крышкой, на которой было 4 концентрических бороздки и шпички в центре. Диаметр коробки ок. 35 мм⁷¹.

В этой связи следует также упомянуть бронзовую косметическую ложечку из С-II-44/1 длиной 85 мм. Из Аштского района происходит железная ложечка (или булавка?) длиной 69 мм.

Бронзовые миниатюрные сосуды. К косметическим принадлежностям следует также отнести небольшой бронзовый сферический сосудик (Ашт 1961 г., курум 4) с горизонтальным пояском-краем, с одной стороны обломанным. Поясок имеет трапецевидные горизонтальные выступы. На двух посажены вертикальные полуovalы. В середине третьего выступа - желобок для сливания. Корпус поставлен на три низких ножки. Диаметр сосуда 36 мм, высота 18 мм (табл. 30/21). Близкие по форме бронзовые сосуды найдены в нескольких пунктах - на городище Кува⁷², на Калаи-Чирокчи (Яванский район)⁷³, на Аджина-тепа (2 экз.)

(табл. 34/19)⁷⁴, на Якка-Парсане (табл. 34/20)⁷⁵, на Варахше (2 экз.)⁷⁶, в Пенджикенте⁷⁷, на Чули-тепа (Гиссарская долина)⁷⁸; в Государственном Эрмитаже хранится точно такой же сосуд из Хотана⁷⁹. Вариант такого сосуда известен из находок в Истахре⁸⁰.

А. Стейн, находивший такие сосуды в Фарсе, называет их лампами⁸¹. Правильное назначение этих сосудов выясняется из таджикской этнографии — до сих пор почти точно такие сосуды употребляются таджикскими женщинами для кипячения сухой усмы зимой⁸². В городах, таких, как Самарканд, для приготовления краски из растения "усма" использовались специальные бронзовые чашечки "усмаджушак" на трех тонких ножках, с отогнутыми ажурными бортами (иногда украшенными миниатюрными фигурками птичек) и длинным тонким сливом. Для хранения же косметической краски служили бронзовые флакончики "сурьмадон", иногда изящно орнаментированные. Специальные сосуды для хранения сурьмы упоминает Бируни^{82а}.

Для понимания назначения этих сосудов необходимо привлечение среднеазиатских этнографических материалов. Усма (*Isatis tinctoria*) разводится в садах и огородах. Подкрашивание бровей усмой является любимым летним занятием девочек, девушек и молодых женщин, отмечает этнограф З. А. Широкова. По ее описанию, набирают пучок свежих листьев, провяливают их немного на солнце, а затем выжимают из листьев сок, которым производится трехкратное окрашивание бровей, а также промежутка между ними на переносице. Иногда усму заготавливают на зиму (именно тогда ее приходилось кипятить). Окраска усмой в большинстве местностей считалась богоугодным делом.

Что касается сурьмы, то, согласно Бируни, ее употребление широко практиковалось арабскими женщинами: мать наставляла дочь, что та должна "чистить зубы и затачивать их, держать в чистоте веки и глаза и натирать их сурьмой, а волосы красить".

В арабоязычных сочинениях по алхимии (у Бируни и др.) персидскому слову сурьме ("сурьма") соответствует исмид и кухл. И тот и другой термин применялись для обозначения двух минералов — сурьмяного блеска (Sb_2S_3), а также свинцового блеска (PbS). Оба эти минерала внешне очень похожи и в то время не различались. Вместе с тем слово "кухл", как сообщает Бируни, имело и другое значение: "все то, что наносится на глаза с помощью иглы". В своей "Фармакогнозии" он даже приводит стихотворение:

"Твои очи воспалены, о Али! О, если бы
я стал

Кухлем из растерного исмида для
твоих очей".

Для нанесения лекарства существовали специальные "палочки для сурьмы".

По этнографическим сообщениям, сурьмяно в виде порошка служит для подведения глаз и как лекарство при болезни глаз. Для изготовления сурьмяно применяются и сейчас как сурьмяно, так и свинец. В последнем случае в котле расплавляют свинец, затем размельчают и бросают серу, получившееся вещество вынимают, растирают, просеивают и смешивают с другими ингредиентами, например с миндальным маслом⁸².

Можно также упомянуть, что какие-то ювелирные миниатюрные кувшинчики "для глазных снадобий" вывозились (в Китай) из Самарканда⁸³.

В. УХОВЕРТКИ, КОСМЕТИЧЕСКИЕ ПИНЦЕТЫ

Могильники Северного Таджикистана дали набор ухверток и зубочисток, изготовленных из бронзы, серебра, железа (табл. 36). Ухвертки имеют вид ложечки, проволочный или пластинчатый стержень которой в середине иногда украшен линиями горизонтальной насечки. Противоположный "рабочему" конец или завернут в петлю или в нем пробита дырочка. Эти изделия очень миниатюрны. Длина их 51-60 мм. Известно 4 бронзовых экземпляра и фрагмент железного. Более крупный экземпляр (длиной 68 мм) найден в ВУ-44/6. Он отличается тем, что петелька образована проволочной закруткой.

Оригинальна серебряная ухвертка из НК-19-5. Она имеет два "рабочих конца": один в виде ложечки, другой - остря. В середине стержня - плоский ромб, отрезки стержня вверх и вниз от ромба крученые. Длина этого изделия 85 мм. По-видимому, конец в виде остря указывает на второе назначение этого предмета: он был ухверткой, но служил и как зубочистка или, скорее, как головная булавка (табл. 36/9). В качестве специальных зубочисток могли использоваться предметы, совершенно похожие на ухвертки первого типа с горизонтальной насечкой по середине стержня, рабочий край - в виде остря (2 экз.). Размер 45-60 мм. Зафиксирована совместная находка ухвертки и зубочистки в одном могильном сооружении (Ашт-Вес., курган 3)⁸⁴.

В курумах найден целый экземпляр и фрагмент железного пинцета для удаления волос (табл. 36/1-2). Целый экземпляр (БДШ-52/2) состоит из двух соединенных у вершины полос. Рабочий конец резко уширяется (длина 84 мм). В ПБ-19/1 найден фрагмент железного пинцета.

Несколько аналогичных находок известны из других областей Средней Азии.

В Кенкольском и Чунг-Тепинском могильниках найдены бронзовые ухвертки. Стерженек ухвертки в верхней части утолщен накручиванием бронзовой проволоки, образующей на вершине петлю⁸⁵. В Берккаринском могильнике имеется такая же ухвертка с петелькой сверху⁸⁶. Среди предметов, привезенных Н. И. Веселовским "с Афросиаба и его окрестностей", под № 909 значится "медная ухвертка и зубочистка"⁸⁷.

Серебряная ухвертка найдена при наших раскопках на Тупхона. Ухвертка состоит из стерженька (сохранился лишь в нижней части) и ложечки. Ложечка вытянутая, уплощенная. Стержень в нижней части квадратный в сечении, состоит из двух рельефных полочек, к которым примыкают другие, более низкие полочки. Выше идет круглый в сечении стержень с желобками-пережимами⁸⁸.

Для VI—VIII вв. отмечена бронзовая ухвертка, верхняя половина которой имеет форму человеческой фигурки, к которой подвешено четыре сердцевидных бронзовых листочка. Эта ухвертка происходит из могильника Алта-Бай, курган 28⁸⁹.

Железные пинцеты стали применяться уже в сакское время — в кургане 4 могильника Харгуш II найдена половинка такого пинцета. Другой весьма древний пинцет происходит из нижнего (?) слоя Кой-Крылган-калы⁹⁰. В кургане 5 могильника Беш-Бай, по словам А. И. Тереножкина, был найден косметический пинцет, согнутый из железной полоски, длина его 43 мм, ширина 9 мм⁹¹. Известны также находки железных пинцетов из могильников Жаман-Тугай (курган рубежа н. э.) и Шаушукум (IY—Y вв. н. э.)⁹². К более позднему времени (Y—VII вв.) относится пинцет из Джеты-Асар № 9⁹³. Эти предметы употреблялись в быту среднеазиатских народов и в новое время. Так, киргизские мастера в XIX в. изготавливали специальные шипчики для вырывания волос⁹⁴. Известны они и в старом таджикском быту.

Железные пинцеты часто встречаются в Поволжье и Сибири в комплексах, датирующихся II—IY вв. и более поздним временем⁹⁵. В Восточном Туркестане, в районе Лоу-Лани и в пустыне Лоб, были найдены пинцеты, относящиеся к первым векам н. э.⁹⁶. Известны находки пинцетов и на территории Ирана⁹⁷.

Похожие на ферганские серебряные ухвертки и зубочистки имеются в богатом женском погребении кургана № 2 Паласа-Сыр-тского могильника в Дагестане. Исследователь могильника В. Г. Котович датирует этот курган IY—Y вв. н. э., но, судя по фибуле, это, скорее, III—IY вв. н. э.⁹⁸. Витая золотая ухвертка с ложечкой на одном конце и петелькой на другом происходит из одного из армавирских курганов (Кубань)⁹⁹. В Салтовском могильнике есть медная ухвертка с выступающим ушком в середине стержня¹⁰⁰. Различные, в том числе похожие на ферганские, золотые и серебряные ухвертки известны в китайской археологии танского времени (618—907 гг.)¹⁰¹. Очень много ухверток, зубочисток и стержней для сурьмления (и их комбинаций) обнаружено в слоях конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э. из североиндостанских памятников.

Немало ухверток найдено в гуннских, аварских и готских комплексах в Западной Европе. Так, например, ухвертка имеется в комплексах на *Vazapordany* (Венгерский национальный музей). Эта ухвертка с ушком. Вместе с ней — зубочистка и пин-

пет¹⁰². В детском и женском погребениях в Шоттерхолене (Австрия, середина I тысячелетия до н. э.) имеются надетые на проволочное колечко серебряные ухвертки (sogennante Ohrlöffel) длиной 56 (в детском) и 96 мм (в женском) погребениях. Ложечка ухвертки крошечная. В середине проволочного стержня уширение. Конец расклепан в полоску, которая загнута. Кроме того, на кольце одеты и "зубчистки" – точно такие же, но конец их в виде согнутого острия¹⁰³.

Находки наборов такого типа известны в Италии, бесчисленны они в меровингских женских могильниках. Там встречаются и пинцеты¹⁰⁴.

Имелись и стеклянные ухвертки, например экземпляр из коллекции Р. Смита. Центральная часть ее гладкая, нижняя и верхняя половины спиралевидные, причем один конец приострен, другой – в виде миниатюрной ложечки (длина 216 мм). Происходит, вероятно, из Сирии. Аналогичный предмет известен и в музее Чача в Югославии¹⁰⁵. Издатель датирует эти находки I–II вв. н. э., но дата весьма ориентировочна.

Особо следует остановиться на серебряной ухвертке из НК-12-5. По-видимому, она относится к категории головных булавок китайского типа, которые, по словам Н. И. Веселовского, делятся на три части: "Ухвертку (по-китайски эрвадза) – верхнюю часть, орнаментированную плоскость – среднюю часть, и стержень – нижнюю часть"¹⁰⁶.

Следует отметить, что все эти косметические принадлежности имеют на Востоке длительную историю. Историю пинцетов следует начинать с III тысячелетия до н. э.¹⁰⁷, и, скажем, уже в Марлике (конец II – начало I тысячелетия до н. э.) имеются бронзовые ухвертки, пинцеты и острия для чистки ногтей¹⁰⁸. В Средней Азии косметические "лопаточки", кусочки сурьмы и комочки охры встречены в погребениях заманбабинской культуры¹⁰⁹.

Г. ГРЕБНИ

В могильниках Исфаринского района встречено несколько гребней.

1. Гребешок деревянный, односторонний. Ручка фигурно-граненой формы. Основная часть в виде узкой пластины, переходящей в зубцы (сейчас обломаны). Наиболее массивная – средняя часть, к ручке и зубцам – утонение. Высота гребешка 68, ширина свыше 30, толщина в средней части 9 мм. Одна из боковых граней незначительно сколота. Происхождение – ВУ-47/3 (табл. 12/4).

2. Гребешок деревянный, односторонний, фрагментирован по длине, сохранилось несколько больше половины его. Ручка фигурно-граненой формы. Основная часть в виде прямой широкой пластины, переходящей в короткие тонкие зубцы. Наиболее толстая – срединная часть, ручка и рабочая часть – более тонкие. Высота

гребешка 52, ширина свыше 50, толщина в средней части до 7 мм. Происхождение - ВУ (табл. 12/1). Совершенно целый экземпляр такого типа - из ВУ-5 (табл. 11/2).

3. Гребешок деревянный, двусторонний. Фрагмент. Зубцы сохранились с обломанными концами на одной стороне, на противоположной же они обломаны у основания. Высота сохранившейся части гребешка 45 мм, ширина 35 мм. Происхождение - ВУ-40/4 (табл. 12/3).

Фрагменты встречены и в других курганах, например, ЧК-1-47. В Карабулаке имеются и односторонние, и двусторонние деревянные гребни (табл. 13/5, 6, 10, 11). Среди односторонних имеются точно такие, как исфаринские, и другие - без выделенной ручки. У некоторых двухсторонних гребней рабочие края округло-выпуклые, причем зубья иногда очень редкие¹¹⁰.

В Государственном Эрмитаже хранится гребень деревянный двусторонний, из кургана 60 Карабулакского могильника. Пластинка прямоугольная, в средней части утолщенная. С одной стороны крупные редкие зубцы, с другой маленькие, часто посаженные тонкие зубцы. Высота гребня 86, ширина 51 мм. Из кургана 126 того же могильника происходит односторонний деревянный гребень. Спинка округлая, пластинка утоняется к рабочему концу. Высота этого гребня 86, ширина 60 мм¹¹¹. В могильнике близ Лоу-Лани найден односторонний гребень, деревянный, с очень тонкими и невысокими зубцами и полукруглой спинкой. Размеры 53-73 мм¹¹². Вообще гребешки с округлой тыльной частью и тонкими зубьями широко распространены в могильниках Восточного Туркестана. Встречаются там также двусторонние и наборные гребни¹¹³. Двусторонние деревянные гребни с длинными зубьями найдены в крепости на горе Муг¹¹⁴.

Различия в форме гребней, может быть, связаны с тем, что в то время существовали различные, "мужские" и "женские", гребни, как это наблюдается у горных таджиков до сих пор¹¹⁵. Ф. Бергман же указывал, что гребни в погребениях не могут рассматриваться лишь как предметы туалета. По его мнению, которое нам кажется убедительным, эти гребни со своими острыми зубьями должны были класться в могилу с магической, отвращающей целью. На Востоке гребни с определенным орнаментом носились женщинами с целью предохранения от некоторых болезней¹¹⁶.

Из Джунского могильника (курган № 7) происходит костяное навершие гребня. Края его были украшены головами лошадей¹¹⁷. Сейчас в Музее истории УзССР сохранился лишь небольшой фрагмент одной стороны. Судя по нему, если сделать симметричную реконструкцию, длина навершия была 150-165 мм. Резьба на поверхности глубокая, двуплannая¹¹⁸.

Такие навершия характерны для сарматской культуры. Они распространяются уже в III-II вв. до н. э.¹¹⁹. Мотив слитых корпусами коней, обращенных головами в разные стороны, затем

прочно входит в изобразительное искусство Восточной Европы, продолжая жить в русском народном творчестве вплоть до XIX в.¹²⁰. Что же касается Средней Азии, то этот мотив, как показывают ручки зеркал из Джолсая и Пенджикента, существовал и позже, вплоть до V-VII вв. н. э. (об этом см. подробнее в предыдущей главе).

ПРИМЕЧАНИЯ

К "Вводным замечаниям"

¹ Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, 1955; Б. А. Литвинский, 1956, 1956а, 1959а, 1959б, 1961; Б. А. Литвинский и Е. А. Давидович, 1956.

² Б. А. Литвинский, 1964; 1971.

³ Б. А. Литвинский, 1969.

⁴ С 1972 г. Е. Д. Салтовская продолжает начатые нами раскопки могильников Аштского района. Сведения об ее раскопках пока опубликованы лишь в виде кратких заметок (Е. Д. Салтовская, 1975а, 1975б, 1975в; 1976). Поэтому интереснейшие материалы могильника Дашти-Ашт не использованы.

⁵ Б. А. Литвинский, 1972а, стр. 125-133, 211-213.

⁶ Методически неверно при этом брать за основу датировки не комплексы в целом, а отдельные предметы (см. об этом: Б. А. Литвинский, 1972а, стр. 131-132). За пределами научной критики лежит способ датирования, основывающийся в первую очередь на находках отдельных монет на территории могильника, даже вне комплексов (пример его употребления - Ю. А. Заднепровский, 1975, стр. 55).

⁷ Для сопоставления с комплексами Бактрии-Тохаристана используется в значительной степени неопубликованный материал, полученный в процессе работы отрядов возглавляемой автором Южно-Таджикистанской археологической экспедиции Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР, Института востоковедения АН СССР, Гос. Эрмитажа (ЮТЭ) из таких объектов, как Туп-хона, бешкентские могильники, Тепаи-Шах, Аджина - Тепа, Кафыр-кала, Калаи-Кафирниган, Горав-кала (Яван) и др.

⁸ Б. А. Литвинский, А. П. Окладников и В. А. Ранов, 1962; Е. А. Литвинский, 1972.

⁹ Б. А. Литвинский, 1973, 1973а.

К главе 1

¹ К. Д. Баруздин, 1957, стр. 25, рис. 4/9; Фонды Института истории АН КиргССР, Ошского музея и Гос. Эрмитажа.

² Гос. Эрмитаж, Отдел первобытной культуры.

³ С. С. Сорокин, 1961, стр. 150; Фонды Ферганского музея.

- 4 Н. Г. Горбунова и Б. З. Гамбург, 1957, стр. 41-42, рис. 5/1-5; Ферганский музей, шифр 2751, 2751,
А-43/52 А-43/30
- 5 М. Э. Воронеж, 1954, стр. 72, рис. 21.
- 6 Ю. Г. Чуланов, 1967, стр. 246, рис. 1/1; Наманганский музей, шифр НМК-58.
ЧМХ-1867
- 7 Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 10, 13, 15-18, 22 и др.
- 8 Наманганский музей, шифр НМК-58.
1321-1323
- 9 Ю. Д. Баруздин, 1956, стр. 67; его же, 1957, стр. 25, рис. 4/10-11; его же, 1961, стр. 61; Фонды Института истории АН КиргССР и Ошского музея.
- 10 Музей истории АН УзССР, шифр 8/261.
- 11 А. Пошка, Древние старатели Сымапа (рукопись, без пагинации).
- 12 В. Ф. Гайдукевич, 1952, стр. 339, рис. 10/9.
- 13 Ю. Д. Баруздин, 1957, стр. 20.
- 14 Ю. Д. Баруздин, 1961, рис. 13; его же, 1957, рис. 7/1-4, стр. 25-30; Ошский музей, инв. № 271.
- 15 С. С. Сорокин, 1961, стр. 119, табл. II/К; Ферганский музей, шифр ПФКЭ-50.
БК-1, № 43
- 16 С. К. Кабанов, 1948, стр. 71, 80.
- 17 Ошский музей, инв. № 274 (экспозиция).
- 18 Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова, 1959, стр. 20. Иногда сквозной штафт-заклепка был у основания черенка, в месте, где он переходит в лезвие (Бешкентский могильник БМ-У, курган 30 - раскопки ЮТЭ 1974 г.).
- 19 С. С. Сорокин, 1961, стр. 150.
- 20 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 109, рис. 72/8.
- 21 Н. Г. Горбунова и Б. З. Гамбург, 1957, стр. 41-42.
- 22 С. С. Сорокин, 1961, стр. 150-151; Ферганский музей, шифр ПФКЭ-50 и др.
БК-1, № 42
- 23 Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 15, 22, 29.
- 24 Наманганский музей, шифр НМК.
1316, к. 14
- 25 А. Пошка (рукопись).
- 26 Фонды Института истории АН КиргССР.
- 27 С. С. Сорокин, 1961, стр. 119, 152, табл. II/Р; Ферганский музей, шифр ПФКЭ-50.
БК-1, № 53
- 28 Н. Г. Горбунова и Б. З. Гамбург, 1957, стр. 42, рис. 5/6; Ферганский музей, шифр 2751.
А-43/49

- 29 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 94, рис. 59/21.
- 30 Т. Агазамходжаев, 1961, стр. 226, рис. 2/1.
- 31 А. А. Потапов, 1938 (рукопись), стр. 22.
- 32 Музей истории АН УзССР (экспозиция).
- 33 А. И. Тереножкин, 1948а (рукопись), стр. 225-226.
- 34 О. В. Обельченко, 1956, стр. 210, 213, 214, рис. 10.
- 35 О. В. Обельченко, 1961, стр. 108, 110, 115, 148.
- 36 А. М. Мандельштам, 1966, стр. 115-116, табл. ХІУІ-ХІХ.
- 37 Фонды Хорезмской экспедиции, шифр Кой-Кр.-К.; "Кой-Крыл-ган-кала", 1967, стр. 158-159.
137
- 38 Е. Е. Неразик, 1963, стр. 28, рис. 13/8.
- 39 Фонды Института истории им. А. Дониша, шифр ТСП-49,
1-130
ТСП-50 и др.; Б. Я. Ставиский, 1964, стр. 170, рис. 32/4;
Ш-97
- Е. В. Зеймаль, 1964, стр. 259, рис. 3/3; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, 1973, стр. 74-76, рис. 43.)
- 40 Фонды Института истории им. А. Дониша, шифр ТСП-52.
II-315
- 41 «Сақалақ Тер», 1970, fig. 49/67-25, pp. 17-18.
- 42 См., например: А. И. Тереножкин, 1948, стр. 124, рис. 25/12 на стр. 123; А. М. Беленицкий, 1959, рис. 37/2, 13-15, 17; ножи из Явана, "Аджина-тепа (Фонды Института истории им. А. Дониша) и др.
- 43 О. В. Обельченко, 1956, стр. 215.
- 44 А. К. Кибиров, 1959а, стр. 123.
- 45 М. Э. Воронеж, 1951, стр. 56.
- 46 А. А. Потапов, 1938 (рукопись), стр. 22.
- 47 М. Э. Воронеж, 1951, стр. 46-47; Т. Агазамходжаев, 1961, стр. 226.
- 48 А. К. Кибиров, 1959а, стр. 112.
- 49 Н. J. Neikel, 1918, S. 9.
- 50 А. Н. Бернштам, 1952, стр. 62-64.
- 51 А. М. Мандельштам, 1966, стр. 116.
- 52 А. Н. Бернштам, 1950, стр. 79.
- 53 М. Э. Воронеж, 1951, стр. 58.
- 54 Музей истории киргизского народа. Экспозиция (воспроизведение - А. Н. Бернштам, 1950, табл. ХІУ/17). См. также: Н. J. Neikel, 1918, S. 9., Taf. III/6.
- 55 Б. А. Куфтин, 1950, стр. 37-38.
- 56 В. Д. Блаватский, 1951, стр. 214, рис. 71/1; его же, 1953, стр. 112-114.
- 57 Б. Н. Граков, 1928, стр. 148; П. А. Дмитриев и К. В. Сальников, 1941, стр. 199.
- 58 Л. П. Потапов, 1953, стр. 205; С. Н. Вайнштейн, 1961, стр. 74

59 «Dailaman», II, 1966, pp. 22-23.

60 Такого рода ножницы зафиксированы и в находках из Восточного Туркестана — см.: «Central Asian objects», 1971, fig. 95. Употреблялись они в это время и в Иране. Как показывают находки в Сузах в Иране, по крайней мере с III-1У вв. н. э. распространяются также шарнирные ножницы (см.: W. Hinz, 1969, S. 191 ff; W. Eilers, 1974; W. Eilers, 1976). В Средней Азии шарнирные ножницы зафиксированы еще в раннесредневековых памятниках.

60а И. М. Джаббаров, 1971, стр. 113, рис. 14/в.

61 Б. А. Рыбаков, 1948, стр. 402, рис. 113.

62 Б. А. Колчин, 1953, стр. 128-129, рис. 101 на стр. 129. Ножи с выпуклым лезвием и с прямой или вогнутой спинкой употреблялись не только для резания кожи, но и для "подбривки" — см.: Г. Поварнин, 1912, стр. 94, 99, рис. 26/е.

63 Б. А. Колчин, 1953, рис. 101/1-2.

64 А. Ф. Бурковский, 1954, стр. 96, табл. III/1.

65 М. Г. Мошкова, 1956 (рукопись), стр. 144-145. См. также Мингечаур — Г. М. Асланов, 1955, рис. 27/25, 26. Из южных аналогий см. находки в Сиркане (сако-парфянский слой) — J. Marshall, 1951, II, p. 660; III, pl. 200/b-e, I, n.

66 Д. Б. Шелов, 1963, стр. 127.

67 П. Рыков, 1925, стр. 13, рис. 26.

68 Н. К. Арзютов, 1936, стр. 92, рис. 11 на стр. 93.

69 P. Rau, 1927, S. 24, Abb. 25c.

70 Г. М. Асланов, 1955, рис. 27/21.

71 К. В. Сальников, 1950, стр. 117, рис. 34.

72 И. В. Сеницын, 1960, стр. 76, рис. 28/1.

73 A.M. Tallgren, 1918, pp. 9-10, fig. 24.

74 Н. Г. Горбунова, 1962, стр. 105.

75 Б. А. Литвинский, 1972, стр. 32.

76 В этом отношении характерен миниатюрный нож из Актама, курган 7, погребение 9, с плавным переходом от лезвия к рукояти. Напротив, миниатюрный нож из бешкентского могильника БМ-У, курган 37 (раскопки ЮТЭ 1974 г.), имеет четко выраженный черенок. Следовательно, переход к четко выраженным черенкам произошел между 1У-III вв. до н. э.

77 В могильниках Венгрии сарматского времени близкие ножи встречаются в комплексах I-III вв. М. Пардуц возводит эти ножи (по его классификации — 1У группа) к ножам из латенских памятников I периода (500-300 гг. до н. э.) — см. M. Párducz, 1944, S. 72.

78 Ю. А. Заднепровский, 1962, стр. 82.

79 Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, 1957, стр. 86, рис. 29/12, 13, 15; Н. Г. Горбунова, 1960; ее же, 1962, стр. 100-103.

80 Ю. Д. Баруздин, 1957, стр. 30, рис. 7. Он называет их изделиями "типа мундштука".

81 Наманганский музей, инв. № 36/1300; 57/1298.

82 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 110, рис. 72/4-5.

83 В. Ф. Гайдукевич, 1952, стр. 336.

- 84 М. Э. Воронеж, 1951, стр. 57, 59.
- 85 Г. В. Григорьев, 1948, стр. 60.
- 86 А. К. Кибиров, 1959а, стр. 81, рис. 5 (автор называет ее предметом "типа мундштука" и указывает на находку такого предмета в могильнике Чонтобо - там же, стр. 84).
- 87 О. В. Обельченко, 1956, стр. 210, рис. 5.
- 88 А. А. Марущенко, 1959, стр. 112, табл. III/4.
- 89 Фонды Хорезмской экспедиции.
- 90 Б. А. Литвинский, 1972, стр. 32, табл. 4/3.
- 91 Б. А. Рыбаков, 1948, стр. 414.
- 92 Г. В. Григорьев, 1948, стр. 60.
- 93 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 110.
- 94 М. С. Андреев, 1958, стр. 216, 220, рис. 45/1.
- 95 Так, костяная полая трубочка из КВ-3^а являлась ручкой не- большого железного ножа (группа 1, отдел 1, тип 1) длиной 114 мм, причем в момент расчистки она была надета на черенок.
- 96 Гос. Эрмитаж, Отдел Советского Востока, № 13814.
- 97 Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 13, 33.
- 98 М. Э. Воронеж, 1954, стр. 76; Наманганский музей, инв. № 1108/А, ЧМХ-1866.
- 99 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 77, рис. 42/14; стр. 94, рис. 59/13.
- 100 Т. Г. Оболдуева, 1951, стр. 16, табл. У1/3.
- 101 Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, 1962, стр. 282-283; Б. А. Литвинский, 1972, стр. 32.

К главе II

- 1 Ю. Д. Баруздин, 1957, стр. 26.
- 2 А. Пошка (рукопись).
- 3 Н. В. Анфимов, 1952, стр. 208.
- 4 А. И. Тереножкин, 1948, стр. 123, 125, рис. 27/7.
- 5 У. П. Пулатов, 1975, стр. 70, рис. 40/1. В X-XII вв., как показывают находки Г. А. Брыкиной на городище Карабулак, в Фергане были в употреблении железные топоры по крайней мере трех форм, а также тесловидные орудия - см.: Г. А. Брыкина, 1974, стр. 85-86, стр. 58.
- 6 Ю. Д. Баруздин, 1957, стр. 26.
- 7 А. Н. Бернштам, 1940, стр. 14.
- 8 А. К. Кибиров, 1959, стр. 16.
- 9 А. К. Кибиров, 1959а, стр. 113.

К главе III

- 1 Т. Г. Оболдуева, 1937 (рукопись), стр. 3. В Казахстане зарегистрирована находка зернотерки в сакском погребении - см.: М. К. Кадырбаев, 1959, стр. 164-165, рис. 1а.
- 2 В. Д. Жуков, 1951, стр. 46.
- 3 И. Кожомбердиев, 1963, стр. 72.
- 4 А. Г. Максимова, 1959, табл. 1У/15.

5 О. В. Обельченко, 1962, стр. 60.

6 А. А. Марущенко, 1959, стр. 114, табл. УП/2.

7 М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, 1938, стр. 176. Нам уже приходилось останавливаться на символике жерновов, помещенных в погребениях (Б. А. Литвинский, 1972а, стр. 109). Следует добавить, что символика эта покоится на более фундаментальном представлении о "жерновах смерти" - атрибуте женского божества плодородия. "Смерть божества зерна" во время помола приводит к тому, что мельница выступает как женское божество смерти. Такое мистическое значение сохранилось, в частности, у немцев. В немецких "мельничных песнях" появляются девушки-гиганты (они же - воительницы), работающие на "мельнице чудес", расположенной под землей, цель их работы - установление согласия и производство богатства. В Индии и на Тибете также существует развитая символика, связанная с мельницей (E. Neumann, 1956, S. 222-223).

8 G. Childe, 1943, pp. 19-25. По данным Р. Форбса, врашающиеся жернова появились в Ассирии после 1000 г. до н. э. - см.: R. J. Forbes, vol. III, 1955, p. 58; ср.: Б. Б. Пиотровский и Н. Д. Флиттнер, 1940, стр. 28-29.

9 L. A. Moritz, 1958, pp. 103-117.

10 D. White, 1963, pp. 202-206, pl. 47/8. Эти древнейшие жернова имели диаметр 36-50 см и были по своей форме весьма совершенными.

11 E. S. Curwen, 1937, pp. 133-151; его же, 1941, pp. 15-32; Г. Чайлд, 1949, стр. 41-42; R. J. Forbes, III, 1955, pp. 141-144; Ch. Singer a.o., 1957, pp. 108-109.

12 В. Ф. Гайдукевич, 1948, стр. 100; Н. В. Анфимов, 1951, стр. 153-154; В. Д. Блаватский, 1953, стр. 141; Н. Н. Погребова, 1958, стр. 223-224.

13 J. Marchall, vol. II, 1951, pp. 486-488; vol. III, pl. 140/i, 143/h. Скорее всего к этому времени относятся и жернова из слоя Дамкот II (Abdur Rahman, 1971, pl. 187, pl. 83/163; датировка слоя, по-видимому, завышена).

14 С. П. Толстов, 1958, стр. 109. См. также: его же, 1948, стр. 33.

15 В. Д. Жуков, 1956, стр. 202.

16 J. Needham, 1965, pp. 188-190.

17 Л. Р. Кызласов, 1958, стр. 94; его же, 1960, стр. 54-55.

18 J. Needham, 1965, pp. 190-191.

19 Доклад Б. Н. Аракеяна на конференции "Город и торговля на Древнем Востоке" (Ереван, 21.V.1969).

20 Таков, например, жернов диаметром 27 см из Кашка-Дарьи - см.: С. К. Кабанов, 1956, стр. 168-169, рис. 4.

21 К. Кауурис, Ю. Буряков, 1963.

22 С. К. Кабанов, 1956, стр. 168.

23 Это отмечается для Чакалак-Тепе («Чақалақ Тепе», 1970, p. 25, fig. 63, pl. 61) и для более раннего Халчаяна (Г. А. Пугаченкова, 1966, стр. 98). Очень наглядно это проявилось в позднекушанском помещении, раскопанном Южнотаджикстанской экспедицией на городище Халкаджар. Здесь на полу лежали верхний (диаметр 37-38 см) и нижний (диаметр 33-34 см) жернова, рядом с ними - зернотерка. На

Дурман-Тепе жернова из слоя III-1У вв. имели диаметр 28-39 см («Durman Tepе and Lalma», 1968, p. 105).

24 Имеется в виду верхний горизонт джетысарской культуры — Л. М. Левина, 1966, стр. 65.

25 Тенденция к увеличению размеров отмечается и в развитии жерновов римского времени в Англии — см.: E. C. Curwen, 1937, p. 144. О назначении и форме желобков — там же, p. 145.

26 К. Кацурис, Ю. Буряков, 1963, стр. 160.

27 Л. П. Потапов, 1936, стр. 79, рис. 20.

28 H. E. Wulff, 1966, pp. 277-279, fig. 390-391.

29 Такая тенденция прослеживается не только в Средней Азии, но и, например, в материалах из Северного Индостана — см. Abdur Rahman, 1971, p. 187, pl. 83/163, 72a.

30 Л. П. Потапов, 1936, стр. 78, 79.

31 А. И. Шахназаров, 1908, стр. 440.

32 Я. Г. Гулямов, 1957, стр. 120-122. Мнение Я. Г. Гулямова разделяет и Е. Е. Неразик (1966, стр. 96).

33 Считается, что водяная мельница впервые появилась в персидском Понте, где о ней сообщается в рассказе о событиях I в. до н. э. Уже в I в. н. э. она распространилась в Средиземноморье и почти одновременно — в Китае (обильные сообщения о ней в китайских источниках с 1У-У вв. н. э.). О ее происхождении мы можем, вслед за Й. Нидхэмом (J. Needham, 4, II, 1965, pp. 190, 191, 396-407; см. также C. Singer a.o., 1957, pp. 593-595), сказать то же самое, что и относительно ручного жернова.

34 А. Г. Периханян, 1973, стр. 303, 306.

35 В. А. Жуковский, 1894, стр. 9; Н. В. Пигулевская, 1956, стр. 208-210; русский перевод соответствующих отрывков источника — Табари, МИТГ, 1, 1939, стр. 93, 95, 97.

36 В. А. Лившиц, 1962, стр. 57-59.

37 А. А. Фрейман, 1952, стр. 186; его же, 1962, стр. 75.

38 V. Laufer, 1933, pp. 247-248.

39 E. Chavannes, 1903, p. 135.

40 А. И. Тереножкин, 1950, стр. 168.

41 А. М. Беленицкий, 1964, стр. 54.

42 Л. Р. Кызласов, 1959, стр. 202.

43 Жернова водяных мельниц имели разный размер, что связано, как показывают этнографические наблюдения (М. С. Андреев, 1970, стр. 77), с количеством воды, которая использовалась для вращения жерновов.

44 А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, 1973, стр. 105.

45 О конструкции древнерусских жерновов см.: Б. А. Рыбаков, 1948, стр. 421-422, рис. 116.

46 М. С. Андреев, 1958, стр. 90, рис. 14.

47 Об их истории и современных конструкциях в Афганистане и Иране см.: K. Ferdinand, 1963, pp. 71-89; H. E. Wulff, 1966, pp. 284-289; об их следах в Средней Азии см.: М. С. Андреев, 1958, стр. 91.

48 Такие мельницы упоминаются в письменных источниках для Ирана и Средней Азии; в Хорезме они существовали до конца XIX - начала XX в. (А. И. Шахназаров, 1908, стр. 440).

49 Тарих-и Сйстāн, 1974, стр. 56,

50 К. Маркс, Нишета философии. - К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 4, М., 1955, стр. 133.

51 Б. А. Литвинский, 1954, стр. 161; 1959, стр. 52. О технике мукомольного дела на средневековом Востоке см.: И. П. Петрушевский, 1960, стр. 155-156; А. Мец, 1966, стр. 362-363.

52 Разумеется, такое противопоставление правильно лишь в самом общем смысле, так как в домашнем (особенно сельском и горном) быту ручные мельницы и даже зернотерки продолжали употребляться в Средней Азии вплоть до XX в.

К главе 1У

1 М. Э. Воронеж, 1954, стр. 62, 71.

2 Там же.

3 В. Д. Жуков, 1951, стр. 59; Т. Г. Оболдуева, 1951, табл. У.

4 Наманганский музей, шифр НМК .
1350-1352

5 Гос. Эрмитаж, Отдел Советского Востока, СА-12238.

6 Ферганский музей, шифр ПКФЭ-50 .
БК-9, № 121

7 В. Д. Жуков, 1951, стр. 59, 61, табл. 1X.

8 М. Э. Воронеж, 1954, стр. 71-72.

9 Наманганский музей шифр НМК-58 .
ЧМХ-1865

10 Н. Г. Горбунова и Б. З. Гамбург, 1957, стр. 42, рис. 5/19.

11 Ферганский музей, шифр 2751 .
А-43/42-45

12 Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 17, 27, 33,

36.

13 Там же, стр. 38.

14 Т. Г. Оболдуева, 1951, стр. 11, 16, табл. У.

15 В. Д. Жуков, 1940, стр. 25-26, рис. 11.

16 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 110, рис. 72/3.

17 Ферганский музей, шифр ПКФЭ .
БК-7, № 120

18 Там же, шифр № 2463 .
А-34/23, 37

19 В. Д. Жуков, 1940, стр. 25-26, рис. 11.

20 В. Д. Жуков, 1951, стр. 59, 61, табл. 1X.

21 Наманганский музей, шифр НМК-58 ; Ю. Г. Чуланов,
ЧМХ-1854, 1663

1967, стр. 267, рис. 7/10-11.

22 Т. Г. Оболдуева, 1951, табл. У.

23 Ошский музей.

24 В. Ф. Гайдукевич, 1952, стр. 336.

25 Е. А. Цейтлин, 1940, стр. 19; Э. Маккей, 1951, стр. 100;

R. J. Forbes, vol. IV. 1956, pp. 44, 152-155.

- 26 Ю. Д. Баруздин, 1961, стр. 56, рис. 7 и коллекции.
- 27 С. С. Сорокин, 1961, стр. 150. Такие пряслища имеются и в алайском могильнике Кызыл-Тай – см. А. Н. Бернштам, 1952, стр. 193.
- 28 М. Э. Воронец, 1951, стр. 47, 52.
- 29 А. П. Потапов, 1938 (рукопись), стр. 20, 24; рис. 28.
- 30 А. К. Кибир'ов, 1959а, стр. 72, 81, 89, 119, 121, 123, рис. 5, 11.
- 31 А. Н. Бернштам, 1952, стр. 64, рис. 36/9.
- 32 А. Н. Бернштам, 1940, стр. 7, 8, 10, 11.
- 33 А. Г. Максимова, 1959, стр. 84, табл. II/3.
- 34 О. В. Обельченко, 1961, стр. 113.
- 35 А. А. Марушенко, 1959, стр. 113, табл. III/3.
- 36 A. Stein, 1928, vol. I, p. 223; vol. III, pl. XXI/L. A. Yi, ii, 011.
- 37 F. Bergman, 1939, p. 115, pl. 16/8; pp. 129-130, pl. 20/7-8.
- 38 Ю. А. Заднепровский, 1962, стр. 83.
- 39 А. Аскар'ов, 1973, стр. 87-88, табл. 24.
- 40 Коллекции Ферганского музея и рисунки в работах: Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова, 1957, рис. 29/26-27; Н. Г. Горбунова, 1961, рис. 8/7, 12/6; ее же, 1962, рис. 5/25-34. В тексте Н. Г. Горбуновой они суммарно названы "коническими" (1962, стр. 102). Но например, пряслище из Кунгая (курган 8) – выпукло-вогнутое, полусферическое, с выемкой на нижней плоскости (диаметр – 30, высота 16 мм).
- 41 М. Г. Воробьева, 1973, стр. 143, рис. 44.
- 42 Ю. А. Заднепровский, 1962, стр. 139-140, табл. LXV/23-33.
- 43 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 19-20, рис. 5/7-9.
- 44 Ю. А. Заднепровский, 1962, стр. 154, табл. LXVII/5-6.
- 45 Там же, стр. 162.
- 46 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 38, рис. 18/1.
- 47 "Кой-Крылган-Кала", 1967, стр. 166-171.
- 48 Л. М. Левина, 1966, стр. 68.
- 49 Г. В. Григорьев, 1940, стр. 13, 39, рис. 50; его же, 1948, стр. 51, рис. 47.
- 50 А. Г. Максимова и др., 1968, стр. 64-65, рис. 28.
- 51 Фонды Института истории им. А. Дониша (раскопки Е. Д. Салтовской).
- 52 Б. И. Маршак, 1964, стр. 236.
- 53 А. М. Беленицкий, 1958, стр. 143, рис. 39/1; Е. Я. Ставиский, 1964, стр. 170; А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, 1973, стр. 97-98, рис. 63.
- 54 Н. Н. Негматов, С. Г. Хмельницкий, 1966, стр. 188, табл. XXV/7; Н. Н. Негматов, У. П. Пулатов, С. Г. Хмельницкий, 1973, стр. 93, табл. 46/1-3, 6; У. П. Пулатов, 1975, стр. 74-75, рис. 42/1-4.
- 55 Фонды Института истории им. А. Дониша.
- 56 Е. Е. Неразик, 1963, стр. 14, рис. 8/6; ее же, 1966, стр. 100. О пряслищах верхнего горизонта джеты-асарской культуры см.: Л. М. Левина, 1966, стр. 68.
- 57 А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, 1958, стр. 305, рис. 11/26. В Таксиле в слое рубежа н. э. есть двусторонне сегменти-

рованные сферические каменные пряслица ок. 4 см диаметром (J. Mars-hall, vol. II, 1951, p. 502; vol. III, pl. 142/K).

58 Г. А. Пугаченкова, 1966, стр. 93, рис. 62.

59 Фонды Института истории им. А. Дониша, раскопки Южнотаджикистанского отряда.

60 А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер, 1958, стр. 316, 321, рис. 4, 13, 27/17-18; Фонды Института истории им. А. Дониша, ТК-53/МТ-19-21.

61 Фонды Института истории им. А. Дониша, раскопки Южнотаджикистанского отряда.

62 С. К. Кабанов, 1956, стр. 167, рис. 5.

63 Подсчеты В. С. Соловьева.

64 Фонды Института истории им. А. Дониша, раскопки Южнотаджикистанского отряда.

65 "Durman-Tepe and Lalma", p. 43.

66 J. Carl, pp. 68-71, 78, 80, pl. VI.

67 В. П. Шилов, 1959, рис. 41/10-12, 16-19, 21-22; М. Г. Мошкова, 1963, стр. 39. Такие пряслица были распространены и на скифских поселениях - см.: Б. Н. Граков, 1954, стр. 101-103; Н. Н. Погребова, 1958, стр. 156-158.

68 К. Ф. Смирнов, 1951, стр. 260; В. П. Шилов, 1959, стр. 488, рис. 58/3, 13, 14, 15; М. И. Вязьмитина, 1972, стр. 115-116.

69 В. П. Шилов, 1959. Такие пряслица были распространены в последние века до н. э. и в городах Северного Причерноморья - см., например: Д. Б. Шелов, 1961, стр. 71.

70 P. Rau, 1927, S. 97-98. В венгерских сарматских комплексах рубежа и первых веков н. э. пряслица биконические двусторонне сегментированные, причем одна половина больше другой. На третьем этапе сарматского времени в Венгрии (260-375 гг. н. э.) пряслица - исключительно из донцев или стенок сосудов. Еще позже, в конце 1У-У вв., вновь появляются пряслица вышеописанной формы (биконические), но теперь они более низкие и совершенно симметричные (M. Párducz, 1959, S. 365). В раннеаварское время на ранних этапах были широко распространены дисковидные пряслица, биконические характерны для более поздних этапов аварской эпохи Венгрии (см: I. Kovrig, 1963, S. 118).

71 Это, как будто, справедливо и для Емши-Тепе (см.: И. Т. Кругликова, В. И. Сарияниди, 1971, стр. 155-156, рис. 7).

72 Я. Харматта рассказал об удивительной судьбе одного биконического пряслица, найденного И. В. Синецким на р. Малый Узень в Западном Казахстане. В знаках на его поверхности он читает парфянскую надпись: "От отца - такой-то". Он связывает появление на сарматской территории пряслица с парфянской надписью с аланским походом 135 г. н. э. против парфян. Похищенная парфянская женщина привезла с собою это пряслице или же грамотный парфянин, попавший в плен, изготовил пряслице для бывшей с ним дочери (Я. Харматта, 1965, стр. 127-147). Но, как указал мне В. А. Лившиц, чтение Я. Харматты очень сомнительно, что подрывает все это построение.

73 Ю. Д. Баруздин, 1961, рис. 7. Цилиндрическое и конусовидное утолщение или крюк имеют наверху веретёна у некоторых народно-

стей Сибири, например у хантов - см.: А. А. Попов, 1955, стр. 84, табл. XIII.

74 А. Н. Бернштам, 1940, стр. 10, табл. XXXIV.

75 S. Hedín. 1898, рис. на стр. 429; Б. А. Куфтин, 1926, стр. 37; С. М. Абрамзон и др., 1958, стр. 124, рис. 34; К. А. Антипина, 1962, стр. 51, рис. 23; "Таджики Каратегина и Дарваза", 1966, рис. 43/6. Такой способ прикрепления пряслиц известен также в западном и южном Тибете, у калмыков и др. (G. Montell, 1941, p. 116).

76 М. С. Андреев, 1958, стр. 207, 208. У туркмен пряслище надевалось на нижнюю часть веретена (см.: Р. Карутц, стр. 7). У персов пряслище, в том числе в виде крестовины, помещается в нижней части веретена. Но иногда само веретено в верхней части, вблизи зарубки или крыска, настолько толстое и массивное, что нет необходимости в специальном пряслище (см.: H. E. Wulff, 1966, стр. 185, рис. 264-266).

77 У. П. Пулатов, 1975, стр. 69.

78 Этнографические фонды Института истории им. А. Дониша, № 273/377.

79 Такие шпильки известны в этнографических материалах (см.: А. А. Попов, 1955, стр. 86, табл. XIY/3).

80 A. Schultz, 1914, s. 41; И. И. Зарубин, 1918, стр. 137; М. С. Андреев, 1958, стр. 205 и др. О прядении шерсти мужчинами-ладакцами см.: В. Ф. Новицкий, 1903, стр. 73-74; тюркоязычными кочевниками-юрюками см.: В. А. Гордлевский, 1962, стр. 112.

81 В. Наливкин, 1881; С. Руденко, 1927, стр. 20.

82 А. Ф. Бурковский, 1957, стр. 73.

83 R. J. Forbes, vol. IV, 1956, pp. 155, 167.

84 Б. А. Литвинский, Э. Гулямова и А. Е. Павлова, 1962.

85 "Стандарты . . .", 1951, стр. 531.

86 В. И. Спришевский, 1956, стр. 71-72.

87 С. Ю. Рожановский, 1956, стр. 75-76.

88 Ю. Д. Баруздин, 1956, стр. 68.

89 Г. В. Григорьев, 1948, стр. 51.

90 А. Н. Бернштам, 1952, стр. 23.

91 А. Н. Бернштам, 1950, стр. 65.

92 А. Н. Бернштам, 1952, стр. 63.

93 V. Sylwan, 1941.

94 Там же, pp. 17-18.

95 Там же, p. 19.

96 Там же, pl. IV-V (p. 81).

97 Е. Е. Неразик, 1963, стр. 14, 16, рис. 8/1-11.

98 М. П. Винокурова, 1957, стр. 18-20. Фергана могла являться одним из центров, откуда хлопок и хлопчатобумажное производство распространились в Китае (ср.: E. H. Schafer, 1963, pp. 204-205).

99 А. Н. Бернштам, 1950, стр. 65.

100 М. П. Винокурова, 1957, стр. 21-27.

101 E. H. Schafer, 1963, p. 202.

102 См. об этом: А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, Е. А. Лившиц, 1963, стр. 115-117.

- 103 В. Laufer, 1919, p. 490; А. М. Беленицкий, И. Е. Бентович, 1961, стр. 70; E. H. Schafer, 1963, p. 202.
 104 Н. /В./ Пигулевская, 1951, стр. 201.
 105 Ср. А. А. Иерусалимская, 1972, стр. 5.
 106 E. H. Schafer, 1963, p. 196.

К главе У

- 1 Музей истории киргизского народа. Без шифра. По информации П. Н. Кожемяко, может быть – с Большого Чуйского канала. Не имеет загнутых концов кресало из Карабулакского городища – см.: Г. А. Брыкина, 1974, стр. 87, рис. 59/15.
 2 М. К. Кадырбаев, 1959, стр. 165, рис. 2. Датировке см.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, 1963, стр. 119.
 3 М. Г. Мошкова, 1963, стр. 38.
 4 Ю. Д. Баруздин, б. г.
 5 Г. В. Григорьев, 1940, стр. 13, рис. 73; его же, 1948, стр. 57, рис. 112.
 6 H. J. Heikel, 1918, S. 9, Taf. III/r.
 7 W. K. Loftus, 1859, p. 213.
 8 Béla Pósta, 1905, Abb. 13/9, 74/3.
 9 Там же, S. 138-139, Abb. 84.
 10 J. Hampel, I, 1905, S. 110-113, Fig. 192-202. О таких кресалах на Кавказе см.: Virchow, 1890, S. 432, Fig. 30.
 11 P. Sпou, 1965, S. 139, Abb. 26/c, d.
 12 Ю. Д. Баруздин, 1961, стр. 60-61, рис. 10. Об истории "огнивого сверла" в Средней Азии и прилегающих странах см.: Б. А. Литвинский, 1972, стр. 50-52 (там же литература вопроса).

К главе У1

- 1 Б. А. Латынин, Т. Г. Оболдуева, 1959, стр. 18, рис. 7/2.
 2 Там же, стр. 18, 23, рис. 7/1 и 8/5.
 3 Ю. Д. Баруздин, 1961, стр. 59, табл. ХУ.
 4 Ю. Д. Баруздин, 1956, стр. 64, рис. 6-7.
 5 Ю. Д. Баруздин, 1957, стр. 29-30, рис. 6/1-2.
 6 Ошский музей (экспозиция: Карабулак, курган 7).
 7 Ю. Д. Баруздин, 1956, стр. 64.
 8 Музей истории киргизского народа, Фрунзе (экспозиция).
 9 Ю. Д. Баруздин, 1961, стр. 59.
 10 В. И. Спришевский, 1956, стр. 70-71, 73; С. Ю. Рожановский, 1956, стр. 76-80.
 11 М. Э. Воронец, 1954, стр. 74.
 12 С. С. Сорокин, 1961, стр. 142.
 13 А. Н. Бернштам (рукопись), стр. 15, 18, 21, 23.
 14 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 110, рис. 73.
 15 А. Н. Бернштам, 1952, стр. 193.
 16 Там же, стр. 202, рис. 85/1.
 17 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 72, 83, рис. 42/4.
 18 И. Кожомбердиев, 1960, стр. 114-115, рис. 5/1. Находки самих бочонков помимо Средней Азии (Карабулак, см. выше) хорошо

- известны в могильниках Южной Сибири — см., например: С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова, 1960, стр. 195, табл. II/15.
- 19 А. К. Кибиров, 1959а, стр. 116.
- 20 А. К. Писарчик, 1958, стр. 365.
- 21 P. Sноу, 1965, S. 124, Abb. 10/k.
- 22 Там же, S. 124, Abb. 10/o.
- 23 Л. П. Потапов, 1949, стр. 60, прим. 2.
- 24 Таким должно было быть и назначение четырехугольного со скругленными углами корытца (45x25–26 см), найденного в одном из могильников в области Лоб–Нора (F. Bergman, 1939, p. 142, pl. 27/2).
- 25 "Таджики Каратегина и Дарваза", 1, 1966, стр. 269, 276, рис. 61/3, 70/4.
- 26 А. К. Кибиров, 1959а, стр. 126.
- 27 H. J. Neikel, 1918, S. 27, Taf. XIII/1; А. Н. Бернштам, 1940, стр. 19–20, табл. ХУI–ХУI; И. Кожомбердиев, 1963, стр. 67, рис. 9/9.
- 28 А. Н. Бернштам, 1940, стр. 19, табл. ХУШ–ХIХ; И. Кожомбердиев, 1963, стр. 67, рис. 9/9.
- 29 A. Stein, 1928, I, pp. 250–259; III, pl. XXVII/L С.Х.015-016. См. также: Huang Wen-pi, 1948, pl. 19/3 (деревянный столик длиной около 40 см, овальный).
- 30 F. Bergman, 1939, pp. 120–121, 129, pl. 19/1–2, 20/5.
- 31 Там же, p. 142.
- 32 И. Б. Бентович, 1958, стр. 364, рис. 2/1; ср.: Е. М. Пещерева, 1959, стр. 301.
- 33 С. И. Руденко, 1962, стр. 31–33.
- 34 С. И. Вайнштейн, В. П. Дьяконова, 1960, стр. 195, табл. III/13.
- 35 O. J. Janse, 1947, pp. 18, 37; его же, 1951, p. 13.
- 36 А. Н. Бернштам, 1940, стр. 14, 19, 20. Рукоятка орудия типа чога найдена и в Лоу–Лани (см.: A. Sennedy, 1920, S. 176, Abb. 3, Taf. 7/a — назначение этого деревянного изделия осталось непонятным издателю). Наиболее детальное этнографическое описание таких орудий, с ручкой типа хуфского *wed* см.: М. С. Андреев, 1958, стр. 47, 49, рис. 9.
- 37 А. Н. Бернштам, 1950, стр. 65.
- 38 А. К. Кибиров, 1959а, стр. 123.
- 39 Ю. Д. Баруздин, 1961, стр. 57.
- 40 Приводится по: Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 110, 112.
- 41 "Таджики Каратегина и Дарваза", 1, 1966, стр. 261, 263, рис. 56.
- 42 К. Ф. Смирнов, 1964, стр. 104.
- 43 М. Г. Воробьева, 1973, стр. 156–157, рис. 45/8.
- 44 Yang, Lien-sheng, 1955, p. 149.
- 45 А. Н. Бернштам, 1940, стр. 18–19; его же, 1950, стр. 64–65.
- 46 А. Ф. Бурковский, 1954, стр. 96–97, табл. III/2; К. И. Антипина, 1962, стр. 145. См. также: С. М. Абрамзон, 1959, стр. 357; Е. М. Пещерева, 1959, стр. 300–301, рис. 87.
- 47 И. И. Зарубин, 1918, стр. 122; А. К. Писарчик, 1958,

- стр. 363-365, рис. 74; "Таджики Каратегина и Дарваза", 1, 1966,
стр. 267, 269, рис. 58/2.
- 48 Н. Н. Ершов, 1956, стр. 8.
- 49 F. Kussmaul, 1965, S. 70; J. H. Hutton, 1946, p. 38.
- 50 А. Н. Пирулиева, 1964.
- 51 F. Kussmaul, 1966, S. 70-71.
- 52 P. Snou, 1965, S. 123 (описание деревянных изделий, главным образом из Мунджана, см. S. 124-130, Abb. 10-17).
- 53 А. Н. Бернштам, 1940, стр. 19; И. Кожомбердиев, 1963, стр. 69.
- 54 А. Н. Бернштам, 1952, стр. 64, рис. 36/11-12; А. К. Кибиров, 1959а, стр. 123-132. Этот способ отмечен и на изделиях из могильников Восточного Туркестана (F. Bergman, pp. 119, 1939).
- 55 А. Н. Бернштам, 1940, стр. 19.
- 56 В. Наливкин и М. Наливкина, 1886, стр. 86.
- 57 "Таджики Каратегина и Дарваза", 1, 1966, стр. 269, рис. 61/9.
- 58 К. И. Антипина, 1962, стр. 147, рис. 81/а-в.
- 59 Ю. Д. Баруздин, 1956, стр. 65, рис. 8; его же, 1957, стр. 29; его же, 1961, стр. 59-60, рис. 9, 9а, 9б.
- 60 А. Н. Бернштам, 1940, стр. 21, табл. XXIII.
- 61 F. Bergman, 1939, pp. 83-84.
- 62 С. В. Иванов, 1952, стр. 45-49; И. Б. Бентович, 1958, стр. 365.
- 63 И. И. Зарубин, 1918, стр. 122.
- 64 З. А. Широкова, 1956, стр. 22-23.
- 65 P. Snou, 1965, p. 136, Abb. 23.
- 66 Показателен в этом отношении Сусловский могильник - см.: П. Рыков, 1925, стр. 14; П. Степанов, 1925.
- 67 О последних см.: S. Lauffer, 1909, p. 324.
- 68 А. А. Попов, 1955, стр. 106-119.

К главе VII

- 1 Ю. Д. Баруздин, 1956, стр. 68-69.
- 2 Фонды Института истории АН КиргССР, без шифра.
- 3 А. Н. Бернштам, 1950, стр. 65.

К главе VIII

- 1 М. И. Ростовцев, 1918, стр. 70-73; P. Rau, 1927, S. 90-96;
Т. Н. Книпович, 1949, стр. 55-58.
- 2 К. Ф. Смирнов, 1964, стр. 152-160.
- 3 М. Г. Мошкова, 1963, стр. 41-43. О технологии производства сарматских зеркал см.: М. Г. Мошкова, Н. В. Рындина, 1975, стр. 117-134.
- 4 В. П. Шилов, 1959, стр. 434-438, 464-466.
- 5 А. М. Хазанов, 1963, стр. 58-71; его же, 1963а, стр. 84-94.
- 6 С. С. Сорокин, 1961, стр. 147-148.
- 7 О. В. Обельченко, 1962а, стр. 48-50.
- 8 Е. Е. Кузьмина, 1966, стр. 67-69.
- 9 В. И. Распопова, 1972.
- 10 Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 40-41, 46, табл. ХУ/9.

- 11 Н. Г. Горбунова, 1966, стр. 118.
- 12 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 82-83, рис. 42/2.
- 13 А. К. Кибиров, 1959, стр. 76-77, рис. 3/5-7.
- 14 Институт истории им. А. Дониша, фонды.
- 15 М. М. Дьяконов, 1950, стр. 171-175.
- 16 Х. Ю. Юсупов, 1975, стр. 49, рис. 19/16-17.
- 17 Н. В. Анфимов, 1951а, стр. 184, 196, рис. 13/7-8.
- 18 В. П. Шилов, 1959, стр. 434-436 (там же сводка находок).
- Ср.: Р. Rau, 1927, S. 91.
- 19 В. П. Шилов, 1959, стр. 434.
- 20 К. Ф. Смирнов, 1964, стр. 153.
- 21 А. М. Хазанов, 1963, стр. 60.
- 22 Е. Е. Кузьмина, 1966, стр. 68.
- 23 E. F. Schmidt, 1937, pp. 207, 456, pl. LIV/H-4872.
- 24 E. O. Negahban, 1964, p. 57, fig. 126.
- 25 R. Ghirshman, 1939, II, p. 39, pl. XXIX/8.
- 26 S. Pigott, 1952, p. 198, fig. 24.
- 27 Б. Зимма, 1948, стр. 126, рис. 10.
- 28 А. Кибиров, П. Н. Кожемяко, 1956, стр. 38-40, рис. 2-4.
- 29 Ю. А. Заднепровский, 1962, стр. 68-69, табл. XX/4-5;
- Е. Е. Кузьмина, 1966, стр. 68, табл. XIII/4, 5, 8.
- 30 Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, 1966, стр. 249, рис. 54/3; А. М. Мандельштам, 1968, стр. 64, табл. VIII/1.
- 31 А. Аскарлов, 1973, стр. 98, табл. 25/14, 32/16.
- 32 Е. Е. Кузьмина, 1966, стр. 68-69.
- 33 Е. К. Максимов, 1960, стр. 110-111; М. Г. Мошкова, 1961, стр. 119, 121-122, рис. 46/12-13; А. М. Хазанов, 1963, стр. 60-61; К. Ф. Смирнов, 1964, стр. 153; В. А. Ильинская, 1968, стр. 153.
- 34 А. И. Тереножкин, 1950, стр. 155, рис. 69/II-3; О. А. Вишне-невская, 1973, стр. 85, табл. У1/4.
- 35 Ср. Б. А. Литвинский, 1959, стр. 83, 84; Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 41, 46, 59; Н. Г. Горбунова, 1966, стр. 118.
- 36 А. А. Потапов, 1938 (рукопись), лл. 22-23; его же, 1938, Рисунки, рис. 60.
- 37 Любезно продемонстрированы А. Г. Максимовой (см.: А. Г. Макси-мова и др., 1968, стр. 233, табл. XIX/1-3).
- 38 См., например: A. Le Coq, 1922, S. 20, Tab. 12/a.
- 39 М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, 1938, стр. 176, рис. 31.
- 40 К. Ф. Смирнов, 1964, стр. 156.
- 41 Они могут быть отнесены и к группе с бортиком, без ручки, может быть, и № 2 "описания".
- 42 Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 28, 34, табл. ХУ/7-8.
- 43 О. В. Обельченко, 1968, стр. 69; 1972, стр. 63-64, 67, рис. 4.
- 44 Фонды Института истории и археологии АН УзССР; С. К. Каба-нов, 1948, стр. 74, рис. 2/7.
- 45 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 112-113; В. П. Шилов, 1959, стр. 429,

- 46 Э. Кадыров, 1972, стр. 41, 43, рис. 1/10.
- 46а А. М. Мандельштам, 1975, стр. 117, табл. XXXIУ-XXXУ.
- 47 Э. Гулямова, 1958, стр. 31.
- 48 А. Г. Максимова и др., 1968, табл. XXVII/1.
- 49 А. Д. Бабаев, 1965, стр. 75, 80.
- 50 А. Н. Дани, 1965-1966, р. 133, pl. L/a.
- 51 М. Г. Мошкова, 1963, стр. 42-43. Ср.: В. П. Шилов, 1959, стр. 436. В Прохоровском кургане 3 были найдены зеркала 1 и 2 типа - см.: М. И. Ростовцев, 1918, табл. У/4, 5.
- 52 А. И. Хазанов, 1963, стр. 62-64. См. также: В. П. Шилов, 1959, стр. 436; Р. Яу, 1927, S. 13, Abb. 7 (орнаментированное). Ср.: П. Рыков, 1929, стр. 134, 141, рис. 9. Такого рода зеркала были и в Сибири - см.: ОАК за 1896 год, 1898, рис. 402; А. Ермолаев, 1914, стр. 8-9, табл. Ш/12.
- 53 А. М. Мандельштам, 1966, стр. 115, табл. II/3-6; Ш/5.
- 54 Фонды Института истории им. А. Дониша АН ТаджССР.
- 55 М. М. Дьяконов, 1950, стр. 170, табл. 84/1.
- 56 А. Бабаев, 1968, стр. 23, табл. 2/1; Фонды Института истории им. А. Дониша.
- 57 Б. А. Литвинский, 1958, стр. 38, 44-45.
- 58 О. В. Обельченко, 1954, стр. 9; его же, 1961, стр. 113; его же, 1962а.
- 59 Б. А. Литвинский, 1973а, стр. 42-43.
- 60 Е. Н. Ягодина, Т. К. Ходжайов, 1970, стр. 120, рис. 51/1.
- 61 К. Е. Неразик, 1958, стр. 390, рис. 10/2; "Кой-Крылган-кала", 1967, стр. 147-148, рис. 59/2.
- 62 А. И. Тереножкин, 1948а (рукопись), стр. 238-239.
- 63 H. J. Neikel, 1918, S. 25, Taf. XI/4.
- 64 Г. В. Григорьев, 1948, стр. 60, рис. 124. См. также упоминание - "Узбекистанская II экспедиция", 1939, стр. 341.
- 65 Музей истории АН УзССР (экспозиция).
- 66 Г. В. Григорьев, 1948, стр. 60-61.
- 67 А. И. Тереножкин, 1950, стр. 159.
- 68 О. В. Обельченко, 1961, стр. 135.
- 69 М. Э. Воронец, 1940, рис. 14, стр. 337.
- 70 Б. А. Литвинский, 1967.
- 71 J. Marshall, 1951, II, pp. 584-585; III, pl. 181/209, 182/208, 211.
- 72 Там же, pp. 169-170.
- 73 Там же, pp. 214-216.
- 74 Там же, I, pp. 188-189.
- 75 Там же, II, p. 585.
- 76 J. A. Page, 1930, p. 139, pl. XXXI/h.
- 77 K. Fischer, 1961, pp. 21, 26, pl. L/26. Другое аналогичное зеркало из этого района см.: M. Hayashi, M. Sahara, 1962, fig. 128, p. 72.
- 78 «Dailaman III», 1968, pp. 17, 31, pl. XXXVII/2, LXIII/6.
- 79 «Dailaman III», 1968, pp. 24, 31, pl. XLII/7, LXX/3. Ю. А. Заднепровский (1971, стр. 134) относит к этой группе и зеркало из числа случайных находок в области Дейлема. Это недоразумение, ибо боковая ручка была позже прикреплена к этому зеркалу, которое принадлежит к группе зеркал с центральным выступом и ободком, но без ручки (см. «Dailaman III», 1968, fig. 18).

- 80 По мнению Д. Стронаха (директора «The British Institute of Persian Studies»), судя по инвентарю, катакомба 7 должна датироваться "позднепарфянским временем" (письмо от 15.1У.1973 г.).
- 81 Ю. А. Заднепровский, 1971, стр. 135.
- 82 P. Rau, 1927, S. 92; Т. Н. Книпович, 1949, стр. 57; В. П. Шилов, 1959, стр. 466; М. П. Абрамова, 1959, стр. 65; А. М. Хазанов, 1963, стр. 64.
- 83 А. М. Хазанов, 1963, стр. 64, прим. 8. Еще одна находка была приведена М. М. Дьяконовым - зеркало из Зубовского кургана 2 - ИАК, вып. 1, 1901, стр. 101-102, рис. 25. О датировке этого кургана см.: М. И. Ростовцев, 1925, стр. 570-571. О некоторых новейших находках таких зеркал см.: М. Г. Мошкова, В. Ф. Генинг, 1972, стр. 110.
- 84 Б. Н. Граков, 1928, стр. 151, рис. 7.
- 85 P. Rau, 1927, S. 91; М. И. Ростовцев, 1918, стр. 73.
- 86 А. М. Хазанов, 1963, стр. 64-65.
- 87 М. Г. Мошкова, 1963, стр. 42-43, табл. 28/20, 22. Пазырыкское зеркало - С. И. Руденко, 1953, стр. 142, табл. XXIX/3.
- 88 Б. А. Литвинский, 1967, стр. 30.
- 89 См., например, совершенно аналогичное бактрийским зеркало из кургана 4 могильника Курпе-Бай (Т. Н. Сенигова, 1956, стр. 145, табл. У/1).
- 90 Ю. А. Заднепровский, 1971, стр. 139. См. также: А. М. Мандельштам, 1975, стр. 141.
- 91 М. Г. Мошкова, 1963, стр. 42.
- 92 К. Ф. Смирнов, 1968. Что касается датировки, то, судя по иконографии, следовало бы изготовление зеркала датировать доахеменидским временем.
- 93 М. Г. Мошкова, 1974, стр. 26-27.
- 94 Л. И. Ремпель, 1949; его же, 1951, рис. 9, стр. 178; Г. А. Пугаченкова, 1959.
- 95 Фонды Института истории им. А. Дониша.
- 96 C. Sivaramamutri, 1942, p. 120, pl. IX/17.
- 97 J. Marshall, 1951, II, pp. 584-585; A. Ghosh, 1948, p. 81, pl. XXI/12-13.
- 98 J. Naskin, 1939, pp. 88-90, pl. LVII/fig. 175, LVIII/fig. 176; Кабульский музей (экспозиция).
- 99 J. A. Page, 1930, p. 139, pl. XXXI/h.
- 100 Т. Н. Книпович, 1949, рис. 14, стр. 55-57.
- 101 М. П. Абрамова, 1959, стр. 65; А. М. Хазанов, 1963, стр. 65.
- 102 Э. И. Соломоник, 1959, стр. 36.
- 103 Т. Н. Книпович, 1949, стр. 55-56.
- 104 A. Salmony, 1933, pp. 93-94, pl. XLI/5-6.
- 105 Музей истории АН УзССР, шифр 189/104.
- 106 К. А. Акишев, Г. А. Кушаев, 1963, стр. 179, табл. 1/13-
14. Фонды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР.
- 107 А. М. Хазанов, 1963, стр. 65.
- 108 Е. Е. Кузьмина, 1966, стр. 67-68. Такие зеркала встречены в погребениях заманбабинской культуры (см.: Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарлов, 1966, стр. 159, табл. ХУ1/7,9).
- 109 Л. Р. Кызласов, 1972, стр. 104, рис. 2/2.

- 110 Наманганский музей, шифр МХ-1875.
- 111 Ю. Д. Баруздин, 1956, стр. 67.
- 112 С. С. Сорокин, 1961, стр. 123, 148, рис. 5/3.
- 113 Х. Дуке, 1974, стр. 74.
- 114 Гос. Эрмитаж, Отдел Востока, инв. № СА-12763.
- 115 ГИМ, инв. № 30996/13.
- 116 Ю. Д. Баруздин, 1961, рис. 14/5; Фонды Института истории АН КиргССР, Ошский музей.
- 117 В. П. Шилов, 1959, стр. 464; Е. Ф. Покровська, Г. Т. Ковпаненко, 1961, стр. 141, рис. 7/8-9; М. И. Вязьмитина, 1961, стр. 109; А. М. Хазанов, 1963, стр. 64, и др. См. также: Б. А. Куфтин, 1949, стр. 25-26; Т. М. Арсеньева, 1970, стр. 143.
- 118 К. Ф. Смирнов, 1959, стр. 270, рис. 24/4; А. М. Хазанов, 1963, стр. 64. Но в Средней Азии разновидности зеркал этого типа, особенно с утолщением по краю, как показывает зеркало из БДШ-7, существовали и много позже, вплоть до раннего средневековья.
- 119 W. Kubitschek, 1911, S. 51, Fig. 14, Taf. IV/7.
- 120 Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 59, табл. ХУ/10.
- 121 Сообщение Т. Агзамходжаева.
- 122 Ю. А. Заднепровский, 1975, стр. 55, рис. 27.
- 123 В. И. Распопова, 1972, стр. 65, 67, рис. 1/4, 5, 6.
- 124 L. Dupree, 1972, p. 11, fig. 10.
- 125 M. P árducz, 1941, I, S. 69, 75, Taf. XXVI/6.
- 126 M. P árducz, 1944, II, S. 67, Taf. XLII/1.
- 127 В. П. Шилов, 1972, стр. 261-264; его же, 1975, стр. 158-160.
- 128 P. Rau, 1927, Abb. 56/8, S. 39. Еще более маленький, чем КВ-26, декоративный бронзовый кружок был найден в кургане в Чегеме, но там - с двумя сквозными дырочками в середине и выпуклым кружковым орнаментом по краю (см.: Virchow, 1890, S. 440, fig. 43).
- 129 М. Г. Мошкова, 1956 (рукопись), стр. 48.
- 130 В. П. Шилов, 1972, стр. 264; его же, 1975, стр. 160.
- 131 Н. В. Анфимов, 1951а, стр. 184, 185.
- 132 М. И. Ростовцев, 1918, стр. 70.
- 133 М. Г. Мошкова, 1961, рис. 46/6, 11; К. Ф. Смирнов, 1964, стр. 156.
- 134 G. Richter, 1953, pp. 95-96, III, pl. 77, 91. Характерно, что и крышки таких зеркал имели вертикальный бортик. Внутренняя их сторона была занята гравированным изображением, внешняя - рельефным (например, pl. 91/e).
- 135 А. М. Хазанов, 1963, стр. 64.
- 136 Ю. Д. Баруздин, 1961, рис. 14/4.
- 137 А. А. Бобринский, 1901, стр. 71-72 (тип Б); М. И. Ростовцев, 1918, стр. 71-72.
- 138 П. Рыков, 1925, стр. 20, 36, рис. 20; Е. К. Максимов, 1960, стр. 111-112.
- 139 Н. В. Анфимов, 1951а, рис. 13/1.
- 140 L. Vandermeersch, 1960, p. 23, pl. XXI/13.
- 141 Об этих раскопках см.: ОАК за 1882-1888 гг., 1891, стр. СХСШ - СХС1Х.

- 142 ГИМ, инв. № 30986/1.
- 143 Б. Н. Граков, 1928, стр. 151-158; В. П. Шилов, 1959, стр. 436. Имеются зеркала этого типа с незначительно изогнутым краем (P. Rau, 1927, S. 35, Abb. 48; И. В. Синицын, 1959, стр. 198-199).
- 144 N. P. T o l l, 1946, p. 123, pl. LVIII. Генезис этих зеркал восходит к селевкидскому времени (см. R. Ghirshman, 1976, vol. II, pl. 57/GMIS - 307, 321).
- 145 А. Кибиров, П. Н. Кожемяко, 1956, стр. 39, рис. 5; Б. А. Литвинский, А. П. Окладников, В. А. Ранов, 1962, стр. 224; Е. Е. Кузьмина, 1966, стр. 68, табл. XIII/7; Д. Н. Лев, 1966, стр. 102, рис. 38/10.
- 146 О. А. Вишневская, 1973, стр. 84-85.
- 147 С. С. Сорокин, 1961, стр. 147, табл. У1/в.
- 148 Хранится в Наманганском музее.
- 149 Ю. Д. Баруздин, 1956, стр. 67.
- 150 А. Г. Максимова и др., 1968, стр. 234, рис. XIХ/6.
- 151 Н. Г. Горбунова, 1975, стр. 31-32, рис. 4/22.
- 152 В. Миллер, 1888, табл. XI/2-3, XIII/1-2; П. С. Уварова, 1900, табл. XLУ1/1-5; W. A. Jen n y, 1928, Abb. 1-2; С. П. Плетнева, 1967, стр. 140, рис. 37.
- 153 P. Reinecke, 1897, S. 145, fig. 8/19; J. Hampel, 1905, I, S. 269, fig. 639-642.
- 154 W. Kubitschek, 1911, S. 48, Taf. V/11.
- 155 J. Werner, 1956, S. 20-24.
- 156 Т. Н. Книпович, 1949, стр. 56, рис. 15.
- 157 Там же, 1949, стр. 56-59.
- 158 Н. В. Анфимов, 1952, рис. 3, стр. 217, прим. 1.
- 159 А. С. Скрипкин, 1973, стр. 11.
- 160 W. A. Jen n y, 1928, S. 351.
- 161 Т. Н. Книпович, 1949, стр. 56.
- 162 W. A. Jen n y, 1928, S. 351-362.
- 163 P. Rau, 1927, S. 94.
- 164 М. И. Ростовцев, 1918, стр. 71, прим. 1.
- 165 А. Н. Бернштам, 1952, стр. 40, рис. 17/4.
- 166 S. Umehara, 1955, p. 256, fig. 13.
- 167 С. И. Руденко, 1953, табл. С1Х; его же, 1961, рис. 41 и др.
- 168 Е. Лубо-Лесниченко, 1961, табл. LI.
- 169 Я. И. Смирнов, 1909, стр. 7, табл. СХХ1У/56.
- 170 К. В. Тревер, 1940, стр. 48-59, табл. 3-5.
- 171 Экспозиция "Восточный Туркестан".
- 172 А. М. Хазанов, 1963, стр. 68.
- 173 В. Karlgren, 1941, pl. 67/G-13, 14.
- 174 А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Орозбаев, 1966, стр. 389, рис. 66/75.
- 175 О развитии зеркала в Сибири см.: А. М. Tallgren, 1917, pp. 55-57.
- 176 О таких зеркалах в Восточной Европе см.: А. М. Хазанов, 1963а, стр. 84-94.
- 177 С. А. Трудновская, 1952, стр. 120.
- 178 Таджикская археологическая экспедиция, Фонды, ТII-ХУ1-65.
- 179 Таджикская археологическая экспедиция, Фонды, ТII-54/У1-202.

- 180 А. М. Беленицкий, 1953, стр. 30, рис. 9; В. И. Распопова, 1972, стр. 67.
- 181 Л. Р. Кызласов, 1959, рис. 37/3.
- 182 Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 58, табл. ХУ/1-2.
- 183 Ю. Д. Баруздин и А. Г. Подольский, 1961, стр. 127.
- 184 Там же, стр. 127-129.
- 185 Следуем за Д. Барретом (D. Barret, 1954). Сиварамамутри в одном из своих трудов говорит о четырех периодах скульптуры Амаравати, датируя второй временем ок. 100 г. н. э., третий - II в. н. э. (С. Sivaramamuttri, 1961, p. 44). Б. Роулэнд датирует скульптуры из Амаравати II в. н. э. (B. Rowland, 1967, pp. 124-125), Д. Зелкель - II-III вв. (D. Seckel, 1964, p. 39).
- 186 С. Sivaramamuttri, 1942, pl. I/6b, XLVI/c; D. Barret, 1954, pl. XVI, XXII, XXXIV и др.
- 187 С. Sivaramamuttri, 1942, pl. VIII/b. Историк индийских причесок и костюмов см.: Moti Chandra, 1940, pp. 62-145; его же, 1940a, pp. 185-224; G.S. Ghurya, 1951.
- 188 Ch. Kar, 1956, pl. 50; J. Marshall, 1951, III, pl. 191/96-98.
- 189 J. Marshall, 1951, III, pl. 211/3a; Ch. Kar, 1956, pl. 51; см. также: D.H. Gordon, 1937, fig. 1.
- 190 H. Goetz, 1952, pl. III, V, VII, VIII.
- 191 С. Sivaramamuttri, 1942, pl. II/b, p.
- 192 Там же, pl. I/4a.
- 193 J. Varthoux, 1930, pl. 75/f, g; Кабульский музей, экспозиция.
- 194 С. Sivaramamuttri, 1942, pl. I/5a.
- 195 D. Barret, 1954, p. 53, n. 85.
- 196 J. Hackin, 1939, pl. XXX/fig. 66, XXXII/fig. 70.
- 197 Там же, pl. XL/fig. 85, XLI.
- 198 Там же, pl. XLV/fig. 107, XXX.
- 199 Там же, pl. XXX/fig. 66; LXIII/fig. 191.
- 200 С. Sivaramamuttri, 1962, p. 5; K. Khandalavala - см.: V.A. Smit, n.d., pp. 47-48. Вообще изготовление металлической скульптуры в Индии имело довольно большое распространение (см. общий - довольно поверхностный - обзор: Ch. Kar, 1952).
- 201 С. Sivaramamuttri, 1962, p. 13.
- 202 V.A. Smith, n.d., pl. 30/c.
- 203 С. Sivaramamuttri, 1962, pp. 14-15.
- 204 V.A. Smith, n.d., pl. 41/a.
- 205 Как попал этот предмет в Фергану? Скорее всего, в результате торговых связей. Напомним в этой связи о судьбе другой бронзовой статуэтки, совершившей еще более сложное путешествие - в Южную Аравию. Эта статуэтка датируется началом III в. н. э.; есть предположение, что она могла служить в качестве идольчика в домашней часовне индийского жреца (см.: H. Goetz, 1963, p. 187-189).

- 206 Б. А. Литвинский, 1971, стр. 55-58.
- 207 R. Ghirshman, 1976, vol. 1, p. 82; vol. 2, pl. CIV/2-4, pl. 57/GMIS - 237, 253, 306.
- 208 R. Ghirshman, 1975, vol. I, p. 117; vol. II, pl. CIV/1, pl. 42/GMIS - 234.
- 209 А. Ю. Якубовский, 1950, стр. 52, табл. 53/1; А. М. Беле-
ницкий, 1953, стр. 131; Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Е. А. Лит-
винский, В. А. Ранов, 1956, стр. 24, табл. 7/9, 10; А. М. Беле-
ницкий, И. Е. Бентович, О. Г. Большаков, 1973, стр. 86, рис.
53; Б. А. Литвинский, 1971, стр. 58-59.
- 210 В. И. Распопова, 1972, стр. 67-68.
- 211 R. Ghirshman, 1963, fig. 100.
- 212 В. И. Распопова привела данные о том, что традиция таких
зеркал в Иране удерживается много позже - в музее Метрополитен в
Нью-Йорке хранится такое зеркало, оканчивающееся протомами грифо-
нов (см.: В. И. Распопова, 1972).
- 213 М. И. Артамонов, 1973, стр. 20, илл. 23.
- 214 С. П. Толстов, 1963, стр. 128, рис. 68б; "Кой-Крылган-
кала", 1967, стр. 126, рис. 50/2.
- 215 С. П. Толстов, 1948, стр. 207, табл. 78-80.
- 216 Е. П. Денисов, 1974.
- 216а Ш. С. Ташходжаев, 1974, стр. 4, рис. 1.
- 217 С. П. Толстов, 1948, стр. 184-186.
- 218 Б. А. Рыбаков, 1940, стр. 234; Э. И. Соломоник, 1959,
стр. 20-21, рис. 88. Ср. В. С. Драчук, 1975, стр. 62-63.
- 219 А. М. Беленицкий, 1962.
- 220 A. Godard, T. Godard, J. Naskin, 1928, p. 68, fig. 25.
- 221 A. Grünwedel, 1912, S. 33-34, fig. 67.
- 221а М. В. Сазонова, 1970, стр. 132-133, табл. У/6, 8, 9.
- 222 Е. А. Давидович, и Б. А. Литвинский, 1955, стр. 64-
65, рис. 31.
- 223 Б. А. Литвинский, 1961, стр. 76, рис. 12.
- 224 Зеркало описано и воспроизведено Ю. Д. Баруздиным (1957,
стр. 28, рис. 5/2; 1961, стр. 64, рис. 14/2). Хранится в Ошском му-
зее, инв. № 271.
- 225 Описание и воспроизведение - Ю. Д. Баруздин, 1957, стр.
28, рис. 5/3; 1961, стр. 64, рис. 14/3; Ошский музей, инв. № 270.
- 226 Ю. Д. Баруздин, 1957, стр. 28, рис. 5/1; 1961, стр. 64,
рис. 14/1. Экспозиция Отдела Востока Гос. Эрмитажа. Ю. Д. Баруз-
дин датирует зеркало "первым веком н. э."
- 227 Фонды Института истории АН КиргССР; Гос. Эрмитаж.
- 228 Ферганский музей, экспозиции.
- 229 А. Н. Бернштам (рукопись), стр. 24.
- 230 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 100-101, 103, рис. 59/1.
- 231 Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 15, 23, 38, 57-
58, табл. XV/4-6.
- 232 Фонды Института археологии АН УзССР. Издание: С. К. Каба-
нов, 1948, стр. 74, рис. 1/2. Издатель полагал, что зеркало входит
в комплекс, датируемый I-II вв. н. э.
- 233 Гос. Эрмитаж, Отдел Востока, СА-7779; В. Ф. Гайдукевич,
1947, стр. 101-102 (по стилистическим признакам относит к ханьской
эпохе); Г. Г. Стратонович, 1961, стр. 50, 59, рис. 3 (по Г. Г. Стра-
тоновичу - "типично ханьское").

- 234 М. Э. Воронеж, 1951, стр. 52-55, рис. 5 - Музей истории АН УзССР, экспозиция.
- 235 А. А. Потапов, 1930 (рукопись), л. 25; Г. Г. Стратонович, 1961, стр. 50, рис. 7 - Музей истории АН УзССР, № 188/105.
- 236 А. А. Потапов, 1930 (рукопись), л. 25 - Музей истории АН УзССР, № 188/106.
- 237 Музей истории АН УзССР, Фонды.
- 238 А. И. Тереножкин, 1950, стр. 159.
- 239 И. Кожомбердиев, 1960а, стр. 72-74, рис. 14, и обломок - И. Кожомбердиев, 1963, рис. 6/3.
- 240 А. Н. Бернштам, 1950, стр. 101, 105.
- 241 И. Кожомбердиев, 1963, рис. 6/2, стр. 69.
- 242 Там же, рис. 6/4, стр. 69.
- 243 Л. И. Альбаум, 1955, стр. 59, рис. 3. Дискуссион об этом сооружении см.: В. А. Litvinsky, 1968, pp. 26, 87.
- 244 Б. А. Литвинский, Т. И. Зеймаль, 1971, стр. 17 - Фонды Института истории им. А. Дониша.
- 245 Например, зеркала в коллекции кафедры археологии Ташкенского гос. университета, Ферганского, Пенджикентского и др. музеев, Фонд Института истории АН КиргССР и др.
- 246 См.: А. Кооп, 1924, p. 67.
- 247 A. Bulling, 1960, p. 28, fig. 12; L. Vandermeersch, 1960, pp. 10-11, pl. III-IV.
- 248 F. Hirth, 1907, pl. XV/2, 4, 5; А. Кооп, 1924, pl. 77/B; M. R. Koechlin, 1925, pl. XV/151, p. 44; K. Blaunsteiner, 1933, S. 15-16, Taf./S-1280, S-175; R. W. Swallow, 1937, pl. 27; S. Umehara, 1955, p. 240, fig. 1; A. Bulling, 1955, pl. 22; L. Vandermeersch, 1960, pl. III-IV; М. Лаврова, 1927, стр. 9, рис. 6-8.
- 249 A. Stein, 1928, I, p. 245; III, pl. XXIV/L.C. 021, L.C. 013.
- 250 A. Bulling, 1955, p. 30, pl. 24 (David Weil collection, d-21,5 cm.); K. Blaunsteiner, 1933, Taf./S-291; R. W. Swallow, 1937, pl. 1; L. Vandermeersch, 1960, p. 16, pl. 12; M. Rupert, O. J. Todd, 1935, pl. IV/10, V/12.
- 251 В. Карлгрен, 1941, pp. 105-107, pl. 37/C-13, G-14.
- 252 L. Vandermeersch, 1960, pp. 11-12, pl. V-VI.
- 253 H. J. Heikel, 1894, p. 71, pl. XVII/fig. 6; В. В. Радлов, 1894, стр. 128; И. В. Синицын, 1946, стр. 76, рис. 26; В. И. Чернецов, 1953, таб. XIX, стр. 164, 166; Е. И. Лубо-Лесниченко, 1975, стр. 38-39, 110 и сл.; O. Maenchen-Helfen, 1973, pp. 340-341.
- 254 A. Bulling, 1960, p. 26, почти полное совпадение - pl. 19 (d-15,1 cm.). Зеркало, совершенно аналогичное карабулакскому, было найдено при раскопках в Корее - см.: K. Blaunsteiner, 1933, S. 18, Taf./S-1294 (Lo-Lang); M. Rupert, O. J. Todd, 1935, pl. VII/34; R. W. Swallow, 1937, pl. № 53. Зеркало, хранящееся в Musee Guimet в Париже - см.: F. Hirth, 1907, p. 243(36), pl. XV/3. Несколько более усложненный вариант см.: В. Коечлин, 1925, pl. XVII/157 (датировка "нач. III в. н. э."); R. W. Swallow, 1937, pl. 52; O. Kummel, 1930, S. 173, Taf. 21/5. Для датировки см. также: László Ferenczy, 1967, p. 166. Известны они и по находкам в Восточном Туркестане - см.: A. Stein, 1928, I, 219; III, pl. XXIV/L.A. 05.

- 255 ОАК за 1896 год, 1898, стр. 83-84, рис. 341.
- 256 А. Ф. Лихачев, 1876, стр. 15-17; Рисунки, отд. II, табл. 1У/3, 7.
- 257 Н. Катанов и Д. Айналов, 1902, стр. 3, 8.
- 258 *Bele Pösta*, 1905, I, S. 225 и сл., 236-238, Abb. 148/4.
- 259 Выражение, означающее собственно "многососковые" - см.: R. W. Swallow, 1937, pl. 8.
- 260 A. Bulling, 1960, p. 32 (ручка оформлена в виде девяти выступов, центральный - самый крупный), pl. 26, 27. См. также: M. Rupert, O. J. Todd, 1935, pp. 94-95, pl. VI/25, 27.
- 261 A. Bulling, 1955, p. 27; R. W. Swallow, 1937, pl. 8.
- 262 Общую характеристику типа см.: A. Коор, 1924, p. 33.
- О происхождении и значении орнамента на этих зеркалах см.: S. Kaplan, 1937, pp. 21-24; S. Gamann, 1948; A. Bulling, 1955, p. 40; B. Karlgren, 1961, p. 94; László Ferenczy, 1967, pp. 173-174; Е. Н. Лубо-Лесниченко, 1975, стр. 12. Такие зеркала встречаются и в Восточном Туркестане - см.: A. Stein, 1921, IV, pl. XXXIX/L.B.V. 006; A. Stein, 1928, I, pp. 217; III, pl. XXIV/LA-0107 F. Bergman, 1939, p. 165.
- 263 A. Bulling, 1960, p. 20; S. Gamann, 1948, p. 159.
- 264 S. Kaplan, 1937, p. 21.
- 265 A. Bulling, 1960, pp. 63-64. Близкие аналогии: pl. 38, p. 55; A. Bulling 1955, p. 33, fig. 12 (стиль изображения животного).
- 266 B. Karlgren, 1961, p. 98, pl. 12-26, 15/32.
- 267 Археологический отряд, 1959, стр. 84 и рис. 1, 3, 5 на стр. 75.
- 268 Материал нам был любезно продемонстрирован И. Кожомбердиевым.
- 269 См. также арочное зеркало из Сурхандарьинской области - Э. В. Ртвеладзе, З. А. Хакимов, 1973, стр. 28, рис. 4/3.
- 270 O. Maenchen-Helfen, 1973, pp. 340-341.
- 271 Б. А. Литвинский, 1972а, стр. 131-132.
- 272 Следует иметь в виду, что в ханьском Китае наряду с зеркалами высокого стандарта производилось большое количество небольших зеркал небрежного литья и с грубой орнаментацией. Такие зеркала также широко импортировались. Именно поэтому и с учетом факта производства зеркал ханьских типов в Восточном Туркестане различие местных имитаций и такого рода привозных зеркал очень сложно (O. Maenchen-Helfen, 1973, p. 341).
- 273 *Ying-shih yü*, 1967, p. 170; O. Maenchen-Helfen, 1973, pp. 338-341.
- 274 Б. Г. Гафуров, 1972, стр. 163.
- 275 Не исключено, что в Китае зеркала появились под влиянием южносибирских образцов (Е. И. Лубо-Лесниченко, 1975, стр. 8); во всяком случае, они были широко распространены в Средней Азии задолго до введения зеркала в Китае.
- 276 Б. А. Литвинский, 1964, стр. 97-104.
- 277 Ю. Д. Баруздин, 1961, стр. 64.
- 278 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 112-113.
- 279 Например, в могильнике Обишир (Х. Дуке, 1974, стр. 74). По-видимому, этот обычай существовал и в других областях Средней Азии, в частности в Бактрии - в захоронении 4 на Туп-хона зеркало было положено разбитым (М. М. Дьяконов, 1950, стр. 170).

- 280 В. П. Шилов, 1959, стр. 436; В. П. Шилов, 1975, стр. 121.
- 281 А. М. Хазанов, 1964, стр. 94-95.
- 282 J. Werner, 1956, S. 22; С. Моринц, 1959, стр. 103.
- 283 O. Maenchen-Helfen, 1958, p. 161.
- 284 S. Hartland, 1911, p. 430. См. также: G. László, 1943, S. 151-152.
- 285 Н. Ф. Катанов, 1894, стр. 118.
- 286 В. П. Шилов, 1959, стр. 436.
- 287 Сообщение канд. ист. наук М. Рахимова.
- 288 F. Hirth, 1907, p. 233.
- 289 А. В. Маракуев, 1946, стр. 149.
- 290 Сообщение канд. ист. наук М. Хамиджановой.
- 291 А. В. Маракуев, 1947, стр. 171.
- 292 J.G. Frazer, 1922, pp. 77-100.
- 293 Там же, p. 92.
- 294 Зеркало, употреблявшееся в брачном ритуале, по-видимому, первоначально считалось запечатлевшим образ (душу) обоих супругов, поэтому, когда это зеркало разбивается, это считается предзнаменованием развода.
- 295 Э. Тэйлор, 1939, стр. 311 и сл.
- 296 Л. Леви-Брюль, 1930, стр. 268.
- 297 См., например: М. С. Андреев, 1953, стр. 192-208; М. Рахимов, 1953, стр. 124-125, 128-129; Б. А. Литвинский, 1972, стр. 104-124.
- 298 Фонды Института истории им. А. Дониша.
- 299 Э. И. Соломоник, 1959, стр. 38; В. П. Шилов, 1959, стр. 436; J. Werner, 1956, S. 20.
- 300 В. П. Левашева, 1947, стр. 48. О сохранении обломков зеркал в алтайских и монгольских курганах см.: А. Д. Грач, 1960, стр. 30.
- 301 В. Харузина, 1909, стр. 501; В. А. Скудная, 1962, стр. 6-7.
- 302 «Milinda Questions», I, 1964, p. 75 (о соотношении зеркала, света, предмета и его зеркального отражения).
- 303 Г. Г. Стратанович, 1961, стр. 73-74.
- 304 Н. Ф. Катанов, 1898, стр. 4.
- 305 Садек Хедаят, 1958, стр. 272, 295.
- 306 М. В. Воробьев, 1958, стр. 86, также стр. 85 (со ссылкой на недоступную нам работу: К. Tanaka, Magic nature of sword, mirror, dead and arrow, — «The Shirin or the Journal of History», vol. XXXVII, N 4, Kyoto, 1954).
- 307 Umehara Sueji, 1963, p. 78.
- 308 С. А. Арутюнов, 1961, стр. 146, 148; J.G. Frazer, 1926, p. 641.
- 309 Sch. Samann, pp. 114-115; его же, 1952-1953, pp. 45-63; W. Watson, 1966, pp. 116-118. В древнем Китае существовали специально зажигательные зеркала, а также зеркала, дающие различные оптические эффекты и т. д. (J. Needham, 1962, 4/1, pp. 83-87).
- 310 O. R. Jansé, 1951, p. 67.
- 311 S. Hummel, 1959, S. 171-172; R. Nebesky-Weikowitz, 1956, pp. 20, 462-466.
- 312 М. Лаврова, 1927, стр. 1.

- 313 F. Hirth, 1907, pp. 231-232.
- 314 R. W. Swallow, 1937, p. 6.
- 315 B. Laufer, 1909, p. 313.
- 316 В. И. Абаев, 1949, стр. 73.
- 317 E. Parada, 1959, p. 20. В. М. Скуднова (1962, стр. 25, прим. 17) пишет: "В Иране зеркала не употреблялись вовсе; возможно, это было связано с религиозными представлениями иранского народа". Утверждение это совершенно ошибочно. К еще более раннему времени относится изображение из Нузи: нагая крылатая богиня, держащая в каждой руке по зеркалу (см.: M.-Th. Barrelet, 1955, p. 243, в прим. 1 на той же странице очерчен круг древневосточных аналогий).
- 318 R. Ghirshman, 1963, p. 23.
- 319 М. И. Артамонов, 1966, стр. 47, 65, табл. 235 и др. См. также: М. И. Ростовцев, 1913, табл. II/4, стр. 6-7; его же, 1927, стр. 81; Rostovtzeff, 1921, p. 477, pl. 2; В. А. Гордцов, 1926, стр. 20.
- 320 Solorache, 1950, pp. 216-217 (указано Д. С. Раевским); Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский, 1974, стр. 20.
- 321 М. И. Артамонов, 1961, стр. 58-62; Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский, 1974, стр. 20.
- 322 К. Ф. Смирнов, 1968, стр. 117.
- 323 R. Ghirshman, 1976, vol. I, pp. 117-118.
- 324 H. Schmidt, 1908, p. 200, pl. 55/4.
- 325 Л. И. Ремпель, 1949, стр. 339-342; его же, 1951, стр. 177-179.
- 326 Г. А. Пугаченкова, 1959, стр. 126-129 (эта мысль повторяется и в других работах Г. А. Пугаченковой).
- 327 "Кой-Крылган-кала", 1967, стр. 181-182, табл. XXVII/24.
- 328 О. А. Вишневская, 1973, стр. 85.
- 329 Х. Ю. Мухитдинов, 1973.
- 330 Сопоставление этих статуэток с Митрой основывается на сообщении Геродота (I, 131), из которого вытекает, что древние иранцы воспринимали Митру как женское божество. Точнее, Митра относился к числу андрогинных, или парных, с мужской и женской ипостасью, божеств — см.: В. В. Струве, 1968, стр. 118, 123-124; Э. А. Грантовский, 1970, стр. 303, 304, 305; Widengren, 1938, S. 127; его же, 1965, S. 121 (впрочем, многие исследователи считают это сообщение Геродота просто ошибкой).
- 331 M. Vanerjee, 1955, pp. 139-140; J. Gonda, 1960, S. 230. Об исключительной древности этого верования свидетельствует, в частности, то, что солнце уподобляется зеркалу и в латышском фольклоре (см.: М. Соколов, 1887, стр. 77-78).
- 332 О. А. Сухарева, 1928, стр. 89; ее же, 1940, стр. 173, 175; Н. А. Кисляков, 1954, стр. 54; его же, 1959, стр. 30, 185; А. Л. Троицкая, 1971, стр. 232. О зеркале в ритуале персидской свадьбы см. например: Садек Хедаят, 1959, стр. 263-264. Об аналогичном применении зеркала в брачной церемонии афганцев см.: Sch. Samann, 1957, p. 15.
- 333 К. В. Тревер, 1940, стр. 77.

334 Такая колыбель хранится в Фонде Института истории им. А. До-ниша, КП-435. На эту колыбель наше внимание обратила З. А. Широко-ва, за что приносим ей благодарность.

335 Х. Ю. Мухитдинов, 1973. В таджикских сказках из зеркала порой берет начало водный поток. См.: "Афсанаҳои халқии тоҷики". Тар-тибдихандагон Р. Амонов ва К. Улугзода, 1957, стр. 99, 172. С дру-гой стороны, у таджиков еще недавно имелось следующее поверье: если мужчина (женщина вечером смотрится в зеркало, он (она) будет пой-ман(а) с любовником (любовницей).

336 В. И. Абаев, 1958, стр. 41.

337 Ф. Ф. Зелинский, 1922, стр. 46 и сл.; Р. В. Кинжалов, 1958; А. Б. Ранович, 1950, стр. 322-323. О скифской "Великой матери", ее связи с культом лошади (связанного в свою очередь в сред-неазиатских и сарматских верованиях с культом солнца) см.: М. Ros- towzew, 1913, S. 230. Характерно, что на келермесском зеркале, как доказала М. И. Максимова, изготовленном греком, но сообразуясь с идеологией скифского заказчика, главным изображением является изоб-ражение Кибелы-богини, олицетворявшей творческие силы природы, вла-дычицы животного царства (М. И. Максимова, 1954). Быть может, это именно то женское божество, которое у среднеазиатских сако-масса-гетских племен, позже у алан, носило, по В. И. Абаеву, наименование афшин (см.: В. И. Абаев, 1958, стр. 110-111; его же, 1959, стр. 115; его же, 1960, стр. 11-12).

338 См., например: Б. /Н./Граков, 1947, стр. 104-105; И. В. Си-ницын, 1947, стр. 17; его же, 1959, стр. 199; А. М. Хазанов, 1964, стр. 94-95; В. П. Шилов, 1975, стр. 121.

339 Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, 1955, стр. 69-70. Одновременно с нашей статьей о роли зеркала в верованиях древних ферганцев (Б. А. Литвинский, 1964) была опубликована ценная ра-бота А. М. Хазанова о религиозно-магическом понимании зеркала у сар-матов (А. М. Хазанов, 1964). Этот исследователь пришел к очень близким нашим выводам о роли зеркала в погребальном ритуале и ве-рованиях.

340 Карту см.: J. de Vries, 1961, S. 124, Karte 10.

341 Об Эпоне и ее иконографии см.: Я. Филип, 1961, стр. 108, 173; S. Reinach 1895; 1898; 1905, p. 63; J. L. Coucèlle-Seneuil, 1910, pp. 187-204; W. Krause, 1933, S. 12; J. Vendryes, 1948, p. 282; J. de Vries, 1961, S. 123-127; R. Lanthier, n.d., S. 136.

342 S. Reinach, 1895, p. 313, № 67.

343 S. Reinach, 1898, p. 198; H. Haas, 1933, p. XII, Taf. 66.

344 J. de Vries, 1961, S. 126-127, 180-181.

345 В. В. Иванов, 1975, стр. 13.

346 J. Darmesteter, 1892, p. 431.

347 В. В. Иванов, 1974, стр. 137. Для других сопоставлений см. также: G. Dumézil, 1968, pp. 87-89.

347a F. Cumont, I, 1899, pp. 147-148, 152; H. Hubert, 1925, pp. 187-198; L. H. Gray, 1929, p. 73; F. Cumont, 1956, p. 112.

348 H. Bartholomae, 1904 (1961), pp. 782-783. Другие характеристики и эпитеты Дрваспы - L. H. Gray, 1929, pp. 73-75.

349 В. В. Иванов, 1974, стр. 137, прим. 180.

- 350 Н. Lommel, 1927, S. 58-59. См. также: F. Wolff, 1910 (1960), S. 195; J. Darmesteter, 1892, p. 433. См. также р. 314 (Sirôz, § 20).
- 351 Н. Lommel, 1927, S. 37-38.
- 352 В. А. Лившиц, 1975, стр. 331 и личное сообщение.
- 353 E. Herzfeld, 1929/30, S. 174.
- 353^a L.H. Gray, 1929, p. 74; M. Boyce, 1975, p. 82.
- 353^b L.H. Gray, 1929, p. 75.
- 354 P. Gardner, 1966, p. LXII, pl. XXVI/7; A. Cunningham, pl. XVI/15; XXI/2; Bh. Chattopadhyay, 1967, p. 161; J.M. Rosenfield, 1967, pp. 78-79, coins 38, 93-94.
- 355 A. Christensen, 1926, p. 38 и сл.; E. Herzfeld, 1929/30, S. 174-175.
- 356 J. Harmatta, 1961, pp. 202-203; H. Humbach, 1966, S. 44.
- 357 G. Dumézil, 1962, pp. 200-201; Ж. Дюмезиль, 1976, стр. 160.
- 358 F. Justi, 1895, S. 86.
- 359 W.B. Henning, 1965a, p. 252, n. 62; V.A. Livshitz, 1970, p. 263.
- 360 T. Bloch, 1970, S. 741.
- 361 Обзор теорий см.: D. Tudor, 1937, p. 219 и сл. (с очень подробной библиографией и публикацией).
- 362 М. И. Ростовцев, 1913, стр. 37-62; Rostovtzeff, 1921, pp. 480-481.
- 363 Б. А. Рыбаков, 1948a, стр. 95.
- 364 А. Лаппо-Данилевский и В. Мальмберг, 1894, стр. 159-160, табл. III/1.
- 365 М. И. Ростовцев, 1913, стр. 14.
- 366 В. А. Городцов, 1926, стр. 22.
- 367 В. А. Городцов, 1926; Б. А. Рыбаков, 1948a. Аналогичный мотив встречается в молдавском народном искусстве (Т. Д. Златковская, 1974, стр. 27, рис. 1; М. З. Лившиц, 1971), прибалтийском и др.
- 368 Кабульский музей (экспозиция).
- 369 В. /Ф./ Миллер, 1876, стр. 254.
- 370 D.G. Mitten, S.F. Doeringer, 1967, p. 192, № 198. См. также изображение: на задней стороне одного этрусского зеркала - L.I. Ringbom, 1959, Abb. 63.
- 371 H. Seyrig, 1937, p. 43 сл.; G. Combaz, 1937, pp. 181-191; B. Rowland, 1938; M. Vassagli, 1955; D. Faccena, 1964, p. 162, pl. 561 (ср. pl. 419); J. Rosenfield, 1967, pp. 189-197.
- 372 D. Faccena, 1964, p. 162, pl. 561 (ср. pl. 419).
- 373 J. Carl et J. Hackin, 1961, p. 16, pl. XXIII/31; E. Herzfeld, 1930, S. 130, Taf. I.
- 374 SPA, I, p. 260 (R. Dussaud); VII, pl. 35/A, 36/B.C.; H.A. Potratz, 1942, S. 186 ff., Abb. 17-29; L. Vanden Berghe, 1968, p. 13, fig. 6/3.
- 375 P.R.S. Moorey, 1971, p. 123. См. также: R. Ghirshman, 1963, p. 59, fig. 72; P.R.S. Moorey, 1974a, p. 26, pl. VI/B; P.R.S. Moorey, 1974b, pp. 74-77, fig. 41. Аналогичная иконографическая схема представлена и в других типах луристанских изделий, см. например: A.H. Potratz, 1955, S. 34-36, Abb. 53.

- 376 «7000 years of Iranian art», 1964-1965, pp. 81-82, fig. 366, 381.
- 377 R. Ghirshman, 1963, pp. 46-47, fig. 55.
- 378 R. Ghirshman, 1963, p. 298, fig. 569.
- 379 E. Herzfeld, 1941, pp. 175-176, fig. 295/d. Он одновременно приводит воспроизведения фигурок из Луристана, представляющих спаренные протомы животных (там же, fig. 295/a, b, e). См также: R. Ghirshman, 1963, p. 298, fig. 358.
- 380 А. А. Иессен, 1953, стр. 93-94, рис. 26.
- 381 J. Aspelin, 1877, p. 64, № 279, 280.
- 382 К. Ф. Смирнов, 1961, стр. 86-87, рис. 48/6-7; К. Ф. Смирнов, В. Г. Петренко, 1963, табл. 16.
- 383 М. Г. Мошкова, 1963, стр. 37, табл. 21/1, 3.
- 384 М. Г. Мошкова, 1963, стр. 41, табл. 26/13-18. В скифском и сарматском искусстве есть и другие примеры. Упомянем изображение женщины (божества?) между двумя крылатыми конями в росписи склепа № 1 Неаполя Скифского (табл. 31/1), аналогичный мотив на глиняном штампе из Илурата (табл. 31/2); изображения обращенных в разные стороны коней с копьем между ними в нишах склепа № 9 Неаполя Скифского; такое же изображение на железном налобнике из погребения рубежа II-III вв. н. э. в Неаполе Скифском и др. (П. Н. Шульц, 1957, стр. 89-93, рис. 15-16).
- 385 С. В. Киселев, 1951, стр. 441; Н. Л. Членова, 1967, стр. 118, 128, 158, табл. 25/15-16.
- 386 С. И. Руденко, 1952, рис. 57, 91.
- 387 A. Salmony, 1933, pl. XVII, fig. 10.
- 388 Л. Р. Кызласов, 1960а, стр. 89-91. См. также H. A. Ratz, 1942, S. 183, Abb. 14. (Ноин-Ула, псалы в виде соединенных протом коней с человеческой фигуркой на общем корпусе).
- 389 По Ригведе родовое имя их *Ásvinau* (*Ásvina*). Иногда они называются *Nāsatyau*: в поздней ведической литературе часто встречаются индивидуальные имена — *Nāsatyā* и *Dasra* (S. Bhattacharji, 1970, p. 242). Строго говоря, они не вполне идентичны (H. Güntert, 1923, S. 257-258; J. Gonda, 1974, pp. 42, 46-47).
- 390 Т. Я. Елизаренкова, 1972, стр. 327-328; Б. А. Литвинский, 1972, стр. 148-149; H. Güntert, 1923, S. 253-270; V. H. Vager, 1932; J. Gonda, 1960, S. 92-93; A. Hillebrandt, 1965, I, S. 54-70; D. Ward, 1968.
- 391 D. Ward, 1968, pp. 9-10.
- 392 Там же, p. 11-12.
- 393 В. /Ф./ Миллер, 1876, стр. 136-138.
- 394 Там же, стр. 237-238.
- 395 W. W. Tarn, 1951, pp. 203-206. См. также M.-Th. Allouche-Le Page, 1956, pp. 104-109; Г. А. Кошеленко, 1968, стр. 267-268.
- 396 Н. И. Новосадский, 1892, стр. 57; В. Nernberg, 1950, S. 143-146 (на книгу Б. Хемберга мое внимание обратил Ю. Г. Виноградов).
- 397 В докладе И. Т. Кругликовой в Институте востоковедения АН СССР.
- 398 J. Carl et J. Naskin, 1936, pp. 12-27, pl. XIV. О датировке этого памятника высказываются различные точки зрения — от 1У

до УИ в. н. э. См. также изображение на стеатитовом блюде из района Пешавар-Джелалабад: J. Carl, J. Hackin, 1936, p. 16, pl. XXIII/31; E. Herzfeld, 1930, S. 130-131, Taf. I.

399 Л. Я. Штернберг, 1936, стр. 80.

400 J. Vries, 1957, S. 244-255.

401 В. /Ф./ Миллер, 1876, стр. 263-304.

402 С. П. Толстов, 1939, стр. 186-187; его же, 1948, стр. 288-290; J. Duchesne-Guillemin, 1962, pp. 192-193; M. Bouce, 1975, pp. 192-195.

403 J.M. Schmid, 1900, S. 113 и сл.; L. Mariés-Ch. Mercier, 1959, pp. 59-60; А. Туманян, 1914, стр. 401-402; R.C. Zaehner, 1956, pp. 9-66.

404 S. Wikander, 1958, pp. 84-85.

405 J. Darmesteter, 1875, pp. 4-14; G. Dumézil, 1926, pp. 43-64; его же, 1945, pp. 157-180; P.J. de Menasce, 1947. Полагают, что мусульманские Харут и Марут генетически связаны с этой парой близнецов (J. Duchesne-Guillemin, 1970, S. 220).

406 S. Wikander, 1950, p. 317 и сл. (он, в частности, указывает на идентичность элементов "конь" в этих именах: aspa-asva).

407 H. Humbach, 1957, S. 367-371; G. Dumézil, 1962, p. 200.

408 G. Dumézil, 1962, pp. 201-202.

409 П. Н. Шульц, 1969.

410 D. Ward, 1968, p. 15; М. Соколов, 1887, стр. 77-78.

411 См. в латышском фольклоре:

"Когда солнышко само восходит,
оно светится как зеркало".

(см.: М. Соколов, 1887, стр. 77).

412 J. Rosenfield, 1967, pp. 82-83; H. Humbach, 1975, p. 139.

413 J. Duchesne-Guillemin, 1961, S. 78-80.

414 Е. А. Денисов, 1974, стр. 50-51, рис. 1, 3.

415 Там же, стр. 52-53.

416 В. В. Иванов, 1969, стр. 54, прим. 49; его же, 1974, стр. 137-138.

417 V.H. Vader, 1932, p. 375; J. Przuluski, 1936, pp. 132-134; В. В. Иванов, 1974, стр. 131-132.

418 См. об этом: В. В. Иванов, 1972, стр. 198; его же, 1974, стр. 129-139. Относительно asvatthā см.: W. Kiefel, 1920, S. 42.

419 E.P. James, 1966, pp. 166-167.

420 A.J. Wensinck, 1921, pp. 43-44.

421 В. В. Иванов, 1974, стр. 130-131 (прим. 160).

422 R.C. Zaehner, 1961, pp. 41-43; E. Herzfeld, 1947, pp. 309-319.

Ср. интерпретацию В. Ленца - W. Lentz, 1962, pp. 132-134 (критические замечания о концепции Ленца: J. Duchesne-Guillemin, в SOAS, vol. 26/1, 1963, p. 197).

423 R.C. Zaehner, 1961, p. 137.

424 A. Hillebrand, 1965, 2, S. 360 ff.; U. Schneider, 1967, S. 2-32; Т.Я. Елизаренкова, 1972, стр. 350-355. Об авестийском термине см.: Ch. Bartholomae, 1904 (1961), p. 1291-1292.

425 R.C. Zaehner, 1961, p. 137.

- 426 Д. С. Раевский, 1971, стр. 274-275.
- 427 Н. Güntert, 1923, S. 334-336. См. также: Н. Humbach, 1974, S. 196-200.
- 428 В. В. Иванов, 1972, стр. 202.
- 429 R.C. Zaehner, 1961, pp. 135-136.
- 430 M. Eliade, 1957, pp. 72-74; В. В. Иванов, В. Н. Топоров, 1974, стр. 23-24.
- 431 M. Eliade, 1957, pp. 67-68; В. Н. Топоров, 1974, стр. 51-52.
- 432 W. Kirfel, 1920, S. 20*-23*; O. Viennot, 1954, p. 36; E.O. James, 1966, p. 147; J. Gonda, 1960, S. 90.
- 433 Б. А. Литвинский, 1975.
- 434 См. об этом: Н. Güntert, 1923, S. 253; V.H. Vader, 1932, pp. 275-276.
- 435 Sm.S. Sengupta, 1973, p. 16.
- 436 W. Kirfel, 1920, S. 93-94.
- 437 Там же, S. 10*, 11*.
- 438 Именно так - в виде круглого вертикального диска - jambudvītra изображался в джайнской иконографии - см.: W. Kirfel, 1920, Taf. 1-4,8 (на табл. 4 - мир в виде человеческой фигуры, у которой галия в виде кольца).
- 439 В. В. Иванов, 1974, стр. 131 (со ссылкой на: O. Viennot, 1954, p. 36).
- 440 Этот культ, как установила О. А. Сухарева, сохранялся у оседлых народов Средней Азии до недавнего прошлого (О. А. Сухарева, 1960, стр. 28-30).
- 441 А. М. Золотарев, 1964; В. В. Иванов, 1968; его же, 1969 (там же - литература вопроса).
- 442 С. П. Толстов, 1948, стр. 282-303.

К главе IX

- 1 Ю. Д. Баруздин, 1956, стр. 62; его же, 1961, стр. 48, 49; Омский музей; Фонды Института истории АН КиргССР.
- 2 С. С. Сорокин, 1961, стр. 123, 130; Ферганский музей, шифры ПФКЭ-50 ; ПФКЭ-50 .
БК-2, № 113 БК-7, № 115
- 3 А. Н. Бернштам (рукопись), стр. 21.
- 4 Ферганский музей, шифр ПКФЭ-51 .
Дж. 17, № 18
- 5 Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, 1962, стр. 44, 63.
- 6 А. Пошка (рукопись, без пагинации).
- 7 Н. Г. Горбунова, Е. З. Гамбург, 1957, стр. 43, рис. 5/15-16.
- 8 Т. Г. Оболдуева, 1951, стр. 16, табл. У1/1.
- 9 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 95, рис. 59/7.
- 10 В. Ф. Гайдукевич, 1952, стр. 353.
- 11 С. С. Сорокин, 1961, стр. 140.
- 12 М. Э. Воронеж, 1954, стр. 63, 76; Музей истории УзССР, Фонды.
- 13 Ю. А. Заднепровский, 1959, стр. 175.
- 14 А. Пошка, 1957, стр. 29.
- 15 В. Д. Жуков, 1951, стр. 48.

16 Гос. Эрмитаж, Отдел Советского Востока, СА-13136 и СА-138/6.

17 Ферганский музей, шифр ПФКЭ-50; С. С. Сорокин, 1961.
БК-2, № 113;

стр. 123.

18 И. Кожомбердиев утверждает, что стерженьки из Ферганской долины в отличие от стерженьков из Таласа, Кетмень-Тюбе, Чаткала, Алая и Ташкентского оазиса в большинстве случаев не имеют отверстия (И. Кожомбердиев, 1963, стр. 70). Как показывает вышеприведенный материал, это утверждение неточно.

19 В Ферганской долине имеются месторождения графита. Есть они и в Исфаринском районе. В верховьях р. Кшемыш (исток р. Исфаринки) и в окрестностях ледника Райгородского — открытое месторождение графита: много линз графита, а в моренах и осыпях "... уже отсортированного, высококачественного графита имеются сотни, может быть, тысячи тонн" (А. Ф. Соседко, 1934, стр. 58).

20 Более подробное описание этого косметического прибора см.: Е. А. Давидович и Б. А. Литвинский, 1955, стр. 60-67.

21 А. И. Тереножкин, 1948а (рукопись), стр. 226; изображение см.: его же, 1950, рис. 69/XIX-18; его же, 1940, стр. 35.

22 А. А. Потапов, 1938 (рукопись), стр. 24. В склепе Д-Ш/1 найден керамический стерженек (стр. 34).

23 М. Э. Воронец, 1951, стр. 60; Т. Агзамходжаев, 1961, стр. 229, рис. 3/5; Музей истории узбекского народа (экспозиция), Вревская, 1947 г., шифр № 85-86.

24 Т. Агзамходжаев, 1962, стр. 75.

25 А. К. Кибиров, 1959, стр. 13, 16. См. также: А. Н. Бернштам, 1951, стр. 115; А. К. Кибиров, 1956, стр. 7-8.

26 М. В. Воеводский и М. П. Грязнов, 1938, стр. 176.

27 И. Кожомбердиев, 1963, стр. 70, рис. 7/16-20. См. также: Н. J. Heikel, 1918, S. 26-27, Taf. XI/1 (он считал их украшениями-подвесками).

28 Л. П. Зяблин, 1959, стр. 142, 146, 147, рис. 2/10.

29 Ю. А. Заднепровский, 1960, стр. 20, рис. 5/5-6; его же, 1962, стр. 121, 125, табл. XLV/5.

30 Г. В. Григорьев, 1940, стр. 5, рис. 16; его же, 1948, стр. 52, рис. 34.

31 С. С. Сорокин, 1961, стр. 140 (со ссылкой на Н. Г. Горбуну).

32 В. Д. Жуков, 1960, стр. 84, рис. 19/3.

33 А. М. Беленицкий, 1958, стр. 142-143, рис. 39/2.

34 Гос. Эрмитаж, Отдел Советского Востока, инв. № СА-9149; И. Б. Бентович, 1958, стр. 371 (длина стерженька не 5, 6,2 см).

35 У. П. Пулатов, 1975, стр. 75, рис. 42/5.

36 А. Г. Максимова и др., 1968, стр. 66.

37 Г. А. Брыкина, 1974, рис. 62/13.

38 С. С. Сорокин, 1961, стр. 149; G. Montell, 1938, pp. 97, 108, pl. III/2 (с неправильным определением — "амулет"); J. Marshall, 1951, vol. II, p. 585; vol. III, pl. 173; Abdur Rahman, 1971, pp. 163-164.

39 А. А. Потапов (рукопись), 1930, стр. 11.

40 А. А. Потапов (рукопись), 1938, стр. 24.

41 А. И. Тереножкин, 1940, стр. 35.

- 42 См., например, публикации Г. В. Григорьева и В. Ф. Гайдукевича.
- 43 Н. Н. Ершов, 1952. Этнографические данные см. также: И. И. Зарубин, 1927, стр. 371; М. С. Андреев, 1958, II, стр. 254 (тут важно указание, что "сурьмили" глаза и мужчины). В Средней Азии в прошлом лучшей "сурьмой" для подкрашивания глаз считалась продававшаяся торговцами-белуджами; по их словам, она привозилась из Афганистана (А. И. Вилькинс, 1879, стр. 441).
- 44 А. Н. Бернштам, 1952, стр. 198, 206, рис. 79/4.
- 45 З. А. Широкова, 1956, стр. 33; Фонды Института истории им. А. Дониша, КП-156/136.
- 46 Е. Маскау, 1931, II, p. 505; K.G. Goswami, 1948, pp. 16-17, pl. XXV/a.
- 47 Э. Маккей, 1951, стр. 91. Ср., впрочем, замечания А. Лукаса (А. Лукас, 1958, стр. 308-316).
- 48 J. Forbes, 1955, III, p. 17.
- 49 А. Лукас, 1958, стр. 152.
- 50 Подробности см.: R.J. Forbes, 1955, III, pp. 18-20, 39; A. Salonen, 1965, S. 122-125.
- 51 W.K. Loftus, 1859, p. 212.
- 52 Moti Chandra, 1940, pp. 69-70.
- 53 Там же, pp. 77-78.
- 54 B.N. Puri, 1957, p. 107. Штыри из кости, слоновой кости, железные, бронзовые - см.: A.H. Dani, 1965-1966, p. 133, pl. XLVIII/4, 7; J. Marshall, 1951, vol. II, p. 585; Abdur Rahman, 1971, pp. 163-164.
- 55 Moti Chandra, 1940, pp. 104-105.
- 56 Там же, p. 131. См. также: G.P. Majumdar, 1935, p. 651.
- 57 См. об этом: Бируни, 1963, стр. 22-23, 118; Тифлйсьй, 1976, стр. 123.
- 58 В частности, в Афганистане (см.: В. Markowski, 1932, S. 74).
- 59 См., например: "Народы Передней Азии", 1957, стр. 407, 430; Баязиди, 1963, стр. 50-61. То же самое я слышал от афганских таджиков осенью 1968 г. (район Кундуза).
- 60 Бируни, 1963, стр. 118; Доклад А. А. Семенова на Ученом совете Института истории им. А. Дониша 15.II.1957.
- 61 Н. Г. Горбунова, 1962, стр. 102, 105.
- 62 Ферганский музей, Фонды.
- 63 А. Мухтаров, 1960, стр. 166.
- 64 Т. Г. Оболдуева, 1940, стр. 30.
- 65 Фонды Института истории и археологии АН УзССР, без шифра; С. К. Кабанов, 1948, стр. 74-75, рис. 2/3.
- 66 А. А. Марущенко, 1959, стр. 114, табл. У1/2-3.
- 67 Фонды Хорезмской экспедиции, 55-Кой-Кр.-К.. О других миниатюрных сосудах см.: "Кой-Крылган-кала", 1967, стр. 140-143.
- 68 П. Рыков, 1925, стр. 15-16; М. М. Вязьмитина, 1954, стр. 240, прим. 8 (там же литература вопроса). О находках в могильниках краски, служившей предположительно для косметических целей, см: М. Э. Воронец, 1951, стр. 52; И. Кожомбердиев, 1963, стр. 70.

- 69 А. Н. Бернштам, 1952, стр. 202, 207, рис. 85/2. О происходящей из Армении серебряной ахеменидской пиксиде У в. до н. э. см.: О.М. Dalton, 1964, pp. 43-44. Fig. 71. О ханьских и танских туалетных коробочках — В. Gyllensvärd, 1957, pp. 45-46.
- 70 А. Н. Бернштам, 1952, стр. 84, рис. 47/1.
- 71 А. А. Потапов, 1938 (рукопись), стр. 23; его же, 1938, рисунки, рис. 32.
- 72 Личное сообщение В. А. Левиной-Булатовой.
- 73 Фонды Института истории им. А. Дониша.
- 74 Фонды Института истории им. А. Дониша.
- 75 Е. Е. Неразик, 1963, стр. 30, рис. 14/12.
- 76 С. К. Кабанов, 1956а, стр. 113, рис. 19.
- 77 А. М. Беленицкий, И. Б. Бентович, О. Г. Большаков, 1973, стр. 91, табл. 55.
- 78 Раскопки Южнотаджикистанской экспедиции, 1975 г.
- 79 Гос. Эрмитаж, экспозиция.
- 80 E.F. Schmidt, 1939, p. 118, fig. 84.
- 81 A. Stein, 1936, p. 140.
- 82 Предположение о том, что эти сосуды предназначались для приготовления "косметических растворов", высказал С. К. Кабанов (1956а, стр. 113).
- 82а Т. А. Абдуллаев, 1972, стр. 255, рис. 2; Беруни, 1973, стр. 767.
- 82б В. И. Кушелевский, II, 1891, стр. 347; У. И. Каримов, 1957, стр. 147 (прим. 257); Бируни, 1963, стр. 22-23; Таджики Каратегина и Дарваза, 2, 1970, стр. 188-189; Беруни, 1973, стр. 164, 767; М.А. Хамиджанова, 1974, стр. 160; З. А. Широкова, 1976, стр. 123-125.
- 83 E.N. Schafer, 1963, p. 259. В согдийских текстах в качестве глазного лекарства рекомендуется *Asa foetida*. Есть указания и на приготовление глазных мазей (см.: W.B. Henning, 1965, p. 36, n. 1).
- 84 Гос. Эрмитаж, Отдел Советского Востока, СА-13820.
- 85 И. Кожомбердиев, 1963, стр. 70, рис. 7/22; H.J. Heikel, 1918, S. 26, Taf. XI/2.
- 86 Археологическая карта Казахстана, 1960, табл. УП/127.
- 87 /Н. И. Зеселовский/, 1883 (рукопись), № 909.
- 88 Фонды Института истории им. А. Дониша.
- 89 H.J. Heikel, 1918, S. 38, Taf. XVIII/4.
- 90 Фонды Хорезмской экспедиции.
- 91 А. И. Тереножкин, (рукопись), 1948а, стр. 226.
- 92 А. Г. Максимова и др., 1968, стр. 228.
- 93 Л. М. Левина, 1966, рис. 13/2, 3.
- 94 Г. С. Загряжский, 1874, № 32.
- 95 М. П. Грязнов, 1956, стр. 111.
- 96 В. Gyllensvärd, 1957, p. 44.
- 97 «Dailaman», III, 1968, p. 22.
- 98 В. Г. Котович, 1959, стр. 151, 154, табл. XIII/22-23.
- 99 ОАК за 1903 г., стр. 63, рис. 100.
- 100 Н. Е. Макарянко, 1906, стр. 132, 137, рис. 18.

- 101 В. Gyllensvärd, 1957, pp. 43-44, fig. 6-7. Некоторые из них Б. Гилленсвэрд считает "палочками для еды".
- 102 А. Alföldi, 1932, S. 73, Taf. X.
- 103 W. Kubitschek, 1911, S. 39, 65, Taf. V/2.7.
- 104 G. Annibaldi and J. Werner, 1963, S. 360, 363, Abb. 3.6.
- 105 «The Glass», 1957, p. 149, fig. 300.
- 106 Н. И. Веселовский, 1911, стр. 7. Е. Гилленсвэрд считает, что одна из изданных им китайских ухверток являлась одновременно и булавкой (см.: В. Gyllensvärd, 1957, p. 44, fig. 7/k).
- 107 J. Deshayes, 1960, pp. 376-378.
- 108 О. Неганбан, 1964, p. 19, figs. 37-39.
- 109 Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарлов, 1966, стр. 159-160.
- 110 Ю. Д. Баруздин, 1961, табл. XV; Ошский музей, инв. № 289.
- 111 Гос. Эрмитаж. Отдел первобытной культуры.
- 112 А. Stein, 1928. I, p. 258; III, pl. XXI/L.C.X.013. Более крупный гребень такого типа происходит из Хотана - G. Gopp, 1974, S. 296, Abb. 168.
- 113 F. Vergman, 1939, p. 124.
- 114 И. Б. Бентович, 1958, стр. 363, рис. 1/4-6.
- 115 И. И. Зарубин, 1918, стр. 126.
- 116 F. Vergman, 1939, p. 78.
- 117 Г. В. Григорьев, 1948, стр. 60, рис. 125.
- 118 Музей истории АН УзССР (экспозиция).
- 119 М. Г. Мошкова, 1963, стр. 41, табл. 26/14-20; В. П. Шилов, 1959, стр. 438, рис. 44/1-3; И. В. Сяницын, 1946, стр. 76-77, 88, рис. 16; его же, 1947, стр. 18.
- 120 Л. А. Диндес, 1946, стр. 144-145, рис. 64/г, д, е.

ЦИТИРОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Список сокращений

АДД	- Автореферат докторской диссертации.
АКД	- Автореферат кандидатской диссертации.
АРТ	- "Археологические работы в Таджикистане".
ВДИ	- "Вестник древней истории".
ГИМ	- Государственный исторический музей.
ДАН ТаджССР	- "Доклады Академии наук ТаджССР".
ДАН УзССР	- "Доклады Академии наук УзССР".
ИАК	- "Известия императорской археологической комиссии".
ИГАИМК	- "Известия Гос. академии истории материальной культуры".
ИМКУ	- "История материальной культуры Узбекистана".
ИОН АН ТаджССР	- "Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР".
КАЭЭ	- Киргизская археолого-этнографическая экспедиция.
КСИА	- "Краткие сообщения Института археологии".
КСИИМК	- "Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры".
ЛОИА	- Ленинградское отделение Института археологии АН СССР.
МАК	- "Материалы по археологии Кавказа".
МАР	- "Материалы по археологии России".
МАЭ	- Музей антропологии и этнографии.
МИА	- "Материалы и исследования по археологии СССР".
МИТТ	- "Материалы по истории туркмен и Туркмении".
МХЭ	- "Материалы Хорезмской экспедиции".
НАА	- "Народы Азии и Африки".
ОНУ	- "Общественные науки в Узбекистане".
РАНИОН	- Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.
СА	- "Советская археология".
САИ	- "Свод археологических источников".
СЭ	- "Советская этнография".
ТВ	- "Туркестанские Ведомости".
УзФАН СССР	- Узбекский филиал АН СССР.

- ХЛЭЭ - Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция.
 ЮТАКЭ - Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция.

- AAR - "Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae".
 AI - "Ancient India".
 AJA - "American Journal of Archaeology".
 Ar As - "Artibus Asiae".
 ArH - "Archaeologia Hungarica".
 AMI - "Archaeologische Mitteilungen aus Iran".
 AOH - "Acta Orientalia Hungarica".
 AP - "Ancient Pakistan".
 BMFEA - "Bulletin of the Museum of Far Eastern Antiquities".
 BSO(A)S - "Bulletin of the School of Oriental (and African) Studies".
 London Institution (University of London).
 EW - "East and West".
 HJAS - "Harvard Journal of Asiatic Studies".
 IC - "Indian Culture".
 IJ - "Indo-Iranian Journal".
 IsMEO - Istituto Italiano per il Medio ed Estremo Oriente.
 JA - "Journal Asiatique".
 JAOS - "Journal of the American Oriental Society".
 MDAFA - "Mémoires de la Délégation archéologique Française en Afghanistan".
 NC - "Numismatic Chronicle".
 PZ - "Præhistorische Zeitschrift".
 ZDMG - "Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft".
 ZE - "Zeitschrift für Ethnographie".

Абаев В. И., 1949.

Осетинский язык и фольклор, 1. М.-Л., 1949.

Абаев В. И., 1958.

Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.-Л., 1958.

Абаев В. И., 1959.

Среднеазиатский политический термин афшин. - ВДИ, 1959, № 2.

Абаев В. И., 1960.

Дохристианская религия алан. М., 1960 (XXV Международный конгресс востоковедов).

Абдуллаев Т. А., 1972.

Художественные металлические изделия Самарканда. - Сб. "Из истории искусства великого города (к 2500-летию Самарканда)". Ташкент, 1972.

Абрамзон С. М., 1959.

Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики. - "Труды КАЭЭ", т. II, М., 1959.

Абрамзон С. М. и др., 1958.

Быт колхозников селений Дархан и Чичкан. М., 1958 (Труды Института этнографии, новая серия, т. XXXVII).

Абрамова М. П., 1959.

Сарматская культура II в. до н. э. - I в. н. э. (По материалам Нижнего

Поволжья. Сусловский этап). - СА, 1959, № 1.
Авеста.

Le Zend-Avesta. Traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique par J. Darmesteter, vol. I-III. Paris, 1892-1893; Avesta. Die heiligen Bücher der Parsen. Übersetzt von F. Wolff. Strassburg, 1910 (Nachdruck-Berlin, 1960); Die Yäst's der Avesta. Übersetzt und eingeleitet von H. Lommel. Göttingen, 1927; Die Gathas des Zarathustra. Einleitung und Übersetzung von H. Humbach. Bd I-II, Heidelberg, 1959.

Агзамходжаев Т., 1961.

Раскопки погребальных курганов близ станции Вревской. - В сб. ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961.

Агзамходжаев Т., 1962.

Тюябугузские наусы. - В сб. ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 71-79.

Акишев К. А., Кушаев Г. А., 1963.

Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

Альбаум Л. И., 1955.

Буддийский храм в долине Саназара. - "ДАН УзССР", 1955, № 8.

/Амонов Р. ва Улугзода К./, 1957.

Афсаноҳои халки тоҷики. Тартибдихандагон Р. Амонов ва К. Улугзода. (Сталинабад), 1957.

Андреев М. С., 1953.

Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. I. Сталинабад, 1953.

/Труды АН ТаджССР, т. 7/.

Андреев М. С., 1958.

Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. II. Подг. к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А. К. Писарчик. Сталинабад, 1958.

/Труды АН ТаджССР, т. 61/.

Андреев М. С., 1970.

Материалы по этнографии Ягноба (записи 1927-1928 гг.). Подготовила к изданию А. К. Писарчик, Душанбе, 1970.

Антипина К. И., 1962.

Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. Фрунзе, 1962.

Анфимов Н. В., 1951.

Земледелие у меото-сарматских племен Прикубанья. - МИА, № 23. М.-Л., 1951.

Анфимов Н. В., 1951а.

Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинская. - МИА, № 23. М.-Л., 1951.

Анфимов Н. В., 1952.

Позднесарматское погребение из Прикубанья. - В сб.: "Археология и история Боспора", I, Симферополь, 1952.

Арзютов Н. К., 1936.

Аткарский курганный могильник. Раскопки 1928-1930 гг. - "Известия Саратовского Нижневолжского института краеведения им. М. Горького", т. УП. Саратов, 1936.

Арсеньева Т. М., 1970.

Могильник у дер. Ново-Отрадное. - В сб.: "Поселения и могильники Керченского полуострова начала н. э.". М., 1970.

Артамонов М. И., 1961.

Антропоморфные божества в религии скифов. - "Археологический сборник", 2. Л., 1961.

- Артамонов М. И., 1966.
Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа. Прага-Ленинград, 1966.
- Артамонов М. И., 1973.
Сокровища саков. М., 1973.
- Арутюнов С. А., 1961.
Этническая история Японии на рубеже нашей эры. — "Труды Института этнографии АН СССР", новая серия, т. XXIII. М., 1961.
- Археологическая карта Казахстана. Реестр. Алма-Ата, 1960.
- Археологический отряд Бюро культуры пров. Хэнань. Раскопки ханьских могил Байша уезда Юйсян пров. Хэнань. — Каогу хуебао, 1959, № 1 (на кит. яз., русск. резюме — стр. 83-84).
- Аскарлов А., 1973.
Сапалитепа, Ташкент, 1973.
- Асланов Г. М., 1955,
К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура. — КСИИМК, вып. 60. М., 1955.
- Атхарваведа — Atharva-Veda Sāṁhitā, Transl. with a Critical and Exegetical Comm. by W.D. Whitney. I-II. Cambridge, Mass., 1905 («Harvard Oriental Series», vol. VII-VIII); Атхарваведа. Избранное. Перевод, комментарий, вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1976.
- Бабаев А. Д., 1965,
Уникальные находки из погребальных сооружений Западного Памира. — ИООН АН ТаджССР, 1965, № 1.
- Бабаев А. Д., 1968.
Могильник Чильхона — памятник сакской культуры на Западном Памире. — ИООН АН ТаджССР, 1968, № 3.
- Баруздин Ю. Д., 1956.
Карабулакский могильник (Раскопки 1954 г.). — "Труды Института истории /АН КиргССР/", вып. II. Фрунзе, 1956.
- Баруздин Ю. Д., 1957.
Карабулакский могильник (Раскопки 1955 г.). — "Труды Института истории (АН КиргССР)", вып. III, Фрунзе, 1957.
- Баруздин Ю. Д., 1961.
Карабулакский могильник. — "Известия АН КиргССР, серия общественных наук", т. III, в. 3. Фрунзе, 1961.
- Баруздин Ю. Д., б. г.
Раскопки могильника Джангаил (Без года и пагинации. Рукопись — черновые записи). — Фонды Ферганского областного историко-краеведческого музея.
- Баруздин Ю. Д., Брыкина Г. А., 1962.
Археологические памятники Баткена и Ляйляка (юго-западная Киргизия). Фрунзе, 1962.
- Баруздин Ю. Д. и Подольский А. Г., 1961.
Бронзовая женская статуэтка из Кара-Булакского могильника. — КСИА, 85. М., 1961.
- Баязиди, 1963.
Мела Махмуд Баязиди. Нравы и обычай курдов. Пер. М. Б. Руденко. М., 1963.
- Беленицкий А. М., 1953.
Раскопки согдийских храмов в 1948-1950 гг. — МИА, № 37. М.-Л., 1953.
- Беленицкий А. М., 1958.

- Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951–1953 гг.). – МИА, № 66, 1958.
- Беленицкий А. М., 1959.
- Древний Пенджикент (Основные итоги раскопок 1954–1957 гг.). – СА, 1959, № 1.
- Беленицкий А. М., 1962.
- Зооморфные троны в изобразительном искусстве Средней Азии: – ИООН АН ТаджССР, вып. I (28), 1962.
- Беленицкий А. М., 1964.
- Работы Пенджикентского отряда. – АРТ, IX, Душанбе, 1964.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., 1961.
- Из истории среднеазиатского шелкоткачества (К идентификации ткани "занданечи"). – СА, 1961, № 2.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г., 1973.
- Средневековый город Средней Азии. Л., 1973.
- Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Лившиц В. А., 1963.
- Камчатные ткани с горы Муг. – СЭ, 1963, № 4.
- Бентович И. Б., 1958.
- Находки на горе Муг (Собрание Государственного Эрмитажа). – МИА, № 66, М.–Л., 1958.
- Бернштам А. Н., 1940.
- Кенкольский могильник. Л., 1940 /Археологические экспедиции Государственного Эрмитажа, вып. II/.
- Бернштам А. Н., 1950.
- Труды Семиреченской археологической экспедиции "Чуйская долина". Составлены под руководством А. Н. Бернштама, М.–Л., 1950 /МИА, № 14/.
- Бернштам А. Н., 1951.
- Очерк истории гуннов. Л., 1951.
- Бернштам А. Н., 1952.
- Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. М.–Л., 1952 /МИА, № 26/.
- Бернштам А. Н., рукопись.
- Материалы Памиро-Ферганской экспедиции. Рукопись. – Архив ЛОИА, ф. 56, д. 126.
- Беруни /Абу-Райхан/, 1973.
- Фармакология в медицине. Исследование, перевод, примечания и указатели У. И. Каримова. Ташкент, 1973 (Избранные произведения, 1У).
- Бируни /Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни/, 1963.
- Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия). Пер. А. М. Беленицкого. Л., 1963.
- Блаватский В. Д., 1951.
- Раскопки Пантикапея. – КСИИМК, XXVII. М.–Л., 1951.
- Блаватский В. Д., 1953.
- Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья М., 1953 /"Причерноморье в античную эпоху", вып. 5/.
- Бобринский А. А., 1901.
- Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. III, СПб., 1901.
- Бонгард-Левин Г. М., Грантовский Э. А., 1974.
- От Скифии до Индии. М., 1974.
- Брихадараньяка упанишада. М., 1964.

- Брыкина Г. А., 1974.
Карабулак. М., 1974.
Бурковский А. Ф., 1954.
Из истории техники обработки дерева у киргизов. - "Ученые записки исторического факультета /Киргизского гос. университета/", вып. 3, Фрунзе, 1954.
Бурковский А. Ф., 1957.
К вопросу обработки животноводческого сырья у киргизов. - "Ученые записки Киргизского женского пединститута", вып. II, Фрунзе, 1957.
Вайнштейн С. И., 1961.
Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М., 1961.
Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П., 1960.
Уникальные находки из раскопок древних курганов Тувы. - "Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории", вып. УШ. Кызыл, 1960.
Веселовский Н. И., 1883.
Перечень предметов, привезенных Н. И. Веселовским из Туркестана. - Архив ЛОИА, д. № 20, 1883 (фактическая дата - 1886).
Веселовский Н. И., 1911.
Китайские символы в предметах украшения. - "Сборник археологических статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому". СПб., 1911.
Вилькинс А. И., 1879.
Среднеазиатская богема. - "Известия Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, т. XXXV". - "Труды Антропологического отдела", т. У. М., 1879 /Антропологическая выставка 1879, т. III/.
Винокурова М. П., 1957.
Ткани из замка на горе Муг. - ИООН АН ТаджССР, № 14, Сталинабад, 1957.
Вишневская О. А., 1973.
Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII-V вв. до н. э. М., 1973 /Труды ХАЭЭ, УШ/.
Воеводский М. В. и Грязнов М. П., 1938.
У-суньские могильники на территории Киргизской ССР. К истории у-суней. - ВДИ, 1938, № 3 (4).
Воробьев М. В., 1958.
Древняя Япония. Историко-археологический очерк. М., 1958.
Воробьева М. С., 1973.
Дингильдже. Усадьба I тысячелетия до н. э. в древнем Хорезме. М., 1973.
Воронец М. Э., 1940.
Археологические исследования 1937-1939 гг. в УзССР. - ВДИ, 1940, № 3-4.
Воронец М. Э., 1951.
Отчет археологической экспедиции Музея истории АН УзССР о раскопках погребальных курганов первых веков н. э. возле станции Вревская в 1947 г. - "Труды Музея истории народов Узбекистана", вып. I. Ташкент, 1951.
Воронец М. Э., 1954.
Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории Академии наук УзССР на территории Ферганы в 1950-1951 годах. - "Труды Музея истории Узбекской ССР", вып. II. Ташкент, 1954.

- Вязьмитина М. И., 1954.
Сарматские погребения у с. Ново-Филлиповка. — В сб.: "Вопросы скифо-сарматской археологии". М., 1954.
- Вязьмитина М., 1961.
Могильник рубежу нашей эры біля с. Золота Балка. — "Археологічні пам'ятки УРСР", т. X. Київ, 1961.
- Вязьмитина М. И., 1972.
Золотобалковский могильник. Киев, 1972.
- Гайдукевич В. Ф., 1948.
Боспорское царство. М.—Л., 1948.
- Гайдукевич В. Ф., 1952.
Могильник близ Ширин-сая в Узбекистане. — СА, ХУІ. М.—Л., 1952.
- Гамбург Б. З. и Горбунова Н. Г., 1957.
Ак-Тамский могильник. — КСИИМК, вып. 69. М., 1957.
- Гамбург Б. З., Горбунова Н. Г., 1959.
Археологические работы Ферганского областного краеведческого музея в 1953—1954 гг. (Краткий очерк). — ИМКУ, вып. I. Ташкент, 1959.
- Гафуров Б. Г., 1972.
Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972.
- Геродот — Herodotus with an English transl. by A.D. Godley, vol. I-IV. London, 1946-1957 (The Loeb Classical Library); Геродот. История в девяти книгах. Пер. Ф. Г. Мищенко, т. I-II, М., 1888.
Геродот. История в девяти книгах. Пер. и прим. Г. А. Стратоновского. Л., 1972.
- Горбунова Н. Г., 1960.
Роговая пластинка из Ак-Тамского могильника. — КСИА, вып. 80. М., 1960.
- Горбунова Н. Г., 1961.
Кунгайский могильник. — "Археологический сборник (Гос. Эрмитажа)", вып. 3. Л., 1961.
- Горбунова Н. Г., 1962.
Культура Ферганы в эпоху раннего железа. — "Археологический сборник (Гос. Эрмитажа)", вып. 5. Л., 1962.
- Горбунова Н. Г., 1966.
Рец. на: Ю. Д. Баруздин, Г. А. Брыкина, Археологические памятники Баткена и Ляйляка. Фрунзе, 1962. — "Археологический сборник (Гос. Эрмитажа)", вып. 8. Л.—М., 1966.
- Горбунова Н. Г., 1975.
Раскопки курганов в Ферганской области. — "Успехи среднеазиатской археологии", вып. 3. Л., 1975.
- Горбунова Н. Г. и Гамбург Б. З., 1957.
Могильник Хангиз. — ИООН АН ТаджССР, вып. 14. Сталинабад, 1957.
- Гордлевский В. А., 1962.
Ходжа Ахмед Ясеви. — В кн.: В. А. Гордлевский, Избранные сочинения, т. III. М., 1962.
- Городцов А. А., 1926.
Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. — "Труды ГИМ", вып. 1. М., 1926.
- Граков Б. Н., 1928.
Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. — "Труды секции археологии РАНИОН", т. IУ. М., 1928.

- Граков Б. Н., 1947.
 Пережитки матриархата у сарматов. - ВДИ, 1947, № 3.
- Граков Б. Н., 1954.
 Каменское городище на Днепре. М., 1954 /МИА, № 36/.
- Грантовский Э. А., 1970.
 Ранняя история иранских племен Передней Азии. М., 1970.
- Грач А. Д., 1960.
 Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в центральной Туве (Полевой сезон 1957 г.). - "Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции", 1. М.-Л., 1960.
- Григорьев Г. В., 1940.
 Каунчи-Тепа (Раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940.
- Григорьев Г. В., 1948.
 Келесская степь в археологическом отношении (К истории культуры древних саков). - "Известия АН КазССР, № 46. Серия археологическая", вып. I. Алма-Ата, 1948.
- Грязнов М. П., 1956.
 История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. М.-Л., 1956 /МИА, № 48/.
- Гулямов Я. Г., 1957.
 История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.
- Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарлов А., 1966.
 Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966.
- Гулямова Э., 1958.
 Раскопки на Душамбинском некрополе. - "Сообщения Республиканского историко-краеведческого музея Таджикской ССР", вып. III, 1958.
- Гулямова Э., Давидович Е. А., Литвинский Б. А., Ранов В. А., 1956.
 Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1956.
- Давидович Е. А. и Литвинский Б. А., 1955.
 Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955 /Труды АН ТаджССР, т. XXXV/.
- Денисов Е. П., 1974.
 Глиняная печать из Туп-хоны (Дангаринский район). - ИООН АН ТаджССР, 1974, № 2.
- Джаббаров И. М., 1971.
 Ремесло узбеков Южного Хорезма в конце XIX - начале XX в. (Историко-этнографический очерк). - "Труды Института этнографии АН СССР", нов. сер., т. ХСУП, Л., 1971.
- Динцес Л. А., 1946.
 Изучение русского народного искусства и наследие Н. Я. Марра. - КСИИМК, вып. XII. М.-Л., 1946.
- Диодор - Diodorus of Sicily with an English transl. by C.H. Oldfather, vol. I-II. London, 1946-1957 (The Loeb Classical Library).
- Дмитриев П. А. и Сальников К. В., 1941.
 Гор. Уфа - ст. Ишимбаево. - Сб.: "Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг." М.-Л., 1941.
- Драчук В. С., 1975.
 Системы знаков Северного Причерноморья. Тамгообразные знаки северо-понтийской периферии античного мира первых веков нашей эры. Киев, 1975.

- Дуке Х., 1974.
Могильник Обишир. - ИМКУ, вып. 11. Ташкент, 1974.
Дьяконов М. М., 1950.
Работы Кафирниганского отряда. - МИА, № 15, М.-Л., 1950.
Дюмезиль Ж., 1976.
Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
/Елизаренкова Т. Я./, 1972.
Ригведа. Избранные гимны. Перевод, комментарии и вступительная статья Т. Я. Елизаренковой. М., 1972.
Ермолаев А., 1914.
Ишимская коллекция (Описание коллекций Красноярского музея. Отдел археологический, вып. 1). Красноярск, 1914.
Ершов Н. Н., 1952.
О каменных палочках и их аналогиях у таджиков. - ДАН ТаджССР, вып. III. Сталинабад, 1952.
Ершов Н. Н., 1956.
Ремесла таджиков Дарваза (По материалам Гармской этнографической экспедиции 1954 г.). - ИООН ТаджССР, вып. 10-11. Сталинабад, 1956.
Жуков В. Д., 1940.
Археологические объекты на трассе Южного Ферганского канала (Предварительное сообщение). - "Известия УзФАН СССР", 1940, № 10.
Жуков В. Д., 1951.
Отчет о работе второго отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. - "Труды Института истории и археологии (АН УзССР)", т. 1У. Ташкент, 1951.
Жуков В. Д., 1956.
Материалы к изучению Баш-Тепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса (Археологическая разведка на Аяк-Тепе № 2). - "Труды Института истории и археологии (АН УзССР)", вып. УШ. Ташкент, 1956.
Жуков В. Д., 1960.
Обследование городища старая Кува в 1956 г. - КСИИМК, вып. 80, М., 1960.
Жуковский В. А., 1894.
Древности Закаспийского края. Развалины старого Мерва. СПб., 1894 /МАР, № 16/.
Загряжский Г. С., 1874.
Быт кочевого населения долин Чу и Сыр-Дарьи. - ТВ, 1874, № 25, 27, 32.
Заднепровский Ю. А., 1959.
Работы Южнокиргизского отряда в 1956 г. - "Труды Института истории АН КиргССР", вып. У, Фрунзе, 1959.
Заднепровский Ю. А., 1960.
Археологические памятники южных районов Ошской области (середина I тысячелетия до н. э. - середина I тысячелетия н. э.). Фрунзе, 1960.
Заднепровский Ю. А., 1962.
Древнеземледельческая культура Ферганы. М.-Л., 1962 /МИА, № 118/.
Заднепровский Ю. А., 1971.
Находки зеркал сарматского типа в Северном Иране. - В сб. "Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция (1969 г.). Доклады", М., 1971.
Заднепровский Ю. А., 1975.

- Раскопки катакомбного могильника Уч-Ат в Южной Киргизии в 1973 г. - "Успехи среднеазиатской археологии", вып. 3. Л., 1975.
- Зарубин И. И., 1918.
- Материалы к этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. - "Сборник МАЭ", т. У, в. 1. Пг., 1918.
- Зарубин И. И., 1927.
- Рождение шугнанского ребенка и его первые шаги. - В сб.: "В. В. Бартольд". Ташкент, 1927.
- Зеймаль Е. В., 1964.
- Раскопки объекта Х1У на Пенджикентском городище (1956 и 1957 гг.). - МИА, № 124. М., 1964.
- Зелинский Ф. Ф., 1922.
- Религия эллинизма. Пг., 1922.
- Зимма Б., 1948.
- Очаг андроновской культуры в Северной Киргизии. - "Труды Института языка, литературы и истории Кирг. ФАН", вып. П. Фрунзе, 1948.
- Златковская Т. Д., 1974.
- Элементы фракийской культуры в традиционном изобразительном искусстве и фольклоре молдаван. - СЭ, 1974, № 6.
- Золотарев А. М., 1964.
- Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964.
- Зяблин Л. П., 1959.
- Средневековые курганы на Иссык-Куле. По материалам раскопок 1954-1955 гг. - "Труды КАЭЭ", т. II. М., 1959.
- Иванов В. В., 1968.
- Дуальная организация первобытных народов и происхождение дуалистических космогоний. - СА, 1968, № 4.
- Иванов В. В., 1969.
- Двоичная символическая классификация в африканских и азиатских традициях. - НАА, 1969, № 5.
- Иванов В. В., 1972.
- Отражение индоевропейской терминологии близнецного культа в балтийских языках. - "Балто-славянский сборник". М., 1972.
- Иванов В. В., 1974.
- Опыт истолкования древнеиндийских ритуальных и мифологических терминов, образованных от *Aśva* - "конь" (жертвоприношение коня) и дерево *śvattha* в древней Индии). - "Проблемы истории, языков и культуры народов Индии". М., 1974.
- Иванов В. В., 1975.
- К изучению следов хеттского влияния на древнегреческую культуру. - "Античная балканистика. Предварительные материалы". М., 1975.
- Иванов В. В., Топоров В. Н., 1974.
- Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
- Иванов С. В., 1952.
- О находках в замке на горе Муг. - ИООН АН ТаджССР, вып. 2. Сталинабад, 1952.
- Иерусалимская А. А., 1972.
- К сложению школы художественного шелкоткачества в Согде. - В сб.: "Средняя Азия и Иран". Л., 1972.
- Иессен А. А., 1953.
- К вопросу о памятниках VIII-VI вв. до н. э. на юге Европейской части СССР (Новочеркасский клад 1939 г.). - СА, ХУШ, 1953.

- Известия Имп. Археологической комиссии, вып. 1. СПб., 1901.
- Ильинская В. А., 1968.
- Скифы днепровского лесостепного левобережья (курганы Посулья). Киев, 1968.
- Кабанов С. К., 1948.
- Археологические находки на Фархадстрое. - "Известия АН УзССР", 1948, № 5.
- Кабанов С. К., 1956.
- Археологические данные по истории Нахшеба в III-IV веках. - ВДИ, 1956, № 2.
- Кабанов С. К., 1956а.
- Раскопки жилого квартала X века в западной части городища Варахша. - "Труды Института истории и археологии АН УзССР", вып. УП. Ташкент, 1956.
- Кадырбаев М. К., 1959.
- Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. - "Труды Института истории, археологии и этнографии /АН КазССР/", т. 7. Алма-Ата, 1959.
- Кадыров Э., 1972.
- Раскопки курганов в долине Ахангарана. - ОНУ, 1972, № 4.
- Каримов У. И., 1957.
- Неизвестное сочинение ар-Рази "Книга тайны тайн". Ташкент, 1957.
- Карутц Р.
- Среди киргизов и туркмен на Мангышлаке. Пер. Е. Петри. СПб. /6. г./.
- Катанов Н. Ф., 1894.
- О погребальных обрядах тюркских племен с древнейших времен до наших дней. - "Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете", т. XII, вып. 2. Казань, 1894.
- Катанов Н. Ф., 1898.
- Описание одного металлического зеркала с арабскою надписью, принадлежащего Обществу археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1898.
- Катанов Н. и Айналов Д., 1902.
- Восточные металлические зеркала из Харьковской и Екатеринославской губерний. Харьков, 1902 (отд. отт. из "Записок Харьковского университета" за 1902 г.).
- Кацурис К., Бузяков Ю., 1963.
- Изучение ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гяур-Калы. - "Труды ЮТАКЭ", т. XII. Ашхабад, 1963.
- Кибиров А., 1956.
- Археологические памятники Чаткала. - "Труды Института языка и литературы и Института истории АН КиргССР", вып. У. Фрунзе, 1956.
- Кибиров А. К., 1959.
- Археологические памятники Чаткала. - "Труды КАЭЭ", т. II. М., 1959.
- Кибиров А. К., 1959а.
- Археологические работы в Центральном Тянь-Шане. 1953-1955 гг. - "Труды КАЭЭ", т. II. М., 1959.
- Кибиров А. К., Кожемяко П. Н., 1956.
- Новые памятники эпохи бронзы. - "Труды Института истории АН КиргССР", вып. II. Фрунзе, 1956.
- Кинжалов Р. В., 1958.
- Статуэтка Исиды-Фортуны (К вопросу о позднеэллинистическом рели-

- гнозном синкретизме). - В сб.: "Культура и искусство античного мира и Востока", т. I. Л.-М., 1958 ("Труды Гос. Эрмитажа", т. II).
- Киселев С. В., 1951.
- Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
- Кисляков Н. А., 1954.
- Некоторые материалы по этнографии исфаринских таджиков. - ИООН АН ТаджССР, вып. У. Сталинабад, 1954.
- Кисляков Н. А., 1959.
- Семья и брак у таджиков по материалам конца XIX - начала XX века. М.-Л., 1959 /"Труды Института этнографии АН СССР", новая серия, т. XVI/.
- Книпович Т. Н., 1949.
- Танаис. Историко-археологическое исследование. М.-Л., 1949.
- Кожомбердиев И., 1960.
- Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмень-Тюбе. - "Известия АН КиргССР, серия обществен. наук", т. II, вып. 3. Фрунзе, 1960.
- Кожомбердиев И., 1960а.
- Новые данные о Кенкольском могильнике. - КСИМК, вып. 80. М., 1960.
- Кожомбердиев И., 1963.
- Катакомбные памятники Таласской долины. - В сб.: "Археологические памятники Таласской долины". Фрунзе, 1963.
- Кой-Крылган-кала - памятник культуры древнего Хорезма IY в. до н. э. - IY в. н. э. Отв. редакторы С. П. Толстов, Б. И. Вайнберг, М., 1967 /ТХАЭЭ, У/.
- Колчин Б. А., 1953.
- Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси (домонгольский период). М., 1953, /МИА, № 32/.
- Котович В. Г., 1959.
- Новые археологические памятники Южного Дагестана. - "Материалы по археологии Дагестана", т. 1. Махач-Кала, 1959.
- Кошелев Г. А., 1968.
- Серебряная ваза с Диоскурами. - СА, 1968, № 1.
- Кругликова И. Т., Сариниди В. И., 1971.
- Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. - СА, 1971, № 4.
- Кузьмина Е. Е., 1966.
- Металлические изделия неолита и бронзового века в Средней Азии. М., 1966 /Археология СССР. Свод археологических источников. В 4-9/.
- Куфтин Б. А., 1926.
- Киргиз-казаки. Культура и быт. М., 1926 /Этнологические очерки, № 2/.
- Куфтин Б. А., 1949.
- Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси, 1949.
- Куфтин Б. А., 1950.
- Материалы к археологии Колхиды, II. Тбилиси, 1950.
- Кушелевский В. И., 1891.
- Материалы для медицинской географии и санитарного описания Ферганской области, т. II. Новый Маргелан, 1891.
- Кызласов Л. Р., 1958.
- Этапы древней истории Тувы (в кратком изложении). - "Вестник МГУ, историко-филологическая серия", 1958, № 4.
- Кызласов Л. Р., 1959.
- Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. - "Труды КАЭЭ", т. II. М., 1959.

- Кызласов Л. Р., 1960.
Тува в период тюркского каганата (У1-УП вв.). - "Вестник МГУ, серия 1Х. Исторические науки", 1960, № 1.
- Кызласов Л. Р., 1960а.
Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М., 1960.
- Кызласов Л. Р., 1972.
Сакская коллекция с Иссык-Куля. - В сб. "Новое в археологии. Сборник статей, посвященный 70-летию А. В. Арциховского". М., 1972.
- Лаврова М., 1927.
Китайские зеркала ханьского времени (Из собрания Русского музея). - "Материалы по этнографии", т. 1У, вып. 1. Л., 1927.
- Лаппо-Данилевский А. и Мальмберг В., 1894.
Древности Южной России. Курган Карагодеуаш. СПб., 1894 /МАР, № 13/.
- Латынин Б. А., Оболдуева Т. Г., 1959.
Исфаринские курганы (К вопросу о системе хозяйства древней Ферганы). - КСИИМК, вып. 76. М., 1959.
- Лев Д. Н., 1966.
Погребение бронзовой эпохи близ г. Самарканда. - КСИА, вып. 108. М., 1966.
- Левашова В. П., 1947.
Ремесло в древнехакасском государстве. - "Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории, вып. 1 (история, этнография, археология)". Абакан, 1947.
- Леви-Брюль Л., 1930.
Первобытное мышление. М., 1930.
- Левина Л. М., 1966.
Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры. - В сб.: "Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана". М., 1966.
- Лившиц В. А., 1962.
Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии. В. А. Лившица. М., 1962 /Согдийские документы с горы Муг, вып. II/.
- Лившиц В. А., 1975.
"Зороастрийский" календарь. - В кн.: Э. Бикерман, Хронология Древнего мира. Ближний Восток и античность. М., 1975.
- Лившиц М. З., 1971.
Декор в народной архитектуре Молдавии. Кишинев, 1971.
- Литвинский Б. А., 1954.
Из археологических материалов по истории средневековой горной техники Средней Азии (преимущественно 1Х-ХП вв.). - "Труды АН Тадж. ССР", т. XXУП. Сталинабад, 1954.
- Литвинский Б. А., 1956.
Об изучении в 1955 г. погребальных памятников в Кара-Мазарских горах. - АРТ, III. Сталинабад, 1956.
- Литвинский Б. А., 1956а.
Об археологических работах в Вахшской долине и в Исфаринском районе (в Ворухе). - КСИИМК, в. 64, 1956.
- Литвинский Б. А., 1958.
Предметы из погребения на Сталинабадских холмах. - "Сообщения Республканского историко-краеведческого музея ТаджССР", вып. III. Сталинабад, 1958.
- Литвинский Б. А., 1959.
Среднеазиатский горный промысел в средние века (1Х-ХП вв.). Техни-

- ка. - В кн.: "Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии". М.-Л., 1959.
- Литвинский Б. А., 1959а.
- Изучение курумов в северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. - АРТ, У. Сталинабад, 1956.
- Литвинский Б. А., 1959б.
- Раскопки могильников в Исфаринском районе в 1956 году. - АРТ, 1У. Сталинабад, 1959.
- Литвинский Б. А., 1961.
- Исследование могильников Исфаринского района в 1958 г. - АРТ, У1. Сталинабад, 1961.
- Литвинский Б. А., 1964.
- Зеркало в верованиях древних ферганцев. - СЭ, 1964, № 3.
- Литвинский Б. А., 1967.
- Джунский могильник и некоторые аспекты кангюйской проблемы. - СА, 1967, № 2.
- Литвинский Б. А., 1969.
- История и культура восточной части Средней Азии от поздней бронзы до раннего средневековья (в свете раскопок памиро-ферганских могильников). М., 1969 (Автореф. докт. дисс.).
- Литвинский Б. А., 1971.
- Хронология и классификация среднеазиатских зеркал. - В сб.: "Материальная культура Таджикистана", П. Душанбе, 1971.
- Литвинский Б. А., 1972.
- Древние кочевники "Крыши мира". М., 1972.
- Литвинский Б. А., 1972а.
- Курганы и курумы Западной Ферганы. (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии.) М., 1972 /Могильники Западной Ферганы, I/.
- Литвинский Б. А., 1973.
- Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973 /Могильники Западной Ферганы, II/.
- Литвинский Б. А., 1973а.
- Украшения из могильников Западной Ферганы. М., 1973 /Могильники Западной Ферганы, III/.
- Литвинский Б. А. 1975.
- Памирская космология (Опыт реконструкции). - В сб.: "Страны и народы Востока", ХУ1. М., 1975.
- Литвинский Б. А. и Давидович Е. А., 1956.
- Предварительный отчет о раскопках курганов в Ворухе (Исфаринский район) в 1954 г. - АРТ, П. Сталинабад, 1956.
- Литвинский Б. А., Гулямова Э. и Павлова А. Е., 1962.
- Из истории ткачества в Западной Фергане (до арабского завоевания). - ИООН АН ТаджССР, вып. 1 (28). Душанбе, 1962.
- Литвинский Б. А., Зеймаль Т. И., 1971.
- Аджина-тепа. Архитектура. Живопись. Скульптура. М., 1971.
- Литвинский Б. А., Окладников А. П. и Ранов В. А., 1962.
- Древности Кайрак-Кумов (Древнейшая история Северного Таджикистана). Душанбе, 1962 /"Труды Института истории им. Ахмада Дониша АН ТаджССР", XXXIII/.
- Лихачев А. Ф., 1876.
- Бытовые памятники Великой Булгарии. - "Труды Второго археологического съезда", вып. 1. СПб., 1876.
- Лубо-Лесниченко Е., 1961.

- Древние китайские шелковые ткани и вышивки У в. до н. э. - Ш в. н. э. в собрании Государственного Эрмитажа. Каталог. Л., 1961.
- Лубо-Лесниченко Е. И., 1975.
- Привозные зеркала минусинской котловины. К вопросу о внешних связях населения Южной Сибири. М., 1975.
- Лукас А., 1958.
- Материалы и ремесленные производства Древнего Египта. М., 1958.
- Макаренко Н. Е., 1906.
- Отчет об археологических исследованиях в Харьковской и Воронежской губерниях в 1905 г. - ИАК, вып. 19. СПб., 1906.
- Маккей Э., 1951.
- Древнейшая культура долины Инда. М., 1951.
- Максимов Е. К., 1960.
- О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья. - "Труды Саратовского областного музея краеведения", вып. III. Саратов, 1960.
- Максимова А. Г., 1959.
- Эпоха бронзы восточного Казахстана. - "Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР", т. 7. Алма-Ата, 1959.
- Максимова А. Г. и др., 1968.
- Древности Чардары (археологические исследования в зоне Чардаринского водохранилища). Алма-Ата, 1968.
- Максимова М. И., 1954.
- Серебряное зеркало из Келермеса. - СА, XX1. М.-Л., 1954.
- Мальмберг В., 1894.
- см. Лаппо-Данилевский А. и Мальмберг В., 1894.
- Мандельштам А. М., 1966.
- Кочевники на пути в Индию. М.-Л., 1966 /МИА, № 136/.
- Мандельштам А. М., 1968.
- Памятники эпохи бронзы в Южном Таджикистане. Л., 1968 (МИА, № 145).
- Мандельштам А. М., 1975.
- Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975.
- Мандельштам А. М. и Певзнер С. Б., 1958.
- Работы Кафирниганского отряда в 1952-1953 гг. - МИА, № 66. М.-Л., 1958.
- Маракуев А. В., 1946.
- Фрагмент китайского бронзового зеркала в археологическом музее Томского университета. - "Ученые записки Томского гос. пединститута, т. III (серия гуманитарных наук)". Томск, 1946.
- Маракуев А. В., 1947.
- Китайские бронзы из Басандайки. - "Труды Томского Госуниверситета", т. 98. Томск, 1947.
- Маргулан А. Х., Акишев К. А., Кадырбаев М. К., Орозбаев А. М., 1966.
- Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.
- Маркс К.
- Ницета философии. - К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. II, т. 1У. М., 1955.
- Марущенко А. А., 1959.
- Курганные погребения сарматского времени в подгорной полосе Южного Туркменистана. - "Труды Института истории, археологии и этнографии /АН ТуркмССР/", т. У. Ашхабад, 1959.

- Маршак Б. И., 1964.
Отчет о работах на объекте XII за 1955-1960 гг. - МИА, № 124.
М.-Л., 1964.
- Махабхарата. Адипарва. Кн. 1. Пер. и коммент. В. И. Кальянова.
М.-Л., 1950.
- Мец А., 1966.
Мусульманский Ренессанс. М., 1966.
- Миллер В. /Ф./, 1876.
Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой, т. 1. Ашви-
ны-Диоскуры. М., 1876.
- Миллер В. Ф., 1888.
Терская область, археологические экскурсии. М., 1888 /МАК, 1/.
- Моринц С., 1959.
Некоторые вопросы сарматского населения в Молдове и Мунтении в
связи с Фокшанским погребением. - "Dacia", N.S., III. Bucarest, 1959.
- Мошкова М. Г., 1956 (рукопись).
Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья.
Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук.
М., 1956 (рукопись в Библиотеке им. В. И. Ленина).
- Мошкова М. Г., 1961.
Сарматские курганы в Оренбургской области. - КСИА, вып. 83. М.,
1961.
- Мошкова М. Г., 1963.
Памятники прохоровской культуры. М., 1963 /Археология СССР. Свод
археологических источников. Д. 1-10/.
- Мошкова М. Г., 1974.
Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М., 1974.
- Мошкова М. Г., Генинг В. Ф., 1972.
Абатские курганы и их место среди лесостепных культур Зауралья и
Западной Сибири. - МИА, № 153. М., 1972.
- Мошкова М. Г., Рындина Н. В., 1975.
Сарматские зеркала Поволжья и Приуралья (химико-технологическое
исследование). - В сб.: "Очерки технологий древнейших производств".
М., 1975.
- Мухитдинов Х. М., 1973.
Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонхура. - СЭ, 1973,
№ 5.
- Мухтаров А., 1960.
Надписи на скалах и камнях в верховьях Зеравшана. - "Труды АН Тадж.
ССР", т. XX. Сталинабад, 1960.
- Наливкин В., 1881.
Киргизы Наманганского уезда. - ТВ, 1881, № 20, 26. У; № 21, 2. У1.
- Наливкин В. и Наливкина М., 1886.
Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань,
1886.
- Народы Передней Азии, 1957. Под ред. Н. А. Кислякова, А. И. Перши-
ца. М., 1957.
- Негматов Н. Н., Пулатов У. П., Хмельницкий С. Г., 1973.
Урта-Курган и Тирмизактепа. Душанбе, 1973 /Материальная культура
Уструшаны, вып. 2/.
- Негматов Н. Н., Хмельницкий С. Г., 1966.
Средневековый Шахристан. Душанбе, 1966 /Материальная культура
Уструшаны, вып. 1/.

- Неразик Е. Е., 1958.
Археологическое обследование городища Куня-Уаз в 1952 г. - ТХАЭЭ, т. II. М., 1958.
- Неразик Е. Е., 1963.
Раскопки Якке-Парсана. - МХЭ, вып. 7, М., 1963.
- Неразик Е. Е., 1966.
Сельские поселения афригидского Хорезма (по материалам Беркут-калинского оазиса). М., 1966.
- Новасадский Н. И., 1892.
Культ кавиров в древней Греции. Варшава, 1892.
- Новицкий В. Ф., 1903.
Из Индии в Фергану. Описание путешествия, совершенного в 1898 году из Пенджаба через Кашмир, Ладак, Каракорамское нагорье, Раскем и Кашгарию в Русский Туркестан. СПб., 1903 /Записки РГО по общей географии, т. XXXVIII, № 2/.
- Обельченко О. В., 1954.
Кую-Мазарский и Лявандакский могильники - памятники древней культуры Бухарского оазиса. Ташкент, 1954 (автореф. на соискание ученой степени канд. ист. наук).
- Обельченко О. В., 1956.
Кую-Мазарский могильник. - "Труды Института истории и археологии (АН УзССР)", вып. VII, Ташкент, 1956.
- Обельченко О. В., 1961.
Лявандакский могильник. - ИМКУ, вып. 2. Ташкент, 1961.
- Обельченко О. В., 1962.
Могильник Акджар-тепе. - ИМКУ, вып. 3. Ташкент, 1962.
- Обельченко О. В., 1962а.
Бронзовые зеркала Лявандакского могильника. - КСИА, вып. 91. М., 1962.
- Обельченко О. В., 1968.
Сакские курганы в долине Зеравшана. - В сб.: "Проблемы археологии Средней Азии. Тезисы докладов и сообщений к совещанию по археологии Средней Азии (1-7 апреля 1968 г.)". Л., 1968.
- Обельченко О. В., 1972.
Агальксайские курганы. - ИМКУ, вып. 9. Ташкент, 1972.
- Оболдуева Т. Г., 1937.
Отчет о раскопках курганов близ города Янги-Юля 1937 г. Рукопись. - Архив Госкомитета Совета Министров УзССР по делам строительства и архитектуры, инв. № 5.
- Оболдуева Т. Г., 1940.
Археологические наблюдения на Северном Ферганском канале. - Известия УзФАН, 1940, № 10.
- Оболдуева Т. Г., 1951.
Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала. - "Труды Института истории и археологии /АН УзССР/", т. 1У. Ташкент, 1951.
- Отчет Археологической комиссии за 1882-1888 годы. СПб., 1891.
- Отчет Археологической комиссии за 1896 год. СПб., 1898.
- Отчет Археологической комиссии за 1903 год. СПб., 1906.
- Периханян А. Г., 1973.
Сасанидский судебник. "Книга тысячи судебных решений" (Mātakdān ī hazār datāstān). Ереван, 1973.
- Петрушевский И. П., 1960.

- Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII-XIY веков. М.-Л., 1960.
Пещерева Е. М., 1959.
Гончарное производство Средней Азии. М.-Л., 1959 /Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия, т. XLII/.
- Пигулевская Н. В., 1951.
Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IY-U1 вв. М.-Л., 1951.
Пигулевская Н. В., 1956.
Города Ирана в раннем средневековье. М.-Л., 1956.
Пилипко В. Н., 1974.
Исследование античных памятников в Северной Парфии в 1970 г. - "Каракумские древности", вып. 1У. Ашхабад, 1972.
Пиотровский Б. Б., Флиттнер Н. Д., 1940.
История техники Древнего Двуречья. - В кн.: И. Лурье и др., Очерки по истории техники Древнего Востока. Под ред. В. В. Струве. М.-Л., 1940.
Пирульева А. Н., 1964.
О деревообделочном производстве туркмен средней Аму-Дарьи в XIX-начале XX в. - "Известия АН ТуркССР, серия общественных наук", 1964, № 3.
Писарчик А. К., 1958.
Примечания и дополнения к кн.: М. С. Андреев, Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи), вып. II. Сталинабад, 1958 /Труды АН ТаджССР, т. LXI/.
- Плетнева С. А., 1967.
От кочевий к городам. М., 1967.
Поварнин Г., 1912.
Очерки мелкого кожевенного производства в России, Ч. 1. История и техника производства, СПб., 1912.
Погребова Н. Н., 1958.
Позднескифские городища на Нижнем Днепре (городища Знаменское и Гавриловское). - МИА, № 64. М., 1958.
Покровська Е. Ф., Ковпаненко Г. Т., 1961.
Могильник біля с. Калантаево. - "Археологія", ХП. Київ, 1961.
Попов А. А., 1955.
Плетение и ткачество у народов Сибири в XIX - первой четверти XX столетия. - Сб. МАЭ, ХУ1, М.-Л., 1955.
Потапов А. А., 1930.
Пскентский могильник. Отчет о раскопках А. А. Потапова 1930 года, рукопись. - Архив Комитета охраны памятников материальной культуры при Совете Министров УзССР, инв. № 1143.
Потапов А. А., 1938.
Пскентский курганный могильник, 1938, рукопись. - Архив Комитета охраны памятников материальной культуры при Совете Министров УзССР, инв. № 53; Альбом "Рисунки", инв. № 32.
Потапов Л. П., 1936.
Разложение родового строя у племен Северного Алтая, 1. Материальное производство. М.-Л., 1936 /ИГАИМК, в. 128/.
- Потапов Л. П., 1949.
Особенности материальной культуры казахов, обусловленные кочевым образом жизни. - Сб. МАЭ, ХП. М.-Л., 1949.
Потапов Л. П., 1953.
Очерки по истории алтайцев. М.-Л., 1953.

- Пошка А., 1957.
Работы Ошского музея в 1956 г. - СА, 1957, № 4.
Пошка А.
Древние старатели Сымапа. Из археологических обследований строительных раскопок 1956 года. Рукопись (у автора, без пагинации).
Пугаченкова Г. А., 1959.
Маргианская богиня. - СА, т. XXIX-XXX, М., 1959.
Пугаченкова Г. А., 1966.
Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии. Ташкент, 1966.
Пулатов У. П., 1975.
Чильхуджра. Душанбе, 1975 /Материальная культура Уструшаны, вып. 3/.
Радлов В. В., 1894.
Сибирские древности, т. 1, вып. 3, СПб., 1894 /МАР, № 15/.
Раевский Д. С., 1971.
Скифо-авестийские мифологические параллели и некоторые сюжеты скифского искусства. - В сб. "Искусство и археология Ирана. Всесоюзная конференция (1969). Доклады". М., 1971.
Ранович А. Б., 1950.
Эллинизм и его историческая роль. М.-Л., 1950.
Распопова В. Н., 1972.
Зеркала из Пенджикента. - КСИА, вып. 132, М., 1972.
Рахимов М., 1953.
Обычай и обряды, связанные со смертью и похоронами у таджиков Кулябской области. - ИООН АН ТаджССР, в. III. Сталинабад, 1953.
Ремпель Л. И., 1949.
Терракоты Мерва и глиняные статуи Нисы. - "Труды ЮТАКЭ", т. I. Ашхабад, 1949.
Ремпель Л. И., 1951.
Новые материалы к изучению древней скульптуры Южной Туркмении. - "Труды ЮТАКЭ", т. II. Ашхабад, 1951.
Ригведа - Der Rigveda aus dem Sanskrit ins Deutsche übersetzt und mit einem laufenden Kommentar versehen von K.F. Geldner, 1-4. Teil. Cambridge, Mass., 1951-1957 («Harvard Oriental Series», vol. 33-36); Ригведа. Избранные гимны. Пер., комм. и вступительная статья Т.Я.Елизаренковой. М., 1972.
Рожановский С. Ю., 1956.
Природа растительных остатков из погребальных сооружений Ферганы первых веков нашей эры. - "Труды Музея истории Узбекской ССР", вып. III. Ташкент, 1956.
Ростовцев М. И., 1913.
Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. - ИАК, вып. 49. СПб., 1913.
Ростовцев М. И., 1917.
Эллино-скифский головной убор. - ИАК, вып. 63. Пг., 1917.
Ростовцев М. И., 1918.
Курганные находки Оренбургской области эпохи раннего и позднего эллинизма. Пг., 1918 /МАР, № 37/.
Ростовцев М. И., 1925.
Скифия и Боспор. Пг., 1925.
Ртвеладзе Э. В., Хахимов З. А., 1973.
Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии. - В сб. "Из истории античной культуры Узбекистана". Ташкент, 1973.

- Руденко С. И., 1927.
Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагоза. - В кн.: Казаки. Л., 1927. /Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик, вып. 3. Серия Казакстанская/.
- Руденко С. И., 1952.
Горноалтайские находки и скифы. М.-Л., 1952.
- Руденко С. И., 1953.
Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.
- Руденко С. И., 1961.
Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н. э.). М., 1961.
- Руденко С. И., 1962.
Культура хуннов и ноннулинские курганы. М.-Л., 1962.
- Рыбаков Б. А., 1940.
Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X-XII вв. - СА, У1. М.-Л., 1940.
- Рыбаков Б. А., 1948.
Ремесло древней Руси, М., 1948.
- Рыбаков Б. А., 1948а.
Древние элементы в русском народном творчестве (женское божество и всадники). - СЭ, 1948, № 1.
- Рыков П. С., 1925.
Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925 (отд. оттиск из "Ученых записок Саратовского гос. университета", т. 1У, в. 3, 1925).
- Рыков П. С., 1929.
Археологические разведки и раскопки в Нижне-Волжском крае, произведенные летом 1928 года. - "Известия Нижне-Волжского Института краеведения им. М. Горького", т. III. Саратов, 1929.
- Сазонова М. В., 1970.
Украшения узбеков Хорезма. - "Сборник Музея антропологии и этнографии", XXУ1. Л., 1970.
- Салтовская Е. Д., 1975а.
К вопросу о северо-ферганских саках эпохи раннего железа. - В сб.: "Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы". Л., 1975.
- Салтовская Е. Д., 1975б.
Некоторые новые материалы о "ферганских кочевниках". - "Успехи среднеазиатской археологии", вып. 3. Л., 1975.
- Салтовская Е. Д., 1975в.
О работе Западно-Ферганского отряда. - В сб.: "Археологические открытия 1974 года". М., 1975.
- Салтовская Е. Д., 1975г.
О раскопках Аштского могильника в 1971 г. - АРТ, 11. Душанбе, 1975.
- Салтовская Е. Д., 1976.
О раскопках могильника У1-1У вв. до н. э. в северо-западной Фергане. - АРТ, XII. Душанбе, 1976.
- Сальников К. В., 1950.
Сарматские погребения в районе Магнитогорска. - КСИИМК, в. XXX1У. М.-Л., 1950.
- Сенигова Т. Н., 1956.
О работе Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1956 года - "Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР", т. 1.

- Алма-Ата, 1956.
- Синицин И. В., 1946.
- К материалам по сарматской культуре на территории Нижнего Поволжья. - СА, т. УШ. М.-Л., 1946.
- Синицин И. В., 1947.
- Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья. Саратов, 1947 (то же - "Ученые записки Саратовского Гос. университета", т. ХVII).
- Синицин И. В., 1959.
- Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953 гг.). - МИА, № 60. М., 1959.
- Синицин И. В., 1960.
- Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-1955 гг.). - МИА, № 78. М., 1960.
- Скрипкин А. С., 1973.
- Позднесарматская культура Нижнего Поволжья. - АКД. М., 1973.
- Скуднова В. М., 1962.
- Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии. - "Труды Гос. Эрмитажа", т. УП. Л., 1962 /Гос. Эрмитаж. Культура и искусство античного мира, в. 3/.
- Смирнов К. Ф., 1951.
- Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948-1949 гг. - МИА, № 23. М.-Л., 1951.
- Смирнов К. Ф., 1959.
- Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области. - МИА, № 60. М., 1959.
- Смирнов К. Ф., 1961.
- Вооружение савроматов. - МИА, № 101. М., 1961.
- Смирнов К. Ф., 1964.
- Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М., 1964.
- Смирнов К. Ф., 1968.
- Бронзовое зеркало из Мечетсая. - В сб.: "История, археология и этнография Средней Азии". М., 1968.
- Смирнов К. Ф., Петренко В. Г., 1963.
- Савроматы Поволжья и Южного Приуралья. М., 1963 /САИ, серия Д1-9/.
- Смирнов Я. И., 1909.
- Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Издание Императорской археологической Комиссии ко дню пятидесятилетия ее деятельности. СПб., 1909.
- Соколов М., 1887.
- Старо-русские солнечные боги и богини. Историко-этнографическое исследование. Симбирск, 1887.
- Соломоник Э. И., 1959.
- Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.
- Сорокин С. С., 1961.
- Боркорбазский могильник (Южная Фергана, бассейн реки Сох). - "Труды Гос. Эрмитажа", т. У. Л., 1961.
- Соседко А. Ф., 1934.
- Полезные ископаемые Туркестанского хребта. - В кн.: "Таджикско-Памирская экспедиция 1933 г.". Л., 1934.
- Спришевский В. И., 1956.

- Некоторые находки из мугхона в собрании Музея истории. — "Труды Музея истории УзССР", вып. III. Ташкент, 1956.
- Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.
- Ставиский Б. Я., 1964.
- Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект У1) в 1951—1959 гг. — МИА, № 124. М.—Л., 1964.
- Стандарты . . . 1951.
- Стандарты и технические условия на изделия легкой промышленности, № 2. Хлопчатобумажная промышленность. Ткани и штучные изделия. М., 1951.
- Степанов П., 1925.
- Изделия из дерева в курганах Сусловского курганного могильника. — Приложение к книге: П. Рыков, Сусловский курганный могильник. Саратов, 1925.
- Стратонович Г. Г., 1961.
- Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование. — "Труды Института этнографии", Новая серия, т. XXIII. М., 1961.
- Струве В. В., 1968.
- Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968.
- Сухарева О. А., 1928.
- Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков к. Шахристана. — "Сборник научного кружка при Восточном факультете Средне-Азиатского Гос. университета", вып. 1. Ташкент, 1928.
- Сухарева О. А., 1940.
- Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии. — СЭ, т. III, 1940.
- Сухарева О. А., 1960.
- Ислам в Узбекистане. Ташкент, 1960.
- Табари.
- Тарих ар-расул ва-л-мулк. Пер. В. Н. Бсляева и Е. А. Разумовской. — МИТТ, т. 1. М.—Л., 1939.
- Таджики Каратегина и Дарваза, вып. 1. Под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе, 1966.
- Таджики Каратегина и Дарваза, /вып. 2/. Под ред. Н. А. Кислякова и А. К. Писарчик. Душанбе, 1970.
- Тарйх-и Сйстāн, 1974.
- Тарйх-и Сйстāн ("История Сйстāна"). Перевод, введение и комментарии Л. П. Смирновой. М., 1974.
- Ташходжаев Ш. С., 1974.
- Археологические исследования древнего Самарканда. — Сб.: "Афрасиаб", III, Ташкент, 1974.
- Тереножкин А. И., 1940.
- Памятники материальной культуры на Ташкентском канале (Предварительные данные). — "Известия УзФАН СССР", 1940, № 9.
- Тереножкин А. И., 1948.
- Холм Ак-тепе близ Ташкента (Раскопки 1940 г.). — "Труды Института истории и археологии АН УзССР", т. 1. Ташкент, 1948.
- Тереножкин А. И., 1948а.
- Соغد и Шаш (Опыт археологической периодизации). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук, рукопись (Библиотека им. В. И. Ленина).

Тереножкин А. И., 1950.

Согд и Чач. Автореферат кандидатской диссертации, защищенной на заседании Ученого Совета ИИМК 28 апреля 1948 г. - КСИИМК, вып. 33. М.-Л., 1950.

Тифлѣйсѣ /Абу-л-Фаѣл Хубайш Тифлѣйсѣ/, 1976.

Описание ремесел. Перевод, введение и комментарий Г. П. Михалевич. М., 1976.

Толстов С. П., 1939.

Черты общественного строя восточного Ирана и Средней Азии по Авесте. - В кн.: "История СССР", ч. 1-И. М.-Л., 1939.

Толстов С. П., 1948.

Древний Хорезм. М., 1948.

Толстов С. П., 1958.

Работы Хорезмийской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949-1953 гг. - "Труды ХАЭЭ", т. II. М., 1958.

Топоров В. Н., 1974.

О брахмане. К истокам концепции. - В сб.: "Проблемы истории, языков и культуры народов Индии". М., 1974.

Тревер К. В., 1940.

Памятники Греко-Бактрийского искусства. М.-Л., 1940 /Памятники культуры и искусства в собраниях Эрмитажа, 1/.

Троицкая А. Л., 1971.

Некоторые старинные обычаи, обряды и поверья таджиков долины Верхнего Зеравшана. - "Труды Института этнографии", нов. сер., т. ХСУП.

Л., 1971.

Трудновская С. А., 1952.

Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала. - "Труды ХАЭЭ", 1. М., 1952.

Туманян А., 1914.

Дуализм персов (Извлечение из армянских писателей У в.). - "Восточный сборник в честь А. Н. Веселовского". М., 1914 /Труды по востоковедению, издаваемые Лазаревским институтом восточных языков, вып. ХІІІ/.

Тэйлор Э., 1939.

Первобытная культура. М., 1939.

Уварова П. С., 1900.

Могильники Северного Кавказа. М., 1900 /МАК, УІІІ/.

Узбекистанская II экспедиция (Организованная Узбекским комитетом по охране памятников старины совместно с ИИМК. Руководитель

Г. В. Григорьев). - КСИИМК, 1. М.-Л., 1939.

Упанишады - The Upanishads. Transl. by F.M. Müller, pt I-II. Oxford, 1900;

The Principal upaniṣads. Ed. with introduction, text, translation and notes by S. Radhakrishnan. London, 1953; Брихадараньяка упанишад, М., 1964;

Чхандогья упанишад, М., 1965; Упанишад, М., 1967.

Филип Я., 1961.

Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.

Филострат, Жизнь Аполлония Тианского.

The life of Apollonius of Tyana. With an English transl. by F.C. Conybeare, vol. I-II. London-New York, 1917-1921 /The Loeb Classical Library/.

Фрейман А. А., 1962.

Описание, публикация и исследование документов с горы Муг. М., 1962

/Согдийские документы с горы Муг. Чтение. Перевод. Комментарии, вып.1/.

- Хазанов А. М., 1963.
 Генезис сарматских бронзовых зеркал. - СА, 1963, № 4.
- Хазанов А. М., 1963а.
 Раннесредневековые зеркала Восточной Европы. - В сб.: Сборник докладов на У1 и УП Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1963 (МГУ. Исторический факультет).
- Хазанов А. М., 1964.
 Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов. - СЭ, 1964, № 3.
- Хамиджанова М. А., 1974.
 Материальная культура матчинцев до и после переселения на вновь орошенные земли. Душанбе, 1974.
- Харматта Я., 1965.
 Из истории алаано-парфянских отношений. - АА, т. XIII, 1965.
- Харузина В., 1909.
 Этнография, вып. 1, ч. 1. М., 1909.
- Хедаят Садек, 1958.
 Нейрангистан, пер. Н. А. Кислякова. - "Труды Института этнографии АН СССР", Новая серия, т. XXXIУ. М., 1958.
- Цейтлин Е. А., 1940.
 Очерки истории текстильной техники. М.-Л., 1940.
- Чайлд Г., 1949.
 Прогресс и археология. М., 1949.
- Чернецов В. И., 1953.
 Бронза Усть-Полуйского времени. - МИА, № 35. М., 1953.
- Членова Н. Л., 1967.
 Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967.
- Чуланов Ю. Г., 1967.
 Некоторые новые памятники Северной Ферганы. - СА, 1967, № 2.
- Шахназаров А. И., 1908.
 Сельское хозяйство в Туркестанском крае. СПб., 1908.
- Шелов Д. Б., 1961.
 Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1958 гг.). - МИА, № 98. М., 1961.
- Шелов Д. Б., 1963.
 Экономическая жизнь Танаиса. - В сб.: "Античный город". М., 1963.
- Шилов В. П., 1959.
 Калиновский курганный могильник. - МИА, № 60. М., 1959.
- Шилов В. П., 1972.
 Итальянские зеркала в волго-донских степях. - СА, 1972, № 1.
- Шилов В. П., 1975.
 Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.
- Широкова З. А., 1956.
 Этнографические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, в. 1 (Дарвазская этнографическая коллекция сбора 1954 г.). Сталинабад, 1956.
- Широкова З. А., 1976.
 Традиционная и современная одежда женщин горного Таджикистана. Душанбе, 1976.
- Штернберг Л. Я., 1936.
 Первобытная религия в свете этнографии. Исследования, статьи, лекции. Л., 1936.
- Шульц П. Н., 1957.

Исследования Неаполя Скифского (1945–1950 гг.). – В сб.: История и археология древнего Крыма. Киев, 1957.

Шульц П. Н., 1969.

Бронзовые статуэтки Диоскуров из Неаполя Скифского. – СА, 1969, № 1.

Юсупов Х. Ю., 1975.

Исследование курганных памятников вдоль Верхнего Узбоя 1973 г. – "Успехи среднеазиатской археологии", вып. 3. Л., 1975.

Ягодин В. Н., Ходжайов Т. К., 1970.

Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент, 1970.

Якубовский А. Ю., 1950.

Итоги работ Согдийско-Таджикской археологической экспедиции в 1946–1947 гг. М.–Л., 1950 /МИА, № 15/.

Abdur Rahman, 1971.

Excavation at Damkot. – AP, IV (1968-69). Peshawar, 1971.

Alföldi A., 1932.

Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. – ArH, IX, Budapest, 1932.

Allouche-Lepage M.-Th., 1956.

L'art monétaire des royaumes Bactriens. Essai d'interprétation de la symbolique religieuse gréco-orientale du IIIe au Ier s. av. J.C. Paris, 1956.

Annibaldi G. und Werner J., 1963.

Ostgotische Grabfunde aus Acquasanta, Prov. Assoli Piceno (Marche). – "Germania", Bd 41, 1963, 2. Halbd.

Aspelin J., 1877.

Antiquités du Nord Finno-Ougrien, t. I. Helsingfors, 1877.

Banerjea M., 1955.

The development of Hindu iconography, 2-nd ed. (University of Calcutta), 1955.

Barrelet M.-Th., 1955.

Les déesses armées et ailées. – "Syria", t. XXXII. Paris, 1955, N 3-4.

Barret D., 1954.

Sculptures from Amaravati in the British Museum. London, 1954.

Bartholomae Ch., 1961.

Altiranisches Wörterbuch. Berlin, 1961 (Nachdruck).

Barthoux J., 1930.

Les fouilles de Haqqa, III. Figures et figurines. Paris, 1930 /MDAFA, VI/.

Béla Pósta, 1905.

Archaeologische Studien auf russischen Boden, T. I. Budapest–Leipzig, 1905 /Dritte

asiatische Forschungsreise des Grafen E. Zichy, Bd III/; T. II. Budapest–Leipzig,

1905 /Dritte asiatische Forschungsreise des Grafen E. Zichy, Bd IV/.

Bergman F., 1939.

Archaeological researches in Sinkiang especially the Lop-Nor region. Stockholm, 1939

/The Sino-Swedish expedition. Publication 7. VII. Archaeology, I/.

Bhattacharji S., 1970.

The Indian Theology. A comparative study of Indian mythology from the Vedas to the Puranas. Cambridge, 1970.

Blaunsteiner L., 1933.

Die Spiegel. – "Wiener Beiträge zur Kunst and Kulturgeschichte Asiens", Bd VII. Wien, 1933.

Bloch T., 1910.

Die zoroastrische Gottheiten auf den Münzen der Kusana-Könige. – ZDMG, Bd 64/4. Leipzig, 1910.

- Boyce M., 1975.
A history of Zoroastrianism. Leiden/Köln, 1975 (Handbuch der Orientalistik, I, VIII, 1, 2/2A).
- Brown W.L., 1960.
The Etruscan lion. Oxford, 1960.
- Bulling A., 1955.
The decoration of some mirrors of the Chou and Han periods. — *ArAs.*, vol. XVIII. Ascona, 1955.
- Bulling A., 1960.
The decoration of mirrors of the Han period. A chronology. Ascona, 1960 (*ArAs. Supplementum XX*).
- Bussagli M., 1955.
The "frontal" representation of the divine chariot. — *EW*, VI/1. Roma, 1955.
- Camann Sch.
Chinese mirrors and Chinese civilization. — *"Archaeology"*, vol. II. № 3 (7).
Camann S., 1948.
The TLV patterns on cosmic mirrors of the Han dynasty. — *JAOS*, vol. 68, 1948.
Camann Sch., 1952-1953.
The symbolism in Chinese mirror patterns. — *"Journal of the Indian Society of Oriental Art"*, vol. XIX. Calcutta, 1952-1953.
Camann Sch., 1957.
Ancient symbols in modern Afghanistan. — *"Ars Orientalis"*, II, 1957.
- Canarache, V., 1950.
Monetele Scitilor din Dobrogea (Academia Republicii Populare Române, Institutul de Istorie și filosofie, *Studii și cercetări de Istorie Veche*, I, 1950).
- Carl J., 1959.
Fouilles dans le site de Shahr-i-Banu et sondages au Zaker-Tépé. — *MDAFA*, VIII. Paris, 1959.
- Carl J., Hackin J., 1936.
Recherches archéologiques au Col de Khair Khaneh près de Kābul. Paris, 1936 /*MDAFA*, VII/.
- Cennedy A., 1920.
Die chinesischen Handschriften- und sonstigen Kleinfunde Sven Hedins in Lou-Lan. Stockholm, 1920.
- Central Asian objects, 1971.
Central Asian objects brought back by the Otani Mission. Tokyo, 1971 /*Illustrated catalogues of Tokyo National Museum*/.
- Chapouthier F., 1935.
Les Dioscures au service d'une déesse. Paris, 1935.
- Chaqalaq Tepe. Fortified village in North Afghanistan excavated in 1964-1967. Ed. by S. Mizuno. Kyoto, 1970 /*Publication of the Kyoto University scientific mission to Iranian plateau and Hindukush*/.
- Chattopadhyaya B h., 1967.
The age of the Kushānas. A numismatic study. Calcutta, 1967.
- Chavannes E., 1903.
Documents sur les Tou-kiue (turks) occidentaux. СПб., 1903. /*Сборник трудов Орхонской экспедиции*, VI/.
- Childe G., 1943.
Rotary querns on the continent and in the Mediterranean Basin. — *"Antiquity"*, vol. XVII, № 65, 1943, March.
- Christensen A., 1928.
Étude sur le Zoroastrisme de la Perse antique. København, 1928.

- Christensen A., 1934.
 Les types du premier roi dans l'histoire légendaire des Iraniens, II. Leide, 1934.
- Combaz G., 1937.
 L'Inde et l'Orient classique, vol. I. Paris, 1937.
- Courcelle-Seneuil I.L., 1910.
 Les dieux Galois. D'après les monuments figurés. Paris, 1910.
- Cumont F., 1899.
 Textes et monuments figurés relatifs aux mystères de Mithra, t. I. Bruxelles. 1899.
- Cumont F., 1956.
 The mysteries of the Mithra. New York, 1956.
- Cunningham A., 1892.
 Coins of the Kushanas, or Great Yue-ti, — NC, 3-d ser., vol. XII. London.
- Curwen E.C., 1937.
 Querns. — "Antiquity", 1937, June.
- Curwen E.C., 1941.
 More about querns. — "Antiquity", 1941, March.
- Dailaman, II, 1966.
 Dailaman, II. The excavations at Noruzmahale and Khoramrud. 1960. By Namio Egami, Shiuji Fukai, Seichi Masuda. Tokyo, 1966 /The Tokyo University Iraq — Iran archaeological expedition, 7/.
- Dailaman, III, 1968.
 Dailaman, III. The excavations at Hassani Mahale and Ghalekuti 1964. By Toshihiko Sono and Shinji Fukai. Tokyo, 1968 /The Tokyo University Iraq-Iran archaeological expedition, 8/.
- Dalton O.M., 1964.
 The treasure of the Oxus with other examples of early Oriental metal-work. 3-d ed., London, 1964.
- Dani A.H., 1965-1966.
 Shaikhan Dheri excavation 1963 and 1964 seasons (In search of the second city of Pushkaravati). — AP, vol. II. Peshawar, 1965-1966.
- Darmesteter J., 1875.
 Haurvatât et Ameretât. Essai sur la mythologie de l'Avesta. — "Recueil de travaux originaux ou traduits relatifs à la philologie et à l'histoire littéraire", n.s., XV, 1875.
- Darmesteter J., 1892.
 Le Zend-Avesta. Traduction nouvelle avec commentaire historique et philologique par J. Darmesteter, vol. II. Paris, 1892.
- Deshayes J., 1960.
 Les outils de bronze, de l'Indus au Danube (IVe au IIe millénaire), t. I-II. Paris, 1960 /Institut Français d'archéologie de Beyrouth. Bibliothèque archéologique et historique, t. LXXI/.
- Duchesne-Guillemin J., 1961.
 Symbolik des Parsismus. Stuttgart, 1961 /Symbolik der Religionen, VIII/.
- Duchesne-Guillemin J., 1962.
 La religion de l'Iran ancien. Paris, 1962.
- Duchesne-Guillemin J., 1970.
 Zoroaster und das Abendland. — In: "Zarathustra". Hrsg. B. Schlerath. Darmstadt, 1970.
- Dumézil G., 1926.
 Les fleurs Haurvatâ-Maurot et les anges Haurvatât-Ameretât. — "Revue des études arméniennes", VI (1926).
- Dumézil G., 1945.

- Naissance d'archanges (Jupiter Mars Quirinus, III). Essai sur la formation de la théologie zoroastrienne. Paris, 1945.
- Dumézil G., 1962.
- La société scythique avait-elle des classes fonctionnelles? — IJ, vol. V, № 3, 1962.
- Dumézil G., 1968.
- Myth et Épopée, (1). Paris, 1968.
- Dupree L., 1972.
- Prehistoric research in Afghanistan (1959-1966). Philadelphia, 1972 /Transactions of the American Philosophical Society/.
- Durman Tepe and Lalma. Buddhist sites in Afghanistan surveyed in 1963-1965. Ed. by prof. S. Mizuno. Kyoto, 1968 /Publication of the Kyoto University scientific mission to Iranian plateau and Hindukush/.
- Eilers W., 1974.
- Die Schere des Kartir. — "Baghdader Mitteilungen", Bd. 7, 1974.
- Eilers W., 1976.
- Nochmals zur Schere des Kartir. — "Archaeologische Mitteilungen aus Iran". N.F., Bd. 9, 1976.
- Eliade M., 1957.
- Centre du monde, temple, maison. — "Le symbolisme cosmique des monuments religieux". Roma, 1957 /Serie Orientale Roma, XIV/.
- Faccena D., 1964.
- Sculptures from the sacred area of Butkara I (Swat, W. Pakistan), pt 3. Roma, 1964 /IsMEO. Reports and memoirs, vol. II, 3/.
- Ferdinand K., 1963.
- The horizontal windmills of Western Afghanistan. — "Folk". København, 1963, vol. V.
- Fisher K., 1961.
- Preliminary notes on some ancient remains at Qunduz. — "Afghanistan", vol. XVI, № 1. Cabul, 1961.
- Forbes R.J., 1955-1956.
- Studies in ancient technology, vol. III. Leiden, 1955; vol. IV. Leiden, 1956.
- Frazer J.G., 1922.
- Taboo and the perils of the soul. London, 1922 /The Golden Bough, II/.
- Frazer J.G., 1926.
- The worship of nature, vol. I. London, 1926.
- Gardner P., 1966.
- The coins of the Greek and Scythic kings of Bactria and India in the British Museum, Chicago, 1966.
- Ghirshman R., 1938, 1939.
- Fouilles de Sialk près du Kashan 1933, 1934, 1937, vol. I. Musée du Louvre. Département des antiquités orientales. Série archéologique, t. IV, Paris, 1938; vol. II. Musée du Louvre. Département des antiquités orientales. Série archéologique, t. V, Paris, 1939.
- Ghirshman R., 1963.
- Perse. Proto-iraniens. Mèdes. Achéménides. Paris, 1963.
- Ghirshman R., 1976.
- Terrasses sacrées Bard-è Néchandeh et Masdjid-i Solaiman. L'Iran du Sud-Ouest du VIII-e s.av.n.ère au V-e s.de n.ère, vol. I. Texte, vol. II. Planches. Paris, 1976 /Mémoires de la Délégation archéologique en Iran, t. XLV/.
- Ghosh A., 1948.
- Taxila (Sirkap), 1944-45. — AI, № 4. New Delhi, 1948.
- Ghyrya G.S., 1951.
- Indian costume. Bombay, 1951.

- Godard A., Godard Y., Hackin J., 1928.
 Les antiquités bouddhiques du Bāmiyān. Paris, 1928 /MDAFA, t. II/.
- Goetz H., 1952.
 Baroda museum and picture gallery. Baroda, 1952 /Bulletin of the Baroda museum and picture gallery, vol. VIII/.
- Goetz H., 1963.
 An Indian bronze from South Arabia. — "Archaeology", vol. 16, № 3, 1963.
- Gonda J., 1960.
 Die Religionen Indiens. I. Veda und älterer Hinduismus. Stuttgart, 1960 /Die Religionen der Menschheit, Bd II/.
- Gonda J., 1974.
 The dual deities in the religion of the Veda. Amsterdam-London, 1974 (Verhandelingen der Koninklijke Nederlandse Akademie van Wetenschappen, Afd. Letterkunde, Nieuwe reeks, deel 81). Amsterdam-London, 1974.
- Gordon D.E., 1937.
 The Mother-Goddess of Gandhara. — "Antiquity", vol. XI, № 41, 1937.
- Goswami K.G., 1948.
 Excavations at Bangarh (1938-41). Calcutta, 1948 /Asutosh Museum Memoir, № 1/.
- Gray L.H., 1929.
 The foundation of the Iranian religions. — "The Journal of the K.R. Cama Oriental Institute", N 15, 1929.
- Gropp G., 1974.
 Archäologische Funde aus Khotan Chinesisch-Ostturkestan. Bremen, 1974.
- Grünwedel A., 1912.
 Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Bericht über archäologische Arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Berlin, 1912.
- Güntert H., 1923.
 Der arische Weltkönig und Heiland. Bedeutungsgeschichtliche Untersuchungen zur indo-iranischen Religionsgeschichte und Altertumskunde. Halle (Saale), 1923.
- Gyllensvard B., 1957.
 T'ang gold and silver. — BMFEA, № 29. Stockholm, 1957.
- Hackin J., 1939.
 Recherches archéologiques à Begram. Planches. Paris, 1939, /MDAFA, t. IX/.
- Hampel J., 1905.
 Altertümer des frühen Mittelalters in Ungarn, Bd I. Braunschweig, 1905.
- Hančar F., 1934.
 Kaukasus — Luristan. Züge kultureller Verwandtschaft des prähistorischen Kaukasusgebietes mit dem Alten Orient. — ESA, IX, Helsinki, 1934.
- Harmatta J., 1961.
 Cusanica. — AOH, XI, Budapest, 1961.
- Hartland S., 1911.
 Death and disposal of the dead. — "Encyclopaedia of religion and ethics", vol. IV. New York, 1911.
- Hayashi M., Sahara M., 1962.
 Archaeological survey in North Afghanistan. — in: Haibak and Kashmir-Smast. Buddhist cave-temples in Afghanistan surveyed in 1960. Ed. S. Mizuno. Kyoto, 1962.
- Hedin S., 1898.
 Through Asia, vol. I-II. London, 1898.
- Heikel H.J., 1894.
 Antiquités de la Sibirie occidentale. Helsingfors, 1894 /Mémoires de la Société Finno-Ougrienne, VI/.

- Heikel H.J., 1918.
 Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan. Helsinki, 1918.
- Hemberg B., 1950.
 Die Kabiren. Uppsala, 1950.
- Henning W.B., 1965.
 Surkh-Kotal und Kaniška. — ZDMG, Bd 115, H. 1, 1965.
- Henning W.B., 1965a.
 A Sogdian god. — BSOAS, vol. XXVIII/2. London, 1965.
- Herzfeld E., 1929-30.
 Zarathustra. — AMI, I, 1929/30.
- Herzfeld E., 1930.
 Die sasanidischen Quadrigae Solis et Lunae. — AMI, II, Berlin, 1930.
- Herzfeld E., 1941.
 Iran in the Ancient East. London—New York, 1941.
- Herzfeld E., 1947.
 Zoroaster and his world, I-II. Princeton, 1947.
- Hinz W., 1969.
 Altiranische Funde und Forschungen. Berlin, 1969.
- Hillebrandt A., 1965.
 Vedische Mythologie, Bd I-II. Nachdruck. Hildesheim, 1965.
- Hirth F., 1907.
 Chinese metallic mirrors. With notes on some ancient specimens of the Musee Guimet (Repr. from "Boas anniversary volume"). Paris-New York, 1907.
- Huang Wen-pi, 1948.
 The exploration around Lob-Nor. A report on exploratory work during 1930- and 1934. Peiping, 1948.
- Hubert H., 1925.
 Le mythe d'Eponā. — "Melanges linguistiques offerts à M.J. Vendryes". Paris, 1925.
- Humbach H., 1957.
 Zur altiranischen Mythologie. — ZDMG, Bd 107, H. 2, 1957.
- Humbach H., 1959.
 Die Gathas des Zarathustra, Bd 1. Heidelberg, 1959.
- Humbach H., 1966.
 Baktrische Sprachdenkmäler, I. Wiesbaden, 1966.
- Humbach H., 1974.
 Methodologische Variationen zur arischen Religionsgeschichte. — "Antiquitates Indogermanicae. Gedenkschrift für Hermann Güntert". Innsbruck, 1974.
- Humbach H., 1975.
 Mithra in the Kuṣāṇa period. — "Mithraic Studies", Ed. I.R. Minnells, Manchester, 1975.
- Hummel S., 1959.
 Eurasiatische Traditionen in der tibetischen Bon-Religion. — In: "Opuscula ethnologica memoriae Ludovici Biró Sacra". Budapest, 1959.
- Hutton J.H., 1946.
 Caste in India. Its nature, function and origins. Cambridge, 1946.
- James E.O., 1966.
 The tree of life. An archaeological study. Leiden, 1966 /Studies in the history of religions. Supplements to Numen, XI/.
- Janse O.R., 1947, 1951.
 Archaeological research in Indo-China, vol. I, Cambridge—Massachusetts, 1947 /Harvard—Yenching Institute. Monograph Series, vol. VII/; vol. II. Cambridge—Massachusetts, 1951 /Harvard—Yenching Series, vol. X/.

- Jenny W. A., 1928.
Verzierte Bronzespiegel aus nordkaukasischen Gräbern. — PZ, Bd XIX, H. 3/4. Berlin, 1928.
- Justi F., 1895.
Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
- Kaplan S., 1937.
On the origin of the TLV mirrors. — "Revue des arts asiatiques", t. XI, № 1. Paris, 1937.
- Kar Ch., 1952.
Indian metal sculpture. London, 1952.
- Kar Ch., 1956.
Classical Indian sculpture. London, 1956.
- Karlgren B., 1941.
Huai and Han.—BMFEA, Stockholm, № 13, 1941.
- Karlgren B., 1961.
Miscellaneous notes on some bronzes. — BMFEA, № 33. Stockholm, 1961.
- Kirfel W., 1920.
Die Kosmographie der Inder nach den Quellen dargestellt. Bonn und Leipzig, 1920.
- Koehlin M. R., 1925.
Documents d'art chinois de la collection Oswald Sirén. Paris, 1925/Ars Asiatica, VII/.
- Koop A., 1924.
Early Chinese bronzes. London, 1924.
- Koppers W., 1936
Pferdeopfer und Pferdekult der Indogermanen. Eine ethnologisch-religionswissenschaftliche Studie. — "Wiener Beiträge zur Kulturgeschichte und Linguistic", IV, Salzburg—Leipzig, 1936.
- Kovrig I., 1963.
Das awarenzeitliche Gräberfeld von Alattyán. Budapest, 1963 /ArH, XL/.
- Krause W., 1933.
Religion der Kelten unter Berücksichtigung der vorkeltischen Bewohner Westeuropas. Leipzig, 1933 /Bilderatlas zur Religionsgeschichte, 17. Lief./.
- Kubitschek W., 1911.
Grabfunde in Untersiebenbrunn (auf dem Marchfeld). — "Jahrbuch für Altertumskunde", Bd IV, H. 1-3. Wien, 1911.
- Kümmel O., 1930.
Neun chinesische Spiegel. — "Ostasiatische Zeitschrift", N.F., 6. Jahrgang. 3. u. 4. Heft. Berlin und Leipzig, 1930.
- Kusssmaul F., 1965.
Badaxšan und seine Tağiken. — "Tribus. Veröffentlichungen des Linden-Museums". Stuttgart, 1965, № 4.
- Lanthier R., n.d.
- Keltische Mythologie. — In: "Wörterbuch der Mythologie", hrsg. von H.W. Haussig. I. Abt., 5. Lief. Stuttgart, n.d.
- László Ferenczy, 1967.
Chinese bronze mirrors from the Han period. — "Annuaire du Musée des arts décoratifs et du Musée d'art d'Extrême Orient Ferenz Happ", IX, 1966. Budapest, 1967.
- László G., 1943.
Die Grabfund von Koronóc und der altungarische Sattel. — ArH, XXVII. Budapest, 1943.
- Lauffer B., 1909.
Chinese pottery of the Han dynasty. Leiden, 1909.
- Lauffer B., 1919.
Sino-Iranica: Chinese contributions to the history of civilisations in ancient Iran, with

- special reference to the history of cultivated plants and products. Chicago, 1919 /Field Museum of Natural History, Publ. 201. Anthropological ser., vol. 15, № 3/.
 Laufer B., 1933.
- The noria or Persian wheel. — In: "Oriental studies in honour of C.E. Pavry". London, 1933.
- Le Coq A., 1922.
- Die buddhistische Spätantike in Mittelasien, I. Teil. Die Plastik. Berlin, 1922.
- Lenz W., 1962.
- Yima and Khvarenah in the Avestan Gathes. — "A Logust's Leg. Studies in honour of S.H. Taqizadeh". London, 1962.
- Litvinsky B.A., 1968.
- Outline history of Buddhism in Central Asia. Moscow, 1968.
- Livshitz V.A., 1970.
- A Sogdian alphabet from Panjikant. — "W.B. Henning memorial volume". London, 1970.
- Loftus W.K., 1859.
- Travels and researches in Chaldaea and Susiana; with an account of excavations at Warka, the "Erech" of Nimrod, Shúsh, "Shushan the Palace" of Eshter, in 1849-52. London, 1859.
- Lommel H., 1927.
- Die Väst's des Awesta. Göttingen—Leipzig, 1927 /Quellen der Religionsgeschichte, 6/.
 Lommel H., 1971.
- Die Gathas des Zarathustra. Basel / Stuttgart, 1971.
- Mackay E., 1931.
- Technique and description of metal vessels, tools, implements and other objects. — In: "Mohenjo-Daro and the Indus civilization", vol. II. London, 1931.
- Maenchen-Helfen O.J., 1958.
- /Рец. на: / J. Werner, Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, I-II. — "Speculum. A journal of mediaeval studies", vol. XXXIII, № 1, 1958.
- Maenchen-Helfen O., 1973.
- The world of the Huns. Berkeley-Los Angeles-London, 1973.
- Majumdar G.P., 1935.
- Toilet. — IC, vol. I. № 4. Calcutta, 1935.
- Mariès L., Mercier Ch., 1959.
- Eznik de Kolb. De Deo. Ed. L. Mariès-Ch. Mercier. Paris, 1959 /Patrologia Orientalis, XXVIII (3-4)/.
- Markovski B., 1932.
- Die materielle Kultur des Kabulgebietes. Leipzig, 1932 /Veröffentlichungen des Geographischen Instituts der Albertus-Universität zu Königsberg, N.F. Reihe Ethnographie, № 2/.
- Marshall J., 1951.
- Taxila, vol. I. Structural remains. Cambridge, 1951; vol. II. Minor Antiquities. Cambridge, 1951; vol. III. Plates. Cambridge, 1951.
- Martin E.R., 1893.
- L'âge du bronze au Musée de Minoussinsk. Stockholm, 1893.
- Menasce P. J. de., 1947.
- Une légende indo-iraniennne dans l'angéologie judéo-musulmanne: à propos du Hārut et Mārut. — "Asiatische Studien", I (1947).
- Milinda Questions, I, 1964.
- Milinda Questions, vol. I. Transl. from the Pāli by I.B. Horner. London, 1964.
- Mitten D. G., Doeringer S.F., 1967.
- Master bronzes from the classical world. The Fogg Art Museum (USA), 1967.
- Montell G., 1938.

- Sven Hedin's archaeological collections from Khotan, II. - BMFEA, № 10. Stockholm, 1938.
- Montell G., 1941.
Spinning tools and spinning methods in Asia. - "Reports from the scientific expedition to the North-Western provinces of China", VII. Archaeology, 2. The Sino-Swedish expedition, publ. 15. Stockholm, 1941.
- Moorey P. R. S., 1971.
Towards a chronology from the "Luristan bronzes". - "Iran", vol. IX. London, 1971.
- Moorey P. R. S., 1974a.
Ancient bronzes from Luristan. London, 1974.
- Moorey P. R. S., 1974b.
Ancient Persian bronzes in the Adam collection. London, 1974.
- Moritz L. A., 1958.
Grain-mills and flour in Classical Antiquity. Oxford, 1958.
- Moti Chandra, 1940.
Cosmetics and coiffure in ancient India. - "Journal of the Indian Society of Oriental art", vol. VIII. Calcutta, 1940.
- Moti Chandra, 1940a.
The history of Indian costume from the 1-st century A.D. to the beginning of the 4-th century. - "Journal of the Indian Society of Oriental art", vol. VIII. Calcutta, 1940.
- Nebesky-Wojkowitz R., 1956.
Oracles and demons of Tibet. The cult and iconography of the Tibetan protective deities by Rene de Nebesky-Wojkowitz. S-Gravenhage, Mouton, 1956.
- Negahban E. O., 1964.
A preliminary report on Marlic excavation Gohar Rud expedition. Rudbar 1961-1962. Tehran, 1964.
- Needham J., 1962, 1965.
Science and civilization in China, vol. 4, pt. 1. Cambridge, 1962; vol. 4, pt. 2. Cambridge, 1965.
- Neumann E., 1956.
Die grosse Mutter. Der Archetyp des grossen Weiblichen. Zürich, 1956.
- Page J. A., 1930.
Bulandi Bagh, near Patna. - "Annual report of the Archaeological survey of India. 1926-27". Calcutta, 1930.
- Parada E., 1959.
The Hasanlu bowl. - "Expedition", vol. I, № 3. Philadelphia, 1959.
- Párducz M., 1941, 1944, 1950.
Denkmäler der Sarmatenzeit Ungarns, Bd I. Budapest, 1941 /ArH, XXV/; Bd II. Budapest, 1944 /ArH, XXVIII/; Bd III. Budapest, 1950 /ArH, XXX/.
- Párducz M., 1959.
Archäologische Beiträge zur Geschichte der Hunnenzeit in Ungarn. - AAr, t. XI, fasc. 1-4, Budapest, 1959.
- Piggott S., 1952.
Prehistoric India to 1000 B.C. London, 1952.
- Potratz H. A., 1942.
Die luristanischen Pferdgebisse. - "Praehistorische Zeitschrift", XXXII-XXXIII, Bd (1941-42). Berlin, 1942.
- Potratz H. A., 1955.
Die Stangen-Aufsätze in der Luristankunst. - "Jahrbuch für kleinasiatische Forschung", Bd III/1. Ankara, 1955.
- Przyluski J., 1936.
Les Ásvin et la Grande Déesse. - HJAS, vol. I, n.1, 1936, April.

- Puri B.N., 1957.
India in the time of Patanjali. Bombay, 1957.
- Rau P., 1927.
Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga (Ergebnisse der Gräberforschung in der Wolgadeutschen Republik). Pokrowsk, 1927.
- Reinach S., 1895.
Epona. — "Revue archéologique", III sér., t. XXVI. Paris, 1895.
- Reinach S., 1898.
Encore Epona. — "Revue archéologique", III sér., t. XXXIII. Paris, 1898.
- Reinach S., 1905.
Cultes, mythes et religions, I. Paris, 1905.
- Reinecke P., 1897.
Über einige Beziehungen der Altertümer China's zu denen skythisch-sibirischen Völkerkreises. — ZE, Bd XXIX. Berlin, 1897.
- Richter G., 1953.
Handbook of the Greek collection. Cambridge, 1953.
- Ringbom L.-I., 1959.
Paradisus Terrestris. Helsinki, 1959.
- Rosenfield J.M., 1967.
The dynastic arts of the Kushans. Berkeley — Los Angeles., 1967.
- Rostowzew M., 1913.
Fische als Pferdeschmuck. — "Opuscula archaeologica Oscari Montelio septuagenario dicata", 1913.
- Rostovtzeff, 1921.
Le aite de la giande déesse dans la Russie méridionale. — "Revue des études grecques", t. XXXII. Paris, 1921.
- Rostovtzeff M., 1928.
Syria and the East. — In: The Cambridge ancient history, — vol. VII. Cambridge, 1928.
- Rowland B., 1938.
Buddha and the Sun God. — "Zalmoxis", I, 1938.
- Rowland B., 1967.
The art and architecture of India. Buddhist, Hindu, Jain. III ed. Baltimore, 1967.
- Rupert M., Todd O.I., 1935.
Chinese bronze mirrors. Peiping, 1935.
- Salmony A., 1933.
Sino-Siberian art in the collection of C.T. Loo. Paris, 1933.
- Salonen A., 1965.
Die Hausgeräte der alten Mesopotamier, I. Helsinki. 1965 /Annales Academiae Scientiarum Fennicae, t. 139/.
- Schafer E.H., 1963.
The golden peaches of Samarkand. A study of T'ang exotics. Berkeley — Los Angeles, 1963.
- Schmid J.M., 1900.
Des Wardapet Eznik von Kolb "Wider die Sekten". Wien, 1900.
- Schmidt E.F., 1937.
Excavations at Tepe Hissar Damghan. Philadelphia, 1937.
- Schmidt E.F., 1939.
The treasury of Persepolis and other discoveries in the homeland of the Achaemenians. Chicago-Illinois, 1939 /The Oriental Institute of the University of Chicago communications, № 21/.
- Schmidt H., 1908.
Archaeological excavations in Anau and Old Merv. — In: Explorations in Turkestan.

- Expedition of 1904. Prehistoric civilizations of Anau. Origins, growth, an influence of environment. Ed. by R. Pumpelly, vol. I. Washington, 1908.
- Schneider U., 1967.
- Yama und Yami (RV X, 10) — IJ, vol. X, № 1, 1967.
- Schultz A., 1914.
- Die Pamirtadschik. Giessen, 1914.
- Seckel D., 1964.
- The art of Buddhism. New York, 1964.
- 7000 years of Iranian art, 1964-1965.
- 7000 years of Iranian art. Circulated by the Smithsonian Institution, 1964-1965.
- Sengupta Sm. S., 1973.
- Jain Cosmography. — "Religion and culture of the Jains". Ed. by D.C. Sircar. Calcutta, 1973.
- Seyrig H., 1937.
- Antiquités syriennes, 21. Sur quelques sculptures palmyréniennes. — "Syria", XVIII. Paris, 1937.
- Singer Ch. a. o., 1957.
- A history of technology. Ed. by Ch. Singer, E.J. Halmyard, A.R. Hall and T.J. Williams, vol. II. Oxford, 1957.
- Sivaramamutri C., 1942.
- Amaravati sculptures in the Madras government museum. Madras, 1942 /Bulletin of the Madras government museum. N.S., vol. IV/.
- Sivaramamutri C., 1961.
- Indian sculpture. New Delhi, 1961.
- Sivaramamutri C., 1962.
- Indian bronzes. Bombay, 1962.
- Smith V. A., n.d.
- A history of fine art in India and Ceylon. Ed. III. Bombay, n.d.
- Snoy P., 1965.
- Nuristan and Munğan. — "Tribus. Veröffentlichungen des Linden-Museums". Stuttgart, № 14, 1965.
- Stein A., 1921.
- Serindia, vol. I-V. Oxford, 1921.
- Stein A., 1928.
- Innermost Asia, vol. I-III. Oxford, 1928.
- Stein A., 1936.
- An archaeological tour in the ancient Persia. — "Iraq", vol. III, pt 2. London, 1936.
- Sylwan V., 1941.
- Woolen textiles of the Lou-Lan people. Introduction by F. Bergman. Appendix: Spinning tools and spinning methods in Asia by G. Montell. Stockholm, 1941 /Reports from the Scientific expedition to the North-Western provinces of China, VII. Archaeology, 2. The Sino-Swedish expedition, publ. 15/.
- Swallow R.W., 1937.
- Ancient Chinese bronze mirrors. Peiping, 1937.
- Tallgren A.M., 1917.
- Collection Tovostine des antiquités de Minousinsk conservées chez le Dr. Karl Hedman a Vasa. Chapitres d'archéologie Sibérienne. Helsingfors, 1917.
- Tallgren A.M., 1918.
- Collection Zoussaïlov au Musée de Finlande a Helsingfors, II. Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary. Helsingfors, 1918.
- Tarn W.W., 1951.
- The Greeks in Bactria and India. 2-nd ed. Cambridge, 1951.

- The glass, 1957.
- The glass from the ancient world the Ray Winfield Smith collection. New York, 1957.
- To II N.P., 1946.
- The Necropolis. New Haven, 1946 /The excavations at Dura-Europas. Preliminary report on the ninth season of work, 1935-1936, pt 2/.
- Tudor D., 1937.
- I cavalieri Danubiani. — "Ephemeris Dacoromana, Annuario della Scuola Romana di Roma", VII. Roma, 1937.
- Umehara S., 1955.
- The late Mr. Moriva's collection of ancient Chinese mirrors. — ArAs, vol. XVIII/3-4. Ascona, 1955.
- Umehara Sueji, 1963.
- Ancient mirrors and their relationship to early Japanese culture. — "Acta Asiatica, Bulletin of the Institute of Eastern culture". Tokyo, 1963, n. 4.
- Vader V.H., 1932.
- The Twin Gods Ásvinas. — "The Indian Historical quarterly", vol. VIII. Calcutta, 1932.
- Van den Bergh L., 1988.
- Het archeologisch onderzoek naar de bronscultuur van Luristan. Opgravingen in Pusthi Kuh, I. Kalwali en War Kabud (1965-en 1966). Brussel, 1968.
- Vandermeersch L., 1960.
- Les miroirs de bronze du Musée de Hanoi. Paris, 1960 /Publications de l'École Française d'Extrême-Orient, vol. XLVI/.
- Vendryes J., 1948.
- Le religion des celtes. — In: "Mana, Introduction a l'histoire des religions", 2, III. Paris, 1948.
- Viennot O., 1954.
- Le culte de l'arbre dans l'Inde ancienne. Textes et monuments brâhmaniques et bouddiques. Paris, 1954 /Annales du Musée Guimet. Bibliothèque d'études, t. 59/.
- Virchow, 1890.
- Nordkaukasische Altertümer. — ZE, Bd XXII. Berlin, 1890.
- Vissering W., 1877.
- On Chinese currency. Coin and paper money. Leiden, 1877.
- Vries J. de., 1956-1957.
- Altgermanische Religionsgeschichte, Bd I. Berlin, 1956 /Grundriss der Germanischen Philologie, 12/1/; Bd II. Berlin, 1957 /Grundriss..., 12/2/.
- Vries J. de., 1961.
- Keltische Religion. Stuttgart, 1961 /Die Religionen der Menschheit, Bd 18/.
- Ward D., 1968.
- The divine twins. An Indo-European myth in Germanic tradition. Berkeley — Los Angeles, 1968 /Folklore Studies of University of California, № 19/.
- Watson W., 1966.
- Early civilization in China. New York, 1966.
- Wensinck A.J., 1921.
- Tree and bird as cosmological symbols in Western Asia. Amsterdam. 1921 /Verhandelingen der Koninklijke Akademie van Wetenschappen te Amsterdam. Afdeling Letterkunde, vol. 22/1/.
- Werner J., 1956.
- Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. A. Textteil. München, 1956 /Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Abhandlungen. Neue Folge, H. 38-A /; B. Tafelteil (Bayerische..., H. 38-B). München, 1956.
- White D., 1963.
- A survey of millstones from Morgantina. — AJA, vol. 67, № 2, 1963.

- White W. Ch., 1934.
Tombs of Old Lo-Yang. A record of the construction and contents of a group of royal tombs at Chin-ts'un, Honan, probably dating 550 B.C. Shanghai, 1934.
- Widengren G., 1938.
Die Hochgottglaube in Alten Iran. Uppsala, 1938.
- Widengren G., 1965.
Die Religionen Irans. Stuttgart, 1965 /Die Religionen der Menschheit, Bd 14/.
- Wikander S., 1946.
Feuerpriester in Kleinasien und Iran. Lund, 1946.
- Wikander S., 1950.
Sur le fonds commun indo-iranien des épopées de la Perse et de l'Inde, — "La nouvelle Clio", I, 1950.
- Wikander S., 1958.
Nakula et Sahadeva. — "Orientalia Suecana", vol. VIII (1957), Uppsala, 1958.
- Wolff F., 1910 (1960).
Awesta. Die heiligen Bücher der Parsen überetzt auf der Grundlage von Chr. Bartholomae's altiranischen Wörterbuch von E. Wolff. Strassburg, 1910 (Nachdruck. Berlin, 1960).
- Wulff H. E., 1966.
The traditional crafts of Persia. Their development, technology and influence on Eastern and Western civilisations. London, 1966.
- Yang, Lien-sheng, 1955.
Notes on Maspero's Les documents chinois de la troisième expedition de Sir Aurel Stein en Asie Centrale. — HJAS, vol. 18, 1955, № 1-2.
- Ying-shih Yü, 1967.
Trade and expansion in Han China. Berkeley — Los Angeles, 1967.
- Zaehner R.C., 1956.
The teachings of the Magi. A compendium of zoroastrian beliefs. London—New York, 1956.
- Zaehner R.C., 1961.
The dawn and twilight of Zoroastrianism. New York, 1961.

СПИСОК СОКРАЩЕННЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ МОГИЛЬНИКОВ

А	- Ашт
Ашт-Вес.	- Ашт - раскопки Н. И. Веселовского
БДШ	- Бобой-Дархан (Шуробак)
ВУ	- Ворухское ущелье
Д	- Долона
ДК	- Кара-сай (Дахона)
Д4	- Чарчанак-сай (Дахона)
И	- Исфара I
К	- Карабаг
КВ	- Ворухский
КК	- Курук-сай (курганы)
КС	- Курук-сай (курумы)
МКМ	- Кармазар-сай
НК	- Калантар-хона (Навгилем)
НУ	- Усто-мулло (Навгилем)
ПБ	- Дашти-Бодомак (Пангаз)
С	- Сурх
Ч	- Чильгазы
ЧК	- Чорку
ХХ	- Хозина-хона

СПИСОК ТАБЛИЦ

- Табл. 1. Классификация железных ножей (1 - НК-12; 2 - КВ-2; 3 - КВ-7; 4 - КВ-3; 5 - ВУ-8; 6 - КВ-11; 7 - КВ-18; 8 - К-37; 9,26 - НК-17; 10 - ЧК-II-29; 11 - ЧК-1-22; 12 - КВ-51; 13 - КВ-16; 14 - С-II-11; 15 - ЧК-1-39; 16 - К-6; 17 - ВУ-32; 18 - ЧК-II-19; 19 - КВ-26; 20 - К-39; 21 - КВ-6; 22 - КВ-17; 23 - КВ-11; 24 - ВУ-10; 25 - НУ-5).
- Табл. 2. Железные ножи из могильников и поселений (1, 16 - Чадак-муг-хона; 2, 3, 5 - Пенджикент; 4, 12, 14 - Алжина-тепа; 6, 15 - Гур-Мирон; 7-11 - Боркорбаз; 13, 17 - Хангиз).
- Табл. 3. Железные ножи из карамазарских курумов (1 - МКМ-2; 2 - БДШ-32; 3 - КС-2; 4,6 - БДШ-27; 5 - БДШ-19).
- Табл. 4. Железные ножи с бронзовой и костяной рукоятями (1 - ВУ-5; 2, 3 - КВ-3).
- Табл. 5. Костяные рукояти и игольники из исфаринских курганов (1, 4, 12 - КВ-16; 2 - ВУ-8; 3 - ВУ-1; 5 - КВ-6; 6 - КВ-24; 7 - КВ-9; 8 - НК-14; 9 - КВ-90; 10 - КВ-3; 11 - КВ-7; 13 - КВ-2; 14 - КВ-4; 15 - КВ-13).
- Табл. 6. Каменные оселки из западноферганских могильников (1 - КВ-43; 2 - ВУ-14; 3 - НУ-5; 4 - КВ-24; 5, 6 - Чадак, раскопки Н. И. Веселовского, курум 2; 7 - ПБ-5; 8 - НК-18; 9 - ПБ-24; 10 - ДК-2; 11, 13, 16, 19 - Ашт-Вес.; 12 - ПБ-7; 14 - НК-7; 15 - ВУ-35; 17 - НУ-7; 18 - ДЧ-36; 20 - БДШ).
- Табл. 7. Жернов и чугунный котел (1 - КК-6; 2 - ЧК-1-1-насыпь).
- Табл. 8. Классификация пряслиц из западноферганских могильников (1 - НК-20; 2 - КВ-99; 3 - С-I-16; 4 - С-I-5; 5 - НК-1; 6 - С-I-33; 7 - А-28; 8 - К-70; 9 - ЧК-1-18; 10 - С-II-36а; 11 - А-4; 12 - НК-19; 13 - С-I-44; 14 - ЧК-1-14; 15 - ЧК-1-30; 16 - ВУ-44; 17 - НК-18; 18 - ВУ-41; 19 - ДЧ-8; 20 - ВУ-26; 21 - ЧК-1-38; 22 - С-II-36а; 23 - БДШ-2; 24 - А-19; 25 - К-39; 26 - Кех-26) (№ 5 - дерево, № 23 - кость, № 24 - камень, остальные - керамика).

- Табл. 9. Керамические пряслица из исфаринских курганов и карамазарских курумов (1 - МКМ-1; 2 - ВУ-27; 3 - С-И-5; 4 - ДЧ-12; 5 - ХХ; 6 - БДШ-5; 7 - ПБ-22; 8 - БДШ-5; 9 - С-И-16; 10 - НК-6; 11-ВУ-27; 12 - ВУ-47; 13 - А-1; 14 - ВУ-44).
- Табл. 10. Керамические пряслица из ферганских могильников (1 - Ашт-Вес., курум; 2 - Ашт-Вес., курум 1; 3 - Ашт-Вес., курум 4а; 4 - Гур-Мирон, курган 9; 5 - Гур-Мирон, курган 26; 6 - Гур-Мирон, курган 13; 7-9 - муг-хона в Чадаке; 10 - Джангаил, курган 3; 11 - Джангаил, курган 14; 12-15 - Хангиз, курган 27; 16-17 - Боркорбаз, курган 2; 18-19 - Боркорбаз, курган 9; 20-21 - Боркорбаз, курган 7).
- Табл. 11. Пряслица из поселений Южного Таджикистана (1-23 - Калаи-Кафирниган; 24-35 - Кафыр-Кала, 36-45 - Тепаи-Шах).
- Табл. 12. Деревянные изделия из исфаринских могильников (1 - ВУ; 2, 6, 10 - ВУ-5; 3 - ВУ-40; 4, 5, 8, 14 - ВУ-47; 7 - И-3; 9, 13 - ВУ-2; 11, 16 - И-1 (раскопки Б. А. Латынина и Т. Г. Оболдуевой); 12 - ВУ-8; 15 - С-П-42).
- Табл. 13. Деревянные изделия из Карабулакского и Боркорбазского могильников (1-20 - Карабулак, по Ю. Д. Баруздину; 21 - Боркорбаз, по С. С. Сорокину).
- Табл. 14. Плетеные изделия из исфаринских могильников (1 - ВУ-5; 2-4 - И-3).
- Табл. 15. Зеркала из исфаринских могильников (1 - НК-1; 2 - ВУ-50; 3 - ВУ-40; 4 - С-И-33; 5 - КВ-75; 6 - С-И-3; 7 - ВУ-38; 8 - ВУ-15; 9 - КВ-8; 10 - КК-6; 11-12 - КВ-18; 13 - КВ-49; 14 - КВ-51; 15 - ВУ-12; 16 - ВУ-10; 17 - НУ-5; 18 - КВ-92; 19 - КВ-52; 20 - С-И-23).
- Табл. 16. Миниатюрные зеркала из исфаринских курганов (1, 8 - КВ-26; 2 - НУ-8; 3 - КВ-6; 4 - КВ-18; 5 - С-И-44; 6 - ЧК-1-21; 7 - ЧК-П-25).
- Табл. 17. Среднеазиатские зеркала эпохи бронзы (1, 5, 6 - ранний Тулхар; 2 - Ай-Куль, 3, 13 - Чуст; 4, 10, 20 - Садовое; 7 - Сапалли-тепа; 8, 16 - Сукулук; 9 - Муминабад; 11 - Заманбаба; 12 - Дальверзин; 14 - поселение у 102 км; 15 - Намазга-депе; 17 - Гиссарский район; 18 - Алтын-депе; 19 - Тигровая балка (1, 5, 6 - по А. М. Мандельштаму; 2, 17, 19 - по Б. А. Литвинскому; 7 - по А. Аскаркову; остальные - по Е. Е. Кузьминой).
- Табл. 18. Зеркала из разных могильников (1, 4 - Туп-хона; 2 - Ашт-Вес.; 3 - Пскентский могильник, В-П-4; 5 - погребение на Душанбинских холмах; 6 - Фархадстрой, некрополь).
- Табл. 19. Зеркала из разных могильников (1 - Карашвакский могильник, курган 7, по Ю. А. Заднепровскому; 2 - Боркорбаз, курган 2; 3 - Боркорбаз, курган 4; 4 - Гур-Мирон; 5 - Джунский могильник, курган 7; 6 - Чадак, муг-хона).

- Табл. 20. Ручка-статуэтка зеркала из Карабулакского могильника.
- Табл. 20а. Бронзовые зеркала с ручками-статуэтками из Масджида Сулейман (по Р. М. Гиршману).
- Табл. 21. Зеркала из Джолсайского могильника.
- Табл. 22. Ручки зеркал (1-2 - Пенджикент, по В. И. Распоповой; 3 - Луристан, по А. Годару) и изображения на печати (4-5 - Игрони-боло, по Е. П. Денисову).
- Табл. 23. Привозные зеркала и их имитации в исфаринских могильниках (1 - С-11-8; 2 - КВ-3; 3 - НУ-7; 4 - ЧК-1-28; 5 - ЧК-1-4; 6 - К-37; 7 - ЧК-1-30; 8 - ВУ-51; 9 - КВ-11).
- Табл. 24. Привозные зеркала из разных пунктов Средней Азии (1 - Фархадстрой, восточный некрополь; 2 - Ташкентский музей; 3 - Пскентский могильник, В-1; 4 - Вревский могильник).
- Табл. 25. Привозные зеркала из разных пунктов Средней Азии (1 - могильник Кайрагач; 2 - Ташкентский музей; 3 - Фархадстрой, погребение; 4 - Карабулакский могильник; 5 - Пскентский могильник, А-1; 6 - Карабулакский могильник).
- Табл. 26. Псалии из Луристана (по А. Годару).
- Табл. 27. Антропоморфные всадники на двуглавых конях (1 - Закавказье, по Р. М. Гиршману; 2 - Луристан, по "7000 years of Iranian art").
- Табл. 28. Антропоморфные всадники на двуглавых конях (1 - Луристанский круг, по Р. М. Гиршману; 2 - Луристан, по "7000 years of Iranian art").
- Табл. 29. Спаренные протомы (1 - Тагискен, курган 55; 2 - Луристан, по Р. М. Гиршману).
- Табл. 30. Ручка этрусской амфоры (по Д. Г. Миттену).
- Табл. 31. Сарматские знаки и их аналоги (1 - деталь росписи склепа в Неаполе Скифском; 2 - глиняный штамп из Илурата; 3 - железный налобник из Неаполя Скифского; 4 - пряжка из Чернореченского могильника; 5 - русский орнамент; 6 - хорезмийские тамги; 7 - сарматские знаки; 8 - амулет из Мошинского клада; 9 - амулет из раскопок близ Смелы) (1-3 - по П. Н. Шульцу; 4,7 - по Э. И. Соломоннику; 5-6 - по С. П. Толстову; 8-9 - по Б. А. Рыбакову).
- Табл. 32. Солнечная колесница (1 - роспись в Минг-Ой, по А. Грюнведелю; 2 - каменная капитель, Буткара, по Д. Фаччене).
- Табл. 33. Солнечная колесница (1 - каменное блюдо из Кандагара, по Э. Херцфельду; 2 - каменный рельеф из Хайр-ханы, по Ж. Акэну).
- Табл. 34. Косметические приборы (1 - КВ-16; 2 - НК-19; 3 - МКМ-58; 4 - ВУ-31; 5 - КВ-51; 6 - А-23; 7 - ВУ-40; 8 - КВ-5, 9 - ВУ-30; 10 - Ашт-Вес.; курум 1; 11 - КП-466/2; 12 - НК-16; 13 - А-31; 14 - КВ-49; 15, 21 - А-4

(1961 г.); 16 - А-31; 17 - КП-232/12; 18 - КП-232/12; 18 - КВ-3; 19 - Аджина-тепа; 20 - Якке-Парсан; 22 - этнографический стержень) (1-15, 18а, в - камень; 16, 17, 18б - графит; 19-22 = бронза).

Табл. 35. Каменные стерженьки для сурьмления (1, 29 - Ашт-Вес., курум 5; 2 - Ашт-Вес., курум 1; 3-4, 28 - Ашт-Вес., курум 2; 5 - ВУ-7; 6 - С-II-15; 7 - ВУ-44; 8 - БДШ-2; 9 - ПБ-17; 10 - А-4; 11 - А-25; 12 - К-37; 13 - КВ-61; 14, 33 - Ашт-Вес., курум 4а; 15, 30 - Чадак, курум 2; 16 - ВУ-50; 17 - С-II-16; 18 - С-II-8; 19 - С-II-33; 20 - ЧК-1-9; 21 - ЧК-1-3; 22 - КВ-11; 23 - ЧК-П-25; 24 - МКМ-58; 25 - ДЧ-6; 26 - ДЧ-22; 27 - ПБ-17; 31 - ЧК-1-30; 32 - ЧК-1-47; 34 - Чадак, курум 1; 35 - А-2; 36 - НУ-5; 37 - А-6; 38 - КВ-16).

Табл. 36. Уховертки и косметические пинцеты (1-7 - карамазарские курумы; 8-10 - исфаринские курганы).

ТАБЛИЦЫ

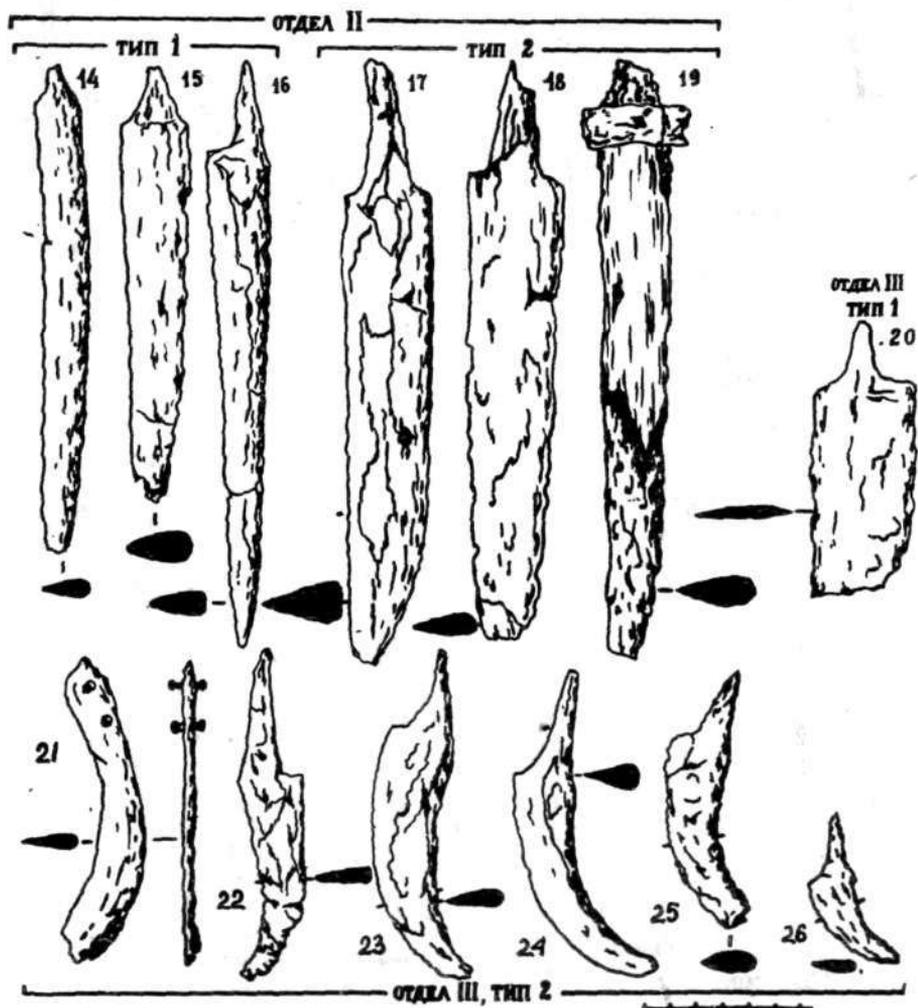
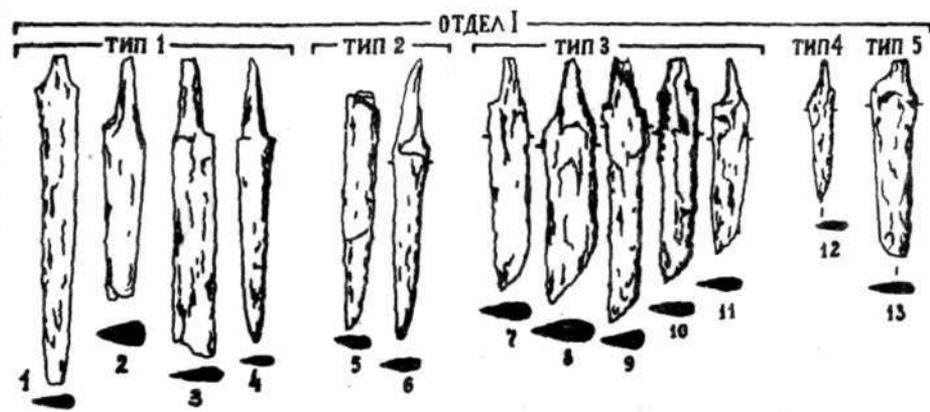

Таблица 1

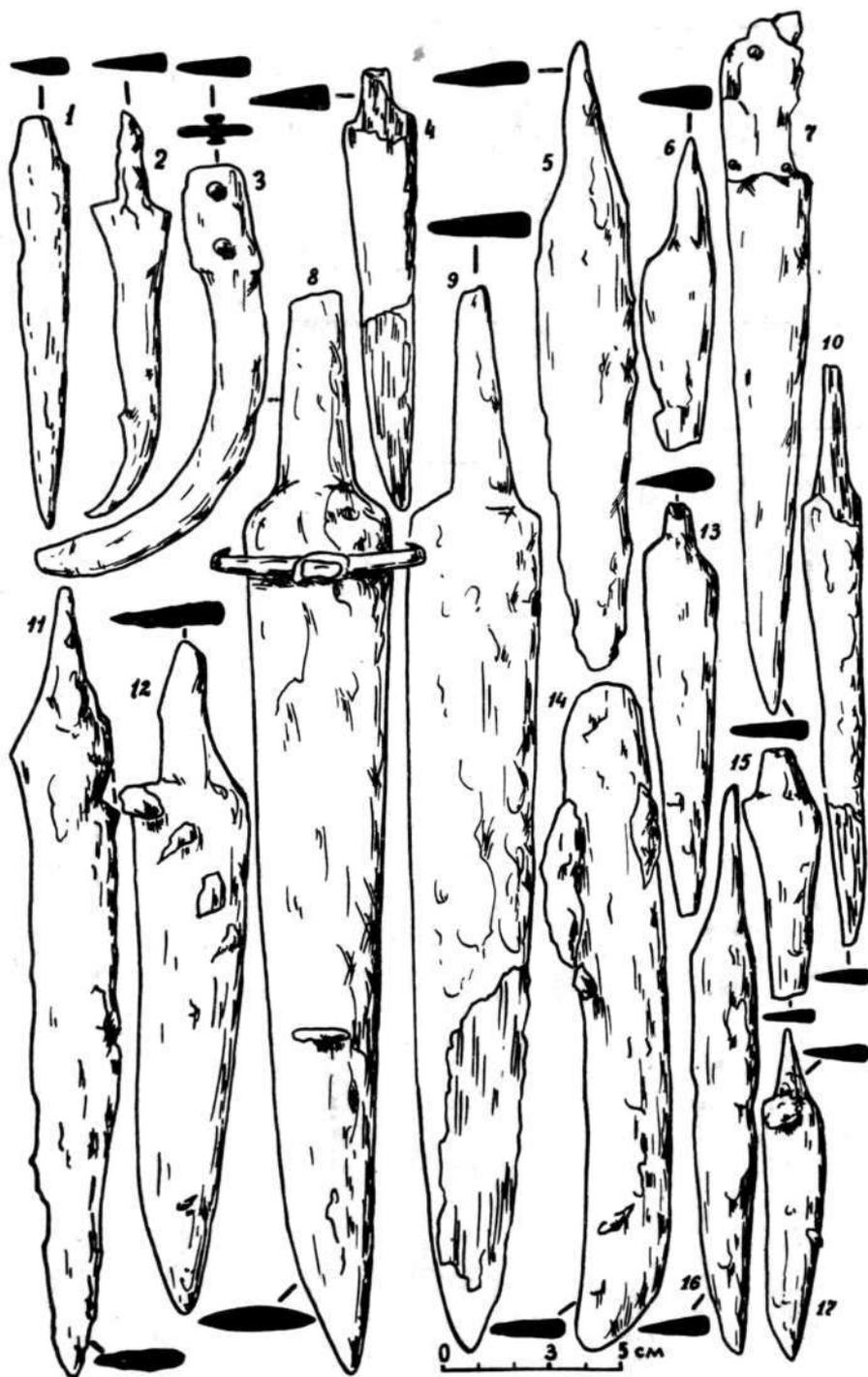

Таблица 2

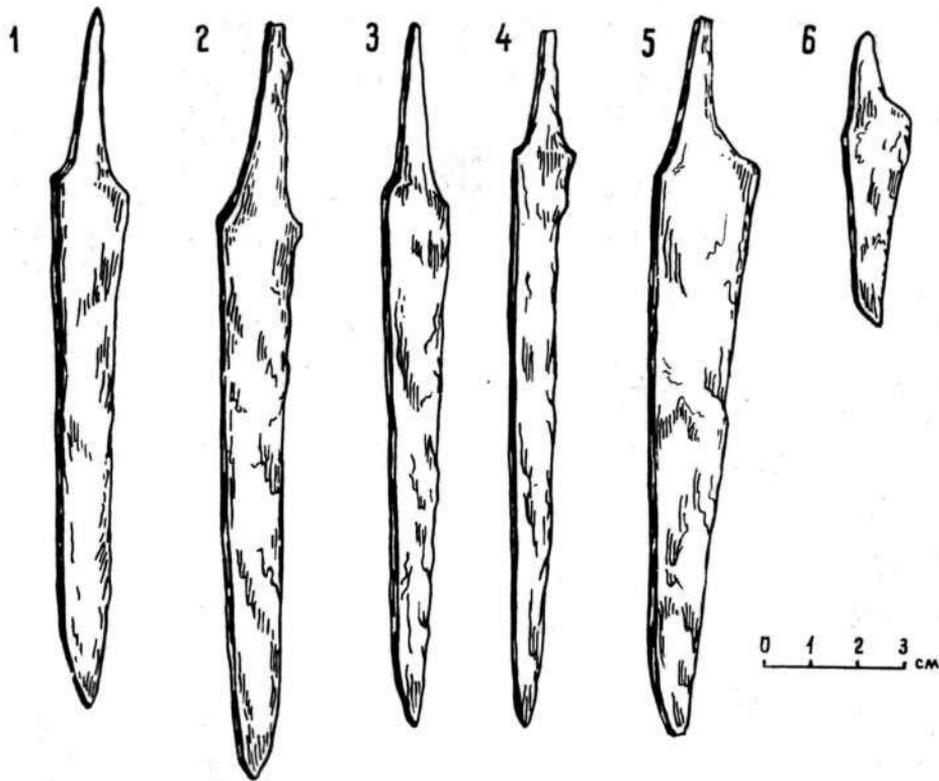

Таблица 3

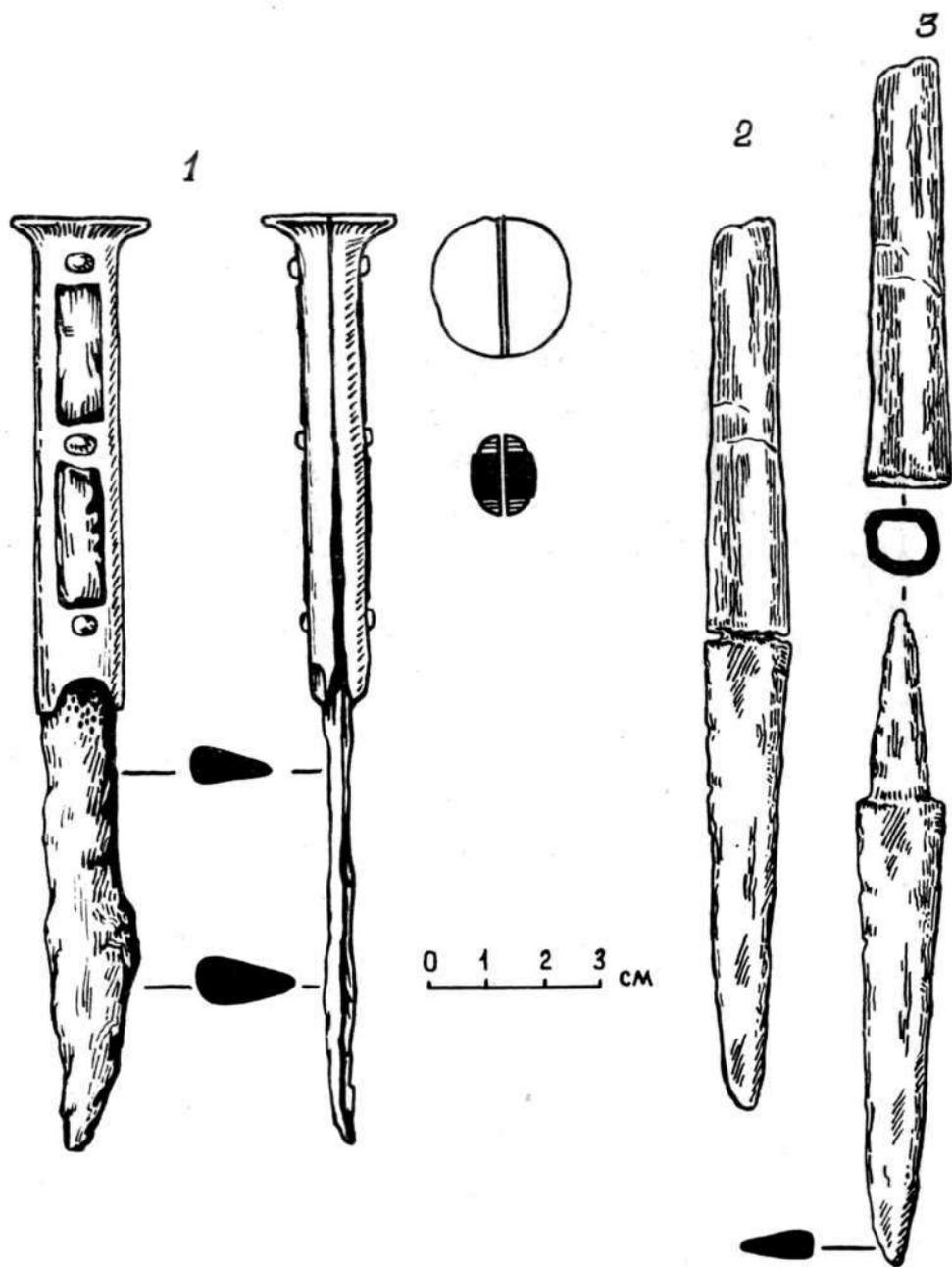

Таблица 4

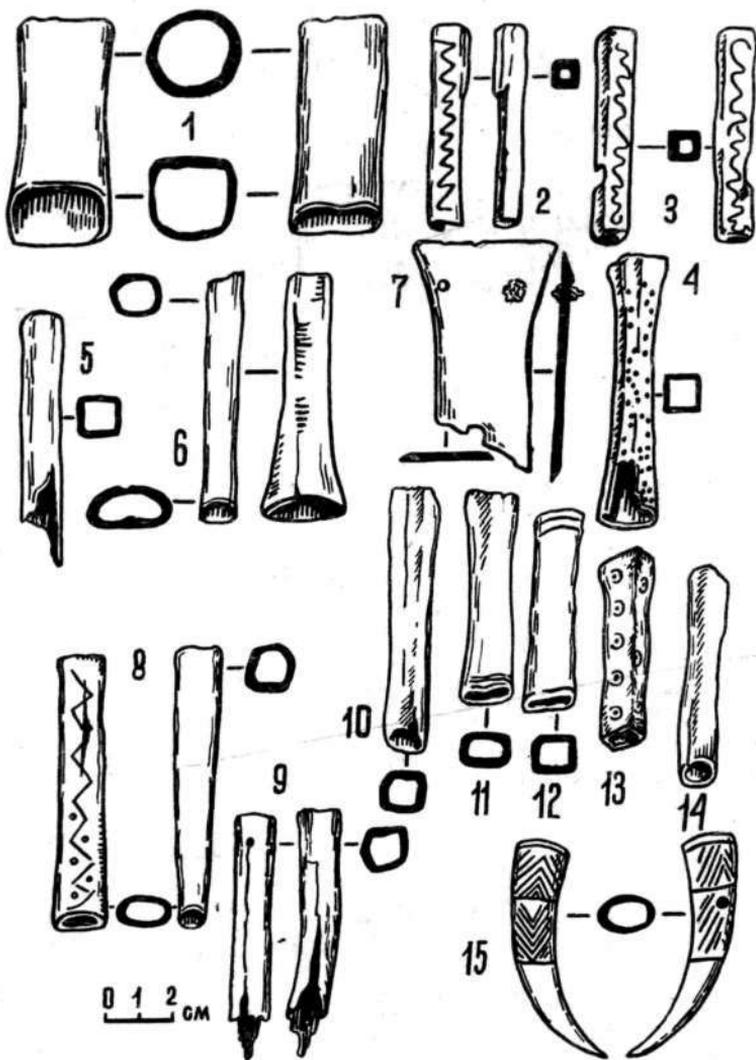

Таблица 5

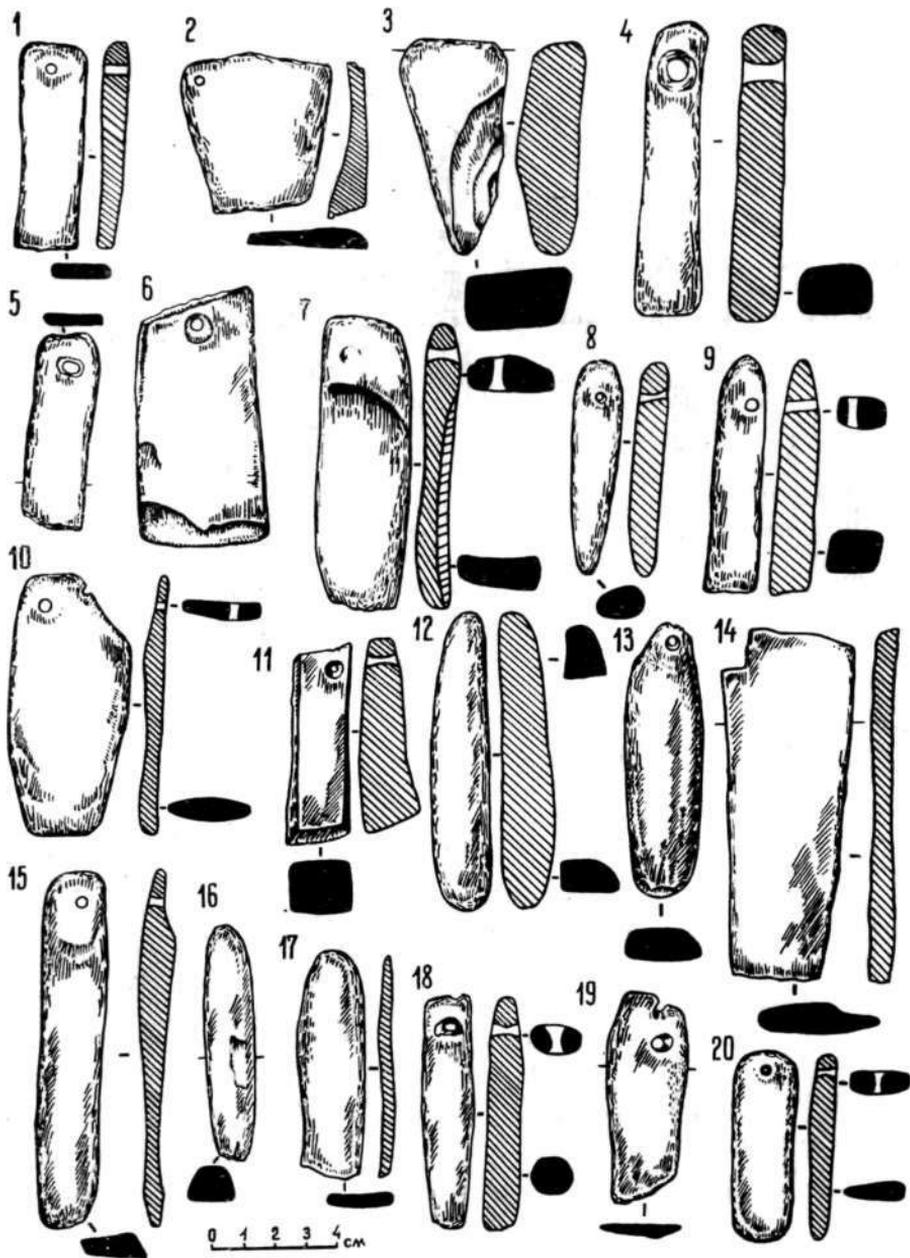
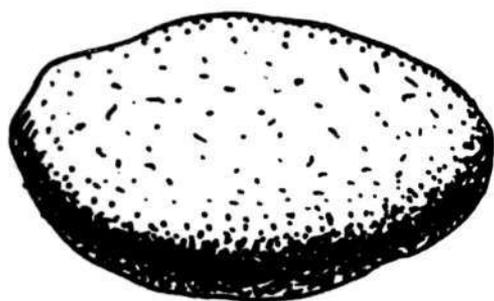
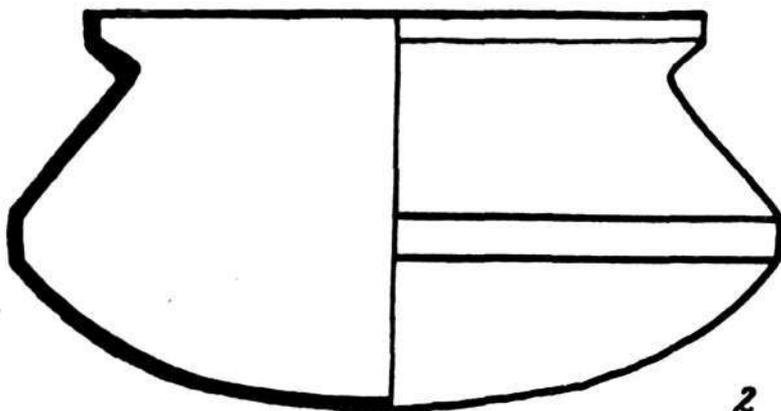

Таблица 6

1

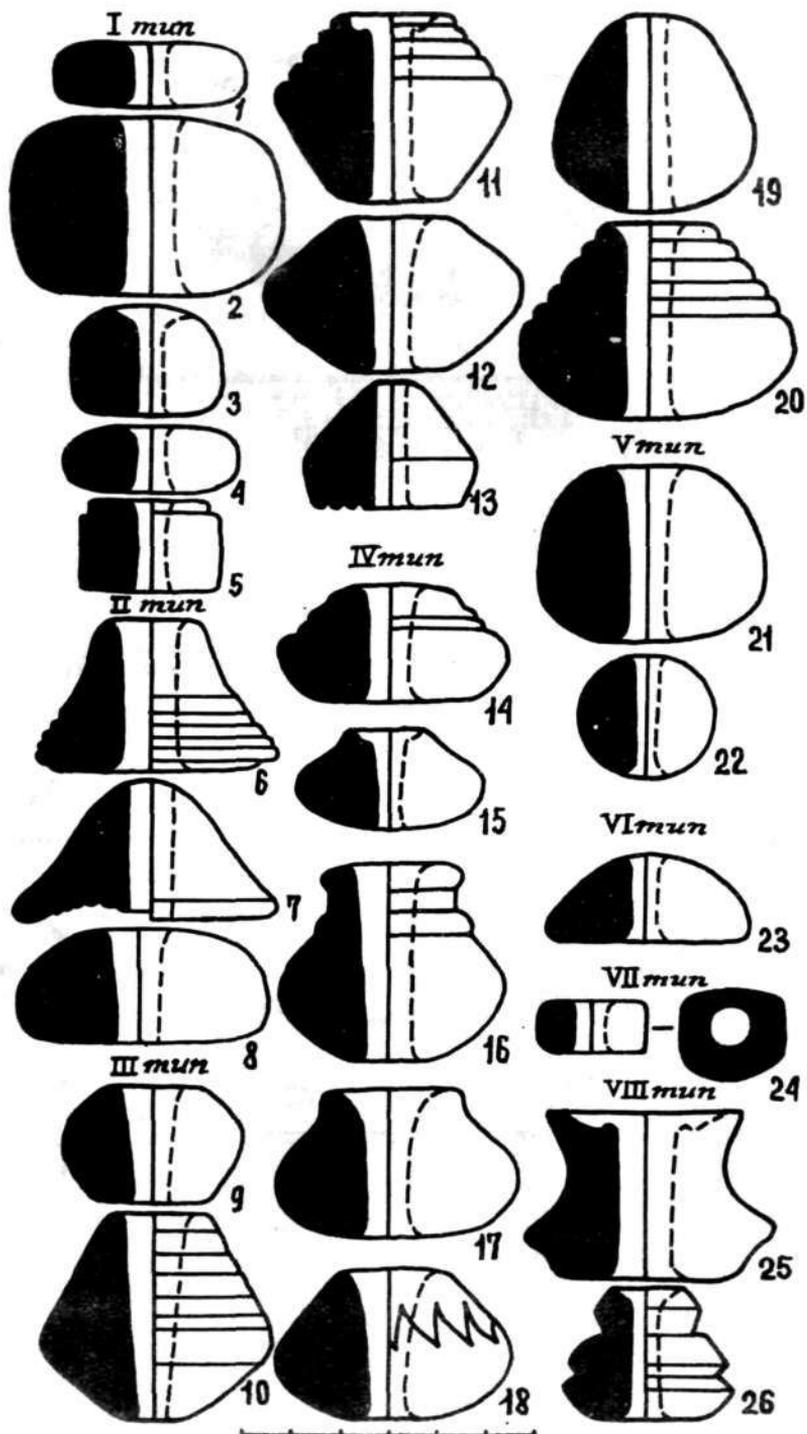

2

0 4 8 12 16 см

A horizontal scale bar with markings at 0, 4, 8, 12, and 16 centimeters. The markings are represented by short vertical lines extending from a horizontal baseline.

Таблица 7

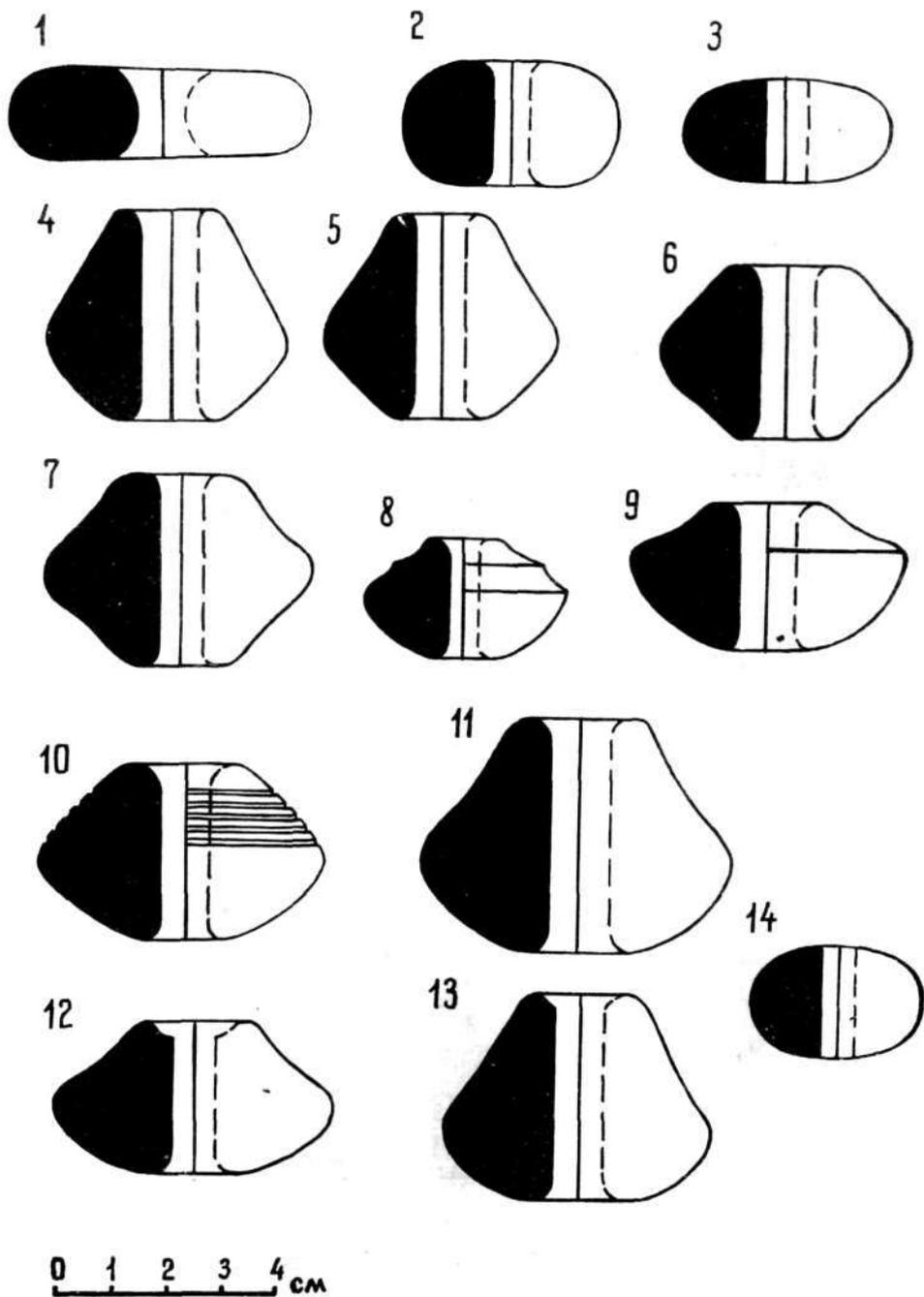

Таблица 9

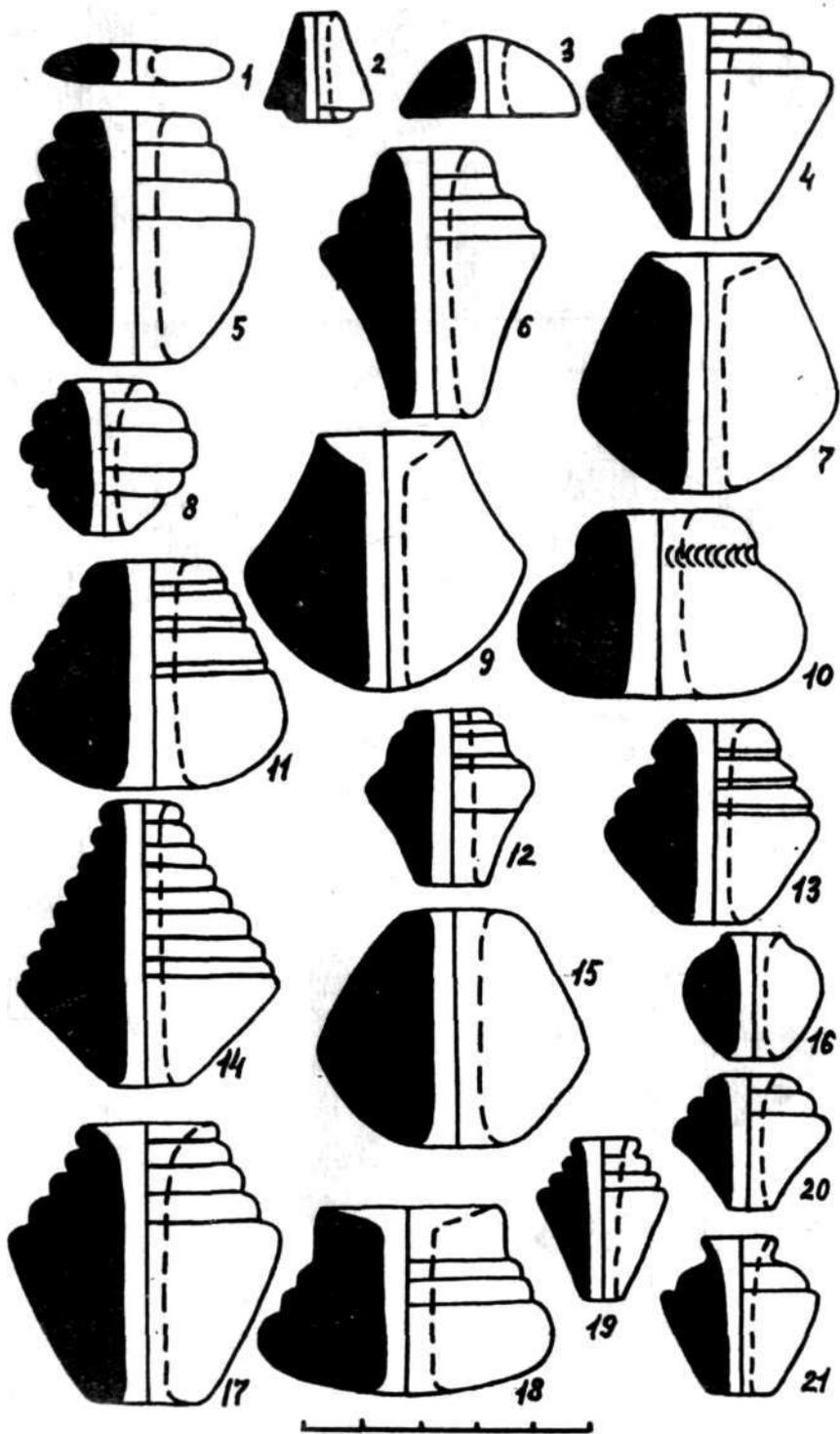

Таблица 10

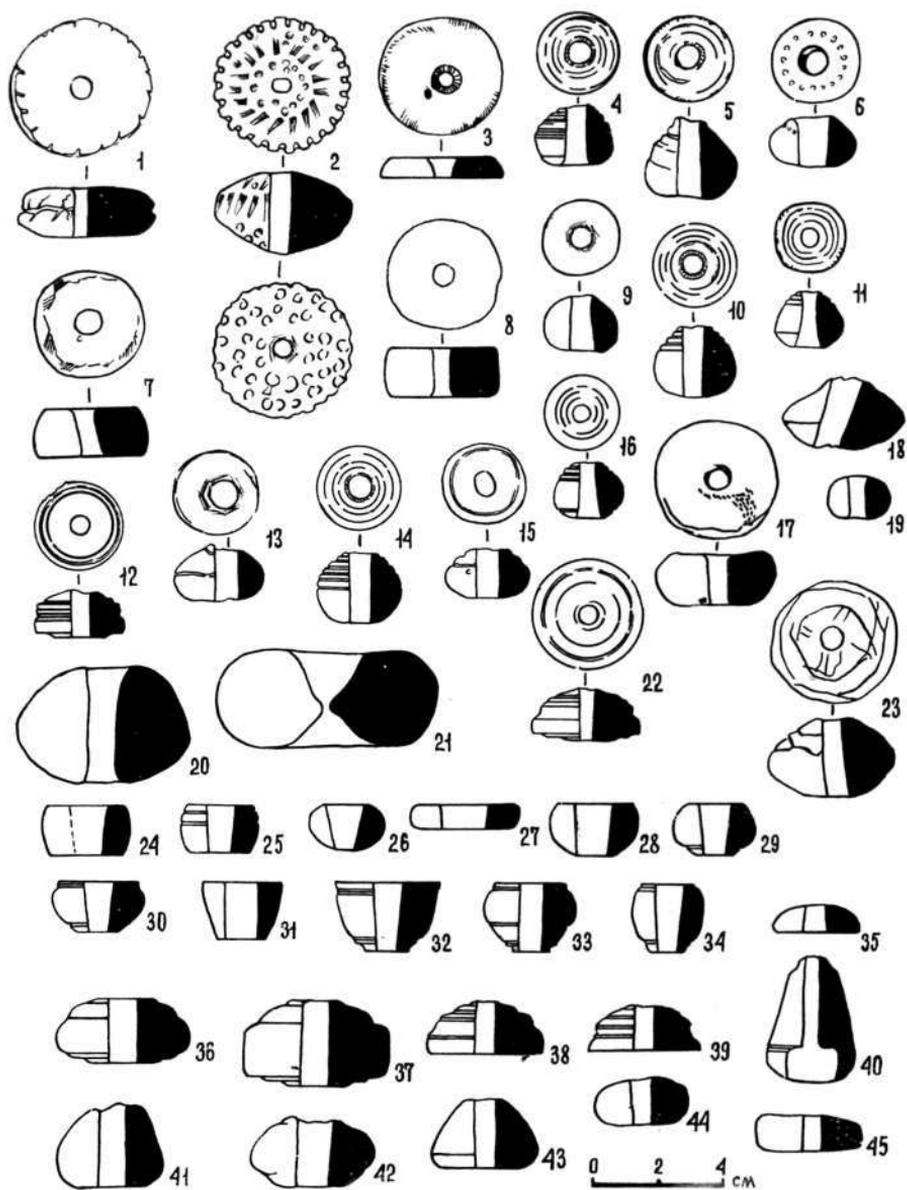

Таблица 1.1.

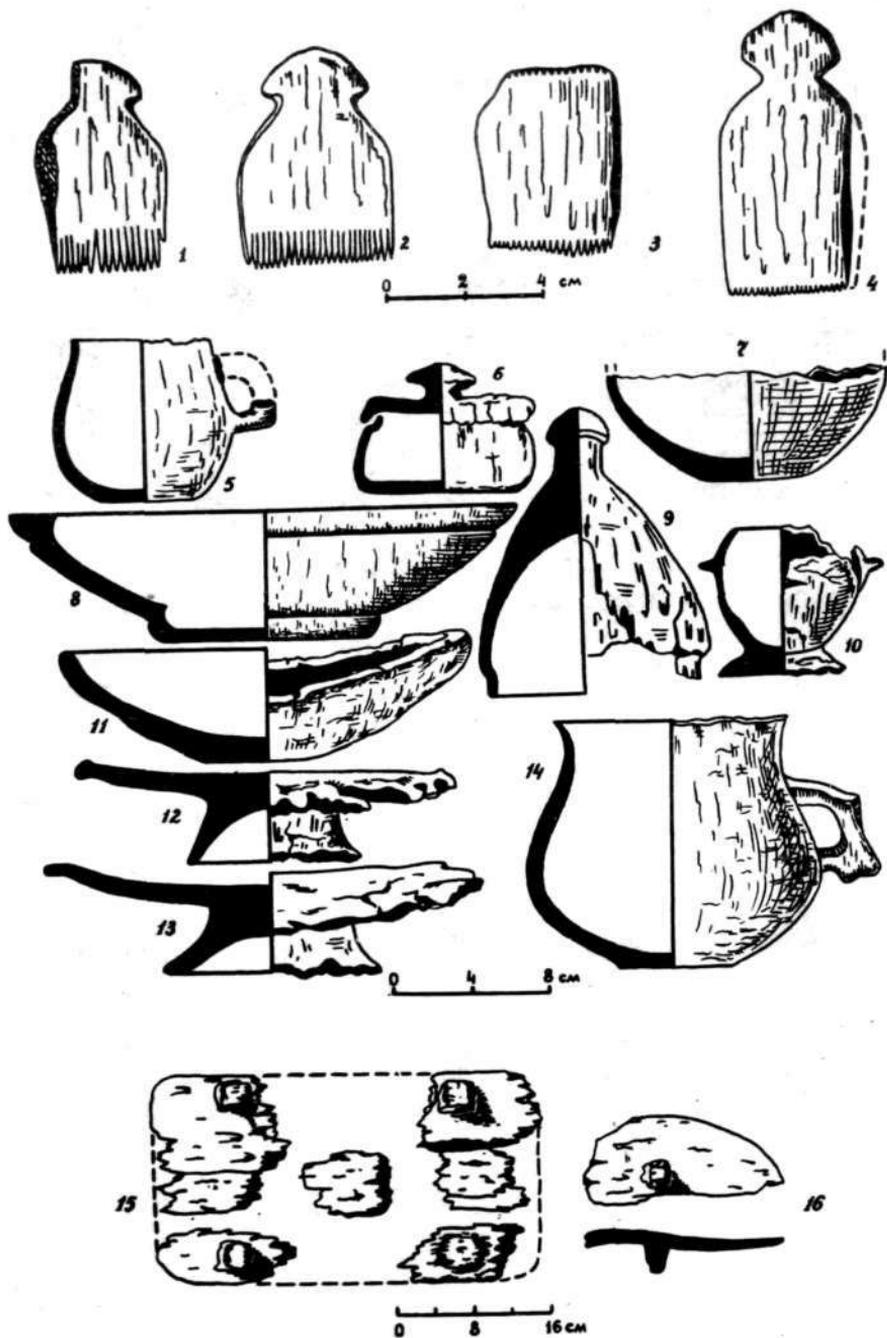

Таблица 12

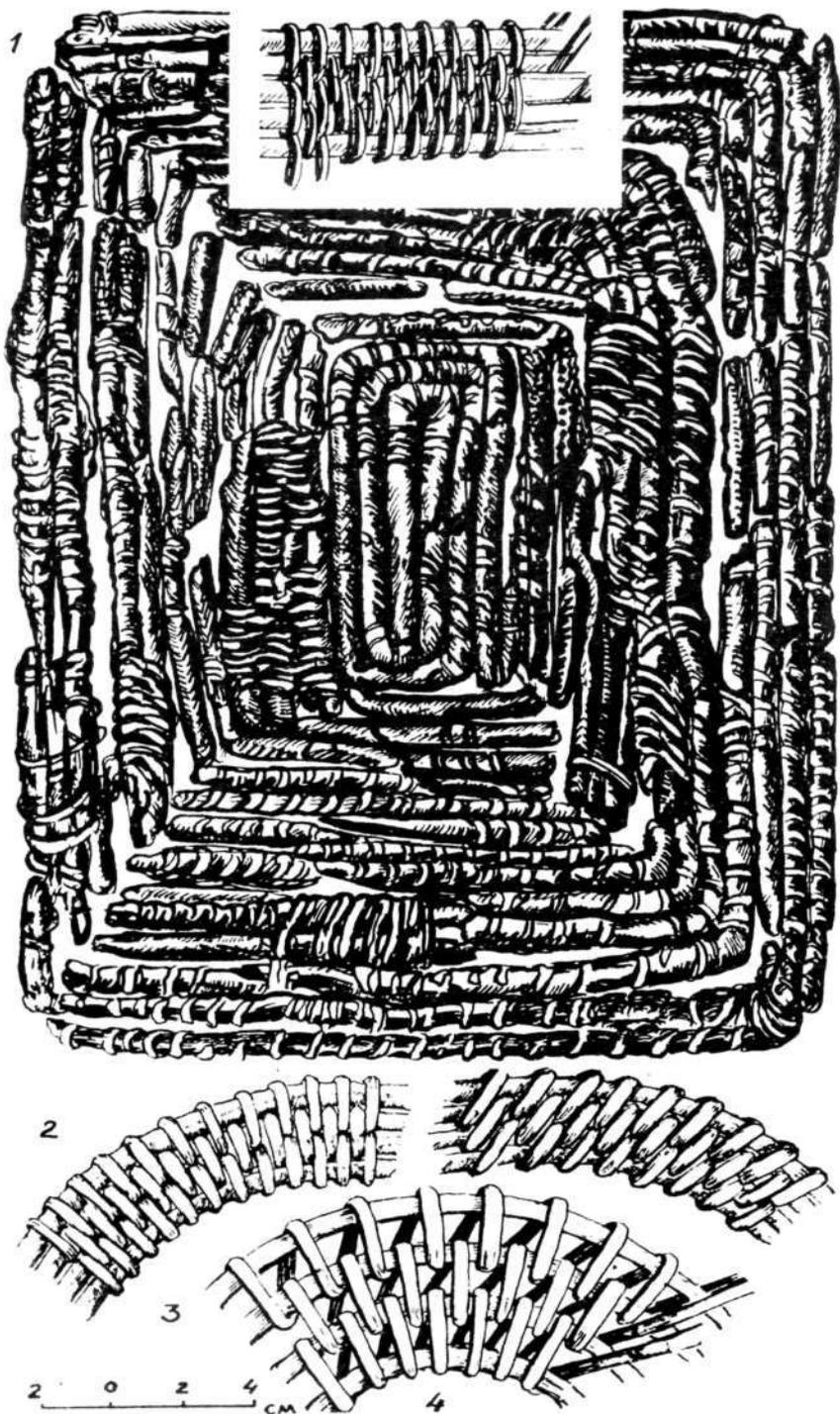

Таблица 14

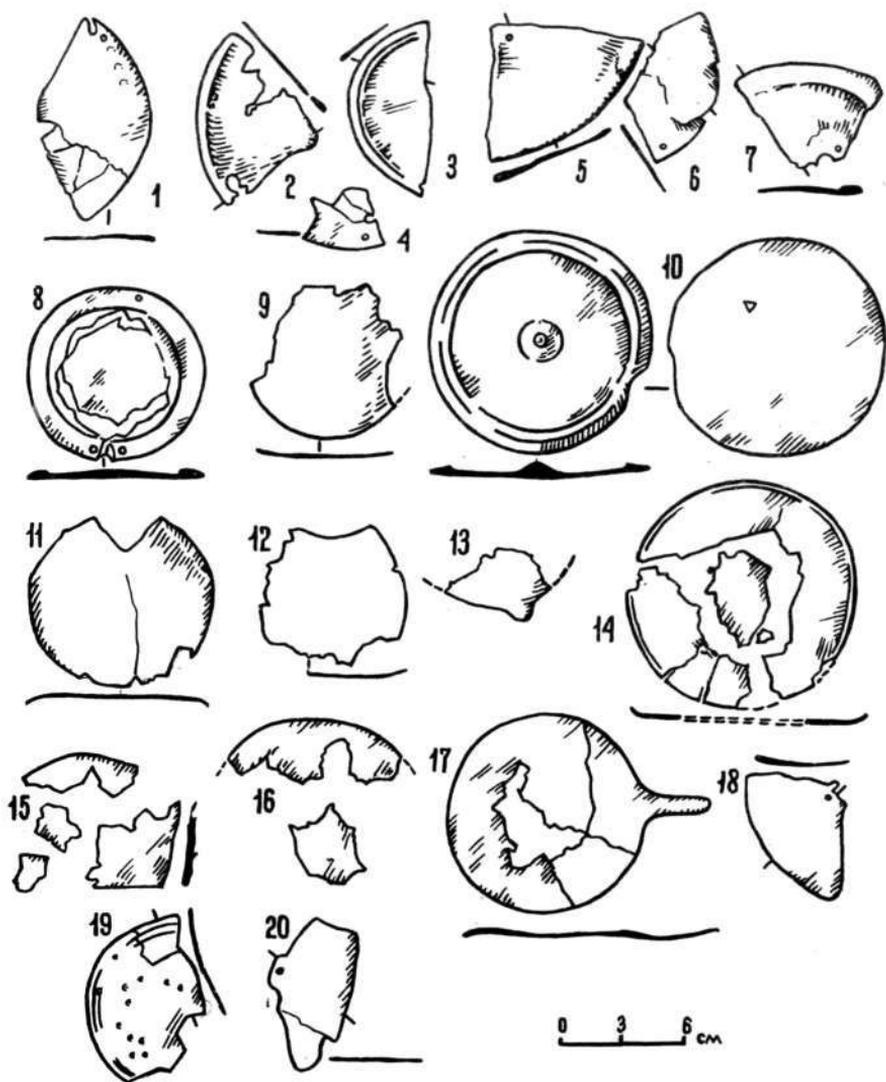

Таблица 15

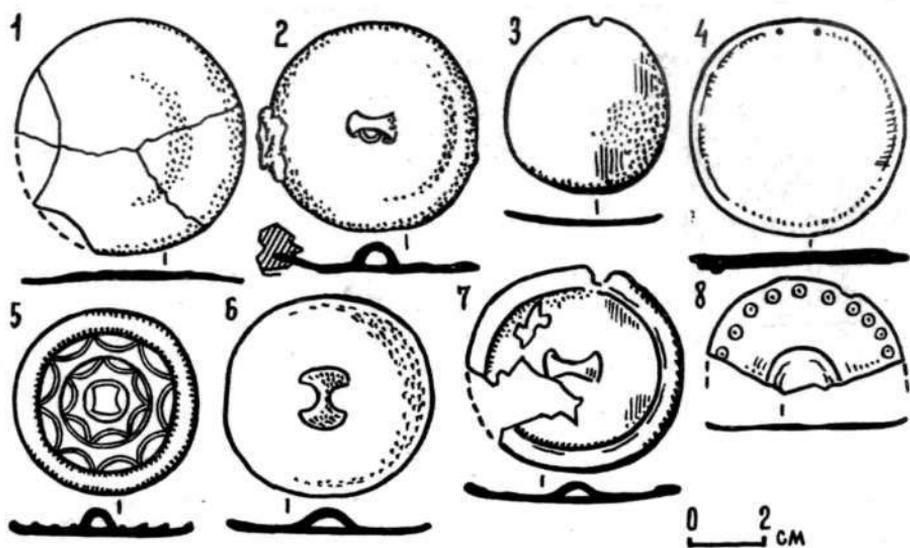

Таблица 16

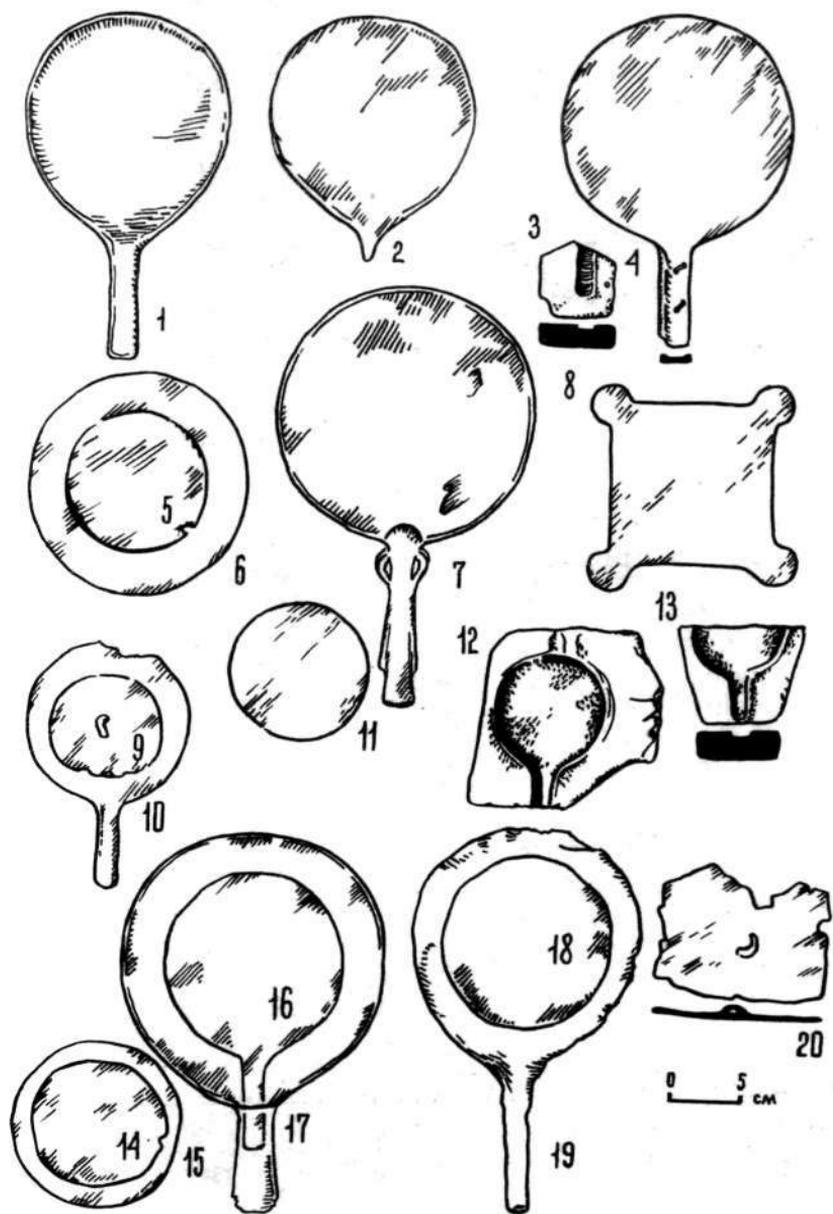

Таблица 17

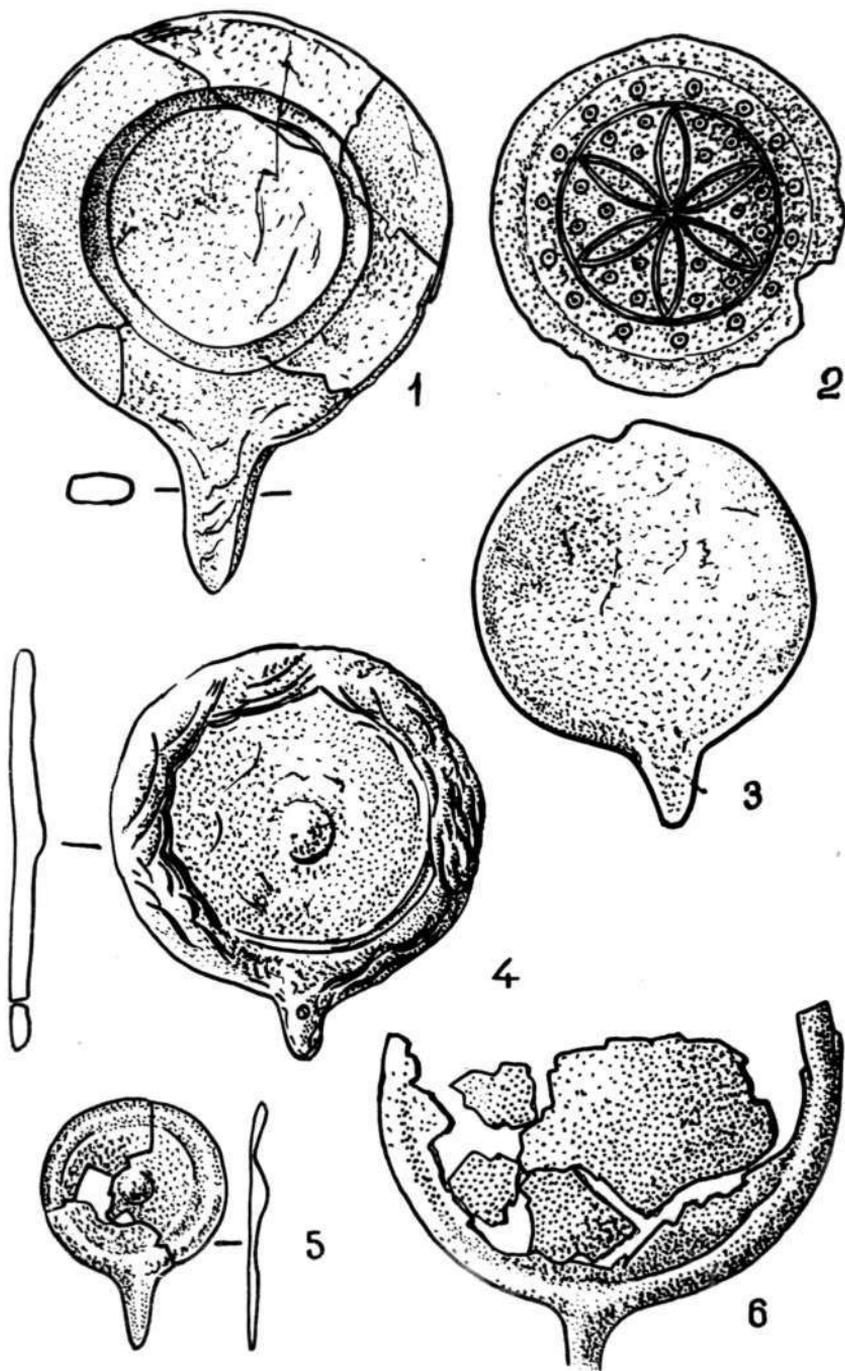

Таблица 18

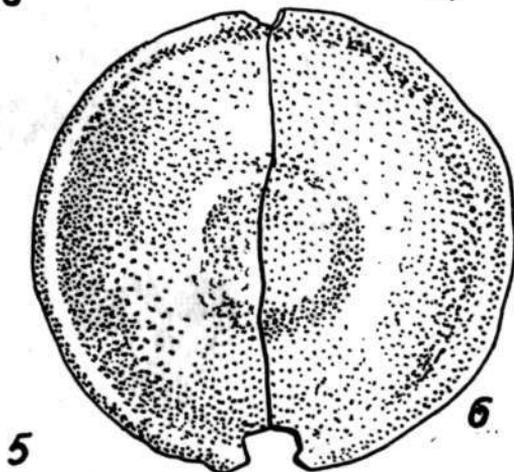
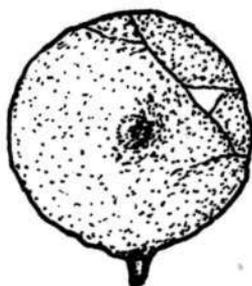
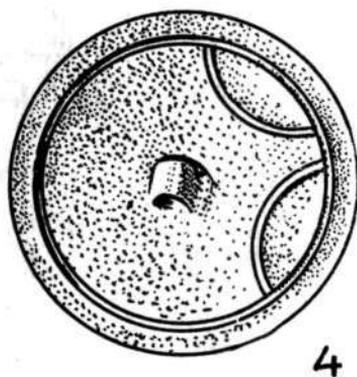
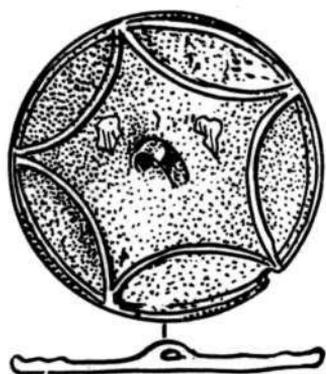
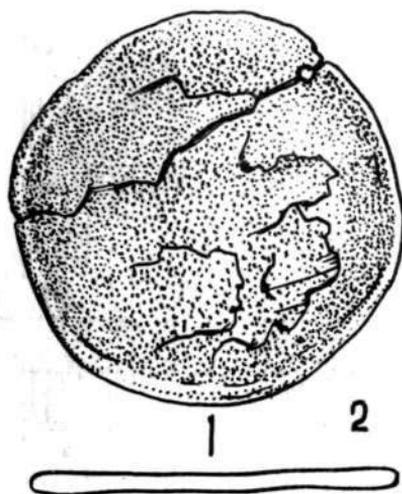
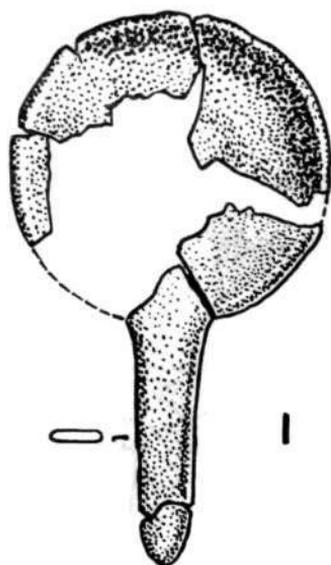

Таблица 19

Таблица 20

а

б

в

1

2

Таблица 20^а

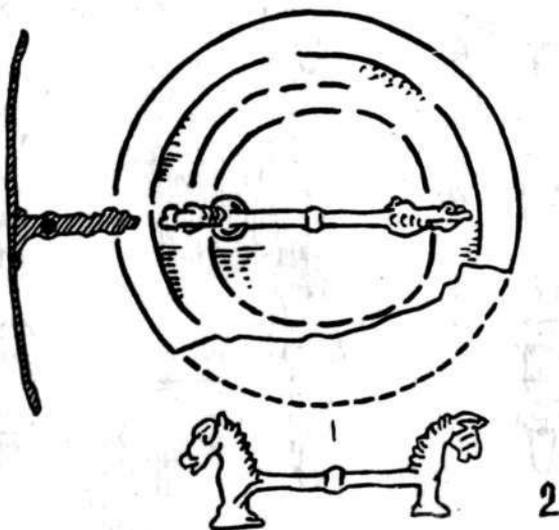
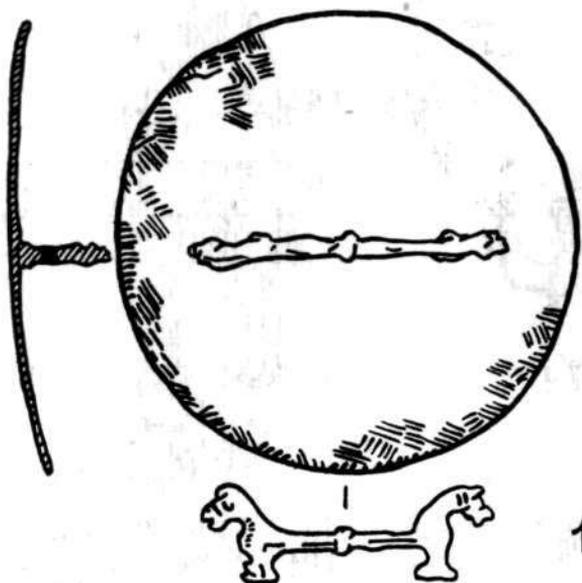

Таблица 21

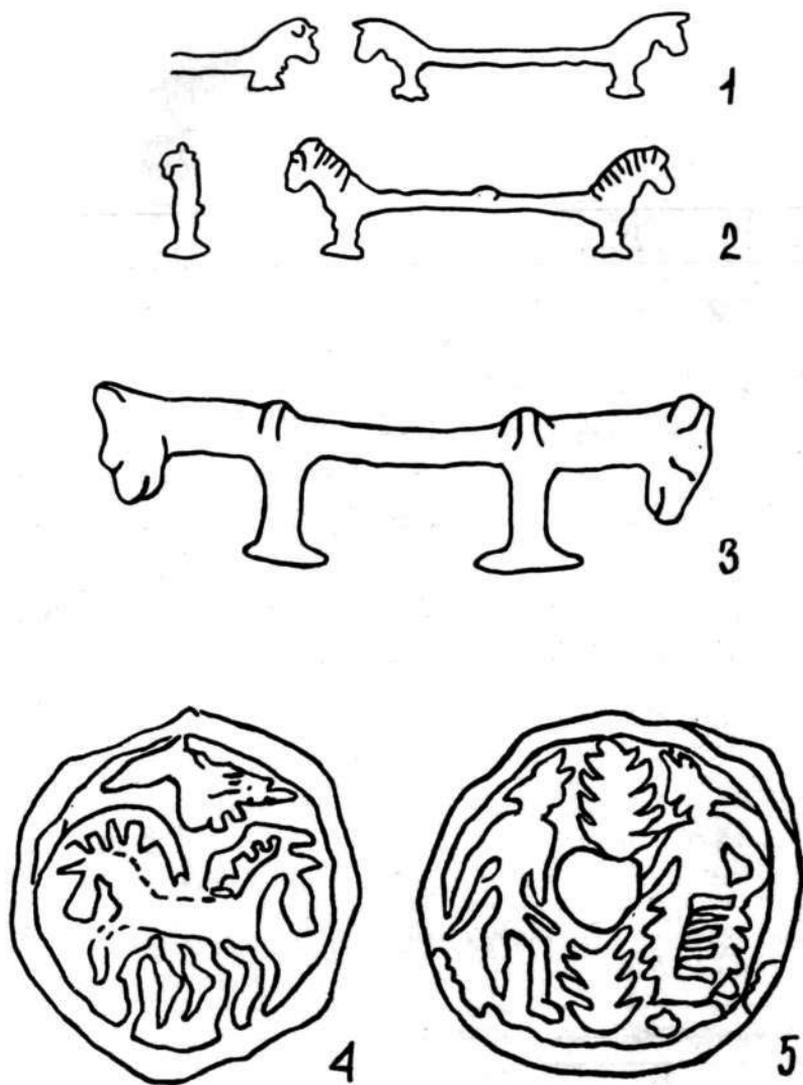

Таблица 22

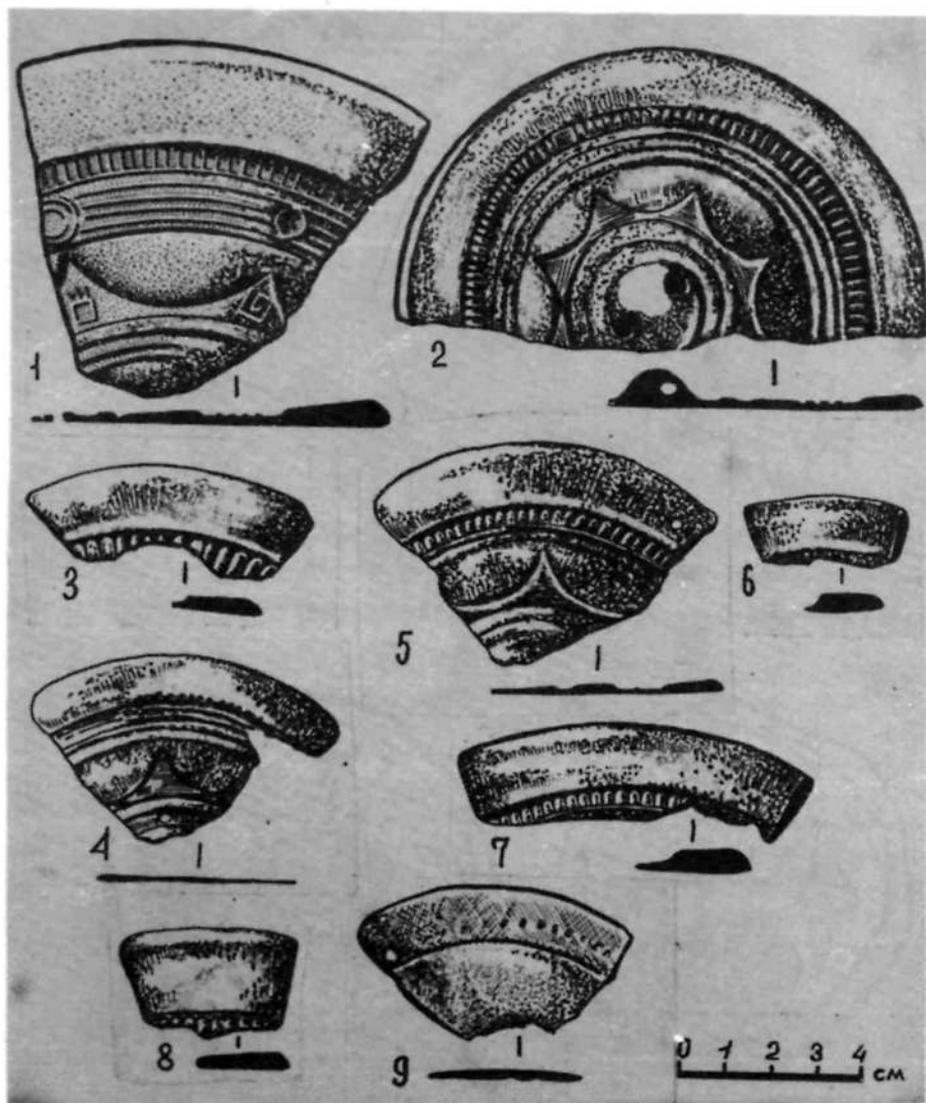
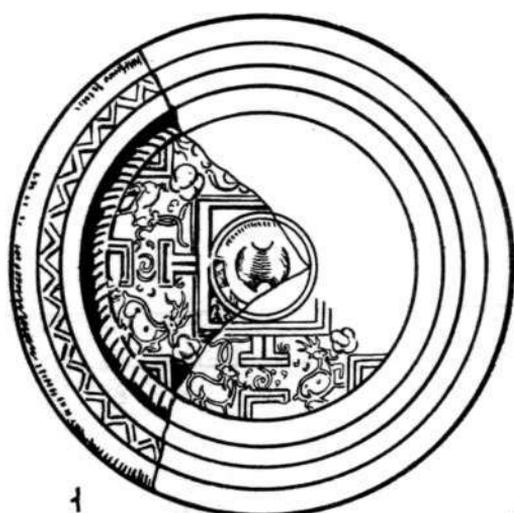

Таблица 23

Таблица 24

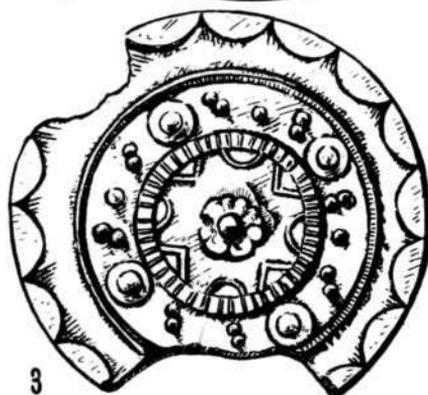

1

2

1

3

4

5

6

Таблица 25

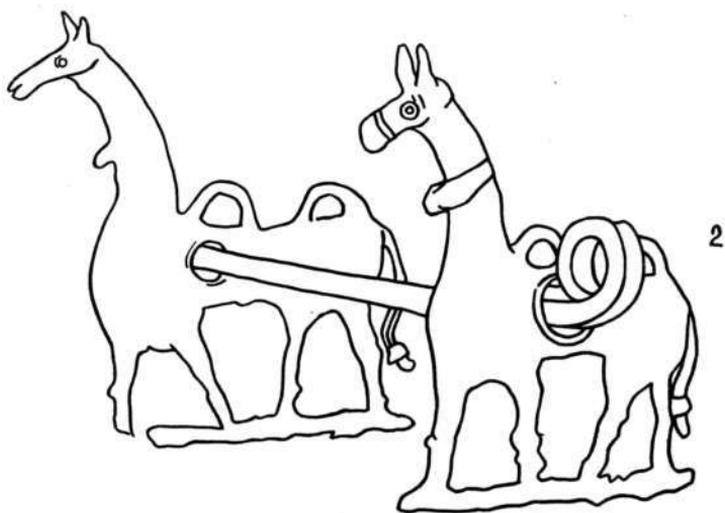
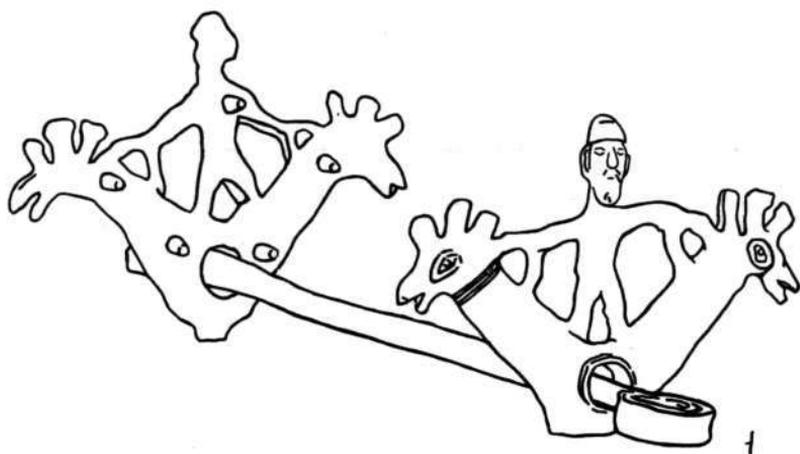

Таблица 26

Таблица 27

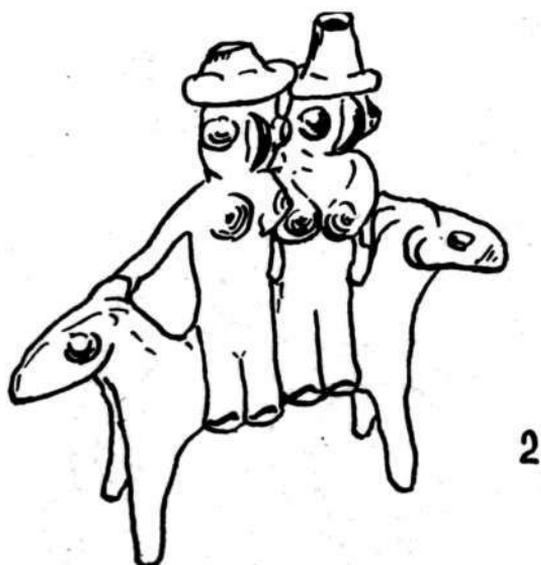
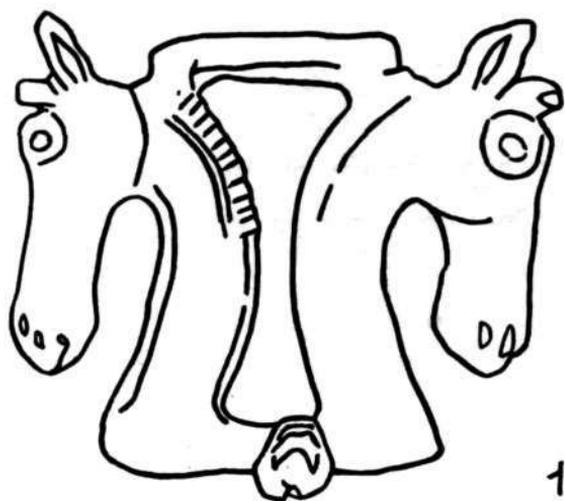
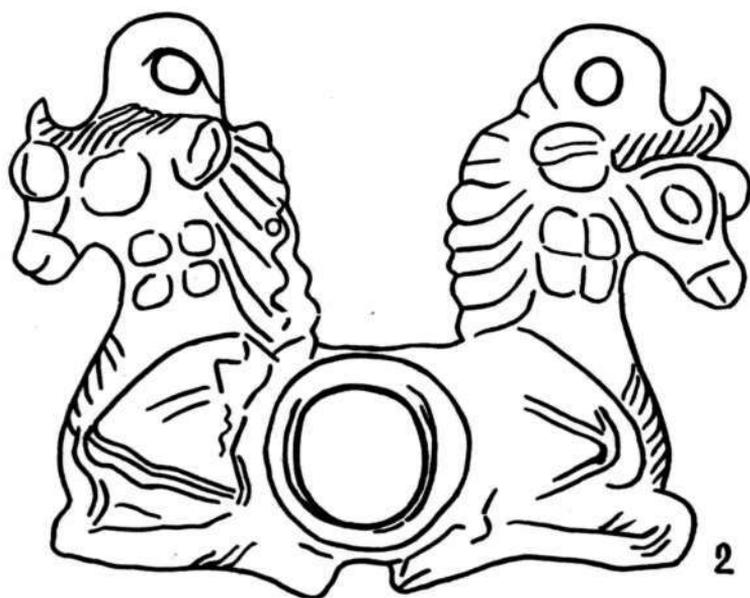

Таблица 28.

1

2

Таблица 29

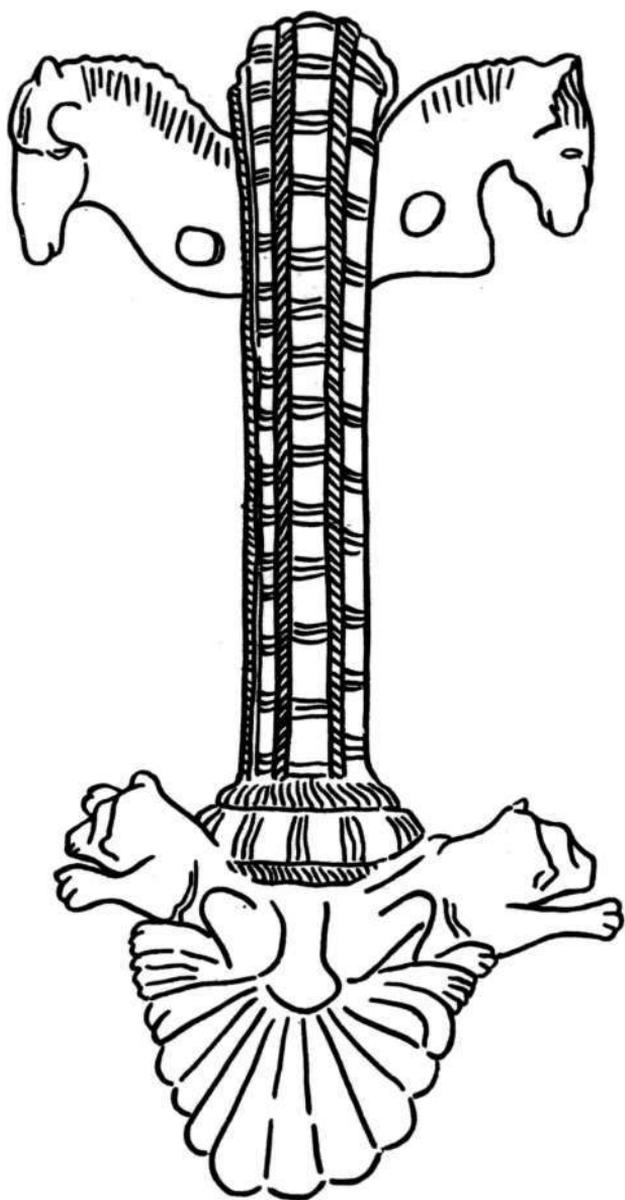

Таблица 30

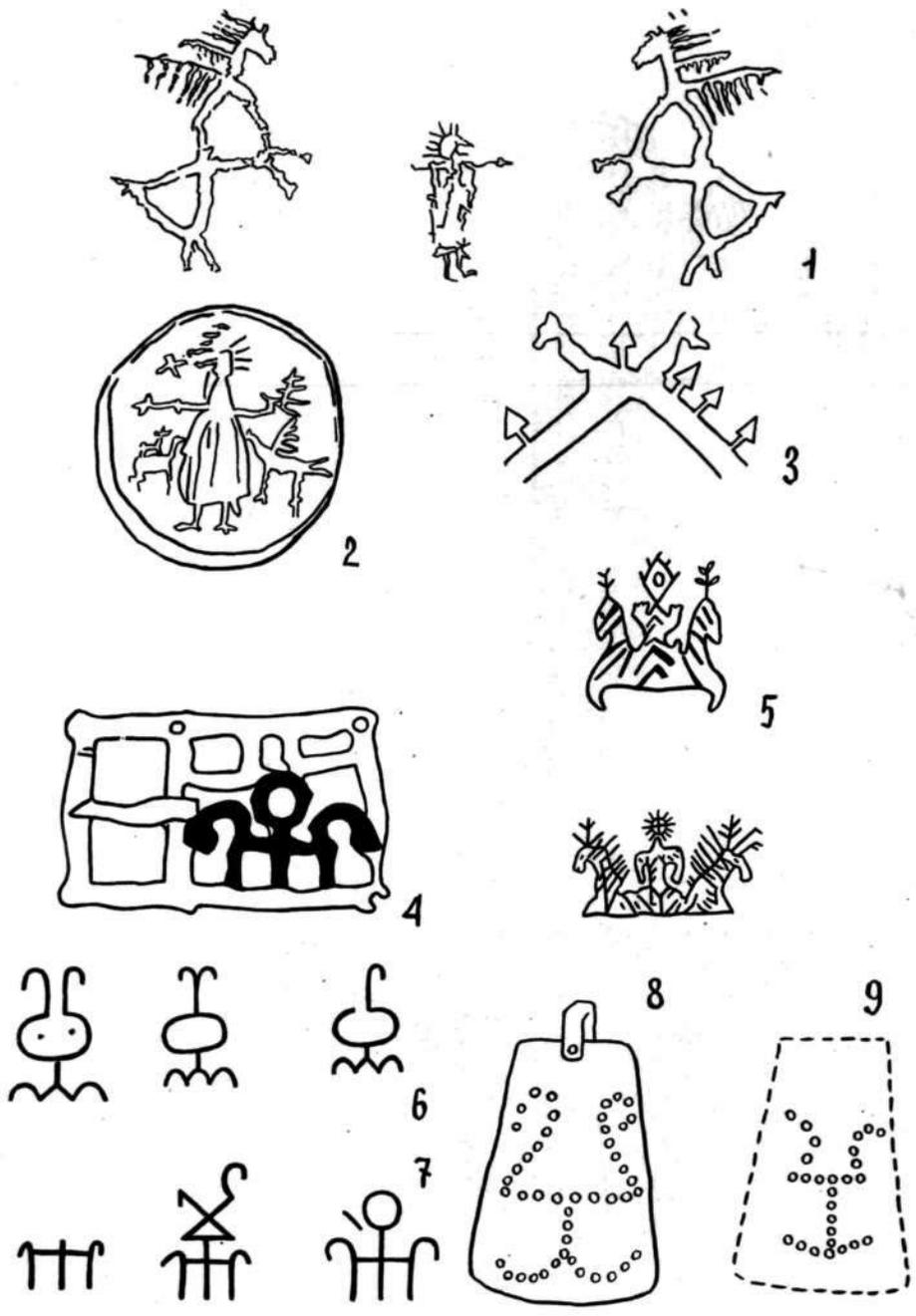

Таблица 31

Таблица 32

1

2

Таблица 33

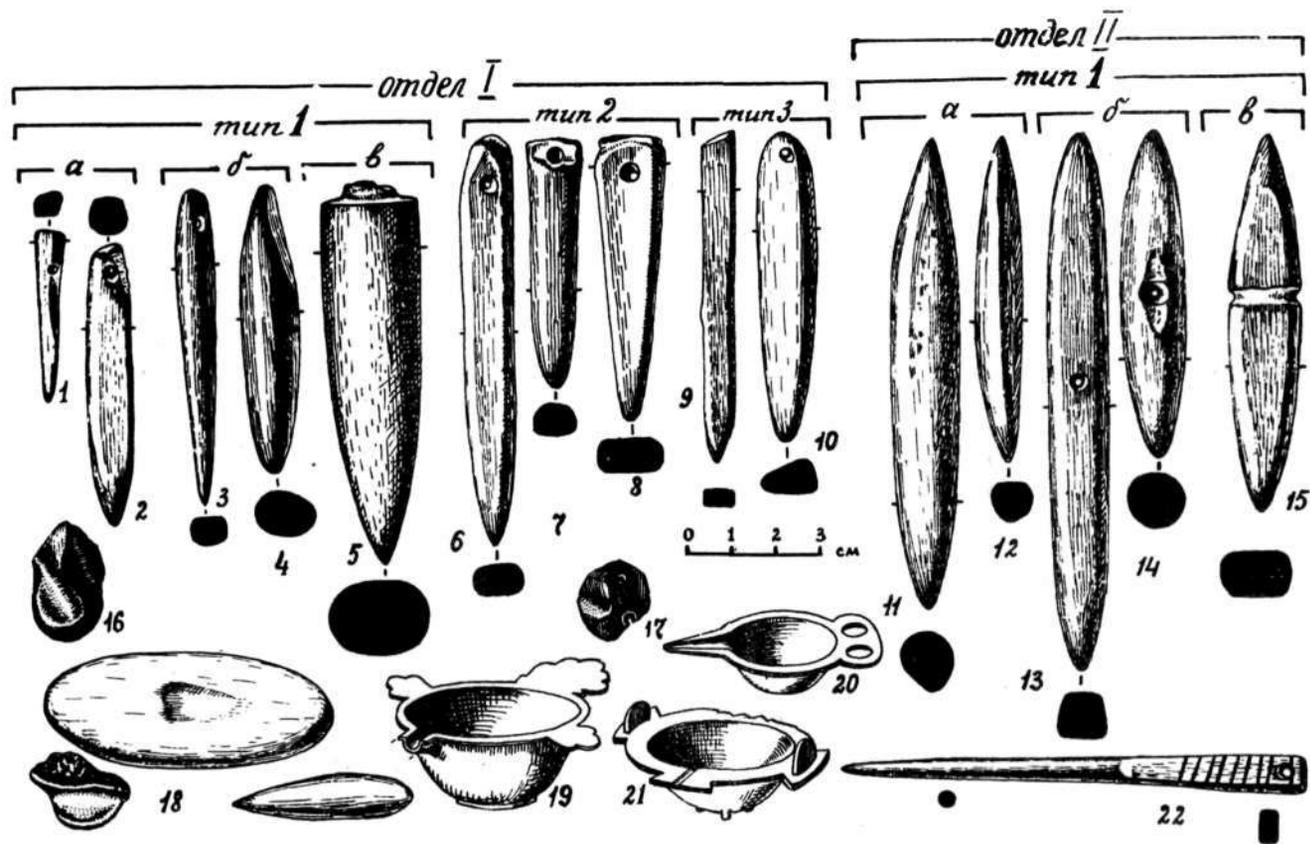

Таблица 34

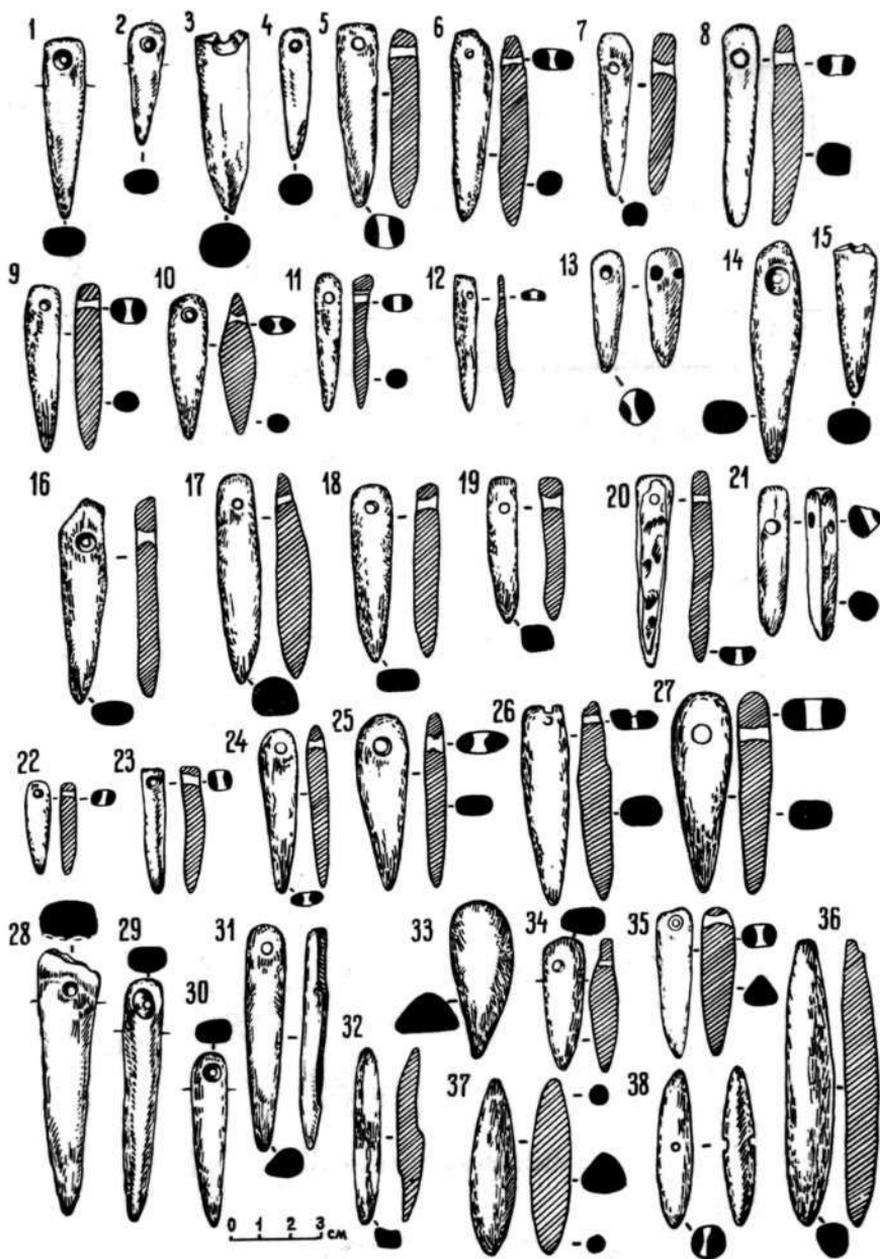

Таблица 35

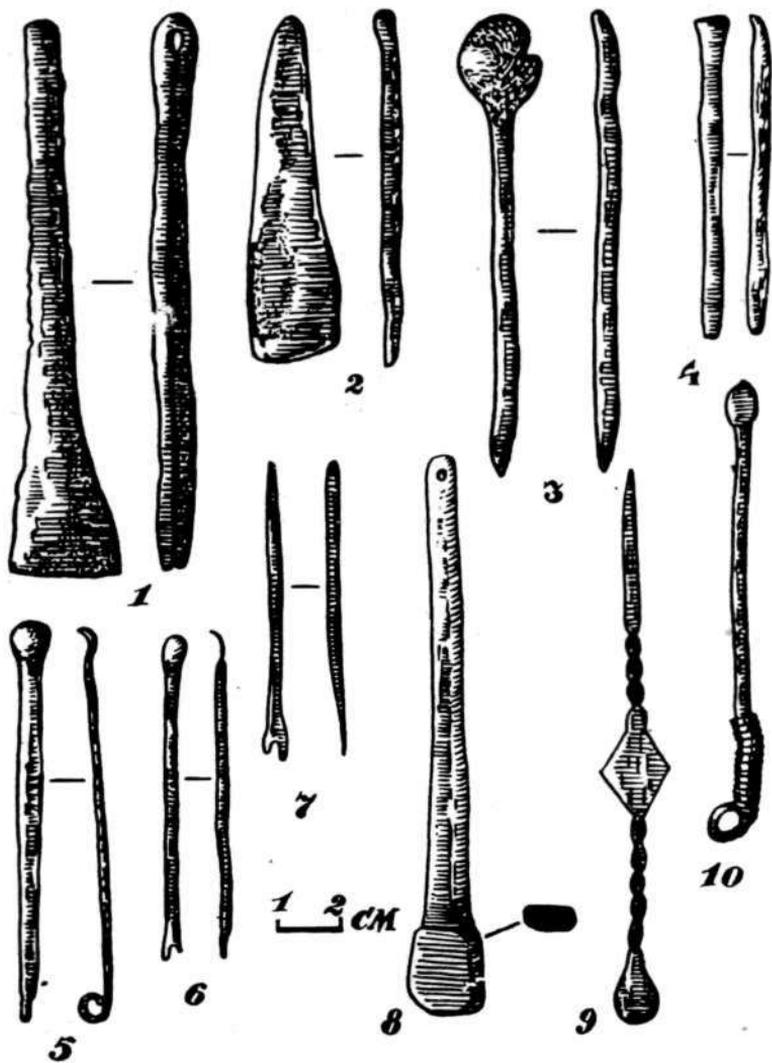

Таблица 36

Борис Анатольевич
ЛИТВИНСКИЙ

ОРУДИЯ ТРУДА И УТВАРЬ ИЗ МОГИЛЬНИКОВ
ЗАПАДНОЙ ФЕРГАНЫ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор М. М. Хасман
Младший редактор И. И. Исаева
Художник А. Г. Кобрин
Художественный редактор И. Р. Бескин
Технический редактор Т. В. Клубникина
Корректор Т. А. Алаева

ИБ 13103

Сдано в набор 2/Х1-1976 г.
Подписано к печати 20/Х-1977 г.
А-02982. Формат 60х90/16. Бум. № 1
Печ. л. 16. Уч.-изд. л. 16,31. Тираж 2000 экз.
Изд. № 3897. Зак. № 394. Цена 1 руб. 60 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Офсетное производство 3-й типографии
издательства "Наука"
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

Цена 1 р. 60 к.